АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ГУМБА
ГУРАМ ДЖОТОВИЧ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ (I ТЫС. ДО Н.Э.)

Специальность:

07.00.03 – Всеобщая история

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Сухум – 2022

Введение ……. 3

Глава I Древнейшее население Центрального Закавказья

§1. Историко-географические области Центрального Закавказья…… 15

§2. Общая этноязыковая ситуация на Южном Кавказе во II и первой половине I тыс. до н.э. …… …… 29

§3. Хоны……. 79

§4. Цанары……. 118

§5. Бунтурки и турки древней Картли……..……. 132

Глава II Миграционые процессы на Южном Кавказе на рубеже VII-VI вв. до н.э.

§1. Причины и пути переселения племен с юга на Кавказ на рубеже VII-VI вв. до н.э.…… 140

§2. Цаны–макероны (махелоны) …….. 147

§3. Гугарк (Гогарена) и гугары……. 163

§4. Нашествие скифов……. 191

Глава III Падение Ахеменидской империи и новая волна миграции племен в центральные районы Южного Кавказа на рубеже IV–III вв. до н.э.

§1. Письменные и археологические источники о переселении картвелов в центральные районы Южного Кавказа на рубеже IV–III вв. до н.э. ..……. 220

§2. Истоки исторической концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели…… 243

Глава IV Этнополитические образования Центрального Закавказья во второй половине I тыс. до н.э.

§1. Сасперия Геродота…… 271

§2. Культ Армази и проблема образование Картлийского царства……. 280

§3. Происхождение царского рода Парнавазианов……. 307

§4. Этнополитическая ситуация в Центральном Закавказье на рубеже III-II вв. до н.э.……. 322

Заключение…….. 340

Список сокращений и условных обозначений……. 350

Список использованных источников и литературы…….. 352

Карты……

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Этнокультурные, миграционные и этнополитические процессы на территории Центрального Закавказья в I тыс. до н.э. являются одними из актуальных и интересных тем древней истории, без изучения которого невозможно представить целостную картину исторических событий как на Кавказе в целом, так и в близлежащих регионах. Возрастающий в настоящее время интерес к изучению особенностей исторического и этнокультурного развития центральной части Южного Кавказа связано и с тем, что он являлся тем узловым местом военно-стратегического значения, где сталкивались интересы великих держав, скрещивались потоки этнических передвижений, международных транспортных путей, связывавших Запад с Востоком и Юг с Севером, протекал процесс конвергенции разных миров и культур.

Исследование особенностей этнокультурных и миграционных процессов в центральной части Южного Кавказа в I тыс. до н.э. позволит провести комплексный анализ исторического развития региона и лучше понять те изменения, которые протекали в целом на Кавказе. Центральная часть Южного Кавказа являлась местом пересечения множества различных по своему происхождению этнических групп, часть которых оседала здесь, привнося новую культурную струю и обогащая, таким образом, этнокультурное своеобразие региона. Именно происходившие в I тыс. до н.э. миграционные процессы, интенсивные межэтнические обмены и активизация культурных связей сформировали, в конечном итоге, ту основу, которые определили этнокультурный облик данного региона на последующие века. Значимые аспекты актуальности связаны и с необходимостью рассмотрения специфики регионального исторического процесса как составляющей цивилизационного развития обширного региона Кавказа, Передней Азии и Юго-Восточной Европы.

К древней истории стран Южного Кавказа обращались многие исследователи, однако в исторической науке до настоящего времени отсутствуют системные исследования этнокультурной и политической истории данного

региона в I тыс. до н.э., в связи с чем целый ряд вопросов до сих пор не получил удовлетворительного решения. Исследования по древней истории региона проводились в основном с точки зрения ее значимости в истории того или иного народа, ныне его населяющего. Отсутствие историографической традиции рассмотрения древней истории Центрального Закавказья в плане единого в историко-культурном и политическом отношениях пространства привело к тому, что целостная система научных представлений о его древней истории так и не сложилась. Вместо этого мы видим противоречивые концепции и подходы со стороны национальных историографий стран Южного Кавказа. Изучение истории Центрального Закавказья в отрыве от общекавказского исторического процесса и древнего этнокультурного пласта, без учета вклада и роли пересекавших и оседавших здесь многих уже исчезнувших этносов в становление тех или иных ныне его населяющих народов чревато искажением исторической реальности. Современные тенденции развития исторической науки требуют исторически ориентированного, системного уровня осмысления происходивших миграционных и этнокультурных процессов в данном регионе.

История Центрального Закавказья I тыс. до н.э. тесно переплетена с судьбами Колхиды, Северного Кавказа, Кавказской Албании, Урартского царства, Мидии, Ахеменидской империи, Армении, а также номадов степей Восточной Европы. До VI века до н.э. влияние на центральные регионы Южного Кавказа оказывало Урартское царство, а с VI в. до н.э. по конец IV в. до н.э. – Мидия и Ахеменидская Персия, расширившие свои границы на Южном Кавказе почти до срединного течения реки Куры. Во II веке до н.э. в период правления армянского царя Тиграна II Великого территория центральной части Южного Кавказа к югу от реки Кура вошла в состав Армении, а остальная часть находилась в вассальной зависимости. Поэтому только комплексное изучение истории данного региона с учетом древнего этнокультурного пласта в контексте общей истории стран Кавказа и Передней Азии рассматриваемого периода может устранить многие существующие до сих пор в науке противоречия, устойчивые, довольно спорные

стереотипы и позволит реконструировать наиболее приближенную к исторической реальности общую картину.

Исследования по данной проблеме имеют важное прагматическое значение, поскольку способствуют формированию более высокого уровня исторического сознания, пониманию смысла и значения опыта этнокультурных контактов и взаимовлияния народов, истоки которых уходят в глубокую древность, что чрезвычайно важно для полиэтнического региона. Данная диссертационная работа имеет также историографическую значимость: это первое специальное комплексное исследование этнокультурных, миграционных и этнополитических процессов Центрального Закавказья в I тыс. до н.э.

Степень исследованности темы настоящей работы можно охарактеризовать следующим образом: отдельные вопросы этнокультурных и миграционных процессов рассматриваемого периода касались в своих работах Н.Я, Марр, И.А. Джавахишвили, С.Т. Еремян, Г.А. Меликишвили, А.П. Новосельцев и др., обоснован ряд положений относительно этнополитических и культурных процессов на территории исследуемого региона в I тыс. до н.э., проработан ход отдельных миграционных процессов, однако общая и полная картина этих событий, основанная на детализации сообщений письменных источников, включая и новые, на данный момент отсутствует. До настоящего времени исследовались лишь отдельные аспекты этнических и политических процессов в регионе и то в отрыве от общекавказского исторического процесса и без учета древнейшего этнокультурного пласта. При этом не предпринимались попытки монографического исследования всего комплекса этнокультурных, миграционных и этнополитических процессов.

Цель и основные задачи диссертационного исследования — комплексное исследование миграционных процессов, этнокультурной и этнополитической истории населения Центрального Закавказья в I тыс. до н.э. на основе сопоставительного анализа сведений письменных источников, с привлечением археологических материалов, данных топонимики, лингвистики, антропологии и фольклора; рассмотрение этнических процессов, вызванных как социально-

экономическим, политическим и культурным развитием населения, так и переселением в регион различных по этническому происхождению племен, а также анализ целей и задач, которые в тот период преследовали соседние державы по отношению к региону.

На основе комплексного сопоставительного анализа выявления этнической принадлежности и территории локализации племен, упоминаемых письменными источниками на территории Центрального Закавказья рассматриваемого периода; определения этапов и причин миграционных процессов и их влияния на этнокультурные процессы в регионе; изучение проблемы генезиса и развития складывавшихся здесь политических образований.

Изучение исторических предпосылок оформления государственности в Картли (Иберия), время, условий и этапов ее становления. Исследование ключевых внутренних и внешних явлений и факторов, предопределивших становление Картлийского царства. Наконец, определение место Центрального Закавказья на геополитическом фоне того периода. Диссертантом ставилась также задача составления первичного свода имеющегося по рассматриваемой теме материала, который в определенной степени мог бы оказать помощь в дальнейшем исследовании затронутых вопросов.

Предметом диссертационного исследования являются этнокультурные, политические и миграционные процессы Центрального Закавказья в I тыс. до н.э., отражающие сложные трансформационные процессы исторического развития; реконструкция хронологии и обстоятельств событий, связанных с миграционными процессами, определение степени их влияния на изменения этнокультурной и политической ситуации в центральных районах Южного Кавказа.

Хронологические рамки диссертации определяются проблематикой работы и охватывают период с VIII века до н.э. по II век до н.э. Нижний хронологический рубеж – VIII в. до н.э. – связан с первым, согласно дошедшими до нас сведениями, крупным перемещением племен с юга на Кавказ. Верхний хронологический рубеж ограничивается периодом распада государства

Селевкидов и превращения Закавказья в арену постоянных и ожесточенных столкновений Рима и Парфянского Ирана за сферы влияния. Внутренняя логика исследования требует иногда обращаться к более ранним или более поздним источникам

Географические границы исследования охватывают территорию от долины реки Чорохи, Мосхийского и Лихского хребтов на западе до южного отрога Главного Кавказского хребта и реки Талачай, левого притока Алазани, на востоке; от Главного Кавказского хребта на севере, до Лори-Памбакской возвышенности на юге. На данной территории проживали различные по происхождению этносы. Поэтому использование этнической терминологии для ее обозначения в I тыс. до н.э. было бы не корректным. В связи с чем, мы используем географический термин *Центральное Закавказье*.

Теоретико-методологическую основу исследования составили базовые общенаучные методы: классические принципы историзма, этнологии, научной объективности, приоритета источников, системности в их изучения, позволившие придать работе научный, завершенный характер. Особое внимание уделялось исследованиям теоретического характера, методологии исследования, системному и комплексному использованию научных методов – конкретного анализа, сравнительно-этнологического, проблемно-хронологического, ретроспективного, сравнительно-типологического, историко-картографического, симбиоз которых позволил углубленно исследовать проблему и, в конечном итоге, разрешить поставленные исследовательские задачи.

Обращение к исследованиям теоретического характера (Еремян 1971: 189-195, 423-444; Лаппо-Данилевский 2006; Савицкий 1997; Тойнби 1996; Ясперс 1991) продиктовано необходимостью преодоления местной изолированности исторического знания и требованием постоянного сопоставления современных представлений о функциях, принципах и методах этнологического и исторического исследования с представлениями историков стран Южного Кавказа. Такой подход позволил проанализировать проблемы этнокультурной истории Центрального Закавказья указанного периода на системном уровне,

выделив как закономерности, так и особенности происходивших на протяжении веков исторически значимых изменений, рассмотреть сложные этнические и культурные процессы, оценить степень разработанности основных проблем, повысить информационный уровень привлеченных источников, внести корректировки в сложившиеся научные представления, сформулировать основные концептуальные положения и теоретические обобщения.

Для данной работы характерно также использование традиционных для антиковедения методов историко-филологического анализа, нацеленных на адекватное понимание и истолкование текста, и методов собственно научно-исторического анализа, направленных на максимально точную реконструкцию исторических фактов, процессов и явлений. Такие методы конкретно-исторического исследования сочетаются с наиболее современными актуальными подходами и исследовательскими парадигмами, применяемыми в ряде фундаментальных социально-гуманитарных дисциплин. В их числе методологические подходы, развиваемые в рамках такого направления, как «новая культурно-интеллектуальная история», которая концентрирует внимание на конкретных, специфических для данного социума и эпохи способах трансляции знаний, идей и интеллектуальных форм, на их проявлении в коллективном сознании социальных групп и отдельных индивидов (Зверева 2001: 45-54; Зверева 1999: 104-117; Репина 2003; Репина 2004: 5-17; Репина 2008; Ястребицкая 2001: 8- 53).

В работе применялись общие приемы историографического анализа: выяснение проблематики исторических трудов, анализ источниковой базы и методов работы историков, определялись принципы положенного в основу работ исторического познания, а также принципы и формы организации историком полученного материала. В основу названных приемов легли такие общегуманитарные методы, как герменевтика и феноменология, что позволило не только выявить мировоззренческие взгляды авторов, о которых они не заявляют прямо в своих сочинениях, или обнаружить скрытые, неявные смыслы авторского текста, но и рассматривать комплекс источников как единый феномен в контексте

культурно-исторической ситуации. Применение метода сопоставительного анализа позволило осуществить сбор информации по проблеме, а также дало возможность аргументированных выводов, из всего многообразия материала составить целостную картину развития рассматриваемого региона.

Источниковая база диссертационной работы достаточно обширна. Исследование опирается на классическую античную, древнеармянскую и древнегрузинскую письменную традицию с широким привлечением археологических материалов, данных топонимики, лингвистики, антропологии и этнографии, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Для рассматриваемого периода очень ценны сведения о населении Южного Кавказа, содержащиеся в ассирийских и урартских клинописях. Эти данные позволяют определить места расселения упоминаемых в клинописях племен Южного Кавказа. Очень важны сведения античных авторов – Геродота (484 – 425 гг. до н.э.), Ксенофонта (род. 430-425 гг. – 355 г. до н.э.), Страбона (64/63 гг. до н.э. – ок. 20. г. н.э.), Плиния Старшего (23/24 – 79 гг. н.э.), Клавдия Птолемея (после 83 г. – после 161 гг. н.э.) и др.

Особое значение для нашего исследования имеют древнеармянские и древнегрузинские источники. В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (ок. 410 г. – конец V в. н.э.) (Мовсес Хоренаци 1913), «Ашхарацуйце» («Армянская география VII в.») (Матенадаран. Рук. за №№ 582, 696, 1287, 1459, 1486, 1518, 1717, 1883, 1898, 2019, 3691, 4284; Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци; Еремян 1963; Ашхарацуйц Анонима VII века), «Истории императора Ираклия» Себеоса (начало VII века — после 661 года) (Себеос 1980), «Всеобщей истории» Вардана Великого Аревелци (около 1198 г. – 1271 г.) (Вардан вардапет) широко использованы не дошедшие до нас древневосточные исторические и географические источники (в том числе и документальные) – халдейские, вавилонские, персидские. Благодаря этому мы имеем богатые и достаточно конкретные разнообразные сведения об историческом прошлом Южного Кавказа интересующего нас периода.

Важные сведения содержатся в сочинении древнегрузинского историка XI в. Леонти Мровели «Жизнь картлийских царей и первоначальных отцов и

предков», с которого начинаются все известные списки раннего цикла грузинского летописного свода «Картлис цховреба»[1]. Отношение к информации, представленной Леонти Мровели, в научной литературе было неоднозначно и варьировалось от абсолютного отрицания ее ценности до полного ее приятия. Однако благодаря источниковедческим исследованиям, проведенным Г.К. Каухчишвили, К.С. Кекелидзе, Г.А. Меликишвили, М.К. Андроникашвили, З.В. Анчабадзе, В.Б. Ковалевской; З.Ш. Дидебулидзе, Н.Ю. Ломоури, В.Б. Виноградовым, Г.В. Цулая и др., убедительно доказана научная ценность приведенных в труде Леонти Мровели основных фактов, касающихся древней истории грузинского народа и ряда других народов Кавказа. В этой связи следует подчеркнуть важный факт: многие сведения «Картлис цховреба» об истории Картли второй половины I тыс. до н.э. подтверждаются данными археологических материалов, что, естественно, повышает научную ценность и достоверность данных, приведенных в источнике.

Характер данного исследования таков, что разбор и критический анализ корпуса исторических источников, ставших его фундаментальной основой, а также содержащихся в научной литературе точек зрения по исследуемой теме оказывается возможным лишь в ходе изложения основной части работы.

[1] В работе использованы издания «Картлис цховреба» на грузинском (Картлис цховреба (История Картли). Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С.Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955; «Мокцевай Картлисай» // Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. I. Тбилиси, 1963 г. – далее «Мокцевай Картлисай») и русском (Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979; Обращение Грузии. Перевод с древнегрузинского Е.С. Такайшвили. Редакционная обработка, исследование и комментарии М.С. Чхартишвили. Тбилиси, 1989 г. – далее Обращение Грузии), а также древнеармянским текстом, переведенным с древнегрузинского во второй половине XII в. (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник // Картлис цховреба. Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал И.В. Абуладзе. Тбилиси, 1953 – далее Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник). Древнейший список армянского текста «Картлис цховреба» датируется 1279–1311 гг. (рукопись хранится в Матенадаране им. Маштоца, № 1902), он древнее сохранившихся грузинских текстов и более близок к оригиналу (см.: Какабадзе 1965: 75).

Достоверность и обоснованность научных положений и выводов обусловлены избранными методами теоретического исследования, которые адекватны его объекту, предмету, целям и задачам, а также непосредственным изучением источников.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Выделены пять этногеографических областей Центрального Закавказья: Месхети, Картли, Гугарк (Гогарена), Дуалетия и Цанария; определены их границы. Границы Картли на севере проходила не по Главному Кавказскому хребту, как это было принято считать раннее, а начиналась от северного отрога Лихского хребта, оттуда шла на юго-восток по Ломийскому хребту и по северной окраине области Базалети, до слияния р. Арагви с Пшавской Арагви около местности Живали.

2. *Сарматские ворота* Птолемея, *Иверийские ворота* позднеантичных авторов, *Цилканские ворота* «Ашхарацуйца», *Дарубал* и Дурдзукские ворота древнегрузинских авторов находились у слияния Арагви с Пшавской Арагви около Живали.

3. Термин *Картли* в позднеантичный период употреблялся в источниках в двух смыслах и обозначал как созданное Сасанидами Картлийское марзпанство, так и собственно Картлийское царство. В связи с этим, нельзя отождествлять территорию Картлийского марзпанства с территорией собственно Картлийского царства.

4. Упоминаемые в урартских и ассирийских надписях в центральных районах Южного Кавказа племена цудала, дидини, шешетина, иштикунив, диаухи, этиаухи (этиуни), мосхи (мосохи) принадлежали к нахско-дагестанскому этнокультурному миру.

5. Сведения древнеармянских и древнегрузинских источников о кавказских хонах периода до появления на Кавказе тюркоязычных гуннов основаны на исторических реалиях и находят множество подтверждений. Они убеждают в том, что в сообщениях древних авторов следует различать кавказских (нахских) хонов Центрального Кавказа и тюркских гуннов (хуннов) Западного Прикаспия.

6. Племена, населявшие в древности обширную территорию Центрального Закавказья, известные из источников как цаны-махелоны, цанары, гугары, принадлежали к нахскому этнокультурному миру.

7. Выявлены и охарактеризованы два потока крупных перемещений населения с юга в центральные районы Кавказа в I тыс. до н.э.: первый – рубеж VII-VI вв. до н.э. – нахско-дагестанских и родственных им хуррито-урартских и второй – рубеж IV-III вв. до н.э. – древнегрузинских племен.

8. Устанавливаются два пути, по которым племена шли с юга в районы Центрального Закавказья: первый путь пролегал на север и северо-запад по нагорной плоскости Юго-Восточного Причерноморья, западные предгорья Мосхийского и Лихского хребтов, вдоль реки Куры; второй путь шел на северо-восток в сторону областей Гугарк и Гардман, в междуречье Алазани и Иори и далее на север.

9. Истоки исторической концепции Леонти Мровели восходят к хуррито-урартской и нахско-дагестанской историко-культурной общности. Начальным этапом и общим достоянием всех перечисляемых в генеалогической таблице народов является Урартский период.

Научная новизна диссертации определяется системностью проведенного исследования, в основе которого лежит разработка этнологических, источниковедческих и историографических проблем, позволяющих достичь концептуального уровня репрезентации темы. Она обусловлена также тем, что предпринята попытка в рамках единого и всестороннего исследования истории Центрального Закавказья в контексте общей истории стран Кавказа и Передней Азии, определения места Центрального Закавказья в истории Кавказа и Передней Азии I тыс. до н.э. Сформирован комплекс источников, включающий источники исторические, археологические, этнографические, языковые, сопоставительный анализ которых позволил создать более аргументированную картину происходивших этнокультурных и политических процессов в регионе. Вскрыта причина существующей в грузинской исторической традиции двух взаимоисключающих концепций о появлении древнегрузинских племен

картвелов на Кавказе. Выявлены истоки исторической концепции и происхождения генеалогической таблицы кавказских народов Леонти Мровели.

В диссертационной работе впервые установлена последовательность и этнический состав двух крупных миграционных потоков в центральные районы Южного Кавказа в I тыс. до н.э., причины и характер этих переселений, их влияние на формирование этнокультурных особенностей данного региона. Большое место отведено освещению культурно-исторических процессов, имевших место в Центральном Закавказье в I тысячелетии до н.э.,, а также выявлению тех связей населения региона с близлежащими областями Кавказа и Передней Азии, которые существенным образом влияли на происходившие здесь этнические, культурные и политическое процессы. Эти и многие другие вопросы рассмотрены на основе данных письменных источников, археологии, топонимики, языка, антропологии и фольклора.

Пристальное внимание в работе уделено выявлению древних этнонимов и топонимов в исторических и географических источниках и их локализации. На основе дополнительных исследований внесены коррекции в локализации ряда древних этнонимов и топонимов, составлены соответствующие карты. На основании результатов изучения исторических источников выделены пять исторических областей Центрального Закавказья – Картли, Месхети, Гугарк, Цанария и Двалетия, определен этнический состав и очерчены их границы во второй половине I тыс. до н.э. Раскрыта причина существующего противоречия в историографии по времени и характеру становления Картлийского царства. Уточняется время становления Картлийского царства и его границы, по новому рассматривается проблема происхождения царской династии Фарнавазианов (Парнавазианов). Новизна работы связана также с целым рядом заключений относительно политического влияния на события в Центральном Закавказье нахского раннегосударственного объединения Центрального Кавказа, особенно в период становления Картлийского царства.

Научная и практическая значимость диссертации состоит в том, что ее материалы и положения могут быть использованы для дальнейшего

теоретического осмысления древней истории как Центрального Закавказья, так и всего Кавказа. Основные итоги исследования могут быть использованы: при написании новых обобщающих работ по древней истории и этнографии народов Кавказа, учебников, учебных пособий, справочников; в исследовательской деятельности научных учреждений, а также лекционных и специальных курсов исторических, востоковедных и кавказоведных факультетов вузов, при написании диссертаций, дипломных и курсовых работ студентами и аспирантами.

Научная апробация исследования. Основные положения и выводы диссертации опубликованы в двух монографиях (одна в соавторстве), одной брошюре и в серии статей; докладывались на международных научных конференциях и сессиях. По теме диссертации опубликованы 26 работ общим объемом 78 п. л. Они нашли отражение в лекционных и специальных курсах по истории и культуре народов Кавказа, подготовленных и прочитанных автором в 2000–2020 гг. на историческом факультете Абхазского госуниверситета.

Материалы и выводы диссертационного исследования нашли отражения в коллективных учебных пособиях по истории Чечни и Ингушетии (История Ингушетии 2011), История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни 2019); монография автора «Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.)» включена в перечень обязательной литературы «Программы государственной итоговой аттестации» по направлению «История», магистерскую программу – «Этнополитическая история Северного Кавказа в эпоху древности и средневековья» Кабардино-Балкарского госуниверситета (Программа государственной итоговой аттестации 2019: 33).

Структура диссертации построена в соответствии с ее целями и задачами. Работа состоит из введения, четырех глав, включающих 15 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и карт.

Глава I Древнейшее население Центрального Закавказья

§1. Историко-географические области Центрального Закавказья. Центральное Закавказье охватывают территорию от долины реки Чорохи и Лихского (Суромского) хребта на западе, до южного отрога Главного Кавказского хребта и реки Талачай, левого притока Алазани, на востоке; от Главного Кавказского хребта на севере, до Лори-Памбакской возвышенности на юге. Центральное Закавказье включает в себя пять историко-географические области – Месхети, Картли, Цанария (Кахети), Гугарк (Гогарена) и Двалети.

Месхети

В историографии, в большей степени, в грузинской, территория Картли занимает почти всю центральную часть Южного Кавказа и делится на *Верхнюю Картли (Земо Картли), Внутреннюю Картли (Шида Картли) и Нижнюю Картли (Квемо Картли).* Обуславливается это направлением течения реки Куры. Территория, расположенная в бассейне верхнего течения реки, от местности Ташискари у входа в Боржомское ущелье (соврем. Хашурский р-н Грузии) до Чорохи, названа *Верхней Картли;* земли расположенные по обеим сторонам среднего течения реки – *Внутренняя, или Срединная Картли,* а вдоль нижнего течения реки до местности Хунан – *Нижняя Картли* (Мусхелишвили 1982). Однако такое деление региона не соответствует этногеографической карте, представленной в античной и раннесредневековой историко-географической литературе. Кроме того, такие понятия как «*Земо Картли («Верхняя Картли»)* и *«Квемо Картли» (Южная Картли»)* в древних источниках не засвидетельствованы.

Название *Квемо Картли* (*Верхняя Картли*) действительно упоминается у Леонтия Мровели, но обозначается им территория *Шида Картли (Внутреняя Картли)*. «Он (Уплос – Г.Г.) построил Уплис-цихе, Урбниси, Каспи и назвал Верхней страной территорию, которую ныне называют Шида Картли от Арагви и Армази до Тасискари» (Мровели Леонти: 24). Понятие *Верхняя Картли* (*Земо Картли*) в обозначении территории, располагавшейся от Ташискари до реки Чорохи, впервые в грузинскую историко-географическую терминологию ввел

Вахушти Багратуни (1696-1757) (Вахушти Багратиони 1976: 9-10). Вслед за ним часть современных исследователей начали использовать термин *Верхняя Картли* для обозначения современной юго-западной Грузии.

Между тем, ни в древнейших списках «Картлис цховреба», в первую очередь списки цариц Анны и Мариам, датируемые соответственно 1479-1495 и 1633-1645 годами, ни в довахтанговской редакции, как, впрочем, в вахтанговской редакции, нет слов *Верхняя Земля* или *Верхняя Картли* (см.: Картлис цховреба 1955; Картлис цховреба 2008). Встречаемое в источниках позднего средневековья понятие *верхние области, вышние земли* называется, как справедливо замечает Д. Бердзенишвили, не Месхети (современная юго-западная Грузия), а западная часть Внутренней Картли (Шида Картли) (Бердзенишвили 1985: 5). Территория же, простиравшаяся от местности Ташискари до реки Чорохи, в древних источниках называлась *Месхети.*

Что касается термина *Нижняя Картли (Квемо Картли),* то он нигде не встречается в собранных в «Картлис цховреба» грузинских летописях, в которых представлена история Картли с древнейших времен до XVIII века (Картлис цховреба 1955). Нет его и у Вахушти (Вахушти 1904; Вахушти Багратиони 1976), т.е. понятие и в целом выражение *Квемо Картли (Нижняя Картли)*, в грузинских исторических хрониках не встречается (см.: Торосян 2003: 8-10).

Картли

Собственно историческая Картли (или *Внутренняя Картли*, *Шида Картли*) охватывала бассейн р. Куры от с. Ташискари до г. Тбилиси, расположенный между Лихским (Сурамским) хребтом и рекой Арагви. На юге граница Картли проходила по правобережью верхнего течения Куры и Триалетскому хребту. Что касается северной границы Картли (Шида Картли), то в грузинской историографии сложилась традиция априори проводит ее по Главному Кавказскому хребту (Оч. ист. Грузии. Т. I 1989: 256), что, однако, не получает подтверждение в первоисточниках. Согласно Леонти Мровели легендарному родоначальнику картвелов Картлосу были определены такие границы: «…С севера рубежи Гадо, Малая Гора, что отходит ветвью от Кавказа и примыкает к

окончанию Гадо, которую ныне именуют Лихи» (Картлис цховреба: 10; Мровели Леонти: 30). Гадо, или Лихи, – это Суромский (Лихский) хребет, делящий Южный Кавказ на восточную и западную части, и окаймляющий Картли с запада и северо-запада. Поэтому говорить о Лихском хребте как о северной границе Картли, как это иногда случается в литературе, было бы не совсем верно. У Леонти Мровели речь идет о двух горах – Гадо и Малой горе, «что отходит от Кавказа и примыкает к окончанию Гадо» (Лихи). Именно по Малой горе и окончанию Гадо (Лихского хребта) проходят северные северные границы Картли.

Какая гора имеется в виду под Малой в сообщении Леонти Мровели, уточняет «Мокцевай Картлисай», где северные границы Картли проводятся по горе Цроль: «И держал при себе царь Александр сына царя Ариан-Картли Азо, и дал ему в резиденцию Мцхета, назначив границами Эрети, Эгрисцкали, Армению и Црольскую гору, и ушел» (Мокцевай Картлисай: 82; Обращение Грузии 1989: 22). Црольская гора «Мокцевай Картлисай» – та же, что и Малая гора Леонти Мровели – горный хребет, пролегающий от северо-восточного отрога Лихского (Суромского) хребта, т.е. «окончания Гадо», на юго-восток, параллельно Главному Кавказскому хребту, и служащий водоразделом между реками Большая Лиахви и Проне.

Местность под названием Цроль по сей день существует в Джавском районе современной Южной Осетии. Все вышесказанное подтверждается и тем, что в армянской версии «Картлис цховреба» граница удела Картлоса проведена от Кларджети до реки Лех (Леаухи, Лиахви) на севере (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник: 7), т.е. до подножья Црольской (или Малой) горы. Далее, рассказывая о событиях начала II в. до н. э., Леонти Мровели сообщает, что на границе Картли и Дурдзукети были построены каменные врата Дарубал. В литературе *ворота Дарубал* Леонти Мровели иногда неверно отождествляются с Дарьяльскими воротами, но, как справедливо отмечает в связи с этим Г.В. Цулая, «автор грузинской хроники хорошо осведомлен в географических названиях, прилегающих к Грузии районов, и потому он не … мог исказить название Дарьяльских ворот, которое ему хорошо известно»

(Мровели Леонти: 66–67. Прим. 108). Кроме того, Леонти Мровели ясно указывает на то, что ворота Дарубал были построены для сдерживания натиска дурдзуков (нахские племена). Для этой цели укрепления лишь Дарьяльских ворот, разумеется, было совершенно недостаточно, ибо в таком случае остались бы неприкрытыми дороги, шедшие с северо-восточного Кавказа и выходившие через Жинвали к г. Мцхета.

Для определения северных пределов Картли исключительное значение приобретает локализация Сарматских ворот Птолемея на границе с Картли, поскольку, согласно античным и древнеармянским источникам южная граница Азиатской Сарматии проходила вдоль северной границы Картли. В научной литературе Сарматские ворота Птолемея обычно отождествляются с Дарьяльскими воротами (Н.Ю. Ломоури, Д.Л. Мусхелишвили и др.) или с проходом Панаури, находившимся недалеко от истоков Арагви (Г.Г. Мкртумян), что, однако, противоречит данным Птолемея и «Ашхарацуйца».

В связи с Центральным Кавказом Птолемей упоминает Сарматские ворота дважды, каждый раз локализуя их в разных местах. В этом нетрудно убедиться, если сравнить координаты ворот в обоих случаях: Сарматские ворота, находящиеся на границе Азиатской Сарматии, у северного предела Картли, имеют координаты 77° – 47°, а Сарматские ворота, расположенные уже не на границе, а во внутренних районах Азиатской Сарматии, имеют координаты 81° – 48° 30' (Pt. V, VIII, 11, 14). Ясно, что Птолемей говорит о двух разных Сарматских воротах, расположенных в первом случае на южном, а во втором – на северном конце главной перевалочной дороги Центрального Кавказа Дарьяльского ущелья, соединяющего Северный и Южный Кавказ (Латышев1904-1906: 298).

Северные Сарматские ворота, находившиеся во внутренних районах Сарматии, соответствуют Дарьяльским воротам (Аланские ворота, Крестовый перевал), располагавшимся у Главного Кавказского хребта. А под Сарматскими воротами на южном конце перевалочной дороги подразумеваются ворота на границе Картли и Азиатской Сарматии. На севере и северо-востоке от этих ворот, за пределами Иберии (Картли) Птолемей размещает санаров и тушин.

Местоположение Сарматских ворот на границе с Картли можно довольно точно определить по тексту «Ашхарацуйца». Как и Птолемей, армянский географ говорит о двух воротах, расположенных на северном и южном концах перевалочной дороги Центрального Кавказа:

«Եւ՝ի Նույն Լերինն՝ յետ Արդոզեան ազգին բնակեն… Ծանարքայ՝յորում Ալանաց դուռն. Եւ միւս դուռն որ ասի Ծեքեն, համանուն ազգի» (Ашхарацуйц: 26)[2].

«И в тех же [Кавказских] горах за народом Ардозеан проживают… Цанары, у которых Аланские ворота, и другие ворота, называемые Цекен, соименного племени».

Аланские (Дарьяльские) ворота «Ашхарацуйца» соответствуют северным Сарматским воротам Птолемея, находившимся у Главного Кавказского хребта, а Цекенские (или Цилканские) ворота – южным Сарматским воротам Птолемея. Цилканские ворота (южные Сарматские ворота Птолемея) надежно локализуются в пределах территории проживания соименного племени цилкан (цикан), в районе слияния рек Арагви и Пшавская Арагви, рядом с местностью Жинвали (Жинвани). Если судить по сохранившемуся до наших дней в Мцхетском районе современной Грузии топониму Целкани, в те или иные периоды территория расселения цилкан (цикан) простиралась, видимо, южнее области Жинвали. Помимо местности Цилкани в этом районе древнегрузинским авторам были известны *Цилканские горы* и *Цилканская дорога* (Летопись Картли 1982: 74).

Согласно «Ашхарацуйцу», именно через ворота Цилкан проходила пограничная линия, отделявшая Азиатскую Сарматию от Картли. Земли к северу от Цилканских ворот, на которых проживали цхаваты, гудамакары, хевсуры, пшавы (похи, пховы) и др., включены армянским географом в Азиатскую Сарматию, а области Мцхета и Базалети, примыкавшие к Цилканским воротам с

[2] В рукописях «Ашхарацуйца» данное название передается в различных формах: цилкан, цикен, цекан, цикан, кцекен, целкан, цикал, целклан.

юга, – в Картли (Ашхарацуйц: 27; Меликишвили 1959: 124-125; Еремян 1963; Мкртумян 1983: 30-33.

Слова армянского географа о расположении обоих ворот – и Дарьяльских (Аланских), и Цилканских – в пределах Цанарии объясняются тем, что в соответствующем отрывке «Ашхарацуйца» отражено политико-административное деление Восточного Закавказья, сложившееся в период господства здесь Сасанидского Ирана. В этот период территория Цанарии наряду с Картлийским царством и персами была выделена в отдельную политико-административную единицу в составе кустака Кап-Кох (Кавказский край) Сасанидской империи.

Территория княжества, а затем царства Цанарии с юга начиналась у населенного пункта Живали (Цилканские ворота), а на юго-востоке – у северо-западных границ Албании, и оканчивалась на севере областью, лежащей севернее Дарьяльских ворот, у современной станции Ларс Северной Осетии (Мкртумян 1983: 52). В состав княжества Цанарии входили пшавы, хевсуры, гудамакары, цхаваты, чарталы, цилканы, цова-тушины (Гумба 1987: 35-40)[3].

Правомерность предлагаемой локализации южных Сарматских ворот Птолемея и Цилканских ворот «Ашхарацуйца» убедительно подтверждается и тем, что у Птолемея координаты южных Сарматских ворот совпадают с северной границей Иберии: «…следующий за ним [предел] идет по границе Иберии; здесь находятся: Сарматские Ворота 77° – 47°, затем предел вдоль Албании до Гирканского моря» (Pt. 1843: V, 8, 11). Таким образом, Сарматские ворота Птолемея и Цилканские (Циканские) ворота «Ашхарацуйца», по которым проходила пограничная линия между Азиатской Сарматией и Иберией, соответствуют горному проходу у Живали.

Об укрепленных воротах возле Живали, на северной границе Картли сообщают многие древние авторы (античные, арабские, ранневизантийские,

[3] После падения Сасанидского Ирана цанары возглавили борьбу народов центральной части Южного Кавказа против Арабского халифата, завершившуюся образованием сильного цанарского царства, известного в арабских источниках как Санария, в армянских как Цанарк, в грузинских – Кахети.

древнеармянские, древнегрузинские). Плиний, к примеру, называет эти ворота Кавказскими, предупреждая, что не стоит путать их с Каспийскими: *«…в этом месте, как раз напротив иберского города Гермаста,* воротами разделены части света. От Кавказских ворот в Гурдинских горах живут валлы и суавы, племена не знакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках. От них до самого Понта живет множество гениохийских и потом ахейских племен» (выделено мной. – Г.Г.) (Plin.:VI, 30). Как видим, информация Плиния не только перекликается со сведениями Птолемея, но и существенно дополняет их в интересующем нас вопросе.

По Плинию (который, кстати, при описании Центрального Кавказа опирался, по его же словам, «на присланные оттуда ситуационные карты»)[4], Кавказские ворота находились «как раз напротив иберийского города Германа», т.е. Армази, древней столицы Иберии, располагавшейся у слияния рек Арагви и Куры. На севере от этих ворот, в Гурдинских горах, по словам Плиния, проживали валлы и суавы.

Валлы (талы) Плиния отождествляются с двалами, которые, как было отмечено выше, занимали южные склоны Главного Кавказа от Дарьяльского прохода до Сванетии. Суавы убедительно идентифицируются со сванами, проживавшими западнее двалов (Гамрекели 1961: 44-45).

Здесь же отметим выявленный В.Н. Гамрекели весьма примечательный факт, а именно: сообщаемое Плинием название гор, находившихся севернее Кавказских ворот − Гурдинские, находит реальное подтверждение в топонимике как южной, так и северной стороны центральной части Главного Кавказа. На территории от Приэльбрусья до Дагестана, по обеим сторонам Главного Кавказского хребта известен ряд горных вершин, имеющих в названии корень горд/гурд/курт/корт. Элемент горд/гурд/курт/корт имеет очевидную вайнахскую этимологию и значит на чеченском и ингушском языках вершина (горы). По мнению Я.С. Вагапова,

[4] «Здесь нужно исправить ошибку многих, даже тех, которые в последнее время принимали участие в походе Корбулона в Армению: они называют Каспийскими те ворота в Иверии, которые, как мы сказали, называются Кавказскими; это название стоит и на присланных оттуда ситуационных картах» (Plin.: VI. 40).

имя Гурдин-Гордиен означает страна вершин, или горный край (Вагапов 1996: 55-56), что следует признать вполне приемлемым

Следовательно, Кавказские ворота Плиния нельзя отождествлять с Дарьяльскими воротами Главного Кавказского хребта. Несомненно, здесь речь идет о южных укрепленных воротах главной перевалочной дороги Центрального Кавказа в местности Жинвали. Об этой укрепленной линии, расположенной у слияния рек Арагви и Пшавская Арагви, скорее всего, ведет речь также и Страбон, описывая дорогу из Северного Кавказа в Иберию: «Со стороны северных кочевников ведет трудный трехдневный подъем*, а за ним узкая речная долина вдоль реки Арага, требующая четырех дней пути для одного; конец пути охраняет неприступная стена»* (выделено мной. – Г.Г.) (Страбон: XI, III, 5). Очевидно, что неприступной стеной в конце дороги, спускавшейся с Дарьяльского перевала на юг, вдоль реки Арагви (Арага), Страбон называет укрепленные ворота (Цилканские ворота) возле Жинвали.

Строительство укрепленной стены возле Жинвали древнегрузинская историческая традиция относит к началу II в. до н. э., когда здесь, у северных пределов Картли, были воздвигнуты укрепленные ворота (*врата каменные*) под названием Дарубал (Lfhe,fkb), и связывается это с деятельностью царя Картли Мирвана (конец III − начало II в. до н. э.) (Мровели Леонти: 31). Укрепленные ворота у слияния Пшавской Арагви и Арагви около Жинвали надежно закрывали все доступы со стороны как Центрального, так и Восточного Кавказа не только к Картли, но и к Албании и Армении. Именно поэтому в древнегрузинских источниках данный проход известен также как *Дурдзукские ворота (*Картлис цховреба: 74).

Свидетельством существования в древности возле местности Жинвали крепостных ворот, являвшихся границей между Картли и Цанарией, служат сохранившиеся в этом месте полуразрушенные крепостные сооружения, а факт постоянного размещения здесь военных сторожевых отрядов подтверждается археологическими раскопками (Николайшвили: 1980). Сведения об этом можно найти также и у Вахушти: «Жинвали же находится между слиянием Черной и

Белой Арагвы; он крепость устроенная и крепкая; был город и теперь покинут» (Вахушти 1904: 110).

В раннесредневековый период укрепленные ворота у Жинвали представляли собой часть цепи сторожевых крепостей (башен) или каменной стены, простиравшейся вдоль границы Цанарии с Картли и Албанией. В арабских источниках эта стена известна как *Дурдзукская каменная стена*, или *Дурдзукские ворота*. Армянские авторы раннего средневековья называют эту стену не только Циканскими (Цилканскими) воротами, но и *И Вирои пахак* (Ի Վիրո պահակ), то есть *Иберийское укрепление* (Агатангелос 1912: 45; Мовсес Хоренаци 1913: 53), откуда произошло название *Юройпаах*, встречающееся в ранневизантийских источниках (Приск Панийский 1861: 62).

Значимость этих ворот была столь высока, что начиная со II века до н. э., т.е. со времени строительства, их укреплением помимо Картлийского царства были озабочены также Армения, Иран, Рим, Арабский халифат. По свидетельствам разных источников, Рим и Иран часто занимались восстановлением и обновлением этих ворот. Так, например, во времена римского императора Веспасиана (69 – 79 гг.), крепостные стены к северу от Мцхеты (Цилканские, или Сарматские ворота) были укреплены римлянами, о чем свидетельствует найденная здесь греческая надпись, датируемая 75 г. н. э. (см.: Амиранишвили 1928: 195). Исследователи полагают, что в то время здесь находился римский гарнизон, защищавший подступы к границам Римской империи (Schur W. 1923: 34 – 35). Столь пристальное внимание к воротам, располагавшимся у слияния Арагви с Пшавской Арагви, со стороны крупнейших держав Передней Азии, безусловно, было не случайным.

С военно-стратегической точки зрения, проход у Жинвали, называвшийся Цилканскими воротами, Сарматскими воротами, Дарубалом, Дурдзукскими воротами, Иберийским укреплением, имел ключевое значение, ибо в этом месте пересекались дороги, шедшие не только с Северного Кавказа по Дарьяльскому ущелью, но и с горных перевалов Северо-Восточного Кавказа через Аргунский и Ассинский проходы, через Шатили или Ардоти, вдоль Пшавской Арагви. Отсюда

одна дорога имела выход непосредственно к столице Картли Мцхета, расположенной в 50 км от Жинвали, а другая через Тианети выходила в долину Алазани и далее вела в Албанию и Армению.

Безусловно, этот проход имел важнейшее значение не только для сдерживания военных вторжений с севера, но и, конечно, для защиты населения, проживавшего севернее ворот, от губительных нашествий на горцев с юга. Так, например, древние каменные укрепления в этом месте были разрушены в VII веке арабским полководцем Мурваном при его вторжении в Цанарию. И, видимо, совсем не случайно название укрепленных ворот (Циканские или Цилканские ворота) на нахских языках буквально означает *кровоточащее* (*место*) (*цьий экан*). Таким образом, Сарматские ворота Птолемея (Циканские ворота «Ашхарацуйца»), через которые проходила граница между Азиатской Сарматией и Картли (Иберия), следует отождествлять с горным проходом у слияния рек Арагви и Пшавская Арагви, рядом с местностью Жинвали.

Прочерчивание северной границы Картли от северных отрог Лихского хребта до местности Жинвали (ворота Дарубал, Сарматские ворота, Дзурдзукские ворота), на первый взгляд, противоречит сообщению того же «Ашхарацуйца», в котором говорится, что граница Картли простирается до Главного Кавказского хребта. Действительно, в «Ашхарацуйце» ясно указано, что северные границы Картли доходят до Аланских (Дарьяльских) ворот и Главного Кавказского хребта (Ашхарацуйц: 28).

В то же время, как было отмечено выше, племена, проживавшие к югу от Главного Кавказского хребта до Жинвали, исключены армянским географом из пределов Картли, но упомянуты в составе Азиатской Сарматии. Эти сведения, отмеченные исследователями (Д.Л. Мусхелишвили, Н.Ю. Ломоури и др.) как странные и противоречивые, на самом деле имеют объяснения. Дело в том, что в сообщении «Ашхарацуйца» о том, что северная граница Картли проходит по Главному Кавказскому хребту, речь идет не о собственно исторической Картли (или Картлийском царстве), а о марзпанстве Картли (Варджан), входившем в состав кустака Капкох (*Кавказский край*) Сасанидской Персии.

В 387 году по договору с Византией Сасанидская Персия закрепила за собой Восточное Закавказье и Восточную Армению. В своих закавказских владениях Персия произвела новое административное деление, заметно перекроившее существовавшие тогда границы. Был создан ряд политико-административных единиц – марзпанства Армн (Армения), Атрпатакан, Варджан (Картли), Ран (Албания), Баласакан и другие, которые в свою очередь образовали кустак Капкох (кустак Кавказ) Сасанидской Персии. Именно эти административные изменения отражены в «Ашхарацуйце», о чем ясно говорится в следующем отрывке:

«Կուստակ ի Կապկոհ, որ է կողմն Կաւկասու լերանւ, յորում են աշխարհիք երեքտասան. Ատրպատական. Արմն՝ (որ է) Հայք. Վարջան՝որ է Վիրք. Ռան՝որ է Աղուանք. Բալասական. Սիսական. Առէ. Գեղան. Շանջան. Դլմունք. Դմբաւանդ. Տապարըստան. Ռւան. Ամոլ, որ պատմել առաջիկա յմեզ:» (Ашхарацуйц: 28).

«Кустак-и-Капкох, то есть край Кавказских гор, имеет 13 областей: Атрпатакан, Армн, то есть Армения, Варджан, то есть Иберия, Ран, то есть Албания, Баласакан, Сисакан, Арэ, Гелан, Шанчан, Длмунк, Дмбаванд, Тапарастан, Рван, Амол, *о которых мы расскажем ниже*» (выделено мной. – Г.Г.)

Как видно из отрывка, армянский географ в начале определяет предмет своего описания – кустак Капкох (Кавказский край) Сасанидской Персии, дает общий обзор его политико-административных границ, а затем подробно описывает каждую из названных областей (марзпанств), приводя при этом персидское название Армении - Армн, Иберии (Картли) - Варджан и Албании - Ран. Приступая к описанию марзпанство Варджан (или Картлийского марзпанства), автор «Ашхарацуйца» устанавливает его политико-административные границы.

В марзпанство Варджан, находившееся под непосредственным управлением персидского марзпана, входили собственно Варджан (Картлийское царство),

Гугарк и Цанария, к которой принадлежали пшавы, хевсуры, тушины, чарталы и другие кавказские горцы, проживавшие к северу от Жинвали (Еремян 1935:2; Еремян 1963: 121-122; Арутюнян 1979: 29). Пограничная линия марзпанства Варджан (Картли) проходила «по восточной стороне Егр, по Аджаро-Имеретинскому хребту, по реке Квирила, включая область Шорапани, по Кавказским горам, Аланским воротам, по западной и южной границе Лбинка (последняя пролегала по реке Алван (Алазань) и по западной границе Албании).

На юге Картлийское марзпанство граничило с марзпанством Армн», и граница эта проходила по южным окраинам бдешхства (области) Гугарка (Арутюнян 1979: 29). Таким образом, в сообщении «Ашхарацуйца», где говорится о том, что Картли простирается до Кавказских гор, имеются в виду именно границы Картлийского марзпанства, действительно достигавшие Главного Кавказа.

Что же касается собственно Картлийского царства, являвшегося частью Картлийского марзпанства, то армянский географ дает столь подробное его описание, что вряд ли можно усомниться в его хорошей осведомленности в данном вопросе. Всеобъемлющий анализ был проведен акад. С.Т. Еремяном (Еремян 1963: 30-36), касались этого вопроса раннее и мы (Гумба 1987$_б$: 15-16) так что подробно останавливаться на этом не будем и ограничимся лишь описанием интересующих нас северных и северо-восточных границ Картли.

Итак, на западе граница Картлийского царства совпадала с границей одноименного марзпанства и доходила на севере до местности Цона недалеко от истока Квирилы, далее она шла на восток, до северного отрога Ломийского хребта, оттуда – на юг, по Ломийскому хребту и по северной окраине Картлийской области Базалети, до реки Арагви (южнее Жинвали), затем двигалась по течению Арагви до впадения ее в Куру (Мкртумян 1983: 26). На севере и северо-востоке Картлийское царство граничило с другой политико-административной единицей Картлийского марзпанства Сасанидской империи – Цанарским царством. Эти две политические единицы – Картли и Цанария –

входили в состав Картлийского марзпанства и находились в непосредственном вертикальном подчинении Картлийскому марзпану.

После того как в 387 году историческая область Великой Армении Гугарк была присоединена к созданному Картлийскому марзпанству, функции марзпана в первое время были возложены персами на бдешха (правителя) Гугарка, который стал именоваться также и бдешхом или питиашхом Картли (Варджан). В военно-административном отношении Картлийское царство и Цанарское княжество были непосредственно подчинены бдешху (питиашху) Картли. Резиденция марзпанства Картли находилась юго-восточнее Тбилиси, в местности Бостан-Калаки (востан-город). После упразднения Картлийского царства в 523 г. вместо бдешха Гугарка роль наместника Картлийского марзпанства Сасаниды была передана уже непосредственно персидскому марзпану, который присылался из Персии. Резиденция марзпанства была перенесена из Бостан-Калаки в Тбилиси, а в Мцхета вместо упраздненной царской династии теперь сидели правители Картли, которые носили титул «мамасахлиси» (Еремян 1935: 4; Мкртумян 1983: 53-54).

Естественно, границы Картлийского марзпанства нельзя путать, а тем более отождествлять с границами собственно исторической Картли, или Картлийского царства. Однако, к сожалению, в исторической литературе территорию созданного Сасанидами Картлийского марзпанства (Варджан) обычно идентифицируют именно с Картлийским царством (Д.Л. Мусхелишвили, Н.Ю. Ломоури, М. Инадзе и др.), что, как мы видели выше, не соответствует действительности.

Возможно, наблюдаемое в современной исторической литературе ошибочное отождествление Картлийского царства с Картлийским марзпанством связано с тем, что и Сасанидское марзпанство, и собственно Картлийское (Иберийское) царство официально именовались термином *Варджан*.

В отличие от Армении, в которой царство было упразднено персами, Картлийское царство формально существовало до 532 года, хотя и находилось в подчинении у марзпана, официально именовавшегося марзпаном, или питиашхом (бдешх) Варджан. С укреплением персидской административно-территориальной

единицы − марзпанства Варджан, произошла трансформация смысла, вкладывавшегося в понятие *Варджан*. Под *страной Варджан* стали понимать не собственно Иберию (Картли, или Картлийское царство), а марзпанство Варджан, куда входили Гугарк и Цанария, что, разумеется, нашло отражение в раннесредневековых источниках. Это, видимо, и вводит в заблуждение современных исследователей.

Между тем, совершенно очевидно, что при изучении тех или иных вопросов, касающихся исторической географии Картли периода марзпанства, нельзя путать территорию Картлийского марзпанства с территорией собственно Картлийского царства. Обязательно нужно учитывать, что термин Варджан (*Картли, Иберия*) в марзпанский период употреблялся в источниках в двух смыслах и обозначал как созданное Сасанидами Картлийское марзпанство, так и собственно Картлийское царство.

Аналогичным было и положение Албанского царства, которое также было не ликвидировано, а включено в состав Албанского марзпанства (Ран). К Албанскому марзпанству были присоединены области Великой Армении на правобережье реки Куры, царство Лбинк и Прикаспийская область южнее Дербента (Чора). В связи с этим в современной литературе территорию Албанского марзпанства часто также ошибочно отождествляют с территорией собственно Албанского царства.

Таким образом, северные границы Картли доходили до местности Живали, где, у слияния рек Арагви и Пшавской Арагви, находились Сарматские (Циканские, Дурдзукские, Дарубальские) ворота. На юге граница Картли проходила по линии, начинавшаяся от устья реки Храми вверх по ее течению, по Триалетском хребту, далее по правобережью реки Кура, по Арсианскому хребту. На западе по Лихскому хребту, а на востоке по реки Арагви, начиная от место слияния Арагви и Пшавской Арагви, далее на юг по левобережью Арагви до впадения в Куру и по течению Куры до местности Хунан на юго-востоке.

Цанария

Территория Цанарии с юга-востока начиналась от северо-западных границ Кавказской Албании по срединному течению рек Алазани и Иори и Цилканских (Сарматских) ворот около Жинвали, и оканчивалась на севере областью, лежащей севернее Дарьяльских ворот, у современной станции Ларс Северной Осетии. Помимо Дарьяльского ущелья Цанария охватывала и территорию пховов (пшавы и хевсуры), гудамакар, цхаватов, чарталов, цилкан и тушин (См.: Еремян 1935: 2; Джавахишвили 1948: 35 – 37; Мкртумян 1983: 52; Мусхелишвили 1975: 51; Гумба $1987_б$: 35-37) [5].

Двалети

Территория исторической Далетии лежала на северных и южных склонах Главного Кавказского хребта: на Северном Кавказе она охватывала южную часть Алагирского ущелья, а в Закавказье – ущелья рек Большой и Малой Лиахви, Ксани и на западе граничила с Цанарией. На юге граница Двалети с Картли пролегала от местности Цона недалеко от истока Квирилы, далее до северного отрога Ломийского хребта, оттуда – на юг, по Ломийскому хребту и по северной окраине Картлийской области Базалети, до реки Арагви (южнее Жинвали).

Гугарк (Гогарена)

Согласно «Ашхарацуйцу» территория исторического Гугарка простиралась от правобережья Чорохи на западе до местности Хунан на берегу Куры на востоке и состояла из девяти областей: Дзоропор, Цобопор, Колбопор, Ташир, Трелы, Кангары, Артаган, Джавах и Клардж (Ашхарацуйц: 35; Еремян 1963: 57). Сегодня этой территории соответствуют области Лори и, частично, Тавуш в Армении, соврем. Нижняя Картли (Квемо-Картли) и восточная часть Самцхе-Джавахети (собственно Джавахети) в Грузии, а также Ардаан, Артанудж и Шавшет в Турции.

§2. Общая этноязыковая ситуация на Южном Кавказе во II и первой половине I тыс. до н.э.

[5] После падения Сасанидского Ирана цанары возглавили борьбу народов центральной части Южного Кавказа против Арабского халифата, завершившуюся образованием сильного цанарского царства, известного в арабских источниках как Санария, в армянских как Цанарк, в грузинских – Кахети.

К настоящему времени накоплен достаточно большой объем материалов (археологических, топонимических, антропологических, лингвистических, письменных и др.), свидетельствующих о том, что племена исконнокавказской языковой семьи в древности были расселены не только на Кавказе, но и на прилегающих к нему обширных территориях. Согласно этим материалам на рубеже VI–V тысячелетия до н. э., после распада прасеверокавказской (праисконнокавказской) языковой семьи на восточнокавказскую и западнокавказскую группы, на территории Кавказа сформировались две большие культурные области – западнокавказская (восточно-причерноморская) и восточнокавказская (западно-каспийская).

В процессе освоения новых земель кавказские племена распространились далеко за пределы Кавказа в разных направлениях, в том числе и на юг, где они стали осваивать северные районы Передней Азии. Сегодня уже можно считать научно доказанным генетическое родство абхазо-адыгских языков с хаттским, а нахско-дагестанских – с хуррито-урартскими[6]: об этом свидетельствует не только высокий уровень лексического сходства этих языков, но и их структурно-типологическое тождество.

А). Хаттско-абхазо-адыгские племена

Племена западно-кавказской группы исконнокавказской языковой семьи – хаттско-абхазо-адыгские, в IV–III тыс. до н. э. расселились по всему Центральному и Западному Кавказу, а также по Восточному и Южному Причерноморью и прилегающим к нему с юга районам Малой Азии, образуя единый этнокультурный регион (Федоров 1983: 21). Еще в XIX в. П. Услар, а вслед за ним А. Глейе, А. Грен и др. обратили внимание на то, что достаточно большая часть топонимии юго-восточного Причерноморья находит объяснение в абхазо-адыгских языках. Дальнейшие исследования древней и современной

[6] Среди исследователей, превративших гипотезу о генетическом родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков с древнейшими языками Передней Азии – хаттским и хуррито-урартским, в бесспорный научный факт, в особом ряду стоят А.С. Чикобава, И. М. Дьяконов, И.М. Дунаевская, С.А. Старостин, Вяч.Вс. Иванов, Е. Форрер, В. Бенедикт, М. Салвини, Г. Вильхельм, Г. Штайнер, И. Браун, И.Г. Климов, Ш.Д. Инал-ипа, Ю.Д. Дешериев, В.Г. Ардзинба, М.Л. Хачикян, К.З. Чокаев.

топонимии данного региона, западнокартвельских языков (мегрело-чанского и сванского), а также других историко-филологических источников привели исследователей (И.А. Джавахишвили, Н.Я. Марр, Е. Форрер, С.Н. Джанашиа, А. Ушаков, А.С. Чикобава, И.М. Дьяконов, Ш.Д. Инал-ипа, З.В. Анчабадзе, О.М. Джапаридзе и др.) к выводу, что некогда Западный Кавказ, Восточное Причерноморье и прилегающих к ней областей Малой Азии населяли хаттско-абхазо-адыгские племена.

Как пишет видный грузинский ученый О.М. Джапаридзе, «в V–II тысячелетии до н. э. на территории Западного Закавказья бытовали абхазо-адыгские племена. …Многочисленные абхазо-адыгские племена в древнейшие времена обитали не только на своих нынешних территориях, но занимали всю Колхиду, часть Малой Азии и другие места» (Джапаридзе 1961: 65, 259 (карта), 335; Джапаридзе 1989: 365).

Область расселения абхазо-адыгской группы племен на Западном Кавказе в IV–III тыс. до н. э. в основном совпадает с ареалом майкопской археологической культуры. При этом следует отметить, что, согласно новейшим археологическим данным, ареал майкопской культуры охватывает и области Восточного Причерноморья (Цвинария 1991: 42-43; Цвинария 2004: 22-24), а также выявляется генетическая связь майкопской культуры с культурами Малой Азии (Джапаридзе 1961: 308; Ардзинба 1983: 107-108; Ахундов 2007: 63; Инанишвили, Майсурадзе, Гобеджишвили 2010: 157-159).

Граница между племенами майкопской и куро-аракской культур проходила на Северном Кавказе по территории соврем. Осетии и Ингушетии, на Южном Кавказе – восточнее Кутаиси, далее на юго-восток по Лихскому хребту, долине Чороха, верховье Евфрата…. Разумеется, очерченная граница между майкопской и куро-аракской культур весьма условна, поскольку она менялась, постоянно происходили проникновения как в ту, так и в другую сторону. К тому же в последнее время выявлены новые материалы, которые свидетельствуют об общем происхождении майкопской и куро-аракской культур. Как заметил Е.И. Крупнов, «сходство памятников майкопской культуры с памятниками культуры куро-

аракского энеолита (рельефный криволинейный орнамент на керамике, формы наконечников стрел и т.д.) и соединение этих культур в поселениях Чечено-Ингушетии позволяют видеть в майкопской культуре северо-западный вариант некогда единой археологической культуры всего Кавказского перешейка.

Все увеличивающееся число данных о связях этих древних культур превращает этот вопрос в важную проблему древнейшего культурного кавказского единства и его отношения к какой-то большой и тоже единой этнической общности…. Несомненно, исконнокавказская языковая семья оформилась очень давно, еще в неолитическую эпоху, может быть, еще до выступления на историческую арену Старого Света семитических, индоевропейских, угро-финских и тем более тюрко-язычных народов» (Крупнов 1964: 35). Поэтому говорить о существовании в древности четко обозначенных границ между двумя родственными группами племен исконнокавказской языковой семьи, конечно, не приходится.

По мере дальнейшего развития и роста численности племен происходило их естественное дробление, сопровождавшееся освоением новых земель и расширением области расселения. Это относится к племенам как западнокавказской, так и восточнокавказской группы. Так, во II и в начале I тысячелетия до н. э. нахско-дагестано-хуррито-урартский этнический массив занимал уже всю территорию от Центрального и Северо-Восточного Кавказа до холмистых равнин Северной Месопотамии и Северо-Западного Ирана, а на западе – вплоть до Средиземноморья.

В этот же период к западу от обозначенного ареала, на землях Северо-Западного Кавказа, западной части Южного Кавказа, Восточного Причерноморья, центральной и северо-восточной части Малой Азии, бассейна реки Галис (hАлис) (Кызыл-Ирмак), проживали родственные племена, говорившие на диалектах языков абхазо-адыго-хаттской группы исконнокавказской языковой семьи. Данное утверждение обосновывают целый ряд исследователей (А.С. Чикобава, И.М. Дьяконов, И.М. Дунаевская, В.В. Иванов, Г.А. Климов, К.В. Ломтатидзе,

О.М. Джапаридзе, Г.А. Меликишвили, Ш.Д. Инал-ипа, В.Г. Ардзинба, Т.В. Гамкрелидзе и др.) и поддерживается в широких научных кругах.

Б). Хуррито-урартско-нахско-дагестанские племена

Племена восточной группы хуррито-урартско-нахско-дагестанские – расселились по всей территории Восточного Кавказа, а также в центральных и восточных областях Южного Кавказа, Северо-Западного Ирана, Восточной Анатолии и Северной Месопотамии (Дьяконов 1967; Дьяконов 1968: 21; Меликишвили 1959: 165-167; Джапаридзе 1961: 58; Джапаридзе 1976: 291 (карта), 331-340; Джапаридзе 1980: 7-30; Джапаридзе 1989: 80; Мунчаев 1994: 8-58; Новосельцев, Пашуто, Черепнин 1972: 35-36; Воронов 1980: 134). Предполагается, что именно восточно-кавказские племена (нахско-дагестанские и хуррито-урартские) являются создателями куро-аракской археологической культуры.

В научной литературе рядом специалистов (О.М. Джапаридзе, Т.В. Гамкрелидзе, Г.А. Меликишвили) также высказаны мнения о том, что в языковом отношении куро-аракская культура, возможно, была двух- или трехкомпонентной и включала в себя восточнокавказскую и картвельскую; восточнокавказскую, картвельскую и индоевропейскую. Куро-аракская культура возникла в конце IV тыс. до н. э. и просуществовала до конца III тыс. до н. э., а ее ареал включает Северо-Восточный Кавказ, центральные и восточные области Южного Кавказа, Северо-Западный Иран и Восточную Анатолию.

На севере границы распространения куро-аракской культуры переходят Кавказский хребет и охватывают Дагестан, Чечню, отдельные районы Ингушетии и Осетии. На северо-западе рубежи ее достигают Кутаиси и верховьев Риони, а на юге и юго-западе доходят до оз. Урмия, откуда простираются на юг до Хамадана и Керманшаха и бассейна Вана и далее до Малатья и Эрзерума (Пиотровский 1959: 58; Кушнарева, Чубинишвили 1970: 150-163; Меликишвили 1959: 163-165; Джапаридзе 1961: 65, 259 (карта), 335; Мунчаев 1961: 116; Мунчаев 1994; Марковин, Мунчаев 2003: 50-51; Пхакадзе 1980: 1-4). Элементы куро-аракской культуры прослеживаются вплоть до Восточного Средиземноморья.

В конце III – начале II тысячелетия до н. э. в ареале куро-аракской культуры выделяются несколько родственных культур, составляющих единый блок: триалетская, кармир-бердская, севано-узерликская и кизил-ванская (их основной элемент – расписная керамика) (Кушнарева 1993: 95-96, 163-170[7]).

Ареал куро-аракской культуры в основном совпадает с предполагаемой территорией расселения племен восточнокавказской группы исконнокавказской языковой семьи – нахско-дагестанско-хуррито-урартской. Новейшими исследованиями выявлено, что во II тыс. до н. э. хурритский этнический элемент был распространен почти по всей территории Передней Азии: от Загроса до Средиземноморья – в Сирии, Палестине, Финикии, Северной Ассирии, Гасуре (Нуз), Халабе и Алалхе, а также в Марии, Шартер-Базари, Киликии, Арапхи и т.д. В XVIII–XIII вв. до н. э. хурриты (матиены) создают в Верхней Месопотамии могущественное царство Митанни (аккадцы называли его Ханигальбад, а египтяне – Нахарина). Б.Б. Пиотровский пишет, что «в III и II тысячелетиях [до н. э.],… в Передней Азии доминирующую роль играли хурритские племена, которые имели два крупных объединяющих их центра – Верхнюю Месопотамию (Митанни) и район Ванского озера (Урарту). Даже на территории Ассирии, где семитизация произошла очень рано, субстратом является определенный хурритский элемент» (Пиотровский 1959: 58; Дьяконов 1967: 22-25).

Таким образом, благодаря постоянным притокам фактического материала становится возможным, как отмечал А.П. Новосельцев, «предполагать наличие в древности достаточно широкого ареала распространения языков этой (восточнокавказской – Г.Г.) группы, который позднее сильно сократился в результате ассимиляции армянами и картвелами местного аборигенного населения от озера Ван до Большого Кавказского хребта» (Новосельцев, Пашуто 1972: 35-36).

В). Индоевропейские племена

[7] О. Белли и В. Башалиев выделяют шесть родственных культур: триалетскую, тазакендскую, севано-узерликскую, кизил-ванкскую, нахчеванскую и ван-урмийскую (Belli, Bashaliev 2001: 63).

Помимо упомянутых этнических массивов, принадлежавших к исконнокавказской языковой семье, в древности в Малой Азии были представлены также племена, являвшиеся носителями индоевропейских языков. По мнению специалистов, появление первой группы этих племен, подразделявшейся на анатолийскую и индоиранскую, относится к концу III – началу II тыс. до н. э., а второй группы – к XII в. до н. э., когда после падения Хеттского царства из Балкан в восточную часть Малой Азии продвинулись фрако-фригийские и армянские племена. Таким образом, согласно имеющимся к настоящему времени данным, на Южном Кавказе и на прилегающих к нему территориях во II – начале I тыс. до н. э. засвидетельствованы племена, говорившие на языках исконнокавказской и индоевропейской языковых семей.

Г). Картвельские племена

Места проживания на территории Кавказа и прилегающих к нему регионов во II – начале I тыс. до н. э. пракартвельских племен выявляются довольно сложно, и прежде всего из-за отсутствия достоверных свидетельств. На проблему происхождения предков современных грузин (картвелов, мегрелов и сванов) и времени их появления на Южном Кавказе существуют различные точки зрения, как и на вопрос о том, были эти племена на указанной территории автохтонами или пришлыми. Все эти мнения могут рассматриваться как гипотезы, вероятность которых зачастую вызывает у исследователей серьезные сомнения. Не претендуя на всесторонний охват этой сложной и спорной проблемы, ограничимся кратким обзором основных гипотез, посвященных указанной проблеме и зафиксированных в научной литературе.

Гипотеза об автохтонности картвельских племен на Кавказе опирается главным образом на генетическое родство картвельских языков с северокавказскими (исконнокавказскими) и, что эти языки входят в состав одной языковой семьи, образуя в нем картвельскую группу. Причисляя картвельские языки к кавказским, известный грузинский лингвист А.С. Чикобава дает им и другое название – *иберийско-кавказские язык*и (Чикобава 1952: 227), таким образом подчеркивая их связь с древними языками Средиземноморья.

В советской грузинской историографии прямыми предками грузин вообще были объявлены все известные древние народы Передней Азии – шумеры, хетты, субары (хурриты), эламиты и др., а в мифическую «хетто-иберийскую» языковую семью было включено все древнейшее население Передней Азии и Средиземноморья[8].

Однако дальнейшие исследования поставили под сомнение это положение. Факт генетической связи хаттского и хуррито-урартского языков с северокавказскими (или исконнокавказскими) [9] языками получил новые подтверждения, однако при этом было выявлено, что сами картвельские языки не относятся к исконнокавказским, а представляют собой отдельную языковую семью (Климов 1968: 22; Климов 1994: 35-44; Мачавариани 1964: 4; Гамкрелидзе 1964: 5; Гамкрелидзе 1971: 29; Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани 1965: Церетели 1965: 045-047; Ониани 1985: 67-89; Габуниа, Гусман Тирадо 2011). Исследования показали, что гораздо более вероятна связь картвельского праязыка с праиндоевропейским и праафразийским языками, нежели с исконнокавказскими (Гамкрелидзе, Мачавариани 1965: 48), а пракартвело-праиндоевропейские лексические изоглоссы принадлежат к основному лексикону, что свидетельствует о генетическом родстве этих языков (Дьяконов 1989: 16).

---

[8] «По своему происхождению грузины принадлежат к древнему коренному населению Передней Азии. В глубокой древности, пять-шесть тысяч лет тому назад, родственные между собой народы хетто-иберийской группы занимали обширную территорию в Передней Азии, а также, распространившись отсюда на запад – в северной, прибрежной полосе Африки и в южной Европе. В Европе народы этого корня предшествовали позднейшим пришельцам – индоевропейцам, испытавшим сильное влияние аборигенного (туземного) населения и его развитой культуры. Так было на Пиренейском, или Иберийском, полуострове, где потомки древнего населения – иберов сохранились до наших дней под именем басков, на Апеннинском полуострове, где туземцы в лице этрусков создали древнейшую цивилизацию Италии, …и на Балканском полуострове, где впоследствии греки явились на смену первоначальным обитателям страны – пеласгам. …К началу второго тысячелетия до нашей эры из коренных народов Передней Азии выделились хетты и субары. Хетто-субары и были предками грузин». (Бердзенешвили, Джавахишвили, Джанашиа 1946: 16-17).

[9] Первоначально северокавказские языки занимали не только Северный Кавказ, но весь Кавказ без исключения и многие прилегающие области. Поэтому известный этнограф С.А. Арутюнов вместо названия *северокавказские* вводит в научный оборот термин *исконнокавказские* языки, с чем, безусловно, следует согласиться. В диссертации автор будет пользоваться также термином: *исконнокавказские* (языки).

Следовательно, чтобы определить прародину грузин, необходимо установить прародину индоевропейцев, и это еще больше усложняет проблему, поскольку однозначного мнения по поводу области расселения носителей праиндоевропейского языка пока не существует. В настоящее время известны многочисленные точки зрения по этому вопросу, но все они группируются вокруг четырех основных гипотез, которые локализуют индоевропейскую прародину в четырех местах – в Балкано-Карпатском регионе (Георгиев 1958: Дьяконов 1982: 2-3, в евразийских степях (Смирнов, Кузьмина 1977; Шилов 1993), в Передней Азии (Гамкрелидзе, Иванов 1984) и в так называемой циркумпонтийской зоне (Мерперт 1974).

Каждая из этих гипотез имеет определенные недостатки, отмеченные оппонентами, и ни одна из них пока не получила признания в научном мире. Что касается версии о восточно-анатолийском происхождении индоевропейцев, то она не нова. Попытки разместить прародину индоевропейцев на Южном Кавказе, в том числе и на Армянском нагорье, предпринимались еще в конце XIX века, однако уже тогда они воспринимались скептически и не были приняты всерьез, так как гипотеза не имела убедительных оснований. В 80-х годах XX века Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов вновь попытались реанимировать теорию о переднеазиатской прародине индоевропейцев (Гамкрелидзе, Иванов 1984), однако из-за слабости аргументации теория эта вновь не получила поддержки в научном сообществе.

Прежде всего, данная гипотеза строится лишь на данных лингвистики, которые были подвергнуты убедительной критике со стороны многих известных языковедов, и при этом абсолютно не берется в расчет археологическая составляющая, доказывающая локализацию прародины индоевропейцев в Малой Азии. Например, игнорируется факт отсутствия в индоевропейском праязыке названий типично азиатской средиземноморской флоры (кедр, кипарис, пальма) и фауны, а также то, что в Малой Азии и на Армянском нагорье приблизительно до II тыс. до н. э. не было лошадей – ни диких, ни одомашненных. Не учитывается и экологическая ниша индоевропейской прародины, как и отсутствие архаичной

индоевропейской гидронимии и топонимии на территории Армянского нагорья и в Восточной Анатолии и т.д. (См.: Рубин 2001).

Как пишет Л.С. Клейн, «гипотеза Гамкрелидзе – Иванова… не выдерживает сопоставления с позитивными археологическими данными о древнем прошлом нескольких избранных индоевропейских народов (я уж не говорю о собственной археологической аргументации этих авторов – она обрывочна, противоречива и основана на археологических концепциях, ошибочность которых давно установлена)» (Клейн 2007: 174).

Гипотеза о переднеазиатской прародине индоевропейцев находится также в противоречии с данными лингвистики, которые весьма трудно опровергнуть. Так, между исконнокавказскими и афразийскими (семито-хамитскими) языками выявлено более ста лексических параллелей, и они могли появиться лишь в результате долговременных и обширных межязыковых контактов (Милитарев, Старостин 1989: 24).

Предполагается, что контакты между носителями афразийских и исконнокавказских языков происходили на протяжении V–IV тыс. до н. э., причем в Верхней Месопотамии в этих контактах участвовала уже выделившаяся восточнокавказская группа, а в Северной Сирии – западнокавказская (Милитарев, Старостин 1984: 34-36). С другой стороны, прослеживается тесная связь между прасеверокавказским (праисконнокавказским) и праиндоевропейским языками (до распада праиндоевропейского), а также очевидное влияние праисконнокавказскогоязыка на лексику индоевропейских языков. При этом праисконнокавказский диалект, из которого осуществлялись заимствования в праиндоевропейский язык, уже несколько отличался от исходного праисконнокавказского языка.

Учитывая, что начало распада праисконнокавказского языка относится к рубежу VI–V тыс. до н. э., а праиндоевропейского – примерно к V–IV тыс. до н. э., активные контакты между этими языками можно датировать началом V тыс. до н. э., а наличие исконнокавказских элементов в лексике отдельных подгрупп индоевропейских языков свидетельствует о том, что эти контакты продолжались

и в более поздний период (Старостин, Николаев 1984: 32; Старостин 1988: 152-154).

На протяжении V–IV тыс. до н. э. исконные кавказцы могли одновременно иметь связи и с праиндоевропейцами, и с праафразийцами лишь в том случае, если они занимали весь кавказский регион и северные районы Передней Азии, при этом праафразийцы должны были занимать территорию к югу от Северной Месопотамии и Сирии, а индоевропейцы – степные зоны Восточной Европы. Из этого следует, что ни на Кавказе, ни в Восточной Анатолии для праиндоевропейцев и пракартвельцев уже не остается места. В последнее время все более убедительные подтверждения и все более весомую поддержку в науке получает разделяемая большинством археологов точка зрения, согласно которой, прародина индоевропейцев локализуется в степной зоне Восточной Европы, откуда и происходило в дальнейшем их расселение индоевропейских племен на другие территории (См.: Рубин 2001).

Таким образом, гипотеза об автохтонности грузинских племен на Кавказе не имеет под собой научно аргументированной основы, а потому вызывает большие сомнения. Присутствие древнегрузинских племен на Южном Кавказе в поздние периоды бесспорно, во всяком случае, со второй половины I тыс. до н. э. они выявляется достаточно определенно. Однако вряд ли будет правомерным «устанавливаемый на основании более поздних источников факт наличия древнегрузинских племен в этих местах распространить и на более древнюю эпоху», как это предлагается в «Оч. ист. Грузии» 1989: 90; Меликишвили 1959: 82)[10].

Следует отметить, что существующие в грузинской академической историографии суждения по рассматриваемому вопросу противоречивы и взаимоисключающи. Так, принято считать, что «грузинские племена с

[10] Следуя этой логике, нужно бы было, наверное, не только прекратить исследования по исторической географии, поскольку их необходимость вообще отпала бы, но и пересмотреть всю мировую историю и, в частности, согласиться с тем, что поскольку на территории современной Турции сегодня проживают турки, тюркские племена обитали в этих местах и в древнейшие времена, а значит, не было таких держав, как Хеттское, Фригийское, Лидийское, Византийское царства и т.д. (или эти державы относились к тюркским государствам).

древнейших времен жили на территории Закавказья, занимая территорию нынешней Грузии, а также некоторые прилегающие к ней районы» (Меликишвили 1951: 14). Но одновременно утверждается совершенно противоположное: во-первых, что еще в середине I тыс. до н. э. древнегрузинские племена (картвелы и мегрело-чаны) проживали на юге и юго-востоке от оз. Ван; во-вторых, что название *Картли* и самоназвание грузин – *картвели*, связано с именем *Кардухи*, а происхождение самого этого имени – с мегрело-чанским *корду*, означающим *хлев*. Как пишет Г.А Меликишвили, «в античное время *корду*, вариант имени *карду*, мог возникнуть на западной-грузинской почве; в форме *корду* имя этого племени прокладывает себе путь, очевидно, посредством соседнего с кардухами племени западно-грузинского, мегрело-чанского происхождения» (Меликишвили 1951: 14).

Таким образом, получается, что древнегрузинские племена проживали одновременно и в Верхней Месопотамии, и на Южном Кавказе, занимая почти всю западную и центральную его части и не оставляя при этом места для исконнокавказских (хаттских, абхазо-адыгских, хуррито-урартских, нахско-дагестанских) и индоевропейских племен. Вообще трудно понять, что имеется здесь в виду: то, что грузинские племена занимали всю территорию от Кавказского хребта до Верхней Месопотамии, или то, что они одновременно жили и на Кавказе, и в Кордуенских горах, на юге от оз. Ван, или то, что в античный период они переселились то ли с юга на Кавказ, то ли с Кавказа на юг.

По крайней мере, следовало бы объяснить, каким образом в V веке до н. э. грузинские племена вдруг, совершенно неожиданно, появились в Кордуенских горах и так же неожиданно исчезли. Как известно, в V в. до н. э. Ксенофонт упоминает кардухов на юге от места проживания армян, поэтому неизбежно возникает вопрос: как они, гипотетические картвелы, могли пройти через территорию Армении, на которой к тому времени уже существовали два армянских государства.

Также принято считать, что «с древнейших времен Западная Грузия была населена мегрело-чанскими («западногрузинскими») племенами, которые, кроме

того, были широко распространены в юго-западном направлении, на южном побережье Черного моря. В Малой Азии они соприкасались с «хеттскими» племенами, а восточнее, например, в верховьях Евфрата (Кара-Су) и т. д., с хурритскими племенами. С урартскими племенами в древности они, возможно, непосредственно и не соприкасались, поскольку были отделены от них хурритским населением» (Меликишвили 1951: 20).

Однако это утверждение вступает в явное противоречие не только с вышеприведенным мнением о том, что мегрело-чанские (западногрузинские) и картвельские (восточногрузинские) племена еще в раннеантичный период проживали в Верхней Месопотамии, но и с данными лингвистики. Так, в мегрело-чанском языке существует целый ряд слов, заимствованных непосредственно из урартского языка, минуя картвельский[11]. Такие прямые заимствования могли явиться результатом длительных этнических контактов.

Судя по тому, что в картвельском языке этих заимствованных слов нет, контакты имели место после разделения пракартвельского языка на мегрело-чанский и картвельский, т.е. после VIII–VII вв. до н. э. Если допустить, что мегрело-чанские племена с древнейших времен проживали в Колхиде, то в таком случае возникает вопрос: каким образом в мегрело-чанском языке появились прямые заимствования из урартского языка, носители которого проживали на территории Армянского нагорья. И если мегрело-чаны жили в Колхиде, находясь, начиная с VIII в. до н.э. в тесном этническом соседстве с урартами на востоке и юго-востоке (ибо другого места для урартов просто нет), то где тогда проживали собственно картвелы (восточно-грузинские племена)?

Кроме того, в таком случае остается невыясненным также ряд важных вопросов, а именно: происхождение древнейшего пласта топонимии – абхазской в Западном Закавказье и нахско-дагестанской в Восточном Закавказье, в том числе и на всей территории Картли; объяснение значительного влияния абхазского

[11] Например: урартское *шел* (в произношении, по-видимому, *сел*) – *ночь*, мегрело-чанское *сари* –*ночь*; урартское *кури* – *нога*, мегрело-чанское *кури* – *пята*; урартское *ул*(*а*) – *итти*, мегрело-чанское *ул* – *итти*; урартское *сила* – *дочь*, мегрело-чанское – *чили* – *жена* и др. (См.: Меликишвили 1951: 16).

языка на картвельский (восточногрузинский) в области лексики и морфологии, если при этом минуется мегрело-чанский язык (Чикобава 1941: 149-168; Ломтатидзе 1956: 139); появление абхазской морской терминологии в грузинском языке (Дзидзариа 1999: 35-36); датировка и локализация длительных этнических контактов между абхазскими и картвельскими (восточногрузинскими) племенами и т.д.

Для доказательства присутствия древнегрузинских племен на Южном Кавказе во II – начале I тыс. до н. э. в качестве основных научных аргументов приводятся некоторые этнонимы и топонимы, выявленные в хуррито-урартской и хаттской ономастике, которые, по мнению Г.А. Меликишвили и др., имеют грузинский облик. К ним относятся упоминаемые в урартских и ассирийских надписях и известные в центральных районах Южного Кавказа названия *Цудала*, *Дидини*, *Иштикунив*, *Шешетина*, *Забаха*, *Витериухи*, *Катарза*, *Диаухи*, *Луша*, *Игани (Макалтуни*), а также наименования *табал*, *тибарен*, *халиб*, *мушк* (*мосх*, *мосох*), *макероны* (*махелоны*), *цаны*, обнаруживаемые в северо-восточной и восточной частях Малой Азии. Выводы известного кавказоведа, вне всякого сомнения, заслуживают серьезного внимания, и все же грузинский облик если не всех, то, по крайней мере, части приведенных Г.А. Меликишвили названий представляется весьма сомнительным.

Цудала

По данным Сардуровской летописи, поселение (город) страны Бузуни – Цудала (^{URU}Şudala), локализуется юго-восточнее озера Чалдыр и западнее верховьев реки Арпачай-Ахурян (Меликишвили 1960: 155F, стк. 6-12; Арутюнян 1985: 236). В названии *Цудала* Г.А. Меликишвили усматривает грузинское слово *суди* (*плохой*). Но в таком случае отпадает сама вероятность принадлежности племени цудала к грузинскому этносу, ибо этническое слово *плохой* не могло быть самоназванием: обычно подобные прозвища племя получает от соседних иноязычных племен, однако нет также данных о возможном проживании по соседству с цудалами каких-либо грузинских племен.

Название Цудала имеет ярко выраженный нахско-дагестанский облик. По мнению К.З**.** Чокаева, оно нахского происхождения: *Цу*– божество огня, *Дала*– верховный бог нахов (Чокаев 1992: 77). *Цу* (*ЦIу*) в качестве божества огня присутствует и у родственных нахам дагестанских народов. Так, например, верховный бог андийцев-аварцев именовался *ЦIоб*. Однако не исключена связь названия Цудала с именем дагестанского народа даргинцев – *цудаха* (*цудахар, цудал*)[12].

Дидини

Страна Дидини ([KUR]Didini) Хорхорской надписи урартского царя Аргишти I специалистами локализуется между Дайаени (Диаухи) и Бузуни, в районе современного Карса (Меликишвили 1960: 128В1, стк. 1-5; Арутюнян 1985: 73). Г.А. Меликишвили производит название Дидини от грузинского *диди–большой* Меликишвили 1954: 115). Однако область с таким же названием – Дидуала, Дид(иани) ([URU]Diduala), упоминается ассирийскими источниками (надпись Ададнерари II на стене набережной города Ашшура) также в стране Мехри (Дьяконов 1951_a: 44, (15)., где пребывание грузинских племен никогда не было зафиксировано. Кроме того, в значении *большой, великий* это слово присутствует в абхазо-адыгских и нахских языках.

Как гласит надпись ассирийского царя Тиглатпаласара I, царем 4000 каскейцев (или абешлайцев), захвативших страну Шубарту, был *Дади-илу* Каскейский (Арутюнян 1985: 104). Имя Дади – *Дади из Хубушки* – встречается и в надписях Шамшиадада V (825–812 гг. до н. э.) при описании похода против страны Наири (Дьяконов 1951_a: II, 34). В вайнахских языках и в фольклоре *дада* обычно имеет значение *отец, владетель, глава*, существуют также и топонимы со стержневым словом *дада* (Вагапов 1984: 21). На абхазском языке *дад* означает *дед* и, обычно, используется как имя нарицательное при обращении старшего к младшему. Фиксируется имя Дада и в Боспорских надписях, среди адыгских имен (Бетрозов 1998: 131). Таким образом, слово *диди* (*дада*) в значении *большой,*

[12] Сравните также с абхазским словом *а-Цута – поселение, поселок*.

великий относится, скорее всего, к общекавказскому словарному фонду. Следовательно, попытка определить этническую принадлежность древнего племени *дидини* исходя из значения слова *диди* в том или ином современном языке обречена на неудачу.

Более правомерным нам кажется сопоставление *дид* (*ини*) урартских источников с наименованием дагестанского народа *–дидои*, представители которого проживают ныне в высокогорной части Западного Дагестана [13] . Дагестанские дидои известны античным авторам как *дидуры*, армянским – *дидурк*, грузинским – *дидо-ети*.

Шешетина

Область Шешетина ([KUR]Šešetina) локализуется в стране Дайаэни (Диауехи), к северу от среднего течения реки Чорохи (Дьяконов 1951_a: 10, (IV, 43); Меликишвили 1960: 36, стк. 1-10; Арутюнян 1985: 245-246). В этом топониме выделяется компонент *ти* – *Шеше*(*ти*)*на*, который рассматривается как грузинский суффикс места (Меликишвили 1954: 115). Однако вряд ли такое объяснение приемлемо. По одному лишь суффиксу *ти* (Шавше-*ти*) довольно сложно определить этническую принадлежность населения указанной области в столь давние времена. Ибо, как известно, топонимообразующий суффикс *ти* имел широкое распространение также в урартской, абхазской и нахской топонимии.

Учитывая, что топоним Шешети (Шешетина) в урартский период фиксируется в северных районах Диаухи (Шешетина), а позднее – у истоков реки Риони (Шошети), на территории проживания двалов, относимых специалистами к нахскому этносу, ранее мы склонны были относить население, остававшее после себя топонимы с основой *шеш//шаш*, к нахским племенам. Однако разыскания В.Е. Кварчия показывают связь носителей топонима с основой шеш//шаш с древнеабхазскими племенами (Кварчия 2019: 333-334), что представляется более правомерным.

[13] В настоящее время территория дидойцев на юге ограничена Главным Кавказским хребтом, на востоке – Богосским и Мичитлинским, на северо-западе – отрогами Перикительского хребта. С юга дидойцы граничат с Кахетией, на западе – с Тушетией.

Иштикунив

Страна (город) Иштикуниу (^{URU}Ištikuniu^{KUR}) располагалась на северо-западном побережье оз. Севан. Известно также и название одного из городов (центров) Иштикуниу – Алишту (Меликишвили 1960: 134, 432; Арутюнян 1985: 96). Г.А. Меликишвили допускает возможность того, что компонент *иу* (*ив*) (Иштикун-*ив*) является грузинским суффиксом, но при этом оговаривает: «… Так как названия, в которых встречается данное окончание *ив* в других отношениях (например, своими основами) не обнаруживают близость к грузинскому языковому материалу, мы затруднились бы высказать такое предположение» (Меликишвили 1954: 115-117). По его мнению, топонимы с суффиксом *ив*, «скорее всего, …должны принадлежать каким-либо близкородственным урартийцам племенам, в языке которых (подобно хурритскому) имелся суффикс *iw* (-*ip*)». Таковыми являются родственные хуррито-урартским дагестанские языки, и надо полагать, что вышеуказанные этнотопонимы с суффиксом *ив* (*иб*) своим происхождением обязаны именно дагестанским племенам (Меликишвили 1954: 115-117). В топонимии Дагестана распространены названия с окончанием на *ив//иб* (Гуниб, Цурив, Кахиб, Арчив Галиб и др.), где *ив* (*иб*) является топонимообразующим суффиксом. Суффикс *ив* продуктивен и в современных дагестанских языках: например, чеченский город Шали по-лакски называется Шалив. Таким образом, более предпочтительно считать население Иштикуниу этнически родственным современным дагестанским народам.

В грузинской исторической литературе, особенно научно-популярной, к грузинским племенам apriori причисляется также население упоминаемых ассирийскими и урартскими источниками областей Диаухи (Тайк, Тао), Катарза (Кларджк, Кларджети), Забаха (Джавахк, Джавахети), Витерохи (Видзерохи, Одзрахе, Одзрхе), Луша, Игани (Иани), хотя убедительных научных оснований для этого нет. Чаще всего приводится уже известный *аргумент*: если грузинские племена проживали здесь в средневековый период, то, значит, они были здесь и ранее (см. выше). Правда, историки почему-то упускают из виду, что высказавший это предположение Г.А. Меликишвили, отмечая хуррито-урартский

облик перечисленных названий, а также названий, упоминаемых вместе с ними, всегда оговаривал, что его мнение об их грузинской принадлежности – всего лишь гипотеза, доказательство или опровержение которой – дело будущего.

Однако дальнейшие исследования не выявили никаких фактов, которые подкрепили бы эту гипотезу, так что пока она не имеет научно аргументированного подтверждения. Поэтому, даже зная о существовании в этих местах грузинских племен позднее, вряд ли стоит утверждать, что они проживали здесь в более древнюю эпоху.

В конце II – начале I тысячелетия до н. э. на территории центральных областей Южного Кавказа урартские и ассирийские источники выделяют два крупных политических объединения – Диаухи (Диаени) и Этиаухи (Этиуни, Этив), в которые в различные исторические периоды входили перечисленные вышеплемена и области. На протяжении XII–VIII вв. до н. э. в ассирийских и урартских источниках Диаухи выступает как обширная и могущественная страна, стоявшая во главе огромной коалиции «стран Наири» (Меликишвили 1954: 59=62). В указанных источниках название *Диаухи* генетически связано с наименованием конкретного племени и является этнонимом.

В V в. до н. э. Ксенофонт использует термин *таохи* как этническое название племени, обитавшего на этой же территории. Еще позднее здесь находилась область Тайк древнеармянских (*Тао* древнегрузинских) источников. «Все это, – как справедливо отмечает Г.А. Меликишвили, – указывает, что перед нами местное, принадлежащее самому народу Диаухи, название» ((Меликишвили 1954: 58). Известны названия трех городов Диаухи – Шашилу(ни) (царский город), Зуа(ина) и Утуха, и имена трех царей – Сени (1111 г. до н. э.), Асиа (846 г. до н. э.), Утупуршини (809 – 785 гг. до н. э.), и все они, несомненно, имеют хуррито-урартский облик. Хуррито-урартский облик обнаруживают и названия племен и областей, входивших в состав объединения Диаухи, причем часть из них имеют прямые аналоги в нахской этнотопонимике.

Предполагается, что в конце правления урартского царя Аргишти I (786 – 764 гг. до н. э.) и начале царствования Сардура II (764 – 735 гг. до н. э.) объединение

Диаухи было завоевано и прекратило свое существование. После этого в урартских письменных источниках Диаухи как объединение больше не упоминается. Согласно представленной в специальной литературе версии, государство Диаухи, ослабшее в продолжительной войне с Урарту, пало, после чего было включено в состав Урарту, а часть его земель в долине Чороха заняло усилившееся государство Кулха ((Меликишвили 1954: 263-265).

В период господства Ахеменидов территория Диаухи (Тайк) входила в 18-ю сатрапию Персидской империи, а примерно с начала II века до н. э. стала составной частью Великой Армении. Согласно Страбону, жители Армянского нагорья, в том числе Тайка (Диаухи), Кларджк (Кларджети) и Джавахк (Джавахети), уже во II в. до н. э. общались между собой на армянском языке, что, безусловно, говорит об ассимиляции проживавших здесь хуррито-урартских и родственных им племен с переходом на армянский язык (Страбон: XI, 14, 5). Так, например, по мнению акад. Г.А. Капанцяна, знаменитые армянские нахарары (князья) Тайка (Тао) Мамиконяны являются прямыми потомками «древнего и могучего княжеского рода *diao*» (*dia-uhi, диаухи*) (Капанцян 1940: 32) [14].

К востоку и юго-востоку от Диаухи – в долине Аракса, в бассейне Чалдырского озера, лежали страны Эриахи, Катарза, Луша, Иани (Игани), Уитерухи, Иштелуани, Абилианихи и др. Из них Луша и Иани (Игани) урартских источников локализуются на юге и юго-западе Чалдырского озера и сопоставляются соответственно с лазами и гениохами (hениохами) Черноморского побережья. Предполагается, что, после падения Понтийского царства, на рубеже новой эры, среди племен, проникших в Восточное Причерноморье, были и *луша*, и *игани*, ставшие здесь известными уже под именами *лазы* и *гениохи* (Меликишвили 1959: 366-367).

[14] Область Тайк вплоть до VIII века н.э. являлась наследственной вотчиной могущественного армянского нахарарского (княжеского) рода Мамиконянов, наследных военачальников (спарапетов) Армении. В VIII веке (734–735 гг.) сюда переселились со своими семьями представители одной из ветвей нахарарского рода Багратуни, ставшие владетелями Тайка.

Однако нет никаких свидетельств, которые могли бы подтвердить указанное предположение, а напротив, возникает ряд вопросов, без ответов на которые эту гипотезу сложно принять. Так если допустить, что лазы и гениохи являются западногрузинскими племенами луша и игани, переселившиеся из района Чалдырского озера к берегам Черного моря на рубеже новой эры, то не понятно, как в таком случае объяснить: 1) что гениохи (hениохи) были известны на побережье Черного моря уже начиная с середины I тысячелетия до н. э. и занимали обширную территорию Черноморского побережья, включая и территорию к север-западу от Колхиды; 2) что в античных источниках гениохи представлены бесстрашными пиратами, которые в IV в. до н. э. совершали на своих знаменитых судах нападения не только на корабли в открытом море, но и на города на суше; 3) что гениохи были искусными судостроителями и мореплавателями, и слава о них распространилась далеко за пределы стран Черноморского бассейна; 4) что первоначально Лазикой древние авторы называли местность близ Туапсе (*Старая Лазика*); 5) что в древности была весьма сильна традиция, согласно которой лазы считались древнейшими обитателями Колхиды и прямыми потомками колхов и т.д.

Кстати, Г.А. Меликишвили отмечает, что лазы являлись древнейшими обитателями Колхиды и «прямыми потомками колхов», однако далее, противореча собственному мнению, пишет, что «горское племя лазов, вероятно, проникло в низменные районы Колхиды на рубеже н. э.» из области Луша урартских источников, лежавшей около Чалдырского озера (См.: Меликишвили 1959: 66, 67, 366 – 367). Возникает вопрос: каким образом лазы, проникшие на территорию Колхиды на рубеже новой эры, могли быть древнейшими жителями этих мест и прямыми потомками колхов, проживавших здесь ранее и известных в письменных источниках еще со второй половины II тысячелетия до н. э.

Вряд ли на основе лишь только весьма сомнительного внешнего созвучия (*луша – лаз, игани – гениох*) можно уверенно заявлять о принадлежности к западногрузинским (мегрело-чанским) племенам население областей Луша и Игани, проживавшего, согласно урартским источникам, около Чалдырского озера,

в окружении племен, говоривших на хурито-урартских и нахско-дагестанских языках – тем более что переход урартского *Луша* в *Лаз*, а *Игани* (*Иани*) в h*Ениох* с точки зрения лингвистики небезупречен и вызывает у языковедов серьезные возражения (Карагезян 1998: 160, 210).

В урартских надписях *Луша* и *Игани* часто выступают в составе объединения *Этиуни (Этиухи, Этив*). Могущественное объединение Этиуни (Этиухи) вышло на политическую арену после падения Диаухи, заняв обширную территорию от района Карса-Эрзерума на западе до слияния Куры и Аракса на востоке, включая такие области, как Айрарат, Тайк, Гугарк, Арцах, Сюник и другие, позднее ставшие частями Армении (Меликишвили 1954: 251; Арутюнян 1985: 262-263).

Среди областей и племен, входивших в состав Этиуни, урартские источники называют также Дидини, Цудала, Катарза, Луша, Эриахи (Эры), Иани (Игани), Витерухи, Апуни, Абиани, Аркуа (на правом берегу Аракса, у подножья горы Арарат), Уаирда и другие (Меликишвили 1960: 155А, 13 и сл.; Меликишвили 1954: 57; Арутюнян 1985: 126-127, 258-259). Все перечисленные названия, как и подавляющее большинство прочих этнотопонимов, упоминаемых урартскими и ассирийскими источниками, характерны для хуррито-урартской, абхазо-адыгской и нахско-дагестанской ономастики, что неоднократно было отмечено различными исследователями.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в период правления урартского царя Сардури II (764 – 735 гг. до н. э.) во главе объединения Этиухи стоял царь Игани Диуцини. Так, например, известно, что около 748 (746) г. до н. э. Сардури II вел войну против «Диуцини иганиеца, царя страны Этиухи» (Меликишвили 1960: 155, С, 49-55; Меликишвили 1954: 227). Очевидно, что иганийцы могли возглавить союз племен, проживавших на столь обширной территории Южного Кавказа, лишь при условии, что были одного с ними этнического происхождения и говорили на том же языке, что и основное население региона.

Как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, в середине VIII в. до н. э. большинство населения указанного региона составляли хуррито-урартские и родственые им нахско-дагестанские племена. Позднее, уже в

античный период, данные территории вошли в состав Великой Армении, и основная часть населения, видимо, была ассимилирована и стала составной частью армянского народа. Имя *Луша* сохранилось в названии армянской области *Лори*, а иганийцы дали начало известному армянскому нахарарскому (княжескому) роду Гнуни (Капанцян 1940: 13).

Примечательно также то, что названия с характерным для дагестанских языков окончанием *-ив* (Абарсунив, Каманив, Цурзалдив, Ликив и др.) упоминаются урартскими источниками в основном в восточных областях объединения Этиуни (Этив, Этиухи) (Меликишвили 1960: 155D, стк. 47-52; Меликишвили 1960: 155A, стк. 13-19; Дьяконов 1951_a: 10 (IV, 43), 49 (233). Именно в этих районах встречаем ряд этнотопонимов урартского периода, имеющих прямые параллели в современной этнотопонимической номенклатуре Дагестана. К таковым можно отнести, например, Шаке, Албан, Ликив[15], причем урартские источники называют их на правобережье Аракса (Карагезян 1998: 163), а позже, в античный и средневековый периоды, встречаем их уже на левобережье Куры и в районах Восточного Кавказа.

В то же время нельзя не заметить, что в наименованиях областей и племен, размещавшихся в Диаухи и в западной части Этиуни, т.е в центральной части Южного Кавказа, преимущественно проявляется уже связь с нахской этнотопонимической номенклатурой. Помимо уже отмеченных выше, следует привести и наименование племени и города Хилдихерули в стране Диаухи, которое находит свою параллель в названии известного чеченского тейпа и одноименной местности Хилдехьарой *(«Заречные»*) в горной Чечне. Думается, что для доказательства идентичности этих названий не требуются дополнительные объяснения.

Сложно определить, каких пределов на севере достигало объединение Этиаухи (Этиуни) и как долго оно просуществовало – возможно, в период могущества Урарту страна Этиуни была завоевана и включена в состав

[15] *Ликив* (*Лик-ив*) урартских клинописей связывается с этническим названием дагестанского народа *леков* (*леки*).

Урартского царства. В античное время племенные группы *этиуны* (*удины* − античных, *ути* − армянских источников) и *эры* известны уже на побережье рек Куры, Иори и Алазани. О том, что основная часть древнейшего населения этого региона принадлежала нахско-дагестанским народам, помимо всего прочего свидетельствуют данные топонимики и гидронимики. Например, название реки *Кура* происходит от дагестанского *кур – река* (хапут.-крызск. *кур*; будугск. *кур*; срызск. *кур*; хапутск. *кур*; рутульск. *кор*). Наименование реки *Иори* также восходит к аварскому *иьор – река, вода*. Оно также составляет основу ряда гидронимов (названий озер) Алазанской долины: Ур, Рахквор, Ханзиор, Кудор и др.

Если в том, что удины (ути) относятся к лезгинскому народу, нет никаких сомнений, то вопрос этнической принадлежности эров пока остается открытым. Имеющиеся на сегодняшний день материалы не позволяют однозначно ответить, к каким именно племенам – нахским или дагестанским, принадлежал этот народ. Можно лишь с уверенностью сказать, что эры – одни из представителей нахско-дагестанской языковой группы исконнокавказской языковой семьи, и это мнение в научных кругах не вызывает возражений. Свою этническую самостоятельность эры сохранили на протяжении всего раннего средневековья – периода возникновения и расцвета Эретского княжества, а впоследствии – царства. Только после XV в. одна часть эров, вероятно, слилась с грузинами, а другая, скорее всего, эмигрировала и стала известна уже под другим именем.

Таким образом, несколькими путями, по линии племенных названий выявляется близость населения Диаухи и Этиаухи к восточно-кавказской группе племен, а значит, становится вероятным предположение о том, что Диаухи и Этиаухи представляли собой объединения родственных племен, судя по всему, хуррито-урартского и нахско-дагестанского. Во всяком случае, практически все этнонимы и топонимы данного региона, сохранившиеся в ассирийских и урартских надписях, имеют ярко выраженный хуррито-урартский и нахско-дагестанский облик, а значит, принадлежность проживавших здесь племен к восточнокавказской языковой группе северокавказской (исконнокавказской)

языковой семьи вряд ли может вызывать сомнения. Подтверждением тому служит также и тесная связь материальной культуры отмеченных областей с культурой более северных регионов Южного Кавказа.

В грузинской историографии к древнегрузинским племенам принято относить также и ряд племен, упоминаемых древними авторами на территории Восточного Причерноморья и Восточной Анатолии. По этой проблеме в научной литературе существуют прямо противоположные мнения, и вряд ли возможно добиться полной ясности без дальнейших исследований.

В настоящей работе не ставиться задача рассмотрение сложной проблемы этногенеза племен Восточного Причерноморья. Следует отметить лишь, что после детального изучения сведений первоисточников отождествление, например, халибов, тиберанев, табалов, макеронов и ряда других народов с древнегрузинскими племенами уже не кажется столь убедительным. К таковым относятся, на наш взгляд, и мушки//мосхи//масахи.

Мушки//мосхи//масахи

В горных районах Южного Кавказа, начиная с V в. до н. э., античными авторами упоминается народ *мосхи* (*масахи//месхи*). С этнонимом *мосхи//месхи* сопоставляются названия нескольких объектов: Мосхийских гор – горного хребта к северу от долины реки Чороха, области Самцхе (Са-месхети) и поселения Мцхета (Месхе-та), расположенного у впадения реки Арагви в Куру.

В научной литературе кавказские мосхи (месхи) связываются с малоазиатскими мушками (mušku), известными с конца II тыс. до н. э. Согласно надписи ассирийского царя Тиглатпаласара I (1115 – 1077 гг. до н. э.), около 1165 г. до н. э. мушки захватили страны Алзи и Пурулумзи (Пурукузи), располагавшиеся у верховье Тигра и на сопредельных территориях, в долине Арацани и на склонах Сасунских гор. Около 1115 г. мушки, уже вместе с касками (и абешлами) и урумейцами, спустились с гор и захватили страну Кадмухи (Катмухи) – область к северу от гор Кашийари (Тур-Абдин) в северной Месопотамии. 20-тысячное войско абешлов, кашков, мушков и урумейцев

возглавляли 5 царей (Дьяконов 1951_a: 10 (I, 62; 23 (I, 69); Меликишвили 1960: 278, стк. 2-4. Предполагается, что затем мушки осели в этих местах. Позднее, в IX в. до н. э., они упоминаются здесь уже как земледельцы (Дьяконов 1967: 209).

В IX (VIII?) – VII вв. до н. э. в центре Малой Азии, к западу от Киликийского Тавра, формируется Фригийское царство, именуемое в ассирийских и урартских источниках Мушку, а в древнееврейских – Мосох, Мошок. Столицей этого царства был город Гордион, названный по имени его основателя, первого царя Гордия. Помимо этого, известно имя фригийских (мушкских) царей *Мита (Мидас*), причем имена *Гордий и Мита* (*Мида*) поочередно носили несколько фригийских царей. Позднее, согласно Геродоту, мосхи локализуются также на северо-востоке Малой Азии, рядом с тибаренами, макронами, моссиниками и марами, и вместе с перечисленными народами они входят в 19-й округ Ахеменидской Персии (Геродот: III, 94).

Проблема происхождения мушков//мосхов и их этнической идентификации в исторической науке до сих пор считается неразрешенной. По мнению ряда исследователей, исходным местом проживания мушков, из которого они после падения Хеттского царства, примерно в конце XII в. до н. э., в составе фрако-фригийских племен пришли в Малую Азию, являются Балканы (область Моесиа). Часть мушков (мосхов), продвинувшись до нижнего течения Арацани, осела в областях Алзи и Пурулумзи, и эти восточные мушки отождествляются с протоармянскими племенами (Дьяконов 1961: 223-225; Дьяконов 1967: 78).

Другая часть ученых предполагают, что миграция мушков происходила с востока на запад, а не в обратном направлении (Маккуйн 1983: 55-57). А. Хачатрян и С.Т. Еремян, например, считают, что название *мушки* следует связывать с именем страны *Мок*(*к*), упоминаемой древнеармянскими письменными источниками на юге от озера Ван, и с проживавшими в этой стране племенами, которые позднее переселились на северо-запад (в долину Верхнего Евфрата) и в центральные районы Малой Азии, во Фригию (Хачатрян 1933: 44-48; Еремян 1985: 31-33).

В соответствии с еще одной точкой зрения, мушки – это древнегрузинские племена, которые в составе древнеабхазских и древнеадыгских племен (абешлов и кашков) переместились в XII в. до н. э. с Южного Кавказа (с поздних Мосхийских гор) на юг и поселились в долине Арацани и верхнего течения Тигра, а спустя четыре столетия, в 70-х годах VII в. до н. э., возвратились обратно, в центральные области Южного Кавказа (Меликишвили 1954: 410-411; Меликишвили 1959: 111-112; Хазарадзе 1991: 89-90).

На основании внешнего сходства терминов А. Гётц сопоставлял мушков//мосхов с касками (косоги//адыги) (Goetze 1957: 179), а Н.Я. Марр – с абазгами (абаски//абхазы) (Марр 1938: 68). В последнее время с привлечением новых материалов мнение об абхазской принадлежности мосхов было развито в работах В.И. Кварчия (Кварчия 2015: 198-201; Кварчия 2019: 339-344). А.В. Косян же предлагал отделять восточных мушков от западных (фригийцев), поскольку первые, по его мнению, автохтонны, и первоначальными местами их обитания являются северо-западные и западные районы Армянского нагорья, откуда они вместе с кашками и абешлами продвинулись на юг, в Алзи и Пурулумзи (Косян 1996: 205-219).

Однако приведенные выше версии, на мой взгляд, не исчерпывают проблему. Благодаря совокупному анализу имеющегося материала, посвященного мушкам//мосхам, есть возможность дать этой проблеме иное освещение.

Прежде всего, отметим, что в грузинской историографии довольно часто происходит отождествление мушков с мосхами и месхами античных авторов, а последних – с древнегрузинскими племенами. Несмотря на то, что гипотеза о грузинской принадлежности мосхов в научной литературе была подвергнута вполне обоснованной критике, в историографии мушков//мосхов a priori причисляют к грузинским племенам. При этом мушки выступают в литературе то картлийскими (Меликишвили 2959: 96, 150; Меликишвила 1962: 145; Лордкипанидзе 1989: 48), то мегрело-чанскими (Микеладзе 1974: 35), то южногрузинскими племенами, проживавшими к юго-западу от оз. Ван (Мусхелишвили 1978: 17-30).

Парадоксально, но сторонники принадлежности мушков к древнегрузинским племенам для обоснования своего мнения почему-то приводят именно те аргументы, которые не только не имеют никакого отношения к грузинскому этносу, но и, напротив, свидетельствуют как раз о противоположном, подтверждая, что мушки (мосхи) никак не могут относиться к грузинским племенам. Так, одним из основных доказательств принадлежности мушков//мосхов к грузинским народностям считается дагестанское (аварско-андийское) название проживающих в современной Восточной Грузии тушин – *мосок//мосох* (Меликишвили 1959: 72).

Но ведь это явное недоразумение, ибо тушины относились к нахскому (чечено-ингушско-бацбийскому) этническому миру. Еще в начале XX века Н.Я. Марр, совершивший научную экспедицию в Тушетию, отмечал, что тушины все еще сохраняют свой родной язык – бацбийский (южная подгруппа нахских языков), но находятся при этом на стадии перехода на грузинский язык и слияния с грузинами (Марр 1916: 1383, 1388). Кстати, процесс ассимиляции нахских тушин в грузинской этнической среде по-прежнему не завершен и продолжается по сей день (См.: Дешериев 1963: 35). Свою этническую индивидуальность и родной язык до сих пор сохраняют цова-тушины (цу-бацой), а представители тушин, ассимилированные с грузинами, хотя и осознают уже себя в национальном отношении грузинами, но все еще сохраняют собственный культурный облик, указывающий на генетическое родство их с чеченцами и ингушами.

Известный грузинский этнограф 30-х гг. XX в. С. Макалатия также отмечал: «Цова-тушины говорят на цовском языке. По происхождению их язык галгайский и родственен кистинскому. Но в этом цовском языке много укоренившихся, заимствованных из грузинского языка слов. Цовцы любят свой родной язык и дома и вне его между собой разговаривают на нем. В их семьях цовский знают все – не знать язык просто стыдно. Дети цова-тушин начинают говорить на цовском и уже потом учат грузинский.» (Макалатия 1933: 109).

Дагестанский исследователь Т.М. Айтберов в своем специальном исследовании определил, что термин «мосох являлся аварским названием именно

нахоязычного населения современной Грузии – Цова-Тушети», в то время как нахов-бацбийцев, ассимилировавшихся с грузинами, аварцы-андийцы называют тушинами (туш), что говорит о том, что они четко различают нахоязычных мосохов-тушин и грузиноязычных тушин (Айтберов 1984: 56; см. также: Услар 1881: 85).

Кстати, Г.А. Меликишвили именно на основе сопоставления названия урартской области *Цупа* (*Цова*) с нахским этнонимом *цова* (*цова-тушины*), т.е. мосохами, приходит к выводу о связи племен этой урартской области с чечено-ингушским (кистино-бацбийским) населением Кавказа (Меликишвили 1954: 175; Меликишвили 1959: 150). Вторая часть термина *цова-тушины – туш*, в основе которой лежит имя нахского божества Тушоли, также связывается с урартским божеством Теишуба и с названием столицы Урартского царства Тушпа (Туш-па) (Дешериев 1963: 37; Алироев 1990: 140).

Для доказательства принадлежности мушков к древнегрузинским племенам была предпринята также попытка связать происхождение имен *Картли* (наименование страны) и *картвел* (самоназвание грузин) с *Гордиенскими*, или *Кордуенскими*, горами (совр. Курдистанские горы) и с племенем *кардухи*, а также с именем царей Фригии (Мушку) *Гордий* и названием фригийской столицы *Гордион*. И хотя Г.А. Меликишвили оговаривает, что «отождествление северомесопотамских мушков с поздними кардухами – гордиями, и вместе с тем с картвельскими племенами все еще, конечно, является гипотезой» (Меликишвили 2959: 109), в современной грузинской историографии кардухи, как и мушки, причисляются к древнегрузинским племенам без какого-либо научного обоснования.

Сопоставление наименований *Кордухи* и *Гордиен* ассирийских и урартских источников с названием *Карт*(*ли*) и самоназванием грузин – *картвелы*, было бы правомерным в том случае, если бы было достоверно известно происхождение самого термина *кард, горд, карт*, а также если бы начиная с конца II – начала I тыс. до н. э. этот термин являлся бы самоназванием древнегрузинских племен или обозначением этих племен в иной языковой среде в процессе их продвижения из

района Кордухских гор в центральные области Южного Кавказа. Но напротив, древнегрузинская историческая традиция говорит о том, что название страны *Карт-ли* происходит от имени вершины горы *Карт*, расположенной у слияния рек Арагви и Куры (Картлис цховреба: 35). Как отмечает Г.А. Меликишвили, в географическом названии *Картли* коренным является слово *Карт* (*Карти*), поскольку именно так первоначально именовалась вершина горы, на которой были построены крепостные сооружения и которая являлась центром окружающих ее земель; затем по названию центра была названа и страна. Отсюда же происходит и самоназвание грузин – *картвел (*Меликишвили Г.А. 1959: 95.; см. также: Бердзенишвили 1975: 208 и далее).

По поводу этимологии термина *карт* существуют различные точки зрения, но ни одна из них пока не признана удовлетворительной. Согласно А. Шанидзе, например, Картли – это *Партни*, т.е. жители Парфии и сама Парфия (Шанидзе 1980: 11), другие же ищут корни этого термина в индоевропейских языках. Г.А. Меликишвили, С.Н. Какабадзе связывают его с мегрельским *корти – место, стойло для скотины* (Меликишвили 1959: 95; Какабадзе 1967: 194), в связи с чем в северную Месопотамию, в соседние районы, где жили кордухи, переселяют и мегрело-чанские племена (Меликишвили 1959: 108).

Однако все эти предположения представляются лишенными основания хотя бы по той причине, что в мегрело-чанском языке слово *корти* не является исконным словом, а заимствованным из абхазо-адыгского языка, где *а-гуарт-а* (*gyarta*) – *место скучиванья скота* (Гублиа 2002: 30-31), Проникновение же абхазо-адыгского *гуарта* в мегрело-чанский язык могло произойти лишь в тот период, когда мегрело-чаны были расселены в районах Южного Кавказа, но отнюдь не тогда, когда они жили в Северной Месопотамии (если хотя бы гипотетически и допустить возможность их пребывания там). Впрочем, если согласиться с тем, что мегрело-чанские племена в конце II и начале I тыс. до н. э. жили на севере Месопотамии, то в таком случае, их, разумеется, нельзя уже сопоставлять с носителями колхидской культуры.

В свое время еще Н.Я. Марр отмечал, что термин *карт* не имеет объяснения в грузинской языковой среде, а «самоназвание грузин *Rfhsdtkb ḳarv-el-i* образовано не от чистой основы термина *ḳarṭ*, а от абхазской формы *а-карт-уа, а-kartw-а*», где *уа* (*wа*) означает *люди*, то есть *люди* (*местности*) *Карт* (Марр 1916: 1407; Марр 1938: 14). Как известно, первоначально абхазские и картлийские (картвельские) племена находились в длительном этническом контакте в районе Лихского хребта, а позже с юга между ними вклинились мегрело-чанские племена. Об этом свидетельствует древнейший пласт абхазской топонимии, выявленный в этих местах, а также значительное влияние абхазского языка на картлийский – минуя мегрело-чанский, как в области лексики, так и морфологии (Чикобава 1952: 149-168; Ломтатидзе 1956: 139). К сказанному следует добавить и то, что этноним *картуел* (*картвел*) помимо самих грузин известен только лишь абхазам. С учетом всего этого предположение Н.Я. Марра выглядит весьма убедительным.

Что касается самой основы *карт* термина *картвел*, то еще в начале XX века К.М. Туманов предложил, на мой взгляд, довольно убедительную этимологию этого слова на базе нахских языков, но данный факт странным образом выпадает из поля зрения исследователей. В вайнахских языках (чеченском, ингушском и бацбийском) вершина горы называется *куорт* (*корт*), оно, т.е. название, широко распространено в географической номенклатуре Чечни и Ингушетии (например, Арч Корт, Барт-Корт, Цхоар Корт и др). Если учесть, что вайнахский дифтонг ***уо*** соответствует грузинскому (картлийскому) ***а*** и мегрело-чанскому ***о*** (например: вайнахское *куотам – курица*, и грузинское *катами*; вайнахское *хуох – лук*, и грузинское *хахви*; вайнахское *луом – лев*, и грузинское *лом* и т.д.), то становится очевидным, что название *Карт* происходит от вайнахского *куорт* (*куорт → карт*) *– вершина, голова (*Туманов 1913: 54-62).

Как уже отмечено, название страны *Карт*(*ли*) и производный от него этноним *картвел* происходят от географического наименования вершины горы *Карт* (<*Куорт*), находящейся у слияния рек Арагви и Куры, где было построено крепостное сооружение, вокруг которого затем стали объединяться близлежащие

земли. Впоследствии, как уже было отмечено выше, название центральной части страны – *Карт*, распространилось на окружающие территории и их население. По свидетельствам древнегрузинских источников, которые подтверждаются и данными археологии, в середине I тыс. до н. э. этнический состав Картли был смешанным (согласно «Картлис цховреба», здесь говорили на шести языках). Поэтому, надо полагать, разнородное население не имело общего самоназвания, не существовало также, видимо, и единого, общепринятого этнонима, которым бы именовали жителей данной территорииих соседи, вследствие чего последние и стали называть жителей этой страны по названию ее центра – *Карт – карт-уаа – карт-уел – карт-вел – люди* (*местности*) *Карт*. И именно оно впоследствии стало самоназванием грузинского (картвельского) народа, сформировавшегося в процессе слияния проживавших на территории Картли различных этнических групп.

Правомерность предложенной К.М. Тумановым этимологии слова *карт* (*вершина горы*) может быть подтверждена и тем, что практически все топонимы с корнем *горд//гард, корт//карт* – как древних источников, так и ныне существующих на вышеуказанной территории являются горными вершинами или хребтами. Топонимы с основой *горд//гард, корт//карт* в древности были распространены от верховьев Большого Заба на юге до центральных и восточных районов Северного Кавказа на севере. Примеры таких топонимов: Гордиенские (Кордуенские) горы в верховьях Большого Заба; хребет Карт(евин) на северо-западе от Ванского озера; горы Кордук (Кортук), ущелье Карт (Картдзор) в верховьях Чороха; высокие пики Сурамского хребта – Кортохи, Карт(чхали); Гордиенские горы Плиния в районе Дарьяльского ущелья; названия вершин гор и хребтов с основой на *куорт//корт* в горной полосе Чечни, Ингушетии и Осетии (Туманов 1913: 56-58; Сулейманов 1976; Сулейманов 1978; Сулейманов 1980; Сулейманов 1985; Алироев 1990: 132.

Тот факт, что все эти топонимы, разбросанные по территории от Северной Месопотамии до Северного Кавказа, имеют формальное сходство, естественно, еще не означает, что своим происхождением они обязаны лишь нахскому языку,

и, разумеется, северо-месопотамское *кард (горд)* и кавказское *карт (корт),* кроме схожести в произношении, могут не иметь больше ничего общего. Но в то же время нельзя не учитывать, что названия с основой *горд//гард, корт//корт* распространены в местах, где раннее проживали племена, говорившие именно на родственных языках – хуррито-урартском и нахско-дагестанском, и поэтому, можно предположить, что слово *горд//корт* (*вершина*, *голова*) принадлежит к общему словарному фонду этих языков.

При этом следует учесть, что в Передней Азии, помимо топонима *горд//корт,* зафиксировано множество других древних этнотопонимических образований, сходных с этногеографической номенклатурой Ингушетии и Чечни и имеющих надежное объяснение в нахских языках. Одновременно привлекает внимание тот факт, что скопление похожих этнотопонимических наименований находится именно в тех местах, где засвидетельствованы восточные мушки, а именно – в нижнем течении Арацани (области Алзи и Пурулумзи), в Сасунских, а также Гордиенских горах, в верховьях Тигра (Аранцахи). Среди них особое внимание заслуживает название страны Мокк, располагавшейся между Гордиенскими горами и озером Ван. Еще К.М. Туманов связывал это название с нахским словом *мохк – страна (*Туманов 1913: 30-31. Принимая во внимание существующее в научной литературе мнение о том, что страна Мок-к являлась исходной точкой миграции мушков на север и северо-запад, такое сопоставление представляется вполне оправданным[16].

Но как бы ни решился вопрос происхождения названий Гордиенских, Кордухских гор Северной Месопотамии, упоминаемых ассирийскими и урартскими источниками, учитывая всю совокупность имеющихся на сегодняшний день материалов, делает более чем вероятным, что топоним *Карт*(*ли*), как и производный от него этноним *картвелы* восходит именно к нахскому названию вершины горы у слияния Арагви и Куры: *Карт* (← *Куорт*) –

[16] Страна Мокк (арм. Մոկք, у греко-римских авторов – *Моксоэна*) располагалась к югу от озера Ван, в горах Армянского Тавра. Ее центром был город под тем же названием – Мокк. Согласно древнеармянским источникам, горцы-мокцы пользовались среди армян репутацией храбрых воинов.

вершина, голова. Доказательством этому служит, как уже отмечено, и абхазское название страны Картли (Карт-тыла) и ее столицы Тбилиси – Карт, а также этноним *акартуа*, обозначающий букв. *люди* (*местности*) *Карт*. Несомненно, так могло называться только племя (или группа племен), селившие место, которое уже было известно как Карт, а потому применение термина *а-карт-уа (картвел)* как этнонима – явление вторичное.

Таким образом, как видим, из всех аргументов, приводимых в защиту гипотезы о возможной связи мушков, а через них кардухов Большого Заба, а также имени фригийского (мушского) царя Гордиона и названия Карт(ли) с грузинскими племенами, не остается ни одного. И если все же прослеживается связующая нить между переднеазиатскими мушками и кордухами, кавказскими мосхами (мосохами) и названием Карт, то это свидетельствует скорее о вероятности связи мушков-мосохов именно с нахскими племенами.

В следствие вышеизложенного могут предстать в новом свете и причины происхождения тех поразительных фригийско-нахских параллелей, которые изумляли многих исследователей. Л.П. Семенов, посвятивший этой теме специальное исследование («Фригийские мотивы в древнеингушской культуре»), выявил свидетельства непосредственных контактов древних ингушей с фригийцами (Семенов 1959: 120-125.

Во избежание повторений отметим лишь головной убор фригийцев, сохранившийся до сих пор у вайнахов и известный в литературе как *фригийский колпак*. Хотя, характеризовать данный головной убор как фригийский, возможно, не совсем правильно, поскольку подобные головные уборы были известны в Малой Азии за тысячу лет до появления там фрако-фригийских племен. Высокие колпаки были популярны у хурритов еще в первой половине II тыс. до н. э. (например, материалы из Арапхи), а у ингушских женщин т.н. фригийский колпак, именуемый на нахских языках *курхарс*, был широко распространен вплоть до недавнего времени (см.: Базоркин 2002: 251-254).

Такие головные уборы найдены в древних поселениях и могильниках VI–IV вв. до н. э. (Нестеревское, Исти-Су, Луговые, Урус-Мартановские и др.), в том

числе и в древних горных солнечных могильниках *мальх-каш*, а также в средневековых захоронениях XIV–XVIII вв. (Крупнов 1964: 73-74). Как справедливо отмечают исследователи, такое единообразие древних, средневековых и современных нахских головных уборов, несомненно, указывает на преемственность материальной культуры. При этом следует подчеркнуть такой существенный факт: характерные фригийские мотивы присутствуют только лишь у нахских народов, у других кавказских народов они не выявлены. Безусловно, столь полное сходство памятников материальной культуры, хорошо прослеживаемое на протяжении тысячелетий, не может объясняться случайным совпадением.

Нельзя оставлять в стороне также и тот факт, что имена фригийских (мушских) царей Мита (Мида) и Гордион (ГIорда) широко распространены среди нахских мужских имен. А поскольку выявлено, что имя Мита (Мида) было известно в Малой Азии задолго до появления фригийцев, этот факт не кажется столь уж невероятным. Так, в хеттском договоре XIII в. до н. э. с царствами Верхнего Евфрата упоминается царь страны Пахува Мита.

Возможно, что это случайное совпадение, однако оно становится более вероятным, если, наряду с вышеобозначенными параллелями, принять во внимание следующие весьма важные обстоятельства: во-первых, встречающееся в летописи хеттского царя Мурсили II (XIV в. до н.э.) название *Пахува* сопоставляется и с именами нахских похов (*пшавы* и *хевсуры*), и с самоназванием убыхов – *пёкх*, а восточно-малоазийское имя *Мита* идентично как нахскому *Мита* (*Мида*), так и абхазско-адыгскому *Мыта* (Меликишвили 1962: 62-63; Инал-ипа 1976: 140). Помимо этого, у нахских народов – чеченцев, ингушей и бацбийцев (цова-тушин), до сих пор сохранилось множество имен собственных, обнаруживающих, как не раз отмечали исследователи, поразительное сходство с древними переднеазиатскими именами.

Фригийско-нахские параллели можно объяснить только в том случае, если признать, что малоазиатские фригийцы и древние нахи имели непосредственные этнические контакты. Поскольку следов присутствия фригийских племен на

Кавказе совершенно не обнаруживается, остается лишь предположить, что контакты фригийцев с древневайнахскими племенами могли иметь место в Малой Азии.

Фригийское (Мушское) царство представляло собой сильное политическое образование в Малой Азии, неоднородное по этническому составу. В истории возникновения и дальнейшего развития этого крупного государства большую роль сыграли малоазиатские этнические группы, населявшие восточные провинции Фригии. В период наивысшего могущества Мушского царства, в VIII–VII в. до н. э., его владения достигали правобережья Евфрата, а также области Цова (Цоба), расположенной у слияния Арацани с Евфратом, и сопредельных местностей, где, по-видимому, проживали родственные племена.

Эти племена, входившие в состав Мушского (Фригийского) царства, естественно, своим соседям должны были быть известны под названием *мушки* (*мосохи*), соответствующим названию царства. В 676–675 гг. до н. э., после похода урартского царя Русы II на «Мушки, Хате и Халиту», царство Мушку прекратило свое существование (Меликишвили 1960: 278). В связи с этим, как предполагают исследователи, часть племен, проживавших в восточных провинциях Мушкского царства, переселяются на север, к Кавказским горам.

С V в. до н. э. в источниках – сначала античных, а затем и средневековых, мушки – *мосох//мосх/месх*, а также цова (*цова-тушины*) упоминаются уже в предгорьях центральной части Южного Кавказа. Как уже отметили выше, термином *мосох* дагестанцы называют именно нахских цова-тушин, четко отличая их от уже ассимилировавшихся с грузинами тушин. Все это дает основание предположить, что племена, переселившиеся из восточных провинций Мушского царства имеют этническую связь с нахскими племенами.

Следует также отметить, что в местах, где, по данным письменных источников, локализованы мушки (мосхи, мосохи, месхи), выявляются повторяющиеся топонимы, объясняемые на нахских языках. Так, в нахских языках для обозначения оголенных гор употребляется *лам//лом – оголенная* (*скалистая*) *гора* (в отличие от названия лесистых гор – *арц//арс*). Специалисты

давно обратили внимание на нахские топонимы с основой *лам//лом* в верховьях Евфрата, в Месхети (юго-запад современной Грузии) (см.: Туманов 1913: 34-37), местность Ломиан на юго-востоке от Арцианского хребта, в северо-западной части исторической Армении, и село Ломанаури на западе от того же хребта, в Аджарии. В Месхетии, недалеко от соврем. Ахалцихе, расположена гора Ломсиа, на которой возвышается древняя крепость, упоминаемая в «Географии» Вахушти как *крепость Ломсиа*. Еще Н.Я. Марр обратил внимание на нахский этнический термин *посх*, отложившийся в топонимии Месхети в форме *поцх*, с закономерным для грузинского языка переходом ***с*** в ***ц***: именно так именуется ущелье и река, впадающая в Ахалцихскую речку в Месхети (Марр 1922: 6).

Нахские топонимы с основой *лам//лом* прослеживаются к северу и северо-востоку по обеим сторонам Лихского хребта и в предгорьях Центрального Кавказа: Леманаури, Лемсиа, Лемзагори, Лами в Раче и Лечхуме, Лемискана, Ломиси, Ломисхеви, Лами и др. в Южной Осетии, Горийском и Душетском районах Восточной Грузии и более десятка топонимов, зафиксированных в горах Чечни и Ингушетии. Примечательно, что все эти горные местности соответствуют нахскому названию *лам//лом,* т.е. скалистые и оголенные.

Другой топоним, который привлекает внимание, это *Арг* (*Арг-ос*) – местность и гора в восточной Анатолии, области, входившей в состав Фригийского (Мушского) царства ((Ашхарацуйц: 35). Причем начиная с античного периода находим этот топоним уже в названии области на северо-западе от Лихского хребта – *Аргвети*. Кроме того, на Северном Кавказе «Ашхарацуйцем» засвидетельствован народ *арги* (*аргвелы*), относимый исследователями к нахским племенам и тоже оставивший след в топонимии земель, расположенных между современными городами Нальчиком и Грозным, а также в фольклоре народов, ныне населяющих эти места (Кузнецов 1984: 71-72).

Здесь же важно отметить, что нахские топонимы, обнаруживаемые на северо-востоке Армении и юго-западе Грузии, не могли возникнуть позднее I тысячелетия до н. э., т. к. начиная с середины I тыс. н. э., согласно различных письменных источников, этнический состав данного региона определяется

достаточно хорошо и исследователи не находят здесь каких-либо следов присутствия нахских племен.

Вся вышеприведенная информация подтверждается данными археологии. В восточной части Малой Азии – от ее центра до верхней долины Евфрата – складывается т.н. *старофригийская археологическая культура*: «керамика, расписанная концентрическими кругами, лучами и стилизованными силуэтами деревьев и оленей» (Дьяконов 1967: 131). Эта культура находит достаточно выразительные параллели в археологических памятниках Центрального Кавказа, относящихся к кобанской культуре (см.: Уварова 1900: вып. VIII. Табл. XVI–XX, XXIII–XXV; Крупнов 1964: 369-370).

В памятниках материальной культуры VIII–V вв. до н. э. Боржомского ущелья (особенно в могильнике Борнигели), расположенного на Мосхийском хребте и являющегося одним из двух выходов на юг из Внутренней Картлийской долины, в погребальном обряде и в инвентаре довольно четко прослеживается сходство с археологическими материалами Юго-Осетии (Ожора, Ахалгори), верховий Терека (Казбеги), Ичкерии в Чечне. Аналогия с северокавказскими памятниками обнаруживается также в бронзовых скульптурах из Борнигели (см.: Гамбашидзе, Гамбашидзе 1986: 22-27; Козенкова 1996: 134-135).

Таким образом, появляются достаточно веские аргументы для предположения о возможной этнической связи между мигрировавшими из восточной части Малой Азии на Кавказ древними мушками (мосохами, мосхами) и древневайнахскими племенами. Отсутствие же в вайнахской этнической номенклатуре термина *мушк* (*мосох*), скорее всего, свидетельствует о том, что он не являлся самоназванием каких-либо нахских племен.

По-видимому, следует считать правомерным мнение М.И. Дьяконова, согласно которому, термин *мушки//мосхи* являлся не самоназванием, а собирательным именем, и племена, входившие в состав Мушского (Фригийского) царства, могли быть известны своим соседям под общим именем *мушки* (*мошок, мосох*) (Дьяконов 1967: 77).

Однако здесь возникает вопрос: если термин *мушк//мосх//мосох* не являлся самоназванием племен, пришедших на Кавказ с юга, а лишь иноназванием, которое дали им соседи Мушского царства, тогда почему после переселения мушков на Кавказ новые соседи – дагестанцы, начали называть их тем же собирательным именем, под которым они были известны в Восточной Анатолии, и почему именно дагестанцам-андийцам стало известно, как называли жителей Мушского царства народы Малой Азии.

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним, какие народы и племена населяли территории, соседствующие с восточными провинциями Мушкского (Фригийского) царства. Названия этих народов и племен зафиксированы в надписях, созданных после военных походов ассирийских и урартских царей.

По данным урартских и ассирийских источников, между оз. Урмия и средним течением Аракса, достигая на востоке берегов Каспийского моря, лежала страна *Андия* ($^{KUR||URU}$*Andia*) (Дьяконов 1951: 46 (178), населенная народом *анди*. В научной литературе и страну Анди, и населявший ее народ анди обоснованно сопоставляют с дагестанскими *андиями* (*андийцы-аварцы*). На юго-востоке от Андии, в пределах современного Ирана, располагалась область *Табаристан* или *Табасаран* (современный Мазандеран), и это название соотносится с областью *Табасаран* (*Табарсаран*), которая была размещена в бассейне р. Рубас к юго-западу от Дербента, и с проживающим там дагестанским народом *табасаран*, относящимся к лезгинской группе (Новосельцев 1990: 85).

К северо-западу от древней Андии, на обширной территории Южного Кавказа были расположены объединения Диаухи и Этиуни. Ряд древних названий областей и племен, входивших в эти объединения, как уже отмечено выше, находит надежные параллели в современной этнотопонимии нахских и дагестанских народов.

К юго-востоку от Мушского царства, южнее области Цоба (Цова), лежала страна *Тумме* (^{KUR}*Tumme*) (Дьяконов 1951: 10 (IV, 43). Название *Тумме* сопоставляется с андийским именем дагестанского народа лакцев – *тумме*, которое, как и название области проживания этого народа – *Тум*(*м*)*ана*,

зафиксировано на территории Дагестана еще средневековыми письменными источниками: лакская местность *Тумана* упоминается среди земель Дагестана, занятых арабским полководцем Мирваном ибн-Мухаммадом во время похода на Дагестан в 30-х годах VIII века (аварское царство Серир, *Туман*, Зарикакар, Хамзин, Синдан) (Баладзори 1927: 56).

Свою страну лакцы называли *Куммух* (*Кази-Куммух*), и это название, возможно, также следует связывать с областью Куммух ассирийских и урартских источников ($^{KUE\|URU}$*Kum*(*m*)*uh* – *Qumaha*, античная *Коммагена*), располагавшейся на побережье верхнего Евфрата, по соседству с Хате, Мелиду-Мелитеа (соврем. Малатия).

Таким образом, территории к северо-востоку, востоку и юго-востоку от Мушского царства заселяли племена и народности, которые можно идентифицировать с современными восточнокавказскими народами. Они упоминаются не только урартским и ассирийским, но также античным и средневековым источникам. Античным авторам и авторам периода раннего средневековья – армянским, арабским и грузинским, эти народы (мосхи, эры, анди, ути (этив), дидои, цудала, тумме, табасаран и др.) известны уже к северу от прежнего места проживания – на побережьях Куры и Алазани, в районах Центрального и Восточного Кавказа.

Благодаря письменным источникам можно проследить не только места компактного проживания перечисленных племен в урартский период, но и пути их перемещения на Кавказ (как во времени, так и в пространстве). Перемещение происходило медленно, постепенно, на протяжении длительного времени, и в процессе движения племена оставляли в местах своего пребывания топонимы, многие из которых сохранились до сегодняшних дней. Сведения письменных источников подтверждаются не только данными топонимики, но и археологическими материалами, свидетельствами языка, антропологии и фольклора.

В настоящее время все эти родственные народы проживают на Кавказе и являются соседями. Они по сей день сохраняют те же этнические имена,

которыми называли друг друга в древности, когда соседствовали на территории Восточной Анатолии, долинах Куры и Аракса. Отсюда становится понятным, почему дагестанцы-андийцы продолжают называть племена, переселившиеся когда-то из восточных провинций Мушского царства на Кавказ, мосохами. Здесь следует еще раз отметить, что дагестанцы-андийцы называют мосохами именно цова-тушин, четко отделяя их от той части нахских тушин, которая уже ассимилировалась с грузинами. Данный факт достаточно определенно свидетельствует в пользу нахской этнической принадлежности племен, мигрировавших из восточной Анатолии на Кавказ и известных под общим именем *мосох//масах*.

Подтверждением правомерности предлагаемой гипотезы служит и определяемый по данным античных источников ареал расселения мосхов на Кавказе в древности. Как уже отмечено выше, с именем *мосхи* связываются названия Мосхийского хребта, области Самцхе (Самесхети), поселения у слияния реки Арагви с рекой Кура – Мцхета (Месхе-та), а также территории расселения мосохов (цова-тушины) – Масахии. Однако еще Н.Я. Марр отмечал, что проживавшие в верховьях Риони и Ингури сваны свои земли тоже называли *страной мосохов* и что именно мосохи стали основным этническим субстратом для переселившихся с юга в эти места сванов (Марр 1916: 1689).

О проживании мосхов в предгорьях и горных районах центральной части Главного Кавказского хребта сообщают античные авторы Геланик Милитенский (V в. до н. э.) и Палефат Абидосский (IV в. до н. э.), а также историки, писавшие о Митридатовых войнах. Кроме того, современные исследователи вполне обоснованно говорят о существовании в античной литературе довольно продолжительной исторической традиции локализации мосхов в предгорной и горной зоне Главного Кавказа в V–I вв. до н. э. (см.: Инадзе 2000: 66-67; Мусхелишвили 2000: 117).

Однако предлагаемая Д.Л. Мусхелишвили и М.П. Инадзе (Инадзе 2000: 67; Мусхелишвили 2000: 118) локализация мосхов//мосохов на северо-западе Колхиды, в горных областях Западного Кавказа и на южном склоне Главного

Кавказского хребта (от верховья р. Бзыбь до г. Туапсе) представляется произвольной и, как увидим ниже, не соответствует данным античных источников. Такая локализация вызвана скорее тем, что в своих выводах указанные исследователи опираются лишь на сообщения отдельных античных авторов, не привлекая и не комментируя все известные на сегодняшний день материалы древних источников, посвященные мосхам на Кавказе. Вместе с тем, совокупный анализ сведений античных письменных источников дает совершенно иную картину расселения мосхов на Кавказе.

Прежде всего, привлекает внимание тот факт, что в сообщениях античных авторов мосхи Западного Кавказа неизменно выступают соседями керкетов: «выше же керкетов живут мосхи и хариматы, ниже же гениохи, выше же кораксы» (Гелланик, фр. 109); «к керкетам примыкают мосхи и хариматы владеют Парфением до Эквсинского Понта» (Палефат, VII, фр. 1.).

Страбон приводит две точки зрения по локализации интересующих нас керкетов: «После Бат (поселение к востоку от Синдской гавани. – Г.Г.) Артемидор называет побережье керкетов…; затем побережье ахейцев…; потом берег гениохов… Историки Митридатовых войн, которые заслуживают больше доверия, напротив, называют сперва ахейцев, затем зигов, потом гениохов, далее керкетов, мосхов, колхов…» (Страбон: XI, II, 14). Как видно, Страбон отдает предпочтение именно сообщениям историков Митридатовых войн, что вполне правомерно, поскольку они лично побывали в этих местах вместе с Митридатом VIII Евпатором и согласно их сведениям, керкеты и мосхи располагаются между гениохами и колхами.

Но, в то же время, многочисленные свидетельства древних авторов, признаваемые и современными исследователями, говорят о том, что гениохи и колхи проживали по соседству на берегах Черного моря, чего не отрицает и Страбон, указывая, что «за гениохами находится Колхида» (Страбон: XI, II, 1). Более того, по данным некоторых античных авторов, термины *гениохи* и *колхи* часто выступают синонимами и являются взаимозаменяемыми.

Страбон, перечисляя в своем труде страны и народы Кавказа от Синдики на восток, уточняет, какие народы живут на побережье Черного моря: «После Синдской области и Горгипии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов, лишенное большей частью гаваней и гористое, так как оно является частью Кавказа…» (Страбон: XI, II, 12). Сообщая затем, что «за гениохами находится Колхида», греческий географ таким образом прямо указывает на то, что для керкетов и мосхов не остается места не только между гениохами и колхами, но и на всем Черноморском побережье. Следовательно, керкеты и мосхи должны быть локализованы не на побережье Черного моря, а в горах и предгорьях Кавказа, над колхами и гениохами.

Действительно, в греко-латинских источниках населявшие Причерноморье племена – древнеадыгские ахеи и зиги и древнеабхазские гениохи, неразрывно связаны с морем и представлены искусными мореплавателями, однако керкеты, наряду с другими древнеадыгскими племенами, довольно часто упоминаются в предгорьях Северо-Западного Кавказа. По мнению специалистов-языковедов, этническое название *керкеты*, встречающееся у античных авторов и *черкеней* более поздних авторов, сохранилось в видоизмененной форме в имени *черкес*, а также в названии одной из адыгских родоплеменных групп (бжедугов) – *черкеней*.

Впервые керкетов упоминает Скилак Кариандский (IV в. до н. э.), который размещает их за меотами и синдами, в предгорьях Северо-Западного Кавказа, хотя более поздние авторы (Псевдо-Арриан, V в. н. э.) локализуют керкетов уже на побережье Черного моря и характеризует их, как и ахейцев, зигов и гениохов, искусными мореплавателями. Тем не менее, в интересующий нас период (середина и вторая половина I тыс. до н. э.) керкетов, скорее всего, следует локализовать в предгорьях Северо-Западного Кавказа.

Нужно также иметь в виду, что упоминание керкетов в разных местах – то на черноморском берегу, то в предгорьях Северо-Западного Кавказа, может быть связано не с перемещениями этого племени, а с тем, что в те или иные периоды термин *керкет* мог употребляться в собирательном значении. Например, вполне возможно, что Псевдо-Арриан в собирательным смысле *керкетами* называет тех

же ахейцев и зигов (зихов). Так или иначе, учитывая, что на территории Абхазии и на западе от нее, на побережье Черного моря до р. Ахеунта (р. Шахе, вблизи нынешнего Туапсе), раннеантичные авторы керкетов не упоминают, более чем вероятно, что в термине *керкеты* античных источников отражено одно из названий древнеадыгского населения предгорий Северо-Западного Кавказа. В таком случае мосхи могли граничить с керкетами если они проживали в западных районах Центрального Кавказа, а значит, указанные античные авторы обозначали *мосхами* население горных и предгорных районов западной части Центрального Кавказа.

При такой локализации мосхов становятся понятными и приобретают большую значимость восходящие к ионийским географам сообщения Марка Аннея Лукана о проживании мосхов между сарматами и колхами («сармат, сосед свирепых мосхов, живущих там, где Фасис рассекает богатейшие нивы колхов») (Лукан: III, 266-283; Латышев 1949: 322), а также уточнения, содержащиеся в схолиях к Лукану («соседние между собой… сарматы и мосхи вели продолжительные войны [между собой]») (Латышев 1949: 322).

Совершенно очевидно, что мосхи («живущие там, где Фасис рассекает богатейшие нивы колхов») могли одновременно соседствовать с колхами, расселенными в Восточном Причерноморье, и с сарматами, населявшими степные районы Северного Кавказа, между Доном и Волгой, лишь только в том случае, если проживали на южном (к северу от Эгрисского и Рачинского хребтов, т.е. в верховьях Фасиса) и северном склонах Главного Кавказского хребта, т.е. в центральных районах Кавказа.

При этом следует учитывать, что в представлении античных авторов Главный Кавказский хребет вовсе не был линией этнического и политического размежевания населения Кавказа. Как уже выше отмечалось, такой линией, отделявшей Колхиду от *Кавказской Сарматии*, во времена античности являлись Эгрисский и Рачинский хребты. По данным античных источников, территория к северу от Эгрисского и Рачинского хребтов до Главного Кавказского хребта, не входила в пределы Колхиды. Поэтому представляется более чем вероятным, что в

сообщениях историков Митридатовых войн и Лукана отражена раннеантичная историческая традиция, согласно которой, мосхи жили в горных и предгорных зонах Центрального Кавказа, по обеим его сторонам, являясь одновременно соседями как сарматов на севере и керкетов на западе, так и колхов на юге.

В трудах Страбона нашли отражение весьма важные сведения еще одного античного автора – Феофана Митиленского, сопровождавшего Помпея во время походов в страны Южного Кавказа. Эти сведения подтверждают локализацию мосхов в районах Центрального Кавказа. Страбон пишет, что через Колхиду «протекает большая река Фасис, берущая начало в Армении и принимающая в себя реки Главка и Гиппа (Конь), низвергающихся с соседних гор. Фасис судоходен вверх до крепости Сарапан (современный Шорапани. – Г.Г.), могущей вместить в себя население целого города, а отсюда до Кира (р. Кура. – Г.Г.) четыре дня сухого пути по проезжей дороге… Выше названных рек, в стране мосхов, находится святилище Левкотей, построенное Фриксом…» (Страбон: XII, II, 17).

Согласно греческому географу, река Фасис является судоходной на отрезке до крепости Сарапан (Шорапани), следовательно, в данном сообщении передается, как справедливо полагают специалисты, распространенное в древности заблуждение, в соответствии с которым за Фасис принималась река Квирила, а затем, после ее слияния с рекой Риони, ее среднее и нижнее течение. Впадающие же в Фасис реки Главк и Гипп путали с верховьями Риона и Цхенисцкали (см.: Меликишвили 1959: 75). Однако истоки как Риона, так и Квирилы, как известно, находятся не на территории Армении. Ошибочное указание Страбона на истоки Фасиса (Квирилы) в Армении объясняется тем, что южная часть области проживания мосхов//месхов (Месхети) во II–I вв. до н. э. входила в состав Армении (Страбон: XI, IV, 5; Меликишвили 1959: 159). Но даже такое объяснение не снимает вопрос полностью, так как исток Квирилы, расположенный в северо-западном предгорье Сурамского (Лихского) хребта) находится на довольно большом расстоянии от Месхети.

Вряд ли стоит приписывать Страбону столь грубую ошибку. Действительно, далее Страбон уточняет, что «*река Фасис берет начало в лежащих над Иберией горах*, пополняясь многими ключами, а в равнинах принимает в себя и другие реки, в том числе Главк и Гипп» (Старбон: XII, III, 4) (выделено мной. – Г.Г.). Река Фасис (Квирила) берет начало на северо-западной окраине Лихского (Сурамского) хребта, за которым далее уже тянутся отроги Главного Кавказского хребта. Реки Главк (верхнее течение Риона) и Гипп (Цхенисцкали) берут начало с южных отрогов Главного Кавказа. Выше верховьев названных рек, по Страбону, находится страна мосхов.

В данном сообщении Страбона о «горах, возвышающихся над Иберией», следует иметь в виду, что речь идет не о Лихском хребте (или северной части Мосхийского хребта), поскольку Лихский хребет вместе с областью Аргвети, располагавшейся на левобережье Квирилы (Фасиса) и включавшей в себя крепость Шорапани, входил в состав Иберии (Картли). Т.е. эти горы находились *внутри* Иберии, а значит, никак не могли восприниматься как *возвышавшиеся над Иберией*.

Если учесть, что исток Квирилы (Фасиса) находится на северо-западной окраине Сурамского хребта, над областью Аргвети, т.е. Иберии, а за ним уже начинаются отроги главного Кавказского хребта, становится ясным, что в сообщении Страбона о «горах над Иберией» имеются в виду предгорья Главного Кавказского хребта. Следовательно, говоря об истоке Фасиса (Квирила) в горах над Иберией, греческий географ передает реальную этнополитическую ситуацию: во-первых, выше названных рек – Квирилы (Фасиса) и ее притоков Главка (верхнее течение Риони) и Гиппа (Цхенисцкали), к северу от Эгрисского, Рачинского и Лихского хребтов, в предгорьях центральной части Главного Кавказа размещалась страна мосхов; во-вторых, здесь же, т.е. не по Главному Кавказскому хребту, а по линии, включающей в себя северные отроги Лихского хребта, Жинвали и Квел-Даба (современный Ахметский район Грузии), где, по представлению античных историков и географов, проходила северная граница Иберии (Картли).

Таким образом, приведенные Страбоном историко-географические ориентиры достаточно определенно указывают на то, что во второй половине I тыс. до н. э. мосхи проживали не только между Колхидой и Иберией – в Мосхийских горах, но и на севере этих стран, в горных и предгорных районах Главного Кавказского хребта.

Выше Колхиды и Иберии локализует мосхов и Плиний Старший: «…Самая прославленная [из рек] Понта – Фасис… берет начало [на территории] мосхов, судоходен для наиболее крупных судов на 38,5 мили [от устья], затем на значительном расстоянии для малых [судов]. Далее переправу [через Фасис обеспечивают] 120 мостов. На его берегах было множество городов… Сейчас он обладает только [городом] Сурий, который сам назван по реке, впадающей [в Фасис] там, где он, как мы сказали, судоходен для больших кораблей…» (Plin.: VI, 15, 16).

Плиний, как и Страбон, называет Фасисом реку Квирила, а город Сурий, расположенный на берегу Фасиса, отождествляет с современным Вани (Ванское городище) (Воронов 2006: 156). По Плинию, Фасис (Квирила) также берет начало на территории мосхов, т.е. Плиний, как и Страбон, локализует мосхов на территории соврем. Рача-Лечхуми и Южной Осетии. По-видимому, и Страбон, и Плиний Старший черпали информацию из одного источника. Таким источником, как считают исследователи, скорее всего, был уже упомянутый выше Феофан Митиленский, друг Помпея, сопровождавший его в походах в страны Южного Кавказа, в том числе в Колхиду и Иберию, и описавший его деяния. Именно поэтому сведения Страбона и Плиния заслуживают доверия как исходящие от человека, лично побывавшего на землях мосхов.

Раннеантичная историческая традиция, согласно которой мосхи населяли горные и предгорные зоны Центрального Кавказа, прослеживается и в позднеантичных источниках. К примеру, на т.н. Певтингеровой карте мосхи размещены в предгорьях Центрального Кавказа, западнее сванов (Itineraria Romana: 1916). Прокопий Кесарийский также сообщает о проживании мосхов//месхов в предгорьях Центрального Кавказа между сванами и иберами

(Прокопий Кесарийский, VIII, 2). Аутентичность сведений древних авторов о локализации мосхов в предгорьях Центрального Кавказа сегодня признается многими учеными.

В ряду античных авторов, традиционно локализующих мосхов в предгорьях западной части Центрального Кавказа, особняком стоит Помпоний Мела. Он размещает мосхов юго-восточнее Центрального Кавказа, рядом с албанами: «…У Каспийского залива живут каспии и амазонки, называемые савроматидами, у Гирканского – албаны, мосхи, гирканы» (Помпоний Мела, III, 38-39). Свидетельство Помпония Мелы является весьма важным и тем, что оно восходит к ионийским географам (Гекатей, Геродот и др.), данными которых римский ученый пользовался в своей работе.

Согласно сообщениям Помпония Мелы, мосхи располагались между албанами и гирканами. Известно, что термином *Гиркания* античные авторы, опять-таки следуя ранней традиции, часто называли Иберию. Кавказская Албания граничила с Иберией (Картли) по реке Кура и впадающей в нее реке Иори. Отсюда следует, что мосхов Мелы, размещенныхим между гирканами (иберами) и албанами, нужно локализовать северо-западнее Албании и северо-восточнее Иберии, в горных районах современной Восточной Грузии, т.е. в местах проживания нахских тушин, известных дагестанцам как *мосохи//мосхи*. В этих же местах, по соседству с албанами и иберами, размещают мосохов//мосхов (мазака, масаха-хон), отождествляемых с нахскими цова-тушинами, также Плиний и Агатангелос (Гумба 1987: 35-40).

Как видим, ареал расселения на Кавказе племен, известных как мосхи//масахи второй половины I тыс. до н. э., довольно обширен. Сведения античных авторов об этих племенах на первый взгляд кажутся весьма противоречивыми. Создается впечатление, что в сообщениях древних авторов о кавказских мосхах присутствует какая-то путаница или же речь идет об отдельных этнических группах мосхов, мигрировавших из восточных регионов Малой Азии и проживавших изолированно друг от друга в различных областях Кавказа.

На самом же деле здесь нет никакого противоречия – все становится ясным, если учитывать то, что древние авторы черпали сведения о мосхах//масахах в разных частях Кавказа, в каждой из которых сосредотачивалась информация только о ближайших районах, и по этой информации, конечно же, нельзя было составить представление обо всем ареале расселения мосхов.

Сказанное относится также и к двум якобы разнящимися сведениями о мосхах у Страбона: в одном случае упоминания их среди перечня народов Западного Кавказа, а в другом – на севере Иберии и Колхиды. Все объяснимо тем, что эти сообщения взяты из различных источников, причем информация в первом сообщении исходит от историков Митридата, а потому мосхи названы в перечне народов Западного Кавказа, как их соседи, проживавшие рядом с керкетами (у Лукана – между колхами и сарматами). Во втором сообщении Страбон располагает страну мосхов выше Колхиды и Иберии, и в этом случае он использует сведения участника похода Помпея, лично побывавшего в Иберии и Колхиде.

Если суммировать данные античных авторов о географическом расположении мосхов на Кавказе и нанести на карту, то можно будет увидеть, что на западе мосхи граничили с древнеадыгскими племенами – керкетами, на востоке – с албанами, на севере – с сарматами, на юге – с колхами и иберами. В таком случае становится ясным, что древние авторы употребляли термин *мосхи//мосохи* для обозначения всего населения горной и предгорной зоны Центрального Кавказа второй половины I тыс. до н. э.

Таким образом, согласно данным античных источников, во второй половине I тыс. до н. э. мосхи проживали по обеим сторонам центральной части Главного Кавказского хребта. На юге мосхи//масахи граничили с Колхидой и Иберией (Картли) по линии: верховье реки Ингур – Эгрисский и Рачинский хребты – северные склоны Лихского хребта – Живали – Квел-Даба – междуречье Алазани и Иори. Из-за недостаточности материалов весьма сложно говорить о северных пределах проживания мосхов – можно лишь утверждать, что с сарматскими племенами мосхи граничили в северокавказских степях.

Античная традиция локализации мосхов на Центральном Кавказе второй половины I тыс. до н. э. полностью совпадает с ареалом расселения в тот же период нахских племен, называемых древнеармянскими источниками *нахаматеаны//нахчаматеаны*, а древнегрузинскими – *кавкасиани*, а также *махлов,* упоминаемых в античных источниках и нашедших место в абхазском, адыгском и осетинском эпосах (*малхузы, малхи, махъалон*) (Гумба 2016: 60-67, 79).

Судя по тому, что термин *мосох//мосх* как наименование нахов сохранился лишь у дагестанцев, остается предположить, что этноним *мосх (мосох),* применявшийся античными авторами для обозначения населения Центрального Кавказа, является отражением именно дагестанского, точнее – албано-дагестанского, общего названия древних вайнахов. Таким образом, имеющийся материал позволяет считать, что переселившиеся на Кавказ из восточных провинций Мушского царства племена, известные под именем *мушки//мосхи//мосохи*, являлись этнически близкородственными нахам.

В качестве общенахского термин *мосхи* использовался и раннесредневековыми авторами. Так, историк VI века Менандр Византиец (Протиктор) при описании маршрута византийского вельможи Зимарха, возвращавшегося в 569 году с Востока в Константинополь через Северный Кавказ, при прохождении вдоль верховья реки Кумы, упоминает кавказский народ *оро-мусхи*, опасаясь которого, делегация продвигалась «в страхе и трепете» (Менандр Византиец 1860: фр. 21). Представляется вполне допустимым сопоставление этнонима *оро-мусхи* Менандра с дагестанским названием нахов *мосхи* (*масахи*), а народ оро-мусхи – с нахами, тем более что, судя по контексту Менандра, оро-мусхи проживали в восточной части Центрального Кавказа, занимая, по-видимому, территории нынешних Чеченской, Ингушской и Северо-Осетинской республик.

Позднее содержание термина *мосхи//мусхи//масахи* меняется. Согласно наблюдению П.К. Услара, если ранее дагестанцы употребляли слово *мосох* для обозначения всего нахского населения горной части современной Восточной

Грузии, то в конце XIX века *мосхами* назывались уже только нахские цова-тушины (Услар 1881: 85; см. также: Айтберов 1984: 57).

Здесь нельзя не отметить и тот примечательный факт, что в истории существования термина *мосх* (*мосох*) выявляется общая закономерность, присущая и другим нахским этнонимам – *нахчаматеан* и *малхи* (*махли*, *махал-он*). Если в середине и во второй половине I тыс. до н. э. термин *нахчаматеан* обозначал население всей территории Центрального Кавказа, то позднее он стал применяться для обозначения одного из нахских народов – чеченцев. Термин *махли//малхи*, употреблявшийся в древности абхазами, адыгами и ираноязычными племенами как общее наименование нахов, сохранился позднее в названии одного из нахских народов – ингушей (*махьалон*), а также нахской родоплеменной группы – малхи (малхийцы) (Гумба 2016: 70 и далее).

Подобную трансформацию претерпевает и термин *мосх//мосох*: во второй половине I тыс. до н. э. он использовался для обозначения нахского населения всего Центрального Кавказа, в раннесредневековый период обозначал нахские народы восточной части Центрального Кавказа, позднее – нахских жителей горной части современной Восточной Грузии, и, наконец, стал названием одного из подразделений нахского этноса – цова-тушин.

Как видно, рассмотренные выше этнотопонимы при всем желании довольно сложно отнести к грузинским. Следовательно, существующее в научной литературе мнение о том, что грузинские племена проживали на территории Южного Кавказа во II и в начале I тыс. до н. э., не может быть научно доказано и останется гипотезой до тех пор, пока не будут найдены и подкреплены серьезной научной аргументацией более достоверные данные. Впрочем, тот факт, что в древних источниках не упоминаются племена, которые с той или иной долей вероятности можно бы было сопоставить с древнегрузинскими, конечно, еще не означает, что в вышеуказанный период в описываемом регионе грузинский этнос вообще отсутствовал.

Среди такого исключительно пестрого по этническому составу населения, вероятно, были и древнегрузинские племена, но их названия, будучи покрытыми

именами более крупных этнополитических образований, могли не отразиться в древних источниках, поскольку в то время эти племена, скорее всего, никак не выделялись среди своих соседей и еще не играли в регионе сколько-нибудь значительной роли. Вопрос о том, какие из известных к настоящему времени древних племен являлись грузинскими, все еще остается открытым и требует, как уже выше отмечалось, более внимательного и обстоятельного изучения.

§3. **Хоны**

Согласно грузинской исторической хронике «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии») [17], первоначально на территории Картли проживали бунтурки и прибывшие с юга племена хонов, и лишь затем, после похода Александра Македонского (конец IV – начало III в. до н. э.), сюда переселились грузинские (картвельские) племена: «Когда царь Александр обратил в бегство потомков Лота и оттеснил их в полуночную страну, тогда [он] впервые увидел свирепые племена бунтурков, живших по течению Куры в четырех городах с их предместьями. [Это были]: город Саркине, [город] Каспи, [город] Урбниси и [город] Одзрахе и крепости их: большая крепость Саркине, правительские крепости Каспи, Урбниси, Одзрахе. Удивился Александр и разузнал, что были они потомками иевусеев. Ели все живое и не было у них могил – мертвых пожирали. Будучи [тогда] не в силах бороться с ними, царь удалился.

В то время пришли выселенные халдейцами воинственные племена хоннов. Они испросили у владыки бунтурков место, под [условием платить] дань, и поселились в Занави. И владели они им [местом], за которое платили подать, поэтому называется он Херки.

Спустя некоторое время прибыл Александр, царь всей земли, разрушил эти три города и крепости и поразил хоннов оружием. А с городом Саркине воевал одиннадцать месяцев; расположился с западной стороны, насадил виноградник,

[17] «Обращения Грузии» («Мокцевай Картлисай») специалисты относят к V в., а в VII и IX вв.сочинение было подвергнуто редактированию.В научной литературе высказано мнение, что одним из источников, использованных при написании данной хроники, возможно, был письменный памятник начала III в. до н. э. (см.: Обращение Грузии 1989: 14-19; Меликишвили 1959: 23-28).

провел оросительный канал из Ксани и у истока канала поставил людей смотреть [за каналом]; от «стаги» канала это место называется Настагиси. Потом взял Александр Саркине: сами [бунтурки, хонны] оставили и удалились.

И держал при себе царь Александр сына царя Арриан-Картли Азо, и дал ему в резиденцию Мцхета, и назначил ему границами Эрети, Эгрисцкали, Сомхитию и Црольскую гору, и ушел.

А этот Азо отправился в Арриан-Картли, к отцу своему, привел [оттуда] восемь домов и десять домов сородичей [своих] и поселился в древней Мцхета, имея при себе богами идолов – Гаци и Гаим. И этот Азо, сын царя Ариан-Картли, был первым царем в Мцхета, и умер он.

И после него царем стал Парнабаз. Он воздвиг большой идол на выступе [горы] и дал ему имя Армаз, и обвел [идол] стеной со стороны реки, и называется [это место] Армаз» (Обращение Грузии 1989: 23).

Среди племен Центрального Кавказа хонов упоминают также и древнеармянские авторы. Однако сведениям древнегрузинских и древнеармянских источников о бунтурках и хонах как о древнейшем населении Картли в исследовательской литературе до сих пор не уделено должного внимания. Традиционно хонов Леонти Мровели и древнеармянских историков современные исследователи отождествляют с тюркоязычными гуннами (хуннами)[18].

Известно, что тюркоязычные гунны вторглись в степи Восточной Европы в 70-е годы IV в. н. э., и примерно тогда же они появились и на Северном Кавказе. Они считаются выходцами из Азии, из районов, расположенных к северу и северо-западу от Китая. Это было азиатское кочевое племя, о чем говорят образ жизни и облик его представителей, известные из описаний современников. Во внешности гуннов явно просматриваются черты монголоидной примеси: малорослые, сухопарые, безбородые, «с дырами вместо глаз» (Иордан 1997: 84-85). На Кавказ гунны пришли в 60-70 годах IV в., а уже в конце того же века они

[18] К вопросу о бунтурках мы возвратимся в соответствующем месте ниже.

прорвались через Дербент на Южный Кавказ и, сметая все на своем пути, дошли до Сирии.

С того времени упоминания о северокавказских гуннах появляются в трудах многих восточных и западных историографов, в связи с чем информацию о проживании хонов в Картли в I тыс. до н. э., содержащуюся в древнегрузинских и древнеармянских источниках, некоторые ученые считают анахронизмом, а факт проникновения в эти источники термина *хон* отражением периода господства тюркоязычных гуннов на Северо-восточном Кавказе в V–VI вв. н. э. (Артамонов 1962: 52; Гадло 1979: 31-35).

Более того, сведения «Обращения Грузии» о хонах (и бунтурках), предшественниках грузинским племенам в Картли, некоторые ученые вообще считают «сказочным и неправдоподобным» (Гвасалия 1991: 155). Однако, как справедливо отмечает исследователь и издатель «Обращения Грузии» М.С. Чхартишвили, «нет никаких оснований приписывать автору «Обращения Грузии» такую грубую ошибку. На современном этапе исследования вопрос об идентификации данного этнонима (*хон.* – Г.Г.), видимо, во избежание ошибок, лучше оставить открытым» (Обращение Грузии 1989: 60. Комм. 8).

Вместе с тем, реальность существования хонов на древнем Кавказе до прихода сюда тюркоязычных хуннов (гуннов) не ставили под сомнение такие видные кавказоведы, как И.А. Орбели, Г.А. Меликишвили, С.Т. Еремян, К.В. Тревер, Е. Моор, Н.Г. Волкова (Орбели 1963: 510; Меликишвили 1959: 37; Еремян 1973: 269; Тревер 1959: 192-193; Moor 1963: 93; Волкова 1973: 128-130.

Г.А. Меликишвили, в частности, допускал, что сведения древнегрузинской исторической литературы о бунтурках и хонах, как о древнейшем населении Картли, могут соответствовать действительности и являются отзвуком каких-то древних преданий. Этническое происхождение хонов и бунтурков он связывал с северокавказскими племенами и писал о них как о «воинственном населении северного происхождения» (Меликишвили 1959: 37). Н.Г. Волкова, например, кавказских хонов напрямую относила к протонахским племенам (Волкова 1973: 128, 130).

Вместе с тем, К.В. Тревер и Н.Г.Волкова, предполагая, что с тюркоязычными гуннами албанцы и армяне вплотную столкнулись лишь в VI веке, к кавказским племенам относят и гуннов, упоминаемых в древнеармянских источниках в Северо-западном Прикаспии, севернее Дербенда (в частности, страна хонов Елише). Однако с этим трудно согласиться, поскольку археологические памятники и письменные источники (Приск Панийский, Аммиан Марцеллин) указывают на присутствие тюркоязычных гуннов в этих местах уже с конца IV века н. э. Некоторые исследователи к тюркским гуннам относят также упоминаемых Дионисием Периегетом в Северо-западном Прикаспии во II в. н. э. туннов//уннов, что, конечно, не исключено, но пока не подтверждено какими-либо материалами, а потому трудно доказуемо.

Вышеназванные ученые высказали свои суждения без серьезного обоснования и подробного источниковедческого анализа, однако детальный анализ данных, содержащихся в первоисточниках, показывает, что мнения известных специалистов-кавказоведов не только не лишены основания, но, как увидим ниже, получают реальное подтверждение.

В «Ашхарацуйце», например, хоны упомянуты дважды – среди племен, бесспорно кавказского происхождения, проживавших в центральных районах Кавказа, так и среди племен, обосновавшихся на северо-западном берегу Каспийского моря, в Дагестане (*Хонское царство*): «...Եւ ՚ի նոյն լերինն՝յետԱրդոզեան ազգին բնակեն Դաջանք, Դուալք, Ծղխոյք, Փուրքա, Խոնք, Ծանարքայ, յորում Ալանաց դուռն. Եւ միւս դուռն որ ասի Ծեքեն, համանուն ազգի. Եւ ապա Թուժք... Մասքութան ազգն բնակեալեն, ՚ի Վարդանայ դաշտին, մինչեւ ցԿասպից ծովն, յոր բազուկն Կաւկասայ հպի, յոր մեաձեալ է զպարիսպն Դարբանդայ... Իսկ ի հիւսիսոյ նորա Թագաւորութիւն Հոնաց հուպ ի ծով. Եւ՝ ի մտից որա առ Կաւկասով Վարաջան քաղաք նոցին Հոնաց եւ Չունդարս եւ Մսընսո:»

«В тех же [Кавказских] горах живут Ардозы, а по эту сторону от них – Дачаны, Цихоимы, Дуалы, Цыхои, Пурки, *Хоны*, Цанары, у которых находится

Аланские ворота, как и другие ворота, называемые Цикен, по имени проживающего там племени Цикен, затем туши…Маскуты проживают в долине Варданеан вплоть до Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказского хребта, где находится стена Дербента… К северу от него (Дербентские ворота – Г.Г.) у самого моря [находится] *царство Хонов от самого моря к западу от него по Кавказским горам;* там же *Хонам* принадлежит город Варачан, а также Чундар и Смындыр» (выделено мной. – Г.Г.) (Ашхарацуйц: 27).

Здесь следует обратить внимание на одну очень важную деталь: если название Гуннского царства в Прикаспии во всех рукописях «Ашхарацуйца» передается в форме хʻон (*hon,հոն*), то для обозначения хонов Центрального Кавказа в древнейших рукописях, в том числе и в лучше всего сохранившемся списке (№ 582), используется форма *хон* (хоп, խոն) (Матенадаран: рук. №№ 582, 784, 1717, 1883, 1898). Данный факт не позволяет считать сообщения «Ашхарацуйца» о хонах Центрального Кавказа и Прикаспия ни результатом наслоения разновременных сведений об одном и том же племени, ни случайными повторениями и свидетельствует о том, что армянскому географу были известны на Кавказе два этнически различных племени, которые он называет разными именами – *хон* (խոն), проживавшие на Центральном Кавказе, и *hon*(hон, *Հոն*) – *Гуннское царство*), населявших северо-западное побережье Каспийского моря.

В Северо-Западном Прикаспии в VI–VII веке н. э. тюркоязычными гуннами-савирами было образовано на местной, дагестанской, этнокультурной основе гуннское царство Сувар. В арабских источниках это царство упоминается под названием *Джидан*, а в армянских – в данном случае в «Ашхарацуйце» – как *hонское царство*.

Что же касается хонов Центрального Кавказа, то, по «Ашхарацуйцу», они занимали территорию с обеих сторон от Главного Кавказского хребта, к востоку от мест проживания дуалов. Историчность кавказских хонов подтверждается тем, что имя этого народа сохранилось до наших дней в топонимах и гидронимах на южной и северной стороне Главного Кавказа: местность Хоне в верховьях реки

Арагви; гора Хон и местность Хонис-чали в Хевсуретии, местность Хоной на берегу реки Армхой, притока Терека; также тушины называют именем Хон верховье реки Чанты-Аргун) (Klaproth 1814: 50; Волкова 1973: 65; Гумба 1987: 37-40).

Факт проживания в этих местах хонов засвидетельствован и грузинским письменным источником XIII века: хоны (хунаги) названы при перечислении народов вайнахского происхождения («кисты, *хунаги*, тушины») (Государственный музей Грузии. Л. 10-В-II XIII в.). В слове *хунаги – хун-(а)ги*, компонент *ги* является вайнахским послелогом. Несомненно, и в армянском, и в грузинском источнике речь идет об одном и том же народе – хонах. Примечательно, что в грузинском документе хоны названы между кистинами и тушинами, что совпадает с локализацией хонов по «Ашхарацуйцу».

Кавказских хонов армянского и грузинского источников следует связывать, скорее всего, с многочисленной ингушской родоплеменной группой хоной (хон-ой), проживавшей еще до недавнего времени в верховьях реки Армхи, где и сохранился топоним Хоной. В пользу правомерности связи хонов древних рукописей именно с ингушскими хонами (хоной) свидетельствует также и то обстоятельство, что, согласно преданиям, главное святилище ингушей (до принятия ислама) находилось на горе Хона в Хевсуретии, а сами хевсуры в прошлом славились среди ингушей как знатоки обычного права (Семенов 1951: 123; Кобычев 1985: 178-179). У вайнахов такое чаще всего происходит в случаях, «когда территория, на которой живут почитаемые «правоведы», осознается самим населением в качестве своей древнейшей прародины, так сказать «земли предков» (Кобычев 1985: 178-179).

Таким образом, сведения письменных источников о хонах в центральных районах Кавказа подтверждаются сохранившейся в этих местах топонимией, а также фактом существования нахской родоплеменной группы хоной, которую не следует путать с пришлыми тюркоязычными гуннами Западного Прикаспия.

Помимо «Ашхарацуйца», на различия между кавказскими хонами и тюркоязычными гуннами (hуннами) указывают и другие армянские источники,

что еще в 1911 году отметил И.А. Орбели (Орбели 1963: 510). Исключительный интерес в этой связи представляют сведения древнеармянского автора Агатангелоса. В греческой версии «Истории Армении» Агатангелоса говорится, что в начале IV века Григорий Просветитель и царь Армении Трдат III (287 – 330) распространили христианство в Восточном Закавказье «до границ Масаха-хунов, до Каспийских ворот и той части, где сторона алан» (ἕως ὁίων Μασαχού τών Οϋννων) (Agathange 1870: 180; см. также: D'Agathange 1973: 61). В сохранившихся армянских текстах Агатангелоса границы распространения христианства очерчиваются «от города саталийцев до края Халтик, до Кларджка, до самых пределов маскутов, до Аланских ворот, до пределов Каспия, города Пайтакарана в царстве Армянском» (Агатангелос 1912: 842). В критическом издании Агатангелоса читаем: «…До самых пределов маскутов, до врат Аланских, до врат Каспийских…» (Агатангелос 2004: 95).

Как видно, и вармянской, и в греческой версии «Истории Армении» налицо разночтение и путаница. Во всех известных рукописях, за исключением двух греческих, в которых написано «до границ Масаха-хунов», присутствует фраза «до ворот Аланских» (Agathange 1870: 180. См. подстрочники: греческий текст – ch. XIII, § 153; армянский текст – ch. III, CXX, § 153), а в рукописях второй, древнейшей, группы списков документа, в том числе и в вышеотмеченных двух греческих, указано: «до ворот Каспийских» (Дербентский проход) (см. там же). Отсюда, с уверенностью можно сделать вывод, что в оригинале «Истории» Агатангелоса в интересующем нас фрагменте присутствовали обе фразы – и «до ворот Аланских», и «до ворот Каспийских»[19].

Относительно масахов и хунов (масаха-хуну) греческой версии «Истории Армении», то нельзя согласиться с тем, что они соответствуют маскутам армянской версии, как это предлагает А.В. Гадло (Гадло 1979: 72-73), поскольку греческая версия одновременно упоминает как маскутов, так и масаха-хунов, не смешивая их (τών Μασαχού τών Οϋνων; τών Μασσαγέται) (Agathange 1870: 109,

[19] Подробный сопоставительный анализ сообщений армянских источников о пределах распространения христианства Григорием Просветителем см.: Акопян 1987: 54-55, 124-125.

180). К тому же если предположить, что в термине *масаха-хуну* отражены маскуты и тюркские хунны (гуннское царство), как это иногда представляется в литературе, то данные Агатангелоса вообще теряют смысл, потому что, как известно, царство гуннов было расположено севернее Каспийских (Дербентских) ворот, а Маскутк − на юге от этих ворот, и Каспийские ворота являлись границей между ними.

В таком случае становится непонятно, как далеко было распространено христианство − до границ маскутов или до Каспийских ворот. Если же взять за основу те группы списков «Истории Армении», в которых говорится, что христианство было распространено «до пределов каспов, города Пайтакарана», то и тогда возникает вопросов гораздо больше, чем ответов. Страна каспов располагалась на берегу Каспийского моря, возле устья реки Куры, и здесь же, на берегу моря, недалеко от устья Куры локализуется город Пайтакаран, а значит, у Агатангелоса не было необходимости указывать в качестве пределов распространения христианства два ориентира, находившиеся на одной географической линии, – страну каспов и город Пайтакаран.

Кроме того, следует иметь в виду, что в первой половине IV в. Маскутское царство включало в себя всю историческую Албанию, занимавшую левобережье реки Куры. Потому армянские раннесредневековые авторы при описании событий данного периода термин *маскутк* (Маскутское царство) используют также и для обозначения Албании. Так, например, Фавст Бузанд пишет, что Албания находится «в пределах маскутских», а в рассказе о нападении маскутского царя Санесана на Армению (335 г.) сообщает, что «он перешел свою границу, большую реку Куру, и наводнил армянскую страну» (Фавст Бузанд: 1912: III, 5, 7; см.также: Арутюнян 1979: 108).

Термин *маскут* (Маскутский край) для обозначения исторической Албании употребляет также и Агатангелос, например, правителя (бдешха) граничащей с Албанией восточной провинции Армении именует бдешхом земли, «пограничной с Маскутским краем» (Agathange 1870: 140; см. также: Агатангелос 1912: II. 873). Таким образом, слова о том, что христианство было распространено «до границ

маскутов», могли быть восприняты как «до границ Албании», что не соответствовало действительности. Об этом, разумеется, не мог не знать Агатангелос, так как именно он сообщил о принятии Албанией христианства в 315 г. и назвал имя первого албанского епископа Фомы. Создается впечатление, что это сообщение сделано человеком, плохо представлявшим себе этнополитическую ситуацию Восточного Закавказья того времени. Однако у нас нет никаких оснований упрекать в неосведомленности Агатангелоса, равно как и большинство других армянских авторов периода раннего средневековья.

Ясность в вопрос о том, какой народ скрывается под именем *масаха-хонов*, до земель которых распространилось в IV в. христианство, можно внести сопоставив сведения Агатангелоса с данными «Мокцевай Картлисай». Информация древнегрузинского источника относительно распространения христианства в Восточном Закавказье не просто совпадает с данными греческой версией Агатангелоса, но и дополняет ее.

Согласно «Мокцевай Картлисай», горцев, проживавших на территории современной Восточной Грузии, обращала в христианство св. Нино, которая прибыла в Армению во времена царствования Трдата III вместе с Рипсиме и Гаяне, а затем перебралась оттуда в Картлию. Из Мцхета «отправились св. Нино и епископ Иоанн, и вместе с ними царь отправил одного эристава. Они пришли и остановились в Цобене, позвали мтиульцев – звероподобных людей: чарталийцев, пховельцев, гудамакарцев и проповедали им о честном кресте Христовом, ведущем к вечной жизни, но те не захотели принять крещение. Тогда эристав царский пустил в ход немного оружия и силою сокрушил идолы их. Оттуда они пришли и остановились в Жалете, проповедовали эрцо-тионетцам, которые вняли им и приняли крещение. *Между тем, пховельцы оставили свою страну и перебрались в Тушетию. Б*ольшая часть других мтиульцев тоже не обратились в христианство. Так как они не захотели креститься, царь увеличил им подать. *Поэтому и они впали в заблуждение и ушли*» (выделено мной. – Г.Г.) (Картлис цховреба: 47).

Следовательно, в IV в. христианство распространилось до верховьев Алазани и Иори, где, в предгорьях Главного Кавказского хребта, лежали земли Тушетии и где находили убежище люди, не желавшие принимать крещение. Здесь будет уместно вспомнить, что дагестанцы (аваро-андийцы) тушин (цова-тушины, бацбийцы) именуют *мосох* (*масах, мосок*). Масахов (mazakai) локализовали в этих местах Плиний и Помпоний Мела (Plin.VI, 15; Pomp. Mela, III, 38–39), а непосредственными соседями масахов (цова-тушин) на северо-западе, как отмечено выше, являлись хоны.

Отсюда следует, что христианство было распространено до границ мосохов (тушин-бацбийцев) и хонов, то есть масаха-хонов, проживавших бок о бок у подножья Главного Кавказского хребта, что и отражено у Агатенгелоса. Веским подтверждением правильности такой интерпретации сообщения Агатангелоса является то, что в пяти рукописях «Истории Армении» второй, древнейшей, группы вместо «до границ Масаха-Хун» написано «*до гор Масаха-Хун*» (выделено мной. – Г.Г.) (Agathange 1870: 180. См. подстрочники).

Более того, в некоторых списках армянской редакции Агатангелоса древнейшей группы вместо фразы «до самых пределов маскутов» читаем: «до самых пределов мосохов» (Матенадаран: рук. № № 3635; 4095). В этой связи представляется важным то, что известный специалист по древнеармянской литературе Н. Адонц, анализируя данный текст, считает, что присутствие здесь термина *маскут* неправомерно и в действительности должно быть *мосох* (Адонц 1971: 327).

После прочтения арабской версии Агатангелоса сомнения в верности предложенной выше интерпретации текста развеиваются окончательно. В этом варианте в сообщениях о пределах распространения христианства не упоминаются ни маскуты, ни масаха-хоны – вместо них называются дурдзуки («страна Д-р-д-з-к-т») (Марр 1905: 55). Здесь важно отметить, что арабская версия «Истории Армении», относимая к IX веку, является переводом с греческой версии, которая, в свою очередь, восходит к не сохранившемуся армянскому оригиналу сочинения Агатангелоса, датируемому первой половиной V века (Тер-

Гевондян 1973: 234)[20]. Взамен *масаха-хун* в греческой рукописи переводчик вводит грузинское название вайнахов – *дурдзук* (*дурдзукет*), что свидетельствует о том, что он хорошо ориентировался в сложной кавказской этнономенклатуре. И действительно, переводчиком был грузин, о чем говорит грузинское исчисление на полях рукописи, а также сама форма передачи термина *дурдзук – Дурдзукет* (Марр 1905: 165).

По сообщению «Картлис цховреба», переселившиеся к тушинам жители Эрцо-Тианети впоследствии возвратились. Основная их часть приняла христианство, и к ним были направлены миссионеры. Об этом есть сообщение в арабской версии «Истории Армении» Агатангелоса, согласно которому, Святой Григорий посылает миссионера в страну Дурдзукет. В данном случае грузинский переписчик вместо *масаха-хоны* греческой версии Агатангелоса вводит грузинское название этого народа – *дурдзуки*. Отсюда следуют два очень важных вывода: во-первых, в оригинальном тексте Агатангелоса присутствовало именно название *масаха-хон,* и, во-вторых, масаха-хоны – это дурдзуки, т.е. нахи.

Таким образом, есть все основания для отождествления масаха-хунов Агатангелоса с нахскими масахами (бацбийцами) и хонами, до земель которых распространялось христианство в IV веке. Следовательно, в вышеприведенном фрагменте текста следует читать: «до ворот Алан, до гор Масаха-Хуну и до ворот Каспийских». При таком прочтении текст Агатангелоса становится ясным и логичным, т.к. в нем приводится граница Армении в широком культурном

[20] В последнее время высказано мнение, что «История» Агатангелоса первоначально была изложена именно на греческом языке еще в начале IV в. Давидом Римским, секретарем-хронологом армянского происхождения, приглашенным царем Великой Армении Тиридатом III из Рима. «Агафангел» (по-греч. Благовещатель) – это священный титул Григория Просветителя, данный ему Давидом Римским в своей книге на греческом языке «Екклесиастес». Под заглавием «История Агафангела» Давид Римский подразумевал «Историю об Агатангелосе»», т. е. «Историю о Благовещателе Григории». Армянская версия «Истории Агатангелоса» была изложена Католикосом Сааком Партевом в 410-х гг. на основании книги Давида Римского. Однако, в конце V в. армянскими историками «История Агатангелоса» была истолкована как «История, написанная Агатангелосом» и этот священный титул Григория из заглавия очутился в древнем предисловии, в качестве имени секретаря-хронолога Тиридата III. Отсюда появился и миф, будто не Давид Римский, а Некий Агатангелос был приглашен из Рима в армянский двор Аршакидов (см.: Мушегян 2012: 220 – 222).

значении, т.е. ареал армянской церкви раннехристианской традиции. Эти границы включали в себя всю восточную часть Южного Кавказа, в пределах которой было распространено христианство.

Благодаря данным многочисленных источников (армянских, грузинских, греко-латинских), хорошо известно, что восточное (сиро-палестинское) христианство распространилось в Восточном Закавказье через Армению, посредством армянских миссионеров. Картлийская (грузинская) и албанская церкви иерархически были подчинены армянской церкви и представляли собой ее составные части (Кекелидзе 1945: 30; Еремян 1979: 68).

В процессе обработки и слияния локальных легенд и преданий уже в конце V в. сформировалась официальная концепция трех церквей – армянской, картлийской и албанской, по которой св. Григорий становится единственным христианским просветителем всего Восточного Закавказья (см.: Мурадян 1982: 11; Марр 1905: 149). Именно эта концепция, известная как «Житие Григория», представлена в греческой и арабской версиях «Истории Армении» Агатангелоса. Согласно ей, деятельность св. Григория охватывала всю территорию Восточного Закавказья, в связи с чем раннесредневековая литературная традиция называет Арменией все Восточное Закавказье, отражая таким образом церковно-культурное единство проживавших здесь народов.

Именно эти границы христианской Армении (или Армянской церкви), простиравшиеся на северо-западе до Лихского хребта, а на севере – до Аланских (Дарьяльских) ворот, гор Масаха-хонов (подножье Главного Кавказа) и Каспийских (Дербентских) ворот, приведены в греческой версии труда Агатангелоса. Кроме того, согласно административному делению Персии, а затем Арабского халифата, все Восточное Закавказье называлось Арменией (Арминия). Так, Захария Ритор Грузию и Албанию называет находящимися в Армении («Гурзан в стране Армения», «Арран в стране Армения»). Персидский автор Табари (Ат-Табари) также указывает, что при персидском царе Хосрове I Армения включала в себя все Восточное Закавказье, а Сул-Чора (Каспийские ворота) являлись границей Армении – сагр (см.: Новосельцев 1982: 26).

Причину такого разночтения сохранившихся версий «Истории Армении» и отсутствия в армянском варианте информации о распространении христианства в Восточном Закавказье (до земель масаха-хонов) следует искать, скорее всего, в произошедшем в начале VII века расколе между армянской и картлийской церквями. К этому времени в Картли сложились определенные политические и историко-культурные условия, ставшие причиной начала процесса национализации церковной жизни, который в 609 – 620 гг. привел к отделению картлийской (иверской) церкви от армянской.

С этого времени картлийская церковь окончательно примкнула к византийской имперской диофизитской церкви и вышла из подчинения армянскому католикосату. После отпадения картлийской церкви от армянской картвельские церковные деятели вступили «в ожесточенную полемику с армянами, которая дошла до того, что грузины начали отрицать какие либо церковно-иерархические отношения с армянами в прошлом и в противовес господствующему мнению даже выдвинули своего собственного, независимого от Григория Просветителя, миссионера в лице св. Нино» (Кекелидзе 1945_a: 41).

Изменения, произошедшие в церковных отношениях между Арменией и Картли, разумеется, не могли не найти отражения в последующих редакциях сочинения Агатангелоса. Оригинал «Истории Армении» был создан в первой половине V в., и тогда интерес для автора наряду с армянской представляла также картлийская и албанская церковь, что видно при прочтении греческой и арабской версий «Истории» (Agathange 1870: 181; Марр 1905: 35).

Об этом свидетельствует также Мовсес Хоренаци, который сообщает, что у Агатангелоса описана история обращения в христианство народов «от Кларджка вдоль Аланских и Каспийских ворот» (Мовсес Хоренаци: II. 86), т.е. «до гор Масаха-хонов». Однако из дальнейших редакций армянской версии Агатангелоса, сделанных уже после выхода картлийской церкви из подчинения армянской в VII в., информация об обращении грузин в христианство была изъята, поэтому в текстах, сохранившихся до наших дней, она отсутствует. В итоге в армянской версии «Истории» Агатангелоса осталась только история возникновения

армянской церкви как обособленной национальной церкви (Абегян 1975: 103), дополненная лишь общим замечанием о том, что христианство «разлилось по всей Армении от края до края» (Адонц 1971: 327).

Очерчивая северные пределы распространения христианства в Восточном Закавказье, редакторы-переписчики первоначальное «до гор Масаха-хон» заменили на «до маскутов», тем самым превратив сообщение в бессмыслицу. Редакционные изменения были внесены не только в первоначальный текст «Истории Армении» Агатангелоса, но и в сочинения других раннесредневековых армянских историков, в том числе и Мовсеса Хоренаци: в соответствующих местах было вставлено до маскутов.

Однако в греческой и арабской версиях «Истории» точные данные о северных границах распространения христианства – «до гор Масаха-хонов», сохранились. Это произошло благодаря тому, что труд Агатангелоса был переведен с армянского языка на греческий в VI в., еще до отпадения картлийской (грузинской) церкви от армянской и до внесения соответствующих изменений в оригинальный армянский текст Агатангелоса[21], и именно греческая версия Агатангелоса была в IX веке переведена на арабский язык.

Видимо, у Агатангелоса название *масаха-хон* отражает политическое объединение масахов (цова-тушин) и хонов. Это подтверждают и данные «Ашхарацуйца», согласно которым, термин *хоны* покрывает северную и южную части Главного Кавказа – от верховья Терека до Дагестана (хундзов). Вероятнее всего, в III–IV вв. под контролем хонов (масаха-хонов) находились Аланские (Дарьяльские) ворота, и в этой связи важное значение приобретает сообщение «Географии» Вардана Великого Аревелци, в соответствии с которым, Аланские (Дарьяльские) ворота называются Хонскими: «…[граница] Армении начинается

[21] Уже в V в. имелись две редакции «Истории» Агатангелоса на армянском языке. Одна из них известна в филологии под названием «Житие Григория», оригинал же, которой датируется началом V века, еще не найден. Армянский оригинал Жития содержал больше фактов, чем дошедший до нас армянский текст Агатангелоса. Дошедшая до нас версия была официально принята церковью, вследствие чего армянский оригинал Жития со временем был забыт. В VI в. был сделан перевод Жития Агатангелоса на греческий язык, и уже греческий вариант Жития был переведен на арабский язык (IX–X вв.).

от Хонских ворот, которые есть Аланские железные ворота, которые построил Александр Македонский» (Ашхарацуйц Вардана Вардапета: 44).

Эти сведения особенно ценны тем, что труд Вардана Аревелци в средние века и позже использовался как учебник географии. Для того чтобы изучение описываемых территорий (местностей, областей, стран, населенных пунктов и т.д.) было наиболее полным, в сочинении перечисляются различные их названия, под которыми они были известны у разных народов, а также их более древние аналоги. Этим объясняется и то, что в тексте упомянуты два других названия Дарьяльских ворот – Хонские и Аланские.

Согласно «Географии» Вардана Аревелци, границы Армении простираются до Хонских (Аланских) ворот, из чего можно сделать вывод о том, что ее автор пользовался источниками, отражавшими положение дел в регионе в период поздней античности и раннего средневековья, когда Арменией называлось все Восточное Закавказье. Этот период совпадал со временем политического возвышения нахских хонов (масаха-хонов), которые контролировали Дарьяльские ворота, вследствие чего ворота стали называться и Хонскими, и именно поэтому Вардан Аревелци в своем сочинении приводит оба названия ворот: *Аланские* и *Хонские*.

В армянских источниках *Хонскими воротами* (*пахак хонк*) называется также линия оборонительных сооружений, которая шла от Циканских (Цилканских) ворот, расположенных около Жинвали, на северной границе Картли (Иберия, Грузия), на юго-восток, вдоль северо-западной границы Албании. Эти ворота известны еще как *Врата кавкасианов* и *Дурдзукские ворота.* По данным арабского историка Ибн ал-Факиха, Врата Дурдзукские (В*рата кавкасианов* Леонти Мровели) состояли из 12 ворот с каменными укреплениями (Караулов 1908: 15). По линии этих ворот проходила южная граница хонского объединения, а потому проход Цор (Цур) на границе с Албанией назывался Хунсвери (*перевал хонов*). Именно с этими укрепленными воротами отождествляются *врата хонов* (*пахак хонов*) древних авторов (Севда Сулейманова 2008: 320-325.

Отсюда становится понятным и сообщение армянского историка Лазаря Парпеци (V в.), в котором приведен рассказ армянского спарапета Васака Мамиконяна об установлении дружеских отношений с вождями хонов: «Когда я был марзпаном Иверии и Албанские (Аланские – Г.Г.) ворота были в моих руках, многие хонские вожди стали моими друзьями посредством договоров и клятв» (Лазарь Парпеци 1904: 57). Будучи марзпаном Иверии (Грузии), Васак Мамиконян, безусловно, мог контролировать Аланские ворота, и речь здесь, несомненно, идет именно о них.

Ряд исследователей ставят под сомнение достоверность сведений Лазаря Парпеци о проживании хонов вблизи Аланских ворот, поскольку все упоминания о хонах (хунах) на Кавказе традиционно связываются с тюркоязычными хуннами (гуннами), осевшими на побережье Каспия, в Дагестане. Но в данном сообщении речь идет не о тюркоязычных хуннах (гуннах), а именно о нахских хунах (хонах), действительно проживавших вблизи Аланских ворот, с вождями которых и установил дружеские отношения Васак Мамиконян.

Об этом историческом факте свидетельствует также и другой армянский автор V века Елише, который пишет, что Васак Мамиконян «установил дружеские отношения с hЕранскими[22] хонами с помощью Баласаканского царя» (Елише: VII, 57. Согласно Н. Адонцу, «heran не что иное, как форма Aran, Албания» (Адонц 1971: 423). Однако, возможно, в данном случае речь идет об исторической области Эри (Эрети, hЕрети), расположенной между Кавказской Албанией и Цанарией (или Кахетией). Так или иначе, уточнение «hеранские хоны» понадобилось Елише для того, чтобы было понятно, что имеются в виду кавказские хоны, а не тюркоязычные гунны Западного Прикаспия, о которых ему также было хорошо известно.

Совершенно очевидно, что в процитированных сообщениях армянских историков речь идет о нахских хонах. Косвенно подтверждается это тем, что Васак Мамиконян устанавливал дружеские связи с хонами через посредничество

[22] Варианты: hЕр, hЕрин.

именно царя баласакан, одного из этнически родственных им горских народов Кавказа (Елише. VII, 57).

Главенствующая роль хонов в III–IV вв. признается и современными исследователями. Так, академик С.Т. Еремян отмечал, что термином *хон* в армянских источниках обозначались горские кавказские народы, часто совершавшие нашествия на Армению (Еремян 1963: 111).

Таким образом, если в I–II вв. н. э. племена, вторгавшиеся в Армению с севера через центральнокавказские перевалы, армянские авторы называют аланами, то в III–IV вв. н. э. их именуют хонами. По-видимому, в III–IV вв. н. э. произошло политическое возвышение хонов среди других племенных групп и народов Центрального Кавказа, и, возможно, именно в этот период им удалось распространить свое политическое влияние на этнически однородное с ними население соседних областей. По данным источников, хоны играли значительную роль в политических событиях того времени, вследствие чего термин *хон* помимо этнического значения приобрел более широкое политическое. При этом в собирательном смысле термин *хон* выступил синонимом другого собирательного термина – *алан*, хотя и не вытеснил его полностью.

Такая ситуация нашла в сообщениях древнеармянских авторов о событиях III–IV вв., где вторгавшиеся в Армению горские племена называются то хонами, то аланами. В этих военно-политических событиях, согласно сведениям древнеармянских источников, хоны совместно с другими кавказскими народами принимали активное участие.

В III–IV вв. между двумя могущественными державами – Римской Империей и Сасанидской Персией,шли непрекращающиеся ожесточенные войны за господство над всем Южным Кавказом. В военные столкновения между Римом и Персией, происходившие с переменным успехом, разумеется, были вовлечены и народы Кавказа, которые в зависимости от складывавшейся военно-политической ситуации и исходя из своих собственных политических интересов, принимали ту или иную сторону. Основные военные действия между двумя империями разворачивались на территории Армении.

В результате междоусобной войны за престол, которая продолжалась около двух десятилетий, в апреле 226 г., победив в решающем сражении Артабана V, последнего представителя Аршакидской династии, на персидский престол вступает Арташир I Сасанид (226 – 241). С этого времени ведет отсчет Сасанидский период истории Персии. Стремясь вытеснить Рим из Азии, восстановить былую славу и границы Ахеменидской империи, Сасаниды начинают вести агрессивную внешнюю политику. Но осуществлению великодержавных замыслов Арташира I мешало серьезное препятствие в лице Армении, где правили представители армянской ветви Аршакидской династии, к которым примкнула парфянская знать и сыновья казненного Артабана V.

Армянский царь Трдат II Аршакид (216 – 256), опираясь как на свои войска, так и на силы народов Восточного Кавказа, не только отразил натиск Арташира I, но и, как сообщают Агатангелос, Мовсес Хоренаци и Дион Кассий, совершил ряд успешных вторжений в северные области Персии. По данным Агатангелоса, в 227 (228) году «царь Армении Хосров[23] начал собирать армию и производить набор солдат. Собрав войска албанов и грузин и открыв Аланские и Чорские ворота, вывел войска хонов и напал на персидскую страну» (Агатангелос 1912: 16-17).

Информирует об этом событии и Леонти Мровели: «Царем Армении стал Косаро. Косаро сей, царь армян, начал войну с персидским царем Касре. Пособлял ему Аспагур (царь Картли. – Г.Г.), отверз врата кавкасианов и вывел овсов, леков и хазар, и пришли они к царю Армении Косаро воевать против персов…» (Мровели Леонти: 37). Комментируя данное сообщение Леонти Мровели, исследователи отмечают, что из-за несовпадения периодов правления указанных царей (персидский – Касре-Шапур, армянский – Косаро-Хосров, картлийский – Аспагур) точная датировка данного события не представляется возможным (см.: Мровели Леонти: Комментарии Г.В. Цулая. С. 75. Комм. 130; Габуев 1999: 48-49). К тому же Т.А. Габуев ошибочно полагает, что Леонти Мровели ведет речь о событиях первой половины IV в. (Габуев 1999: 49).

---

[23] Армянский царь Трдат II (216 – 256), сын Хосрова I (198 – 216), в армянских источниках известен также под именем Хосров (*Хосров Великий*).

Несоответствия в сообщении Леонти Мровели вызваны тем, что грузинский историк в свойственной ему манере смешивает события разных времен, объединяет их. В данном случае таковыми являются вторжение в Персию в 227 (228) году армянского царя Трдата II, которого Леонти Мровели, следуя Агатангелосу, называет Хосровым (Косаро), и завоевание Сасанидским царем Шапуром I (241 – 272) Армении, Кавказской Албании и Картли в 50-х гг. III в., когда царем Картли был Аспагур.

На самом же деле картлийцы, албанцы и горцы Восточного Кавказа принимали участие в войне против Персии на стороне Армении при царе Трдате II. Об этом походе на Персию 227 (228) года, оказавшемся успешным для объединенных сил Армении и народов Восточного Кавказа, и сообщают Агатангелос и Леонти Мровели. Вне всяких сомнений, грузинский автор использовал данные Агатангелоса, но при этом внес в них определенные дополнения. Так, если Агатангелос называет кавказских горцев общим именем хоны[24], то Леонти Мровели упоминает поименно овсов, леков и хазар. Это объясняется тем, что термин *хон* уАгатангелоса употреблен в собирательном смысле и был использован для обозначения горского населения, проживавшего как в южной (к северу от Картли и Албании), так и в северной части Главного Кавказского хребта. Очевидно, термин *хон* в своем собирательном значении охватывал нахское население не только к югу от Главного Кавказского хребта (пшавы, масаха-хоны, тушины, гудамакары и др.), но и центральных районов Предкавказья, а также некоторые дагестано-албанские племена Восточного Кавказа.

Судя по всему, помимо нахского населения термин *хон* включал в себя и ираноязычные племена Предкавказья, которые к тому времени уже, вероятно, расселились на подступах к Дарьяльскому ущелью. По-видимому, эти племена в

[24]Анализируя данное сообщение Агатангелоса, Т.А. Габуев справедливо замечает, что «нахождение гуннов за Аланскими воротами, т.е. в Центральном Предкавказье в начале IV в. маловероятно» (Габуев 1999: 48) . Однако мнение ученого о том, что «под гуннами, скорее всего, подразумевались аланы», вряд ли приемлемо, т.к. в пользу этого мнения нет никаких аргументов.

составе хонских войск, принимали участие в походе на Персию, о чем и сообщает Леонти Мровели[25], уточняя, что войска горцев прошли не через Дарьяльские ворота, а через «врата кавкасианов». Все это указывает на то, что к моменту описанных грузинским историком событий существовало достаточно сильное самостоятельное государственное образование нахов во главе с хонами. Данное политическое объединение, как и занимаемая им территория, в письменных источниках получило название Хон (или Масаха-хон). Подтверждение всему этому находим и в последующих событиях, происходивших в регионе.

Через 20 лет после описанных выше событий Арташира I сменил на персидском троне его сын Шапур I (241 – 272). Одержав в 250 – 260 гг. победу в двух войнах с Римом, Шапур I установил свое господство над Арменией и всей восточной частью Южного Кавказа. В современной исторической литературе к странам Южного Кавказа, оказавшимися под контролем Персии обычно относят Армению, Картли и Кавказскую Албанию. При этом, почему-то вне поля зрения исследователей остается свидетельство о завоевании Шапуром I еще одной страны в восточной части Южного Кавказа.

В трехъязычной надписи Кааба-и-Зардушт в Накш-и-Рустаме (SKZ), высеченной примерно в 262 г. на трех языках (пехлевийском, парфянском, греческом) в память о выдающихся победах Сасанидского царя Шапура I, в месте, где перечисляются покоренные Шапуром I страны, по-гречески можно прочесть: «…Я господин Ираншахра и владею следующими шахрами: Парс, Парфия, Хузистан, Месена, Асурестан, Адиабена, Аравия, Атурпатакан, Армения, *Иберия, Махелония, Албания* (выделено мной. – Г.Г.), Баласакан вплоть до гор Кап и Албанских ворот…» (См.: Луконин 1969: 57). В парфянском варианте надписи в качестве эквивалента греческой *Махелонии* приводится *Сикн* (*Syk(?)n*).

[25] Вместе с тем, ввиду параллельного бытования терминов *овсы* и *хазары* использование Леонти Мровели термина *овсы* для обозначения лишь ираноязычных племен становится не столь однозначным. В вышеприведенном сообщении Леонти Мровели обозначает ираноязычные племена Предкавказья, скорее всего, термином *хазары*. Что же касается смыслового содержания термина *овсы*, то этот вопрос, видимо, пока следует оставить открытым.

По поводу локализации страны Махелонии (*Сик-н*), упомянутой в надписи Кааба-и-Зардушт, были высказаны различные мнения. Одни ученые отождествляют Махелонию с армянской областью Сюник, другие – с царством гениохов и махелонов Арриана на восточном побережье Черного моря. Из-за слабой научной аргументациини одна из этих версий не получила признания в исторической литературе. Лишь С.Т. Еремяну в статье, посвященной вопросу локализации Махелонии надписи Кааба-и-Зардушт, удалось доказать реальности существования наряду с «царством Махелонией и Гениохией» на Черноморском побережье и другой государственной единицы – Махелония, располагавшейся между Картли и Албанией (Еремян 1967: 47-79).

Локализация Махелонии между Картли и Албанией – от устья Алазани на юге до северокавказских долин, прилегавших с севера к Дарьяльскому ущелью на севере, полностью совпадает с территорией, на которой существовало политическое объединение кавказских горцев под главенством хонов. Поэтому надо полагать, что Махелония надписи Кааба-и-Зардушт, Хон армянских источников и Масаха-Хон Агатангелоса являются различными наименованиями одного и того же нахского государственно-территориального образования, тем более что в научной литературе Махелония надписи Кааба-и-Зардушт отождествляется с «осетинским названием Ингушетии, локализуемой по обе стороны Главного Кавказского хребта...» (История Дагестана 1996: 126). Нет никаких сомнений также и в том, что в имени *Махелония* всплывает древний нахский этноним *махъалон* (*малхи-махли-махал-махалон*).

Как уже выше отмечено, в трехъязычной надписи Кааба-и-Зардушт *Махелония* греческого текста соответствует *Сикн* (*Sykn*) парфянского текста. Название *S'ykn (Сикн)* С. Сулейманова соотносит с согдийским словом *s'ykn*, которое переводится как *военный лагерь>замок*, что аналогично значению названий *Хундзах* (от персидского *гунд – войско*), *Эрети* (от шумерского *эри – воин*) и др. (Сулейманова 2008: 325). Учитывая важное военно-стратегическое значение Махелонии: здесь пролегала линия укрепленных сооружений, упоминаемой в источниках различными названиями (*Врата кавкасиан*,

Дурдзукские ворота, Цилканские ворота,Врата хонов (*Пахак хонк*), *ворота Дарубал* и т.д.), обозначение ее как *военный лагерь*, *замок* (*S'ykn*) вполне оправдано. Хотя, не исключено, что *Сикн* парфянской версии надписи следует читать как *Саник* (*Санар, Цанар*) – в пользу этого может говорить и то, что во II в. н. э. Птолемей назвал данную территорию Санарией. Позднее, начиная с V века, Санар (Цанар) вытесняет остальные названия и становится доминирующим при обозначении указанной территории.

В III–IV вв. ключевую роль в этом регионе, по-видимому, играли хоны, а возглавлявшееся ими политическое объединение принимало активное участие в событиях, происходивших на Южном Кавказе. В 298 году, потерпев поражение от римских войск, Персия на основании заключенного в том же году Мцбинского (Нисибисского) договора признала покровительствоРимской империи в отношении Армении и восточной части Южного Кавказа и отказалась от каких-либо активных военно-политических действий.

Согласно этому договору, армянский царь Трдат III Великий в 298 г. фактически воцарился над всей объединенной Великой Арменией, распространив свою власть и на Атрпатакан. Одновременно Трдат III приступил к выполнению функций контроля и охраны Кавказских проходов – Дарьяльского и Дербентского, традиционно возлагавшихся Римом на армянских царей. Все это неизбежно привело к усилению военно-политического и культурного влияния Армении на царства и княжества региона. Царствование Трдата III ознаменовано не только принятием Арменией христианства в качестве государственной религии, но и распространением христианства на Восточное Закавказье и созданием здесь структурированной церковной иерархии во главе с армянским католикосом (см. выше).

Однако период доминирования Римской империи на Южном Кавказе продолжался недолго. Персидский царь Шапур II (309 – 379 гг.) предпринимает активные шаги с целью восстановления былого могущества Сасанидской империи и привлечения на свою сторону горских народов Кавказа. После смерти армянского царя Трдата III в 330 г. хоны вместе с другими горскими народами

Центрального и Восточного Кавказа в союзе с Сасанидами приняли участие в их борьбе с Римской империей (с 330 года – Византией) и ее союзником Арменией.

В 335 г. отряды горцев Кавказа, объединившись под началом маскутского царя Санесана, по наущению Сасанидского царя Шапура II совершают нападение на Армению: «Յայնմ ժամանակ ի թագաւորն Մազքթաց Սանէսան … գումարեաց ժողովեաց զամենային զօրս Հոնացն Փոխաց, Թաւասպարաց, Հեճմատակաց, Իժմախաց, Գաթաց, ևԳղուարաց, Գուգարաց, Շչբաց, և Ճղբաց և Բաղասճաց և Եգերսուանացն և … որում միանգամ ինքն իշխէր զօրացն բազմաց: Եկն անց ըստ իւր սահմանն ընդ գետն մեծ ընդ Կուր, և եկն տարածեցաւ ելից զերկիրն Հայոց աշխարհին:»

«В то время маскутский царь Санесан, … собрал все войска, – хонов, похов, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глуаров, гугаров, шичбов и чилбов, и баласичев и егерсуанов и … все множество войск, которым он повелевал. [Он] перешел свою границу, большую реку Куру, пришел и наводнил армянскую страну» (Фавст Бузанд: III, 7).

Данному сообщению армянского историка Фавста (Фавстоса) Бузанда в научной литературе уделено достаточно много внимания, однако выводы, сформулированные некоторыми исследователями на основе извлеченных из этого текста фактов, зиждутся, к сожалению, на источниковедческих и текстологических ошибках. Так, со ссылкой на русскоязычные издания «История Армении» Фавста Бузанда, где в сообщении о битве под Валаршапатом среди многонациональных войск Санесана названы аланы (армянские войска «набросились, били, громили войска аланов и мазкутов, и гуннов, и других племен») (Фавст Бузанд: III, 7), Ю.С. Гаглойти приходит к следующим выводам: «…Во-первых, армянский историк отождествляет алан и маскутов (массагетов). Во-вторых, аланы-маскуты, возглавлявшие это вторжение и стоявшие, очевидно, во главе большого племенного объединения, этнически четко отделяются от других кавказских племен, принимавших участие в этом вторжении …У Фавстоса

Бузанда племенное название алан не служит собирательным термином, а означает этнически определенное племя» (Гаглойти 1967: 152-154).

Однако участие алан в войсках маскутского царя Санесана ничем не подтверждается, и для специалистов-арменоведов нет сомнения, что в данном тексте Фавста Бузанда речь идет о кавказских албанцах. В большинстве рукописей «Истории Армении», хранящихся в Матенадаране (Ереван) и в Библиотеках мхитаристов в Венеции и Вене, в процитированном выше отрывке вместо слова *аланы* использовано слово *албаны*: «[армянские войска] набросились, били, громили войска *албанов* и мазкутов и хонов» (Матенадаран: рук. №№ 1867, 3071, 1482, 3079, 4584; Библиотека Венских Мхитаристов: рук. № 904).

Для арменоведов очевидно, что в данном тексте речь идет о кавказских албанцах, о чем свидетельствует и Мовсес Каланкатваци, называя, вторгшиеся в Армению войска маскутского царя албанскими. Подтверждает это и источниковедческий анализ текста Фавста Бузанда. Известный арменовед Б.А. Арутюнян пишет в связи с этим: «Фавстос с определенностью отождествляет Албанию со страной мазкутов, значит, мазкутские Аршакиды только в силу традиции называются также албанскими, потому что вся территория Албании составляет часть мазкутского царства Аршакидов. Санесан является фактически царем Албании, а воюющие против армян в его войске *аланы* – в действительности *албанцами*. Это часто встречающаяся в источниках того периода путаница» (Арутюнян 1991: 379).

Впрочем, даже если гипотетически допустить, что аланы все же участвовали в нашествии на Армению, то и тогда трудно согласиться с выводами Ю.С. Гаглойти. Во всяком случае, к данным источника они не имеют никакого отношения, что уже было отмечено в исследовательской литературе (см.: Мизиев 1986: 35-36). Действительно, совершенно непонятно, из чего исходит Ю.С. Гаглойти, утверждая, что Фавст Бузанд отождествляет аланов и маскутов (Гаглойти 2000: 90), поскольку армянский историк не дает для этого никаких

оснований – напротив, он называет эти два народа по отдельности, тем самым показывая, что он их считает разными народами.

Не выдерживает критики и утверждение Ю.С. Гаглойти о том, что «у Фавстоса Бузанда племенное название алан не служит собирательным термином, а означает этнически определенное племя», потому что, во-первых, в оригинале источника отсутствует термин *алан*, а во-вторых, в другом месте своей работы ученый полностью опровергает свое же мнение, отмечая, что у Фавста Бузанда «имя гуннов (арм. *хон-к*) является … собирательным названием различных по своей этнической принадлежности северокавказских племен, входящих в аланский племенной союз» (Гаглойти 2000: 90. Комм. 6). Правда, приходится только гадать, как хоны Фавста Бузанда оказались в аланском племенном союзе, но если согласиться с таким взглядом, то придется признать, что термин *алан* был применен автором «Истории Армении» в собирательном значении и включал в себя, по словам самого же Ю.С. Гаглойти, этнически различные северокавказские племена.

В научной литературе можно встретить еще одно подобное недоразумение. Нередко в качестве доказательства присутствия алан в войсках маскутского царя Санесана приводится имя маскутского воина *Анариска*, будто бы сохранившееся у Мовсеса Каланкатваци и якобы означающее на иранском языке *не знающий боли* (Гаглойти 1967: 154; Габуев 1999: 51). В арменоведческой литературе давно уже выявлено, что это ошибочный перевод фразы Агатангелоса *Anarihska* (*Анари ска*), которая на древнеармянском означает *безобразный (исполин)великан* и только в переводе К. Патканяна представлена как имя.

Во всех рукописях и печатных изданиях оригинала «Истории Албании» Мовсеса Каланкатваци эта фраза читается как *omnanariska* (*вомн анари ска – некий исполин безобразный*) (Мовсес Каланкатуаци 1983: 186. Комм. 59) и соответствует фразе из «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци *Anariomnska – некий (чудовищный) безобразный исполин* (Мовсес Хоренаци: III, 9). Возможно, древнеармянское слово hскай (hskai) – исполин, великан, происходит от иранскогосак (саки). В армянском языке, как, впрочем, и в любом другом языке,

есть много слов, заимствованных из других языков – хуррито-урартских, иранских, семитских и др. Однако вряд ли оправдано через сотни, а то и тысячи лет в носителях этих слов в среде армянского этноса видеть представителей того этноса, с языка которого они когда-то были заимствованы.

Тем не менее, нельзя, разумеется, полностью исключать присутствие в составе войск Санесана ираноязычных племен Центрального Предкавказья. Данные племена могли входить в объединение хонов, но это пока лишь ничем не подтвержденное предположение[26].

В 336 г. в сражении при Ошакане, недалеко от второй столицы Армении Валаршапата, армянские войска разбили армию маскутского царя Санесана. В «Истории» Мовсеса Хоренаци это событие описано коротко – как нашествие на Армению объединившихся «северных жителей Кавказа», без перечисления участвовавших в этом вторжении народов и без упоминания имени возглавлявшего поход царя (Мовсес Хоренаци: III, 9). В свою очередь, Мовсес Каланкатваци, автор «Истории Албании», сообщая об этом нашествии, называет маскутского царя албанским и именует его Санатруком.

Основываясь на несовпадениях в приведенных выше сообщениях о нашествии маскутского царя на Армению в 335 г., некоторые исследователи, следуя сложившейся традиции, склонны считать все упоминания армянских источников о хонах до 395 г. анахронизмами, таким образом, ставя под сомнение участие в военных действиях как хонов, так и других народов, перечисленных Фавстом Бузандом.

По мнению А.В. Гадло, в рассказе Фавста Бузанда речь идет о каком-то другом крупном вторжении тюркоязычных гуннов в Армению, имевшем место

[26] Из-за отсутствия предмета обсуждения (в оригинале источника не упоминаются аланы, и речь идет об албанцах) можно было бы не уделять столько внимания этому вопросу, если на основе сообщения Фавста Бузанда о якобы участии ираноязычных алан в войсках Санесана в исследовательской литературе не делались бы выводы, не имеющие никакого отношения ни к самому источнику, ни к реальной исторической действительности. К сожалению, эти ошибочные положения переходят из одной работы в другую и все чаще появляются в новых исследованиях.

после первого вторжения кочевников Прикаспия 395 – 396 гг. и не нашедшем отражения в других источниках (Гадло 1979: 36-37).

Однако в основе данного предположения лежит ошибочное отождествление маскутского царя Санесана Фавста Бузанда с Аршакидом Санатруком Мовсеса Хоренаци и Мовсеса Каланткатваци. Дело в том, что Аршакид Санатрук не имеет никакого отношения к маскутскому царю Санесану, вторгнувшемуся в Армению. Санатрук Аршакид – это армянский князь, наместник армянского царя в области Пайтакаран. Подстрекаемый персидским царем, он провозгласил себя царем Армении и выступил против правившего царя.

Как сообщает Мовсес Хоренаци, Санатрук с целью распространения своей власти «подстрекал по тайному велению персидского царя Шапуха» маскутского царя Санесана Аршакида напасть на Армению (Мовсес Хоренаци: III, 9; см.: Арутюнян 1991: 379-380; Акопян 1987: 108). Сам же Санатрук находился в это время в Персии, у приютившего его Шапура II, и не участвовал в нашествии на Армению.

Хонов, принимавших участие в нападении на Армению в составе войск Санесана, нельзя сопоставлять с гуннами, представлявшими гуннское царство в Дагестане, как это предлагает В.И. Кузнецов (Кузнецов 1984: 67). Дело в том, что у Фавста Бузанда речь идет о событиях, имевших место в 30-х годах IV в., т.е. гораздо раньше, чем на Кавказе появились тюркоязычные гунны (конец IV в.), и задолго до возникновения гуннского царства в Дагестане (VI-VII вв.).

Кроме того, следует обратить внимание на одно важное обстоятельство: в этом вторжении хоны играли не главную роль, а наряду с другими кавказскими племенами являлись лишь составной частью войска албанского царя Санесана, что совершенно не вяжется с характером тюркоязычных гуннов, которые, установив свое политическое господство в северо-западной части Прикаспия, должны бы были стать в этой войне основной действующей силой. Если бы тюркоязычные гунны приняли участие в нападении на Армению, то это, безусловно, явилось бы столь значительным событием, что не смогло бы остаться вне поля зрения армянских историков, которые не преминули бы указать на роль

в нем тюркоязычных гуннов. Напротив, как справедливо отмечает К.В. Тревер, армянские историки, начиная с Фавста Бузанда, «говоря о хонах, никак не выделяют их, а называют в одной связи и наравне, не отмечая особенностей их внешнего облика и быта с племенами несомненно кавказского происхождения, как тавасары, хечматаки, гугары, чилбы, баласичи и др.» (Тревер 1959: 192).

Все упоминаемые Фавстом Бузандом кавказские племена известны и из других источников и находят надежную локализацию. Их перечисление начинается с хонов и заканчивается баласичами и егерсванами[27], т.е. идет с северо-запада на юго-восток – от Дарьяльского перевала (хоны) до области Баласакан (баласичы) на берегу Каспийского моря. При этом примечательно, что следующими после хонов упомянуты похи, т.е. пшавы (похи – чеченское название пшавов), которые были южными соседями хонов. Данный факт служит еще одним подтверждением того, что в сообщении Фавста Бузанда речь идет именно о кавказских (вайнахских) хонах, а также о других горских племенах Центрального и Восточного Кавказа, находившихся в то время в союзе с маскутским (албанским) царем Санесаном или в зависимости от него. Этим и объясняется то, что Мовсес Каланкатваци называет горские племена общим, собирательным именем *албанцы*, а Мовсес Хоренаци – *жителями Кавказа*, *северянами* (см. ниже).

Разбив в сражении при Ошакане войска албанского (маскутского) царя Санесана, Армения, по-видимому, вернула себе верховенство и контроль над южной частью Восточного Кавказа, в том числе и над Хонскими (Аланскими) воротами. Поэтому в середине 50-х годов IV в. военные отряды кавказских горцев, в том числе и хонов, воевали против персов уже на стороне армянского

[27] Ю.С. Гаглойти, ошибочно отождествляя егерсуанов Фавста Бузанда с егерами (мегрелами) и сванами Западного Закавказья, приходит к не менее ошибочным выводам о вхождении мегрелов и сванов в Маскутское царство Санесана («в аланский (маскутский) союз» (?! – Г.Г.) и о «распространении влиянии алан на Западную Грузию» (см.: Гаглойти 1999: 91. Комм. 9). В действительности *егерсуаны* Фавста Бузанда не имеют никакого отношения к егерам (мегрелам) и сванам Западной Грузии. Е*герсуанами* Фавст Бузанд называет население, проживавшее в бассейне двух рек Кавказской Албании, впадающих в Каспийское море, – Герр (Джерр) и Соаны, о которых сообщают также Птолемей и автор «Ашхарацуйца» (см.: Еремян 1967: 63; Акопян 1987: 94).

царя Аршака (350 – 367) (Фавст Бузанд: IV, 25). Однако в 60-х годах IV в. Сасанидскому царю Шапуру IIудалось переломить ситуацию в свою пользу: в результате нескольких удачных военных акций, направленных против Византии, он смог отторгнуть и присоединить к Персидской империи ряд областей – Гугарк, часть Утика, Арцах и простиравшуюся от Арцаха до Каспийского моря провинцию Пайтакаран. Таким образом, Персия вновь установила свое господство над восточной частью Южного Кавказа и существовавшими здесь политическими образованиями (царствами и княжествами), которые уже в качестве союзников Персии приняли участие в войне против Византии.

В 371 г. Шапур II объявляет войну Византийской империи и в очередной раз вторгается в Армению. Решающая битва между войсками двух империй и их союзниками произошла весной 371 (или 372) года в Армении, на поле Дзирав, расположенном в области Багреванд, у северного подножья горы Нпат. В армянском агиографическом памятнике V в. «*История* армянского патриарха св. Нерсеса Партева» среди союзников Персии, принимавших участие в этом сражении, упоминается царь хонов Урнайр, возглавлявший объединенное войско горцев Кавказа:

«Յետ այս որի թիկունս կոչեր թագաւորն Պարսից Շապուհ զթագաւորն Հոնաց զՈՒռնայր, և բանայր զդուռն Ալանաց, ժողովեց անառնա զորքն Հոնաց և Մազքթաց և Ագուգաց, և Լփնաց, Թաւմատկաց և Գուբուրէից, Ճմահաց, Գուգարաց, ՈՒղաց, Ճուճաց, Շղրաց, Մաղազճաց, Գերաց, Կուանաց, և այլ …»

«Персидский царь Шапух призвал с тыла царя хонов Урнайра и открыл Аланские ворота[28], и собрались к нему войска хонов и маскутов и агугов и

[28] В переводе на русский язык данный отрывок из «Истории армянского патриарха св. Нерсеса Партева» был опубликован Р.А. Габриелян (Габриелян 1985: 47), где в перечень племен включены и аланы. Однако аланы не упоминаются ни в одном из известных текстов «Истории» св. Нерсеса Партева, нет их и в древнеармянском тексте, на который ссылается издатель. К сожалению, эта досадная ошибка перекочевала и в ряд исследовательских работ.

лпинов, товматков и губуров, чмахов, гугаров, улов, чучов чилбов, малазчов, heров, куанов, и другие…» (Нерсес Партев 1853: 70)[29],

Описание этой битвы дано в трудах армянских авторов Мовсеса Хоренаци, Фавста Бузанда и Мовсеса Каланкатваци, а также римского историка Аммиана Марцелина (Мовсес Хоренаци: III, 37; Фавст Бузанд: V, 4; Аммиан Марцелин. XXIX, 2-5; Мовсес Каланкатваци: I, 13). Однако если в «Истории» св. Нерсеса Партева царь Урнайр, участвовавший в Дзиравской битве на стороне персов, является царем хонов, то Мовсес Хоренаци, Фавст Бузанд и Мовсес Каланкатваци называют его албанским царем, современником армянского царя Папа (369 – 374).

При этом ни Мовсес Хоренаци, ни Фавст Бузанд не уточняют состав войск персидского царя Шапура II и не указывают на участие в Дзиравской битве хонов, равно как и других кавказских народов, перечисленных в «Истории» св. Нерсеса Партева. Правда, им известно, что албанский царь Урнайр возглавлял объединенные силы горцев Кавказа, однако сообщают они об этом кратко, в частности, называя среди горцев «храброго Шергира, царя леков» (Мовсес Хоренаци: III, 37; Фавст Бузанд: V, 4).

Историчность албанского царя Урнайра, принимавшего участие в Дзиравском сражении, не вызывает сомнений. Среди албанских царей под этим именем известны двое: первый – принявший христианство и современник армянского царя Трдата III, второй – современник вышеупомянутого царя Папа. В то же время нет никаких оснований не верить сообщению «Истории» св. Нерсеса Партева, в котором говорится о том, что Урнайр – царь хонов. Данное сообщение ценно еще и тем, что, по-видимому, восходит к самому Нерсесу Партеву, который, будучи католикосом Армении, принимал самое активное участие во всех важных политических событиях того времени. Например, в день Дзиравского сражения он находился вместе с армянским царем Папом и с горы Нпат наблюдал за ходом битвы.

[29] Вариант Б: «хечматаки, бугоры, ичамахи, чучи, гуа, глуары, магуги, узы, шилбы, чилбы, мазаваны, гесы, соараны и другие» (Нерсес Партев 1853: 85).

О том, что царь хонов Урнайр Нерсеса Партева и царь Албании Урнайр Мовсеса Хоренаци и Фавста Бузанда – одно и то же лицо, ясно свидетельствуют слова, вложенные в уста Урнайра перечисленными авторами. Так, согласно Фавсту Бузанду, албанский царь Урнайр обращается к персидскому царю Шапуру с просьбой разрешить ему выступить со своим отрядом против армян: «…Окажи милость и прикажи мне в виде награды самому со своим отрядом выступить против армянского войска царя Папа, ибо персидским войскам подобает выступить против греческих войск, а я со своим отрядом выступлю против армянских князей» (Фавст Бузанд: V, 4). По данным Нерсеса Партеви с аналогичной просьбой обращается к персидскому царю хонский царь Урнайр (Нерсес Партев 1853: 71).

Приведенные выше сообщения древнеармянских авторов кажутся противоречивыми из-за того, что в них одно и то же историческое лицо – Урнайр, называется то царем хонов, то царем албанцев. Данное противоречие объяснимо. Дело в том, что в античных и армянских источниках термин *Албания* (*албанцы*) имел географический, собирательный, смысл, не нес конкретного этнического содержания – употреблялся для обозначения многочисленных племен и народов, обитавших на территории исторической Албании. Например, согласно известному сообщению Страбона, в Албании проживали 26 племен.

Несомненно, население Албании состояло из этнически близкородственных дагестанских народностей, однако в силу ряда обстоятельств слияния этих народностей не произошло, и термин *албанцы*, оставшись лишь собирательным этниконом, так и не стал самоназванием единого народа или жителей одной страны. Каждая народность Албании сохраняла свою этническую индивидуальность, свою изолированность и свой этноним[30], в связи с чем, древнеармянские авторы для обозначения населения этой страны, помимо собирательного термина *албанцы* часто используют термины *горные жители*

[30] Такая этнополитическая ситуация существует здесь и по сей день, с той лишь разницей, что древнее собирательное название страны – *Албания*, сменилось на другое, тоже собирательное – *Дагестан* (*страна гор*).

Кавказа, множество разношерстных кочевых племен Кавказа, северяне, горцы севера, горцы Кавказа (Мовсес Хоренаци: II, 84, 85. III, 3, 9; Фавст Бузанд: III, 7).

Древнеармянские источники независимо друг от друга приводят более двадцати названий албанских племен и народов, подавляющее большинство которых находят надежную локализацию. Перечисленные армянскими авторами албанские этнонимы известны также и более поздним, арабским, авторам и находят свое подтверждение в этнонимии современных народов Дагестана. Все это свидетельствует об историчности данных названий и о достоверности содержащихся в армянских источниках сведений о проживании в Албании их носителей (см.: Еремян 1973: 271; Акопян 1987: 75-81).

Многие албанские племена и народы образовывали свои царства и княжества, которые затем вступали между собой в союзыдля совместного отражения внешней угрозы или совершения внешних военных акций. Разумеется, между этими царствами и княжествами разворачивалась борьба за первенство, в ходе которой тот или иной народ (или группа племен) политически возвышался, на какое-то время объединяя под своей властью население всей территории Албании. При этом этническое наименование народа, возглавившего такое объединение, приобретало политический смысл и применялось для обозначения населения Албанского царства, выступая синонимом собирательного термина *Албания* (*албанцы*).

Изменения, происходившие с указанными терминами, хорошо прослеживаются в античных и древнеармянских источниках. Так, Страбон для обозначения населения Албании использует термины *албанцы* и *леги* (*гелы*), являющиеся равнозначными и взаимозаменяемыми (Страбон: XI, 5, 1). В армянских источниках для обозначения Албанского царства, помимо термина *Албания* использованы также этнические наименования народов, господствовавших в тот или иной период.

Среди них и термин *гаргар*, применявшийся для обозначения Албанского царства, заменяя при этомтермин *Албания* (Гумба 1986: 35-36). А распространение на всю Албанию власти маскутского царя привело к тому, что

для обозначения Албании стал использоваться термин *маскутк*. И если, например, Фавст Бузанд просто перечисляет горские племена и народы, объединенные под властью маскутского царя Санесана, то Мовсес Каланкатваци называет эти племена собирательным именем *албанцы*, а самого маскутского царя – албанским. Мовсес Хоренаци же именует эти племена *северными жителями Кавказа*. И в данном случае тот факт, что царь хонов Урнайр назван албанским царем, следует воспринимать свидетельством установления к тому периоду политического господства хонов над Албанией и объединения албанских царств и княжеств под главенством хонского царя Урнайра.

В подтверждение вышесказанного отметим также следующее. На территории Албании всегда проживало множество племен и народов, которые не были этнически монолитными, поэтому довольно сложно говорить о внутриполитической стабильности Албанского царства и об устойчивости его границ, которые менялись в зависимости от того, насколько могущественным был народ, получавший в тот или иной период верховенство и политическую власть в стране. Если южные и юго-западные рубежи Албании того времени более или менее устойчивы и без труда определяются по данным античных и армянских источников, то установить ее северо-западные и северные границы весьма непросто. Ориентировочно эти границы проводятся в зависимости от локализации племен и народов, называемых армянскими источникамив составе Албанского царства.

Судя по данным этих источников, пределы Албанского царства в различные периоды охватывали не только большую часть горного Дагестана, но и районы Центрального Кавказа, включая области расселения нахских племен. В III – начале IV вв. границы Албании доходилина северо-западе до верховьев Алазани и Иори. Здесь, у излучины Алазани (соврем. Ахметский район Грузии), территория Албании заканчивалась, и начинались земли нахских тушин (масахов) и пшавов. Однако уже в 30-х годах IV века пшавы (похи) и их соседи хоны (масаха-хоны), как утверждает Фавст Бузанд, известны среди народов Албанского (маскутского) царства, которым повелевает царь Санесан. Данный факт, безусловно,

свидетельствует о том, что в тот время политическое влияние маскутского (албанского) царя Санесана распространилось и на нахские племена хонов и похов (пшавов).

После поражения персов и гибели маскутского царя Санесана в битве при Ошакане (335/336 г.) письменные источники уже не упоминают о маскутах – надо полагать, они сошли с политической арены Албании. В след за этими событиями в Албании неизбежно должна была произойти очередная перегруппировка политических сил. Судя по всему, первенство перешло к хонам (масаха-хонам), которые распространили свое политическое влияние на население Албании, т.е, Албанское царство возглавил хонский царь, а термин *хон* стал применяться в собирательном значении для обозначения Албанского царства. Таким образом, становится понятным, почему царь Урнайр, возглавлявший объединенные войска Албании (или горцев Восточного Кавказа) в битве при Дзираве (371 г.) в «Истории» св. Нерсеса Партева назван хонским царем, а в сочинениях Мовсеса Хоренаци и Фавста Бузанда – албанским царем. Все дело в том, что в период военно-политического объединения племен и народов, в том числе царств и княжеств Албании под главенством хонского царя, термины *хон* и *албан* стали синонимами и использовались для обозначения Албании и ее населения в целом.

В свете вышесказанного проясняется также и вопрос о том, почему среди четырех бдешхов, сопровождавших армянского царя Трдата III в его поездке к византийскому императору Константину, Агатангелос называет *бдешхом масаха-хонов*. В армянской версии Агатангелоса данному титулу соответствует *бдеших маскутов (*Agathange 1870: 187). Титул бдешх (бдеашх) в древней Армении присваивался правителям четырех важнейших пограничных областей царства Великой Армении – Алдзника, Кордука, Нуширакана и Гугарка.

Бдешхи были крупнейшими наследственными землевладельцами, стоявшими выше нахараров (князей), которые, однако (скорее всего, при Тигране II Великом), признали суверенитет армянских царей. В государственной иерархии Армении бдешхи занимали первые четыре места после царя.Главной задачей бдешхов являлась защита границ Армении от внешних врагов. Традиционно, еще

со времени правления армянского царя Арташеса I (189 – 160 до н.э.) функции бдешха северной пограничной области возлагались на правителей Гугарка. В обязанность бдешхов Гугарка входила защита северных пределов Армении – т.е. охрана Кавказских проходов.

В период могущества Армении, при царе Тигране II Великом, была укреплена цепь оборонительных сооружений от Жинвали (Сарматские, Цилканские ворота) вдоль Тианети до низовья Алазани, известная как *Дурдзукские врата*, *Пахак хонов* (*Врата хонов*) (см. выше). В этих укрепленных приграничных местах стояли войско, подчиненные правителю (бдешху) Гугарка. Тогда же территория левобережья реки Арагви – от Цилканских (Циканских) ворот (около Жинвали) до устья Алазани, была включена в состав Армении.

Присвоение правителю масаха-хонов титула бдешха и возложение на него охраны кавказских перевалов имело место, скорее всего, в первые годы царствования Трдата III, который, в свою очередь, нес ответственность за свои действия перед Римской империей. Косвенным подтверждением тому является факт пребывания Трдата III у масаха-хонов (Дурдзукети), засвидетельствованный древнегрузинскими источниками. Так, в «Обращении Грузии» сообщается, что, будучи в этих местах, «царь Трдат вернул и крестил» эрцо-тианетцев, чартальцев, пховцев, цилканов и других горцев, которые раннее ушли в Тушетию, опасаясь крещения (Обращение Грузии 1989: 85).

Пожалование Трдатом III титула бдешха правителю хонов (масаха-хонов) было вызвано, несомненно, главенствующей ролью хонов в регионе и их военно-политическим превосходством. Включение предводителя масаха-хонов в число придворных армянского царя следует рассматривать не только как дань традиции, согласно которой Арменией в то время считалась вся восточная часть Южного Кавказа, но и как отражение реальной военно-политической ситуации: нахские хоны (масаха-хоны) тогда контролировали проходы Центрального Кавказа (отсюда название *пахак хонов – ворота хонов*). Таким образом, сообщение Агатангелоса об участии правителя масаха-хонов в качестве бдешха в визите Трдата III к византийскому императору Константину вполне обосновано.

После смерти Трдата III (330 г.) ситуация кардинально меняется – нахские хоны в составе коалиции маскутского царя Санесана вторгаются в Армению. Как показывают последующие события, поражение Маскутского царя в этой войне имело далеко идущие последствия. Победа Армении над объединенными войсками маскутов, албанов и хонов (масаха-хонов), а также гибель маскутского царя Санесана Аршакида имела важное военно-стратегическое значение. Благодаря ей изменилась расстановка военно-политических сил в регионе.

С одной стороны, пошатнувшаяся было позиция Армении вновь усилилась; с другой стороны, на смену сошедшему с политической арены Маскутскому царству выдвинулось объединение хонов, начавшее устанавливать свое господство и над Албанией, в связи с чем, как было отмечено выше, древнеармянские авторы называют хонского царя также и царем Албании.

О политической перегруппировке, произошедшей в Албании после битвы под Валаршапатом в 335/336 году, можно прочесть и в сообщениях Фавста Бузанда. Однако при этом следует помнить, что, согласно многих источников, царствовавшие в Персии, Армении, стране маскутов и стране кушан династии ведут начало от парфянского рода Аршакуни (Аршакиды) и все их представители считались родственниками. Так, Фавст Бузанд маскутского (албанского) царя Санесана называет братом армянского царя Хосрова («армянский царь Хосров уклонился от встречи со своим братом, то есть мазкутским царем Санесаном») (Фавст Бузанд: III, 7). Когда же после битвы под Валаршапатом Хосрову принесли отрубленную голову Санесана, то он сильно разгневался, а затем «расплакался и сказал: «Братом он был моим, родом Аршакуни» (Фавст Бузанд: III, 7).

Совершенно иная ситуация наблюдается в отношениях армянского царя Папа и хонского (албанского) царя Урнайра. Согласно Фавсту Бузанду после битвы при Дзираве (371 г.) царь Пап был разгневан по поводу именно того, что полководец Мушег Мамиконян не убил на поле боя хонского царя Урнайра, а даровал ему жизнь и поэтому обвинил полководца в предательстве. Здесь ничего не сказано о принадлежности хонского царя Урнайра к роду Аршакуни и о его родственных

связях с армянским царем. Как сообщает Фавст Бузанд, Мушег Мамиконян лишь говорит: «Я на царя, на человека, носящего венец, не поднимал, не поднимаю и не подниму руки» (Фавст Бузанд: V, 4), т.е. он сохранил Урнайру жизнь лишь потому, что тот был царем и носил венец. А если бы Урнайр принадлежал к роду Аршакуни, т.е. был бы братом армянского царя, то в своем ответе ему непременно привел бы этот веский аргумент в свое оправдании.

Вышесказанное свидетельствует о том, что после поражения в Ошакане в 336 году маскутские Аршакиды потеряли власть над Албанией и на смену им пришли нахские хоны (масаха-хоны), которые установили здесь свое господство, а их правители получили титулы царей Албании. Таким образом, в середине IV века нахские хоны, расширив границы своих владений от центральных районов Северного Кавказа до устья реки Куры и побережья Каспийского моря, превратили свое царство в одно из ведущих государств Кавказа.

Начиная с V века кавказские хоны (масаха-хоны) больше не упоминаются в письменных источниках. На территории, расположенной между Картли и Албанией – от устья Алазани на юге до прилегающих с севера к Дарьяльским воротам областей на севере – термина *цанар* прочно заменил термин *хон* (*масаха-хон*). Это связано с политико-административными изменениями, осуществленные Сасанидами на Южном Кавказе в конце V в. На подвластных им землях Сасаниды провели политико-административную реформу в целях введения прямого правления. В 428 г. было упразднено Армянское Аршакидское царство и вся восточная часть Южного Кавказа вместе с Восточной Арменией была выделена в отдельную административную единицу *Кустак Капкох* (Кавказский край), которая, в свою очередь, была разделена на области (марзпанства).

Албанское царство, возглавляемое хонской династией и включавшее в себя нахские и дагестанские объединения, оказало Персидской империи наиболее упорное и длительное сопротивление. Данное обстоятельство следует, наверное, объяснять тем, что к тому времени Албанское царство представляло собой достаточно могущественное государственное объединение. Армянский историк Елишесообщает, например, что «одиннадцать горских царей» Кавказа,

объединившись для защиты своей независимости, подняли восстание против Сасанидов (Елише: VII, 198).

Возглавлял объединенное войско горцев Кавказа албанский царь Вачэ, который, судя по всему, являлся представителем хонской династии. Разгромив посланные против них персидские войска, горцы освободили свою страну. После неоднократных и безуспешных попыток подавить восстание Сасанидский царь Пероз (459 – 484) обратился за помощью к тюркоязычным гуннам, отправив им «много сокровища» (Елише: VII, 198), после чего в Албанию со стороны Северо-Западного Прикаспия вторглись гунны, а с юга – персы. Горцы во главе с царем Вачэ в течение года противостояли многократно превосходившим их силам противника, нанося им ощутимый урон. Однако около 462 г. Сасанидам с помощью гуннов-хайландуров в конце концов удалось подавить сопротивление горцев[31].

Одержав победу, Сасанидский царь Пероз упразднил царство хонов (Албанское царство) и все одиннадцать горских царств и княжеств Восточного Кавказа, которые воевали против Сасанидов. Во всяком случае, в последующий период об этих царствах источники ничего не сообщают. С этого времени население территории хонов (масаха-хонов) известно как цанары. Цанары продолжают контролировать Аланские и Цилканские (Циканские) ворота, а спустя еще некоторое время здесь возникает Цанарское царство.

Таким образом, анализ имеющегося материала достаточно убедительно говорит о том, что сведения древнеармянских и древнегрузинских источников о кавказских хонах периода до появления на Кавказе тюркоязычных гуннов нельзя трактовать как анахронизм. Эти сведения основаны на исторических реалиях и

[31] Здесь следует привести слова армянского историка Елише, восхищенного героической борьбой вайнахов и дагестанцев, за свою свободу и независимость, и проявленный при этом единству и силе духа: «[Вачe] объединил одиннадцать царей горских народов и противостоял войною полку Ариев, и великий ущерб причинил войскам царским… И хотя его войско ослабло и силы его истощились, все же покорить его они не смогли. Напротив, множество сильных ударов нанес царь [Вачэ], и они тоже были изнурены и истощены, либо в сражениях, либо от страшных болезней. Война затянулась, большая часть страны была разорена, но никто от него (от Вачэ) не отступился» (Елише: VII, 198; см. также: Мовсес Каланкатваци: I, X).

находят множество подтверждений. Они убеждают в том, что в сообщениях древних авторов следует различать кавказских (нахских) хонов Центрального Кавказа и тюркских гуннов (хуннов) Западного Прикаспия.

Мнение о том, что информация о хонах могла проникнуть в армянские и грузинские источники в период существования в Западном Прикаспии Гуннского царства (V–VI вв. н. э.), не может быть принято и по той причине, что хоны были известны в северо-восточной части Малой Азии за тысячу лет до появления на Кавказе тюркоязычных гуннов, на что обращал внимание еще П.К. Услар (Услар 1881: 265). Так, в одной из персепольских надписей Ахеменидского царя Дария I в перечне народов, плативших дань Ахеменидской Персии, наряду с Арминой (Армения), Катпатукой (Каппадокия) и Спру (Сперия) называется Хуна («…Армина, Катпатука, Хуна, Спру…») (Риттер 1874: 106).

Следует отметить, что ряд специалистов Хуна (Huna) надписи Персеполиса предлагают читать как *Иония* и подразумевают ионян или вообще греков. Однако, будучи размещенными между Каппадокией, Арменией и Сперией, хоны должны были занимать территорию от Каппадокии до верховья Чороха, т.е. достаточно удаленные от Греции земли. Подтверждением тому могут стать сохранившиеся в этих местах до настоящего времени топонимы: Хон (Хон-к), Хонак – в верховье Чорохи; местность Хона юго-восточнее современного Ахалциха; Хонские горы – другое название Джавахетских гор, тянущихся от Дашидагского плоскогорья на юго-запад; местности Хонис и Хонлур (Хон-лур) в Харбердском районе Ерзрумской области (См.: Словарь топонимов Армении 1988: 180-181).

Приведенные выше свидетельства дают веские основания для того, чтобы признать правдивыми сведения армянских и грузинских источниково проживании в древности на территории Картли и центральных районов Кавказа хонов (хунов). При этом следует обратить внимание на то, что, по данным «Макцевай Картлисай», хоны пришли из Халдеи, а по «Картлис цховреба» – это вообще были халдейские племена («Вновь пришли племена халдейские») (Мровели Леонти: 28).

Под названием Халдия (Халтик) была известна территория на Юго-восточном Причерноморье, где, как видели выше, согласно персидской надписи V в. до н. э., размещались хоны, что подтверждается сохранившимися здесь топонимами. В связи с этим было бы, конечно, предпочтительнее видеть первоначальным местом проживания хонов (до прихода их в Картли) именно Понтийскую Халдику. Однако известно, что в грузинских источниках Халдией обозначалось преимущественно Вавилонское царство и, согласно грузинской исторической традиции, как раз с Халдией (Вавилонией) связывается постоянный приток племен в Картли (Меликишвили 2959: 45, 190). Сведения грузинских источников перекликаются с данными античных и армянских источников, в которых также содержится множество свидетельств прихода в Картли (Иберию) халдеев, или племен, выселенных халдейским царем Навохудоносором (Вавилонский царь халдейской династии).

В связи со всем вышесказанным привлекает внимание весьма важное сообщение о цанарах древнеармянского историка Вардана Великого Аревелци, речь о котором пойдет ниже.

§4. Цанары

Известный армянский просветитель Вардан Аревелци, прозванный Великим, жил и работал в XIII в. Но, как отмечают исследователи, содержащиеся в его трудах сведения о более ранних периодах истории также весьма ценны, поскольку в своей работе, он «широко использовал не дошедшие до нас древние источники (в том числе и документальные), халдейские, вавилонские, персидские сказания и легенды … и сообщает богатые и достаточно конкретные разнообразные сведения об историческом прошлом закавказских народов» (См.: Видные деятели армянской культуры 1982: 256-257).

В своем сочинении «Всеобщая история» Вардан Аревелци пишет: *«…Некоторые мужи халдейские, вышедшие из своей страны, пришли в Гардман*и сказали гардманскому князю: «Уступи нам частицу креста, данного тебе (императором) Ираклием, а мы примем христианскую веру и будем служить

тебе», что исполнилось. Эмир багдадский, узнав об этом, стал грозить им; и, устрашенные, они удалились к подошве Кавказских гор. Споспешествуемые Христом, в которого они уверовали, завладели они всеми (окрестными) областями**…** *И [эти халдеи] назвали свою область Цанар на том основании, что в ней они узнали первое свое местожительство»* (выделено мной. – Г.Г.) (Вардан Аревелци 1861: 101).

Процитированное сообщение Вардана Аревелци о цанарах, безусловно, имеет компилятивный характер. Здесь нам представлена в сжатой форме информация, соответствующая различным временным периодам. Данные о приходе цанар из Халдии восходят, вероятнее всего, к халдейским (вавилонским) источникам, которые Вардан Аревелци, видимо, попытался согласовать с данными о цанарах, взятыми из более поздних источников (как письменных, так и устных) и отнести все это к определенному историческому периоду.

В конкретном случае для нас важно то, что текст Вардана Аревелци перекликается со сведениями грузинских источников о прибытии из Халдии в Картли воинственных хонов. Вардан Аревелци называет пришедших из Халдии воинов цанарами и сообщает, что они некоторое время проживали в Гардмане, а затем переместились к подножью Кавказских гор. Свою новую территорию они назвали Цанар на том основании, эта земля была похожа на место их прежнего проживания.

Цанары принадлежат к тем народам Кавказа, которым уделено пристальное внимание со стороны историков прошлого и современности[32]. О них сообщают античные, древнеармянские, древнегрузинские, персидские и арабские источники. Такой интерес древних авторов к цанарам вызван, безусловно, той ведущей ролью, которую этот народ играл в регионе на протяжении многих столетий.

[32] Вопросы локализации и этнической принадлежности цанар освещены в исследованиях Н.Я. Марра, И.А. Джавахишвили, А.Н. Генко, С.Н. Какабадзе, В.Ф. Минорского, С.Т. Еремяна, З.В. Анчабадзе, М.Д. Лордкипанидзе, А.П. Новосельцева, Н.Г. Волковой, Дж. Гвасалия и др. Особого внимания заслуживает монография Г.Г. Мкртумяна, в которой на основе широкого круга первоисточников обстоятельно рассмотрены проблемы этнополитической истории цанар (см.: Мкртумян 1983).

Самое раннее упоминание о цанарах принадлежит Птолемею, согласно которому, во II веке н. э. цанары проживали на землях, расположенных между Иберией (Картли) и Албанией (Pt. V, 8, 17-25). Затем, начиная с V века и на протяжении всей второй половины I тыс. н. э., цанар на указанной территории фиксируют греко-латинские, армянские, грузинские, арабские и др. раннесредневековые источники. Исследователи единодушны во мнении, что цанары занимали обе стороны Главного Кавказа – ущелья рек Терека и Арагви, и на протяжении многих столетий контролировали Дарьяльское ущелье, известное в раннесредневековых источниках и как Цанарское ущелье (Джавахишвили 1948: 43; Какабадзе 1928: 103; Minorsky 1937: 144; Мкртумян 1972: 231-231; Мктрумян 1983: 35-40 и др.

По данным «Ашхарацуйца», как уже было отмечено, Цанария охватывала территорию всего Дарьяльского ущелья. На юге во владения цанаров входили Цилканские (Циканские) ворота и лежавшие вокруг них земли, а на севере – области, расположенные на подступах к Дарьяльским воротам с севера. Цанары держали под контролем не только Дарьяльское ущелье, но также и перевальные пути, проходившие по верховьям рек Ассы, Чанты и Шаро Аргун, по ущельям Хилдихарой, Майста, Мелхиста, Панкиси и др. и связывавшие Южный и Северный Кавказ.

По вопросу этнической принадлежности цанар в научной литературе существуют разные точки зрения. Было высказано предположение о возможной генетической связи цанар с грузинской народностью – сванами (Какабадзе 1928: 111-112; Лордкипанидзе 1989: 391). Однако это мнение выглядит неубедительно потому, что опирается лишь на созвучии терминов *сван//сан* и *цан* (*цан*(*ар*), без учета историко-географических реалий. Сторонники грузинского (сванского) происхождения цанар опираются в основном на лингвистическую аргументацию Н.Я. Марра, который использовал цанарский материал лишь как дополнительное средство для обоснования своей «яфетической теории». Применяя свой «метод палеонтологического анализа», когда на основании нескольких элементов сопоставляются слова самых различных языков, причем слова, почти не схожие

по звучанию и различающиеся по значению, Н.Я. Марр генетически связывал цанар (цанов) с тюркоязычными карачаевцами и балкарами, со сванами, абхазами и ираноязычными савроматами (Марр 1913: 305). Нужно ли говорить о том, что Н.Я. Марра и его последователей в вопросе об этническом происхождении цанаров ждала неудача? Но вместе с тем, благодаря своему гениальному лингвистическому чутью Н.Я. Марру удалось провести ценнейшие наблюдения и сделать о цанарах выводы, имеющие большое значение для современной науки.

Факт проживания сванов в районах Дарьяльского ущелья не только в I тыс. н. э., но также до и после этого периода не подтверждается никакими материалами. По свидетельству многих письменных источников (античных, арабских, армянских, грузинских), сваны однозначно локализуются в западной части Южного Кавказа, в верховьях Риона и Ингури. При этом античные, армянские и грузинские источники, одновременно упоминая как сванов, так и цанар, локализуют их в совершенно разных частях Кавказа. Птолемею, например, известны суаны и санареи, а в «Ашхарацуйце» достаточно четко определены места расселения и сванов, и цанар. Кроме того, с лингвистической точки зрения, весьма сомнительно отождествление терминов *сван* (*соан*, *суан*) и *цан*(*ар*), поскольку в слове *цанар* первичен звук **ş** (ð, цI), не передаваемый в греко-латинском и русском языке, а в слове *сван* – звук **c** (**s**). Греко-латинские авторы не могли передать звук **ş** (ð, цI) и поэтому использовали **s** (**c**), но армянские и грузинские авторы, разумеется, могли это сделать, поэтому они четко разделяют и не смешивают санов (сванов) и цанар.

Если исходить из объективного анализа совокупностивсех имеющихся фактов, то правомерным выглядит мнение о принадлежности цанар к нахскому этническому миру, обоснованноеещ известным ориенталистом В.Ф. Минорским (Minorsky 1937: 144; Миорский 1963: 210-211) и в дальнейшем получившее подтверждение в работах А.П. Новосельцева, З.В. Анчабадзе, Г.Г Мкртумяна и др. (Новосельцев, Пашуто, Черепнин 1972: 30-33; Новосельцев 1974: 56; Анчабадзе 1982: 325 – 326; Мкртумян 1983: 231 – 235; Мкртумян 1972: 36-39).

На связь цанар с нахским этническим миром указывают свидетельства не только письменных источников, но и топонимики, языка и фольклора, и на них хотелось бы теперь вкратце остановиться. Этноним *цанар* сохранился в названии округа Эрцо, расположенного в долине реки Иори, между Тианети и Гомбори, означающем буквально *страна t'anar-ов* (Марр 1916: 397); также *цанар* сохранился в названии района Цобени (ծոբենոր «Ашхарацуйца», груз. Oj,tyb) с одноименным центром на левом берегу р. Арагви, к востоку от озера Базалети и северо-западе от Эрцо.

В настоящее время термин *цобени* применяется для обозначения нахоязычных цова-тушин (бацбийцев), но в древности он использовался как название достаточно большой территории, лежавшей между ущельями Лехури-Ксани и Арагви-Иори (См.: Джавахишвили 1948: 75; Меликишвили 1959: 124). Та же основа *ца/цо*, присутствует и в названии *цова//цоба//цопа* «той половины тушинского народа, которая сохранила свою родную чеченскую речь рядом с грузинской» (Марр 1916: 397-398). Сами же бацбийцы (цова-тушины) называют Кахетию *Цовата – Цова*(*та*), и до сих пор считают ее своей прародиной. С этнонимом *цанар* связывается также осетинское название жителей Дарьяльского ущелья – мохевцев цона, а также всего этого района (Сона) и горы Казбек (Соана)(Марр 1916: 397-39). В «Мокцевай Картлисай» территория Дарьяльского ущелья (современный Казбекский район Грузии) и верховье Арагви называются *ущельем цанар, хеви цанаретиса* (Обращение Грузии 1989: 22).

Уже сам факт того, что осетины и грузины называли указанные районы этнонимом *цан (цанар)* свидетельствует о том, что цаны (цанары) не относились ни к ираноязычным, ни к грузиноязычным племенам. В связи с этим представляется интересным то, что население Казбекского района – мохевцы, были известны чеченцам под именем чеченского тейпа Бейно (Волкова 1973: 181).

Корнем термина *цанар* является *ца* (*цIа, şа, цIу, цIиу*), в нахских языках означающее *огонь*, *очаг*, *дом*, а в древневайнахском пантеоне *Ца* (*ЦIа, ЦIу, ЦIув*) – божество огня. Специалисты отмечают, что у народов аваро-андо-дидойской и

нахской языковых и этнических групп на каком-то этапе их исторического развития верховным божеством был *Цоб* (*ЦIоб)*, и соотносят его с *ЦIа//ЦIу//ЦIув*, являвшимся в древневайнахском пантеоне божеством огня (Алироев 1978: 40; Сефербеков 2006: 72). Этнонимы, производные от имени божества *Ца//Цу*, которому поклонялись в древности те или иные нахские племена, сохранились и в современных наименованиях ингушских и чеченских тейпов: *Циечу – цие*(*чу*) – нахи-орстхойцы, *Цантарой, Цей-пхьада, Цесу – Ци*(*есу*), *Цур*(*ов*) и др. Этноним *цова-тушин* также происходит от имени божества *Ца//ЦIу*. До сих пор тушины «разделяются на туш-бацой (тех, кто поклонялся божеству Туш) и цу-бацой (тех, кто поклонялся божеству ЦIув). Туш-бацои ныне полностью огрузинились. Цу-бацой (цова-тушины) и поныне сохраняют свою изначальную (нахскую) этническую принадлежность» (См.: Дешериев 1963: 62; Чокаев 1992: 113).

Топонимы, образованные от основы *ца//цу*, широко распространены по всей горной и предгорной полосе Чечни и Ингушетии, и все они обозначают поселения или священные места. Приведем некоторые из них: Цов(гие) – святилище в Фаъппи, на границе с Хевсуретией; Цечу – древнее святилище орстхоевцев в междуречье Ассы и Фортанги, в котором происходили культовые праздники и жертвоприношения; Цейлоам (*Цей-лоам – гора Цей*) на левобережье реки Ассы; Цан авлах (ЦIиан Iалах) – *роща* (*божества*) *Ца*,в Нашхо, а также и в Пешхо; Цонтарой в Веденскорм районе; ЦIайн-пхьада – *место святилища*, *солнечные склепы*, недалеко от реки Машиех; повторяющиеся в областях Малхиста, Меишта, Нашхо, Шарой, Бенои, Шатои (верховья Чанты-Аргун и Шаро-Аргун) и др. топонимыЦанара, Цанашка, Цон-Куорта (*вершина* (*божества*) *ЦIа*), Цан арха (*поляна* (*божества*) *Ца)*, Цета, Цовтьие и др. (Сулейманов 1976: 34, 82, 89, 90, 166,173, 185, 207; Сулейманов 1978: 37, 49, 50, 149).

Топонимы с основой *ци//ца* распространены также в горной части Осетии, и они, как считает А.Дз. Цагаева, относятся к древнейшему, необъясняемому, топонимическому пласту. Примеры таких топонимов: Цъата в Кобанском ущелье; Цъезу, Цъуныха в Куртатинском ущелье; Цъей, Цъута, Цъурру, Цъус, Цъессатае и Цъоныхса в Алагирском ущелье; Цъинтае, Цъесс, Цъур, Цъебат (*бат//уат* –

место, т.е. *место Цъу*); Цъажиу дзуартте (*Цажиу святилище*) в Твалетии; Цъиа, Цъинтае, Цъонгуз в Дигорском ущелье и др. (Цагаева 1971: 110-111, 115-122).

В Южной Осетии существуют топонимы Цеси и Цона (Джавский р-н). К этой же группе следует, видимо, отнести также местности Цона в верховьях р. Квирилы и Цопа в Марнеульском районе соврем. Западной Грузии.

Весьма примечательно, что в Осетии некоторые топонимы с основой *ца//цу* до сих пор известны как святые места – например, Цежиуы (*Святилище Цъежиуы*). Особое внимание привлекает храмовый комплекс, расположенный в верховьях Алагирского ущелья, где в примыкающих ущельях сосредоточились три святилища: Реком (Цейское ущелье), Мкалгабырта (*макьал//махьал – габырта*?) и Таранджелос. На основании изучения археологических данных Е.И. Крупнов сделал вывод, что храмовый комплекс в Цейском ущелье существовал еще со времен кобанской культуры, т.е. с I тыс. до н. э. (Крупнов 1960: 367).

Такое уточнение известного археолога является дополнительным аргументом в пользу вайнахского происхождения перечисленных выше топонимов с основой *ца//цу*. Кроме того, ряд интересующих нас топонимов в Осетии – Цъебат (где *бат-уат – место*, т.е. *Место Цъе*), Цъей, Цъесс, Цинтае, находят прямые аналогии в Чечне и Ингушетии. Учитывая распространенность повторяющихся топонимов и этнонимов Чечни, Ингушетии и Осетии, объясняемых, как отмечают исследователи, только на нахских языках (См.: Кобычев 1977: 171), трудно усомниться в том, что приведенные названия с основой *ци//ца* в Осетии имеют нахское происхождение.

Как было уже отмечено, нахское языческое божество *Цъу//цъа* нашло отражение и в именах осетинских языческих богов. Так, верховный бог осетин *Хуыцау – бог богов*, обиталищем которого считают небеса, лингвистически близок к одному из верховных богов нахов – *Цъа//цъиу//цъиво//цъув*; с нахским божеством *Цъу* связывается и имя осетинского бога урожая, небесного грома и молнии *Уацилла*, где *ала* родственно урартскому *Алале – бог урожая* (Алироев 1978: 147).

Ученые давно обратили внимание также и на то, что частое повторение нахских топонимов, выявленное в южной, центральной и восточной частях Кавказа, указывает на миграцию нахского населения (См.: Кобычев 1977: 170-171). Об этом говорят и предания многих нахских тейпов. Так, например, род Церо– выходцы из Дарьяльского и Санибского ущелий, а в чеченском предании, записанном в XIX веке П.А. Головинским,сообщается, что предки некоторых чеченских родов произошли от цова-тушин, ныне живущих в Тианетском округе Грузии. По преданию самих же цова-тушин (бацоев), их предки когда-то жили на юге от Грузии, но во время нашествия арабов были вытеснены в Кавказские горы (Головинский 1878: 46).

Согласно преданиям, записанным К.Н Россиковым и А. Греном, жители горных чеченских селений Шатоя и Киало, расположенных в долине р. Чанты-Аргун, где когда-то находились святилища с основой *ци//ца* в названиях, еще во второй половине XIX в. считали себя потомками закавказских тушин и хевсуров (Россиков 1888: 99; Грен 1897: 22).

Наряду с преданиями ряда тейпов чеченцев и ингушей, повествующими об их выходе из Грузии, соответствующие сказания встречаются и у грузинского населения горной части современной Восточной Грузии (Дарьяльское ущелье, Хевсуретия, Шатили, Мигмахеви, Архота, Тианети и др.) (Очиаури 1969: 25-26; См. также: Кобычев 1977: 179). Согласно этим сказаниям, на указанных землях ранее проживали кистинцы (грузинское наименование вайнахов), а затем они были заселены грузинами (Очиаури 1969: 26).

Процесс миграции населения нашел отражение и в топонимах-двойниках, образованных с помощью нахского топонимообразующего суффикса *р*(*ра*) – показателя исходной точки действия, отвечающего на вопрос *откуда?* (*мичара*)[33]. Например: *Хьага = Хьагара* (Хьагара – *Из Хьага*), *Вашенда = Вашендара*

[33] «В нахских языках суффикс *р* (*ра*) служил показателем исходной точки действия, отвечающего на вопрос *мичара* (*откуда*). …Присоединившись первоначально …к соответствующим основам, характеризующим местность, для связи управления, формант *ра* сросся с основами, превратив их из нарицательных имен в собственные названия географических объектов» (Чокаев 1964: 51; Дешериев 1963: 62).

(Вашендара – *Из Вашенда*), *Ялха = Ялхар* (Ялхар – *Из Ялха*) и др. Однако в данном случае нас больше интересуют топонимы с основой *ца//цIу*. Так, по преданиям представителей рода Церо (по бацбийски – *ЦIер*), их предки являются выходцами из Дарьяльского ущелья (верховья Терека), что и отражено в названии Цер: *ца//Iи – очаг, дом*, *р*(*ра*) – суффикс топонимообразования, исторический формант исходного I падежа, т.е. *Из Ца* (*ЦIе*) (*ЦIер – Из Цей*).

Жители чеченских селений Цанара и Цуонтора (общества ЦIонторой), согласно местным преданиям, записанным еще во второй половине XIX в., считали себя потомками закавказских цова-тушин и хевсуров и выходцами с Южного Кавказа (Россиков 1888: 99; Грен 1897: 22). Именно такую информацию несут в себе названия Цанар(ой) и Центар(ой). Слово *Цанар* состоит из основы *ца//цIу* и двух топономообразующих суффиксов – *на* и *р* (*ра*). Компонент *на* (*Ца-на-р*) является «древним нахским словообразовательным суффиксом, указывающим направление на поверхность объекта» (Чокаев 1964: 55-56). Например, Эрсана, где *эрс – лесистый хребет*, получаем *Налесистый хребет*, а суффикс *р*(*ра*) – это показатель исходной точки действия, отвечающий на вопрос *мичара* (откуда). Что же касается форманта *та* в имени Центарой, то он тождественен по значению форманту *на*, и оба они представляют собой равнозначные послелоги, причем формант *на* древнее, чем *та*, и присоединение последнего произошло в более позднее время (Чокаев 1964: 55-56).

По определению К.З. Чокаева, наличие в нахских топонимах нескольких грамматических показателей – явление закономерное. Эти показатели, во-первых, указывают «на направление от и к данной местности и подсказывают о движении нахских племен в разных направлениях», а во-вторых, говорят о том, что миграционное движение этих племен «происходило с большими перебоями, через большой интервал между моментом заселения того или иного объекта и моментом выхода насельников из соответствующего объекта в целях дальнейших миграционных движений» (Чокаев 1964: 51-52). Отсюда: Цан(а) – *на Ца*, Цанар – *из Цана*.

Из сказанного следует, что слово *цанар* на нахских языках буквально означает (*прибывшие*) *из Цана*, где *Цан*, в свою очередь, является промежуточным пунктом по пути следования цанар из первоначального места проживания – *Ца* (*ЦIу//ЦIов*). Таким образом, в названии *Цанар* зашифрована информация о поэтапном продвижении племени цанар с юга на Кавказ (*Ца* (*ЦIув*)>*Цан*>*Цанар*), и эта информация почти полностью совпадает со сведениями о цанарах, изложенными Варданом Аревелци, согласно которым люди, вышедшие из Халдии, некоторое время жили в Гардмане, а затем перешли к подножью Кавказских гор, назвав свою новую территорию Цанар (*из Цана*), т.к. она напомнила им прежнее место проживания (см. выше).

Данные языка и свидетельства письменных источников (в данном случае «Всеобщей истории» Вардана Аревелци) согласуются с этногенетическими преданиями самих цанар, зафиксированными еще в IX в. арабским историком Масуди. Описывая царство цанар, Масуди передает также и бытовавшие у них в то время предания. По этим преданиям, цанары считали себя выходцами с юга: «Они [цанары] христиане, но претендуют на происхождение от арабов…, поселились здесь с давних времен. В этой стране они господствуют над многими народами» (Масуди 1908: 45; Минорский 1963: 210-122).

По-видимому, Масуди записал один из вариантов бытовавших среди цанар преданий, согласно которому, предки цанар переселились на Кавказ из Шама (Сирии), Аравии, Мусры. Во времена, когда Масуди записывал это предание (IX в.), Сирия и Аравия входили в состав Арабского халифата. Именно это обстоятельство, скорее всего, и явилось причиной трактовки арабским историком цанарских преданий о выходе из Аравии или Сирии как «претензии» цанар на арабское происхождение.

Сказания цанар сходны с этногенетическими преданиями современных нахских народов – чеченцев, ингушей и бацбийцев (цова-тушин), которые – с незначительными расхождениями – рассказывают о том, что предки чеченцев, ингушей и бацбийцев в глубокой древности переселились на Кавказ с юга. По пути они некоторое время проживали в Кыгызмане, затем у халибов на берегу

Черного моря, затем переселились в западные районы Центрального Кавказа, а оттуда – на восток, к ущельям Армхи и Сунжи (Гумба 2016: 113-115).

Согласно этногенетическому преданию одного из крупнейших вайнахских тейпов Цачу//Циечу, прародиной данного тейпа является место Ца, а представители тейпа и есть те «черные мерджойцы, что жили на реке Зигура у берегов Черного моря» (Сулейманов 1985: 79). В данном случае нельзя пройти мимо поразительного факта: название Зигур (*Зиг-ур – из Зига*) нахских этногенетических преданий находит прямую параллель в древних названиях, которые упоминаются в античных источниках на юго-восточном побережье Черного моря, в местах проживания халибов (Халтик) – это местность Зигана (Зига-на), Зигаполь (Зига-поль) на берегу реки Цанахи (соврем. река Харшит, впадающая в Черное море юго-западнее г. Трапезунта, Турция) и перевал Зиган в 40-45 км к юго-западу от Трапезунта, на восточном водоразделе реки Цанахи. Зиган встречается и в топонимии верховьев рек Иори и Алазани - это местность Зигана в Цанарии. О местности Зигана в долине Алазани имеется сообщение и в грузинской хронике XIV века (См.: Генко 1930: 105).

Река Цанахи в Юго-Восточном Причерноморье упоминается еще Прокопием Кесарийским, а армянским авторам долина реки Цанахи известна как *ущелье цанахов* (Цанаходзор, где *дзор – ущелье* по-армянски). В топониме Цанахи компонент *хи*, возможно, является хурритским суффиксом, имевшим широкое распространение в этих местах. В то же время формант *хи* (*х//ха*) – это древний нахский топонимический суффикс, обозначавший пространственность. Суффикс *х* (*ха*) со значением пространственности обнаруживается в древнейших топонимах горной полосы Чечни и Ингушетии – Джейра-хи, Наш-ха, Чарма-хи, Цаца-хи и др. (Чокаев 1964: 51-52). Учитывая генетическое родство хуррито-урартских и нахских языков, суффикс *хи* (*ха*), возможно, следует относить к их общему словарному фонду, хотя не исключено, что в гидрониме Цанахи, компонент *хи* – это нахское слово, означающее *вода*, *река*, отсюда – *Цанская река*, *Цанская вода*.

Однако указанное место является лишь промежуточным пунктом, временным поселением на пути, перемещавшихся на Кавказ. Их прародинойи

отправной точкой путешествия этногенетические предания называют Ца//Циу//Цов (по другим вариантам, Муср, Нахчаван – см. ниже), а согласно сообщению Вардана Аревелци, этим местом была Халдика.

Вся эта информация приводит нас к области Цопа (Цупани, Цоб), описанной ассирийскими и урартскими источниками и размещающейся у слияния Арацани с Евфратом. Название этой области кавказоведы справедливо связывают с нахскими цова (цоба)-тушинами(бацбийцами) (Меликишвили 1954: 89). Именно в этот регион (Цоп, Цоб, Цупани) как в исходный пункт миграции цанар приводят нас все перечисленные выше свидетельства.

Если учесть, что страна Цопа (Цупани) в период падения Урартского царства оказалась под влиянием Вавилонского (Халдейского) царства, то становится понятным сообщение Вардана Аревелци о цанарах как о людях, вышедших из страны Халдии: Таким образом, получает надежное подтверждение информация,заложенная в слове *цанар*, а также подтверждаются сведения, сохранившиеся в письменных источниках и этногенетических преданиях нахов, говорящие о том, что по пути на Кавказ из Ца (Циу, Цова), или Халдии, цанары некоторое время проживали у халибов (Халтик) на берегу реки Зигур (Зиг-ур – *из Зига*), а затем – в Гардмане.

Приведенные выше свидетельства становятся еще более убедительными, если принять во внимание то, что во всех географических пунктах, где, согласно Вардану Аревелци и этногенетическим преданиям, цанары останавливались на какое-то время по пути из Халдии (Цова) на Кавказ, выявляются древние названия, в том числе и с основой *ца//цу*, объясняемые только на нахских языках. Подробнее об этих фактах разговор пойдет ниже, здесь же будут отмечены некоторые из них.

Название горного хребта, образующего Водораздел между бассейнами рек Чороха и Куры – Арсиан (Арсианский хребет). Нахское происхождение топонима Арсиан достаточно убедительно обосновано К. Тумановым: *арс//арц* на нахских языках означает *лесистый хребет*, а компонент *на* – это древний нахский суффикс, указывающий направление на поверхностьобъекта, отсюда Арсиан – *На*

лесистый хребет (*К лесистому хребту*). Этим названием довольно часто обозначаются поросшие лесом горные хребты Чечни и Ингушетии (Туманов 1913: 34-37, и надо отметить, что Арсианский (*Лесистый*) хребет, некогда сплошь покрытый лесом, полностью соответствует своему названию.

Кроме того, у подножья Арсианских гор, в области Тайк (Тао) находится район Арсиацпор (*Арсианское ущелье*). Главная средневековая крепость этой области Арцик (Арсис), расположенная на правобережье Чороха, к юго-востоку от современного Кискима, была построена на месте древнейшего поселения и своим названием тоже, вероятно, обязана расположению на склоне лесистой горы. Основу *арц//арс* можно также встретить в Ерзерумском плоскогорье, в древних названиях заросших лесом горных хребтов, возвышенностей и разместившихся на утесах поселений: горная гряда Арцапкар (кар (քար) – по-армянски *камень*) в Байазетской области Ерзрумского округа; древние городища в гористых местностях Арце, Арцити, Арцетон, Арцеваник, Арцати, на юго-восточном склоне Цветистой горы, к северо-востоку от г. Ерзерума и др.

Древнее название самого округаи города – Ерзерум – Арцнрум (Арц(н)-рум), также восходит к основе *арц//арс*, как и название средневекового города-крепости Артануджи – Арцес, упоминаемое Константином Багрянородным (Константин Багрянородный 1991: 44). Следует также вспомнить крепость Бердацпор у истоков Куры, в древности входившую в область Арсиацпор: название Бердацпор состоит из нахского слова *берд – скала*, к которому присоединяется древнеармянское *пор – ущелье*, отсюда *Скалистое ущелье*[34].

Согласно древнегрузинской исторической традиции, юго-восточные рубежи земли Картлоса, выделенные ему его легендарным предком Таргомосом, доходили до «Эрети и реки Бердуджи» (Мровели Леонти: 21). Река Бердуджи отождествляется с современной рекой Дзегамчай, впадающей в Куру в области

[34] Следует, при этом, иметь в виду, что на территории исторической Армении насчитываются десятки мест с названием Берд, где были расположены древнеармянские укрепленные сооружения, которые возникли после урартского периода и, естественно, не имеют никакого отношения к рассматриваемой нами проблеме.

Гардман. Этимология гидронима Бердуджи лингвисты связывают с нахским словом *берд – скала*, отсюда возникает значение *крепость* (Аджарян 1973: 443).

Ущелье реки Бердуджи раннесредневековым армянским авторам было известно под названием Цоба-пор (Ծորափոր), где *пор – ущелье* на древнеармянском, т.е. *ущелье цоб-ов* (*цов-ов*). Здесь же находилась область Цоп с центром Цовк, в которой упоминается ущелье Бердацпор (Բերդացփոր). Таким образом, прослеживается прямая связь между названиями Цоба (Цова, Цопа) в области Гардман и Цоб(ена) на левобережье Арагви, а также цова-тушинам и соответствующими этнотопонимическими образованиями в центральных районах Кавказа (см. выше). Эта связь настолько очевидна, что вряд ли нуждается в каких-либо дополнительных комментариях.

Итак, данные топонимики и языка, а также информация, содержащаяся в письменных источникахи этногенетических преданиях, отчетливо говорят о том, что народ, в зависимости от района проживания носивший, по словам Н.Я. Марра, «название цанары в той или иной форме мн. числа, как-то: ť >anar, ť >an, ť >ora, ť>or, ť>ova, ť >ора» (Марр 1916: 398), оставил память о своем проживании в те или иные исторические периоды на достаточно обширной территории. Столь поразительное совпадение сведений разнохарактерных и независимых друг от друга источников дает серьезные основания доверять им.

По сведениям Вардана Аревелци, переселившиеся на Кавказ «некоторые мужи халдейские» назвали область, в которой обосновались, по имени первоначального места проживания – Цанар. Именно эта информация, объясняемая на нахских языках, зашифрована в слове Цанар (*из Цана*), и эта информация, как и сведения письменных источников, полностью совпадает с этногенетическими преданиями как средневековых цанар, так и современных вайнахов. Во всех источниках – и письменных, и устных, указаны идентичные названия исходной точки миграции цанар, географических пунктов, через которые они проходили, и места, в которых поселились на Кавказе. Эти данные, в

свою очередь, согласуются с данными топонимики и этнонимики, находящими реальное подтверждение и объяснение в нахской этнотопонимике.

Здесь следует обратить внимание на весьма интересный факт. По сообщению «Мокцевай Картлисай» (см. выше), из Халдеи прибыли хоны, а Вардан Аревелци, прибывший из Халдеи народ именует цанарами. Если нанести на карту территорию, на которой упоминаются цанары и хоны, можно обнаружить удивительное совпадение: в тех местах, где находим топонимы *Цан*, *Цопа* (*Цова*), *Цанар*, неизменно присутствует также и название *Хон*. Так, в Понтийских горах, в верховьях Чороха в V в. до н. э. размещаются хоны, и здесь же, в долине Чороха расположена область Цанк (Цаника).

В Гардмане, в пределах области Цов(к), на правобережье реки Куры, у слияния Куры и Храми находился древний укрепленный город Хунан (Хун-ан – Хуна-ракерт древнеармянских источников), упоминаемый в грузинских источниках в числе городов, которые засталАлександр Македонский. О древности этого названия говорит и то, что строительство г. Хунан древнегрузинская традиция приписывает легендарному Картлосу («Картлос построил крепость Хунан») (Мровели Леонти: 56).

Территория, простирающаяся от Дарьяльского ущелья на северо-западе до границ исторической Албании на юго-востоке, в III–IV вв. называлась Хон (Масаха-хон), а с V в. – Цанария. В Цанарии известны гора и местность Хон, а также гидроним Хон-Аргун (Чанты-Аргун), здесь же до сих пор существуют нахские родоплеменные группы с названиями *хоной, цова*.

В связи с этим, представляется вполне вероятным, что *цанар* – это не название одного конкретного нахского племени, а общее, собирательное наименование нахских племен, произведенное от *цIа* (*цIова*) – *божество огня*. Группа племен, поклонявшихся единому божеству и известных по его имени, в период раздробленности или расселения могла быть известна и под другими именами – на это указывает то, что данный термин использовался в письменных источниках на протяжении всего I тыс. н. э., в основном в собирательном значении. В период возвышения того или иного племени его политическое

влияние распространялось на другие, родственные, группы племен, и последние могли быть известны по имени доминировавшего племени, например, в III–IV вв., когда господствовали хоны, другие племена также называли их именем. Исходя из этого, я склонен думать, что *хоны* и *цанары* являются двумя разными наименованиями нахских племен.

§5. Бунтурки и турки древней Картли

Согласно древнегрузинской исторической традиции, наряду с хонами, древнейшим населением Картли являлись бунтурки, которых Г.А. Меликишвили (как и хонов) этнически связывал с северокавказскими племенами и говорил о них как о «воинственном пришлом населении севера», «воинственном населении северного происхождения» (Меликишвили 1959: 37). Однако с последним утверждением трудно согласиться, так как это противоречит данным древнегрузинских источников, в которых ничего не говорится о приходе бунтурков и хонов с севера. Напротив, в источниках бунтурки предстают как коренное население Картли и нигде нет упоминания об их приходе откуда-то. К пришлому населению относятся хоны, но они прибыли в Картли не с севера, а с юга.

Среди насельников Картли древнегрузинские источники упоминают также турков. Последние изгнанные персидским царем Кайхосро, в количестве 28 домов пришли в Картли и попросили убежище у Мцхетского мамасахлиса, что и было им предоставлено (Леонти Мровели: 37). По мнению В.В. Ковалевской под названием *турки* у Леонти Мровели имеются в виду скифы, которые осели в Картли при возвращении из Передней Азии после разгрома их Мидийским царем Киаксаром. Этих турок она отождествляет с бунтурками, которых также считает скифами (Ковалевская 2005: 54).

Однако с этой точки здрения трудно согласиться. В самом деле, удивительно, что при утверждении о том, что пришедшие в Картли турки являлись скифами, т.е. кочевниками, исследователя вовсе не настораживают такие характеристики, даваемые Леонти Мровели пришедшим туркам: турки переселяются со своими семьями, хозяйством, скарбом и т.д.; они оказываются прекрасными строителями,

строят города и крепости; своим местожительством турки избирают местность, «глубоко высеченную в скале», которую они обустроили и «обвели мощной оградой», а впоследствии это место получает наименование *Саркине* («место железа»), т.е. были еще и искусными металлургами.

Все это, конечно же, совершенно не вяжется с кочевыми племенами, коими являлись скифы, будь они ираноязычные или тюркоязычные. Вряд ли за тот короткий период, что скифы находились в Передней Азии, они освоили так хорошо градостроительство, металлургию, обзавелись своими хозяйствами и превратились в оседлое население.

Не могут служить достаточным основанием и археологические находки скифского облика в Закавказье, приведенные в работе С.А. Есаяна, М.Н. Погребова (Есаян, Погребова 1985: 130-134), которыми некоторые ученые пытаются подкрепить тезис о проживании скифов на Южном Кавказе. За исключением могильного комплекса в Сари-Тепе (Казахский район), принадлежность к скифским, приведенных в работе указанных авторов, памятников, вызывают у исследователей серьезные сомнения.

Впрочем, это подтверждают и сами авторы в заключительной части своего труда, отмечая, что в Закавказье «вещи скифского типа и характер содержавших их погребений, а также само число таких погребений свидетельствуют, что этот компонент составляли преимущественно воины, пришедшие сюда без семей и в значительной мере усвоившие местную культуру, но сохранившие самобытность в том, что касалось их воинского (в том числе всаднического) снаряжения» (Есаян, Погребова 1985: 134).

По мнению Г.А. Меликишвили, сообщениеЛеонти Мровели о приходе 28 домов турок в Картли является «исправлением» данных «Мокцевай Картлисай» о приводе первым картлийским царем Азо со своей родины – Арриан-Картли 18 домов своих сородичей» (Меликишвили 1959: 37). В сообщении Леонти Мровели это не нашло отражения, так как Азо в нем представлен в качестве завоевателя и чужестранца. Поэтому в качестве компенсации и возникло сообщение о приходе 28 домов турок ((Меликишвили 1959: 37).

Но как бы то ни было, турок Леонтия Мровели нельзя отождествлять с бунтурками. Для Леонти Мровели турки это пришлые, а бунтурки – коренные жители Картли, о чем свидетельствует и само название. Большинства ученых (Н.Я. Марр, И.В. Абуладзе, М.К. Андроникашвили, Г.А. Меликишвили и др.) придерживаются мнения, что в слове *бунтурк* компонент *бун* является в грузинском заимствованным (так же как и в армянском) из персидского и означает *коренной*, отсюда бун-турки – «коренные турки» (Марр 1901: I-XII). Компонент *турк*, Н.Я. Марр, как и Д. Маркварт, возводил к названию древнего кавказского племени терг, «обитавшего в Кавказских горах, начиная с юга через перевал и по южному склону по Дарьяльскому ущелью», название племени закрепилось в названии реки Терек (Терг) и ущелья Терг, а позднее, в книжной литературной традиции раннего средневековья, это имя стало восприниматься как турки, тюрки (Марр 1916: 1405-1408).

В этой связи интерес представляет название страны Терк-Турк в осетинском варианте нартского эпоса. Согласно осетинской мифологии страна Терк-Турк считается самой богатой страной в мире, где, помимо всего прочего, было множество мелкого и крупного рогатого скота, лошадей. В Терк-Турк отправлялись за добычей и совершали набеги осетинские нарты. Страну же охраняли три мифических существа: волк с железным мордой, жеребец с железной мордой и ворон с железным клювом.

Здесь, конечно, не идет речь, чтобы делать какие-либо выводы, опираясь на нартский мифологический сюжет о стране Терк-Турк как на исторический источник. Но в то же время нельзя пройти мимо того, что эти сказания не противоречат той реальности, которая существовала в древности на Северном Кавказе. Цветущие и богатые городища и поселения оседло-земледельческого населения Центрального Кавказа, особенно вблизи Дарьяльского ущелья, где проходила транзитная дорога, несомненно, являлись объектами вожделения для степных племен и при появлении какой-либо возможности кочевники предпринимали грабительские набеги на эти местности.

Интерес представляет и то, что охранявшие богатства Турк (Терк) мифические существа волк и лошадь, имели железные морды, поскольку это указывает на наличие у населения страны Турк (Терк) развитой металлургии, культа волка и лошади. Все это хорошо соответствует известной нам сегодня по данным археологических и этнографических материалов, ситуации древнего Центрального Кавказа с его высокоразвитой металлургией, культом волка и лошади.

Представляется весьма интересным и тот факт, что страна под названием Терк упоминается в ассиро-вавилонских надписях конца III – II тыс. до н.э. На среднем Евфрате, на территории нынешней Сирии (Шам, Шем), среди хурритских городов-государств в древних надписях упоминается богатая страна Терк, на перекрестке торговых путей, в связи с чем, привлекала взоры семитских кочевых племен и часто подвергалась набегам со стороны последних (Дьяконов 1951: 35). Город-государство Терк иногда оказывался в составе царства Мари (см.: Матвеев, Сазонов 1989: 124).

Обращает на себя внимание то, что как в нартском сюжете, так и в ассиро-вавилонских надписях, страна Терк (Терк, Турк) упоминается в качестве форпоста оседло-земледельческого населения от вторжений кочевых племен, в первом случае на Северном Кавказе, а во втором – в Верхней Месопотамии. Учитывая, что территория от Верхней Месопотамии до Северного Кавказа к периоду, отраженному в ассиро-вавилонских глиняных надписях, была в основном заселена племенами, говорившими на языках восточно-кавказской группы (хуррито-урартской и нахско-дагестанской), может быть, значение слова Терк (Турк, Торк) следует искать именно в этих языках. Например, на вайнахских языках *тергь* означает *наблюдение*.

С другой стороны, Терк (Турк) может быть связан с хуррито-урартскими теонимами. В армянской мифологии Турк – бог плодородия и растительности. Согласно Мовсесу Хоренаци, Турк (Турк-Ангех) является потомком мифического родоначальник армян hАика (Гайка): «…Потомок внука Хайка Паскама по имени

Турк, прозванного Ангелеа». «...Ի զաւակ է Պապքամայ, ի Հայկայ թոռն է, Տուրք անուն կոչեցեալ» (Мовсес Хоренаци: II, 8).

Однако Турк армянской мифологии восходит к урартскому богу Тура(ни), сыну хурритского бога грозы Тешшубы, который также выполнял функции бога плодородия (Diakonoff 1981: 77 – 89; Дьяконов 1990: 98, 105; Джаукян 1986: 62 – 65)[35]. Тур-к почитался в землях бассейна озера Ван. Район распространения культа этого божества совпадал с территорией, на которой почитался древнеармянский бог Ангех, который, в свою очередь, также сопоставляется с хуррито-хаттским и шумерским богом Нергал (Петросян: 2002: 33). Вследствие чего бог Турк стал отождествляться с Ангехом и эпитетом Турка стал *Ангехеа – Турк-Ангех*. Позднее в армянской мифологии эпитет *Ангехеа* был переосмыслен как *безобразный* (от армянского *тгех - некрасивый*) и появился новый персонаж - Турк Ангех (Торк Ангехеа), которого считали внуком hАйка.

В мифологическом контексте образ Турк-Ангеха Мовсеса Хоренаци может считаться мифологическим персонажем, связанным с богом грозы и плодородия, однако в историческом контексте он, видимо, представляет скорее доармянских жителей Армении ((Петросян: 2002: 33). Так, в рассказе о Слаке (эпоним ранних правителей областей к западу от Ван, где почитался культ Турк-Ангеха), Мовсес Хоренаци сообщает, что он не может сказать в точности «был ли он потомком hАйка или происходил от более древних жителей этой страны, о существовании которых повествуется в старинных преданиях» (Мовсес Хоренаци, II, 8).

Интересно, что Турк (Турк-Ангех) и Слак представлены у Мовсеса Хоренаци защитниками рубежей страны от вражеских нашествий (Мовсес Хоренаци, II, 8), что перекликается с сообщениями ассирийских надписей о стране Терк (Турк) и Терк-Турк нартского эпоса.

Область Ангех-тун, где почитался культ Турк-Ангеха, что и отразилось в названии области, простиралась в горных районах, прилегающих к реке Зибене,

[35] В рукописях встречаются также варианты Тарку, Торк, Тургу, но подлинное имя, вероятно, Турк (см. Абегян 1966: 59).

одного из притоков Тигра, на южных склонах Армянского Тавра (район к северо-западу от современного турецкого Эргана, и к юго-востоку от озера Цовк) и являлась составной частью уже известной нам страны Цова (Цобена, Цовк, Софена). Как было отмечено выше, именно Цова (Цопа) является начальным местом исхода, прибывших на Кавказ цанов-цанаров. Поэтому не исключено, что, в сообщении Леонти Мровели о турках, поднявшихся в Картли с юга, речь идет как раз о той части населения Цова и других урартских областей бассейна озера Ван, поклонявшихся культу Турк (Терк), которые переселились на север к подножью Кавказских гор.

Словом, перед нами чрезвычайно интересное переплетение фактов, основывающихся на сведениях разнородных и независимых друг от друга источников и свидетельствующих о постепенном продвижении племен с юга на север, в центральные районы Кавказа. Переселение это не было единовременным актом и происходило не внезапно, а постепенно, волнообразно, на протяжении длительного времени, распадаясь на ряд самостоятельных этапов. В процессе миграции за местами, где племена останавливались на какое-то время, закреплялись соответствующие этнонимы – *хон, цанар* (*цова, цопа, цан, цоба), терк//турк*).

Тот факт, что эти имена не только были известны древним и средневековым авторам, но и сохранились в современной кавказской этнонимике, неоспоримо свидетельствует об их принадлежности к этнической номенклатуре, широко бытовавшей в древности.

Хотя, конечно, само по себе данное обстоятельство еще не означает, что на протяжении столетий этническое содержание указанных имен было неизменным. В то же время совокупность имеющихся фактов склоняет к мнению, что в данном случае мы имеем дело с нахскими или родственными им племенами. Обозначение же родственных племен разными этнонимами следует, видимо, связывать со слабостью этнической консолидации этих племен.

Идея о возможном переселении в древности родственных кавказским народам племен из Передней Азии на Кавказ, конечно, не нова, еще в XIX веке

была она высказана П.К. Усларом, К.М. Тумановым, И.А. Джавахишвили, Н.Я. Марром и др. Безусловно, гипотеза о проживании кавказских народов (абхазов, адыгов, нахов и дагестанцев), на более обширной территории к югу от Кавказа, и имеющие аналогичные предания о переселении (из Мысра, Хатти, Шама и т.д.), не могла возникнуть сама по себе и никогда не смогла бы получить широкого распространения на протяжении столетий, если не имела под собой реальной исторической основы.

Бесспорно, тема этнокультурных связей народов Кавказа с народами Передней Азии в древности очень перспективна для прояснения ранних этапов истории не только нахских, но и других кавказских народов, а потому требует более глубокого специального исследования с привлечением большого числа древних источников, что не входит в задачу настоящей работы.

Глава II Переселение племен с юга на Кавказ на рубеже VII-VI вв. до н.э.

§1. Причины и пути миграции населения с юга на Кавказ на рубеже VII-VI вв. до н. э.

Выше приведенные свидетельства, разумеется, можно рассматривать как доказательство имевшего место в древности переселения жителей южных областей на север, в центральные районы Кавказа. Вместе с тем следует учитывать, что с древнейших времен на обозначенной территории потоки населения двигались не только с юга на север, но и в обратном направлении – с севера на юг. Археологический материал свидетельствует о том, что миграция племен в различных направлениях происходила здесь на протяжении тысячелетий. Причины миграции могли быть различными – экономические, политические, военные, экологические, демографические и др., а иногда их совокупность.

В основном мигрировали этнические группы так называемого «цивилизованного круга», т.е. с более развитой культурой земледелия и ремесел. Следует также иметь в виду, что в более ранние эпохи рассматриваемый регион был населен близкородственными народами и племенами (хуррито-урартскими и нахско-дагестанскими). Поэтому перемещения тех или иных родственных племенных групп внутри региона вряд ли были редкими. Проникновения этих групп на земли, где проживали родственные этнические племена, имели, скорее всего, мирный характер и не вызывали со стороны последних сопротивления.

В сведениях «Мокцевай Карлисай» и «Всеобщей истории» Вардана Аревелци о хонах и цанарах, этногенетических преданиях нахских народов отражены, видимо, одни из таких перемещений. Однако насколько достоверна информация, содержащаяся в письменных памятниках и этногенетических преданиях, и если она соответствует действительности, то с каким из многочисленных перемещений масс населения, имевшим место на рассматриваемой территории можно ее связать?

Для ответа на эти вопросы следует иметь в виду, что переселение в Картли как хонов, так и цанаров древние авторы связывают с халдейцами. Как

сообщается в «Мокцевай Карлисай», в Картли «пришли выселенные халдейцами воинственные племена хонов» (Обращение Грузии 1989: 23). С халдейцами связывает пришедших к подножью Кавказских гор цанаров и Вардан Аревелци: «некоторые мужи халдейские, вышедшие из своей страны», удалившись к Кавказским предгорьям, назвали свою новую страну Цанар на том основании, что в ней они узнали место своего прежнего проживания (Вардан Аревелци 1861: 201).

Следовательно, как древнеармянская, так и вдревнегрузинская историческая традиция связывает приход хонов и цанаров на Кавказ непосредственно с халдейцами или с событиями, в которых халдейцы играли значительную роль. Как известно, в армянских и грузинских источниках халдейцами называли вавилонян, а Халдией – Вавилонское царство, в котором с 626 по 539 гг. до н.э. правила халдейская династия. Таким образом, появляется возможность увязать сообщения армянских и грузинских авторов о переселении на Кавказ хонов и цанаров с подлинными историческими событиями, имевшими место в Передней Азии в конце VII – первой половине VI вв. до н.э.

Это тем более верно, что древнегрузинская историческая традиция сохранила сведения и о других случаях переселения людей из Халдии (Вавилонии) в Картли. Например, «Картлис цховреба» сообщает о многократных таких перемещениях: «…Вновь пришли племена халдейские, и они также обустроились в Картли»; «…Тогда царь Навуходоносор опустошил Ерусалим. Изгнанные оттуда евреи пришли в Картли и попросили у мцхетского мамасахлиса землю для поселения с уплатой дани» и т.д. (Мровели Леонти: 14-15).

Как известно, в конце VII века до н.э. сложились два военно-политических союза крупнейших мировых держав того времени, в одном из которых объединились Египет, Ассирия, Урарту и Манейское царство, а в другом – набиравшие в тот период силу Мидия и Вавилон. Между этими группировками разгорелась грандиозная для того времени война за гегемонию в Передней Азии, в результате которой были сокрушены Ассирийское, Урартское и Манейское

царства, что повлекло за собой существенное изменение политической и этнической карты Древнего Востока.

В связи с этим привлекают внимание следующие события. С 614 по 610 гг. до н.э. объединенная армия вавилонян и мидийцев при участии скифских отрядов захватила Ассирию, вынудив последнего ассирийского царя отступить на запад, к Керкемишу. В 609 году до н.э. ассирийская армия предприняла контрнаступление и приступила к осаде города Харран, находившегося под властью вавилонян. Однако на помощь осажденному городу подошла халдейская (вавилонская) армия, возглавляемая царем Набопаласаром и его сыном Навуходоносором. Разбив ассирийцев под Харраном, халдейцы в том же году направились на север и вторглись в западные районы Урартского царства – на земли, расположенные в верхнем течении Тигра, в долине рек Евфрата и Арацани, в Тегарамму (*дом Торгома*), в области Цоб (Цопк) и Алзни, в страну Бабхи и т.д.

В течение двух последующих лет, с конца 609 г. по август 607 г. до н.э., вавилонские армии под командованием Набопаласара и Навуходоносора ведут военные действия против Урарту. Одновременно на Урарту с востока обрушивается Мидия, войска которой доходят до столицы Тушпа и захватывают ее (Дьяконов 1951: 31).

В этой кровопролитной, фактически мировой, войне потерпели поражение крупнейшие державы древнего мира с многовековыми государственными традициями – Ассирия и Урарту. В результате был разрушен политический и социально-экономический механизм, складывавшийся в Передней Азии на протяжении веков. Была прервана жизнедеятельность крупных земледельческих и торгово-ремесленных центров, некогда цветущие города были разорены и опустошены. В этих условиях население вынуждено было искать новые способы жизнеобеспечения и, как это часто имело место в древности, перемещалось в более удобные для жизни места.

Так, на рубеже VII–VI вв. до н.э. в Передней Азии прослеживаются мощные волны миграции оседло-земледельческого населения в разные стороны, в том числе и на Кавказ, приведшие к определенным изменениям этнической и

политической карты региона. При этом сама миграция была столь значительной и в ней были задействованы столь большие массы людей, что свидетельства о ней сохранились не только в археологическом материале, но и в древней письменной традиции.

Отсюда становится понятно, почему и античная, и древнеармянская, и древнегрузинская историческая традиция переселение цанаров и хонов, как и прочие миграционные потоки в центральные области Кавказа, связывает именно с халдейцами (вавилонянами), и в особенности с царем Навуходоносором. Как известно, вавилонский царь халдейской династии Навуходоносор II (604/5 – 561/2 гг. до н.э.) был столь выдающейся личностью, что его имя быстро обрастало легендами и последующие поколения зачастую связывали с ним многие более или менее значимые события древности.

Именно этим объясняется тот факт, что армянская и грузинская традиция с халдейцами вообще и с Навуходоносором, в частности, связывает переселение хонов, цанаров, евреев и т.д., а в античной традиции многие крупные события I тыс. до н.э. объединены вместе и представлены следствием деяния Навуходоносора. В числе прочего ему приписывается, например, переселение иберов с Пиренейского полуострова на Кавказ[36].

[36] По мнению Л.Д. Мусхелишвили, в сообщениях античных источников о переселении Навуходоносором пиренейских иберов на Кавказ отражено перемещение восточногрузинских иберов из урартских областей в центральные районы Кавказа после падения Урартского царства (см. Мусхелишвили 1978: 17-30). Трудно судить, какие племена подразумевает Л.Д. Мусхелишвили под восточногрузинскими иберами и в какой части Урартского царства они проживали, так как об этом он ничего не пишет. Да и вряд ли на этот вопрос есть положительный ответ. На территории Урартского царства никем еще не были засвидетельствованы какие-либо племена, которые можно бы было хотя бы гипотетически связать с древнегрузинскими племенами. Кроме того, очень маловероятно, что в ту эпоху древнегрузинские племена были известны под общим именем иберы, а также мы не знаем, имели ли они общее самоназвание – во всяком случае, первоисточники об этом ничего не сообщают.

Сам термин *Иберия* в античных источниках употребляется не в этническом, а в географическом значении, и потому, надо полагать, в сообщениях о переселении иберов – тем более пиренейских, речь идет не об этнических грузинах или о каких-либо конкретных этносах, а о населении Иберии вообще. Что же касается племен, переселившихся в Картли (Иберию) из Халдии или из урартских областей под натиском халдов, то древнеармянские и древнегрузинские авторы, которые, видимо, при описании этих событий пользовались более достоверными источниками, называют их конкретными именами – хоны и цанары.

Данные письменных источников о миграции на рубеже VII–VI вв. до н.э. значительных масс населения из урартских земель в центральные области Кавказа подтверждаются и археологическим материалом. Именно в обозначенный период на территории Картли и Кахетии (Цанарии) вместо бытовавшей здесь ранее черной и сероглиняной керамики появляется совершенно новая, красноглиняная, в которой, помимо отличий в технологии изготовления выявляются и новые формы (Пицхелаури 1977: 240; Мусхелишвили 1977: 214-215; см. также: Погребова, Раевский 1993: 98).

Исследователи отмечают, что если с середины II тыс. до н. э. на протяжении почти целого тысячелетия в Картли и Кахетии проживало этнически однородное население, то с конца VII – начала VI вв. до н.э., т.е. со времени, когда на указанной территории появляется совершенно новая керамика, почти идентичная с керамикой урартских центров, можно говорить о постепенном и мирном, не изменившем облик аборигенного населения, проникновнии нового этнического элемента.

Археологи особо подчеркивают, что не может быть и речи о каком-либо насильственном вторжении и переселение следует мыслить как процесс мирной, правда, довольно интенсивной инфильтрации (Пицхелаури 1977: 240; Мусхелишвили 1977: 214-215). При раскопках не найдено каких-либо следов разрушений того периода, а рядом с новой керамикой (культурой) обнаружены предметы старой, местной бытовой (культурной) традиции (посуда, строительная техника, кухонные печи и т.д.), а значит, допустимо говорить о мирном сосуществовании вновь прибывших и аборигенных племен, которое, в свою очередь, можно рассматривать как свидетельство их этнической близости.

Археологический материал указывает также на появление переселенцев из Урарту и в центральных районах Северного Кавказа. Так, замена каменных ящиков каменными гробницами, когда каменный квадратный ящик из четырех

Нельзя не отметить то странное обстоятельство, что Л.Д. Мусхелишвили, широко используя данные античных источников, почему-то игнорирует сообщения грузинских и армянских источников, в которых отчетливо говорится, что переселенцами из урартских областей (или Халдии) являются именно хоны и цанары.

плит сменяет ящик гробница из 6 плит или гробница, гробница, где наряду с вертикально стоящими плитами использовалась кладка из горизонтально лежащих плит, связывается с переселением племен из урартских областей в центральные районы Кавказа на рубеже VII – VI вв. до н.э. (Ковалевская 2005: 58). Многочисленные урартские предметы, найденные в ущельях Арагви и Лиахви, в Раче, в районе древней дороги через Мамисонский перевал, возле святилища Реком, в могильниках сел Фаскау, Кумбулта, Нижняя Рутха, Галиат, Моздока и других районах Центрального Кавказа, можно рассматривать не только как доказательства устойчивых связей северокавказских областей с Урарту, но и как свидетельства переселения урартских племен (Дьяконов 1963: 3).

С миграцией племен из переднеазиатских областей в центральные районы Кавказа в VII в. до н.э. связывают и инновации в области железной металлургии. Так, например, при раскопках древнейших кобанских поселений на Эшкаконе в культурном слое поселения X–VIII вв. до н.э. Уллубаганалы не обнаружено ни железных орудий труда, ни оружия, ни каких бы то ни было изделий из данного металла, в то время как в могильнике VII–VI вв. до н.э. найдены все основные виды оружия и орудий труда, изготовленные из высококачественной стали.

Проанализировав на основании этих находок технологию изготовления стальных изделий VII–VI вв. до н.э., исследователи пришли к выводу о том, что применение продуманных методов обработки металла (цементация, пакетование, закалка, горячая ковка, вваривание стальной полосы, сварка из 2-3 полос и т.д.) и высокий процент стальных орудий и оружия свидетельствуют о глубоком и давнем знании мастерами всех этих очень сложных для эпохи раннего железа приемов (Терехова 1983: 110 – 128; Бгажба, Терехова 1988: 43). Отмечая, что для Северного Кавказа того времени такие приемы являлись новшеством, Н.Н. Терехова пишет: «Многие традиции северокавказских мастеров, и в первую очередь широкое использование приемов термообработки, восходят к технике высокоразвитых железообрабатывающих центров Закавказья» (Терехова 1983: 127).

В данном случае речь идет не о передаче каких-либо навыков и достижений в металлообработке (которые были профессиональной тайной), а скорее о переселении на Северный Кавказ племен, имевших высокопрофессиональных мастеров-металлургов и, судя по хронологии могильника (Уллубаганалы), появившихся здесь задолго до падения Урартского царства (Терехова 1983: 127).

Возможно, это были племена мосохов (мосхов), мигрировавшие из северо-восточной части Малой Азии, то есть, с родины металлургии железа, и в силу этого их мастера владели самыми передовыми для того времени навыками обработки железа. В культурном слое, относящемся к периоду внедрения перечисленных новаций, в поселениях Эшкакона отсутствуют следы разрушений, а также проявлений чужеродной культуры, и мы вправе рассматривать данный факт как свидетельство этнокультурной близости мигрантов с нахским населением и их включения в местную этническую среду мирным путем.

Большой интерес представляют в этой связи также новые веяния, возникшие в конце VII века до н.э. в искусстве кобанского периода, особенно в графике и скульптуре. Появление этих новшеств в творчестве художников Центрального Кавказа конца VII века до н.э. специалисты связывают с Урарту и Луристаном (Северо-Западный Иран) того же периода (Погребова 1984: 183-184; Кривицкий 2010). Относительно неразрывной связи кобанского искусства с искусством Южного Кавказа и Северо-Западного Ирана (Луристан) В.А. Кузнецов пишет, что «это – один тесно связанный культурный и художественный мир, интереснейшее прикладное искусство которого еще плохо известно не только читателю, но и специалистам-искусствоведам» (Кузнецов 1974: 77).

Исходя из вышесказанного, можно с достаточным основанием говорить о том, что сведения письменных источников (ассирийских и урартских клинописей, древнеармянских и древнегрузинских рукописей) и нахских этногенетических преданий о переселении на Кавказ народов из глубин Передней Азии (из урартских областей) согласуются с данными археологии и топонимики и фактически подтверждают их. Таким образом, устанавливается вполне осязаемая

связь, генетически соединяющая хонов и цанов (цоп, цов), с нахским этническим миром.

§2. Цаны–макероны (махелоны)

Нагорная плоскость Юго-Восточного Причерноморья, откуда берут свое начало реки Евфрат, Галис (Кызыл-Ирмак), Чорох, Кура и Аракс и где, согласно этногенетическим преданиям (см. выше), остановились по пути следования на Кавказ родственные нахам племена (а часть из них и осталась там), представляла собой, говоря словами Н.Я. Марра, этнический Везувий. По данным, которыми сегодня наука располагает, эта территория являлась местом проживания и точкой пересечения путей для множества племен, различных по своему этническому и языковому происхождению. Ассирийские и урартские письменные источники фиксируют в этих местах в период с XII по VIII в. до н.э. крупное государственное образование Диаухи (Диаени), в которое входили многочисленные племена, большинство из которых являлись хуррито-урартскими.

Вместе с тем, названия многих племен, входивших в объединение Диаухи или выступавших в качестве его союзников, сохранились в современной этно- и топонимической номенклатуре нахских и дагестанских народов, что в совокупности с прочими данными свидетельствует об этнической связи этих племен с нахскими и дагестанскими народами. После падения Диаухи под ударами Урарту в VIII веке до н.э. долина Чороха, как предполагают исследователи, была присоединена к Колхиде, которая таким образом расширила свои владения на юго-восток (Меликишвили 1959: 88).

В пользу этого свидетельствует также и абхазское название реки Чорохи – *Акампсис*, упоминаемое античными и армянскими авторами, где компонент *пс* является абхазо-адыгским названием воды, широко распространенным в гидронимике Восточного Причерноморья и Западного Кавказа. Тот факт, что в данном гидрониме использовано именно абхазо-адыгское *пс – вода*, подтверждает и встречающееся у Плиния название той же реки, но без компонента *акам//акан* – *Абсар* (*Апсар*), аналогичное хорошо известными абхазо-адыгскими гидронимами

Колхиды и Западного Кавказа. По-видимому, именно в период, когда долина Чороха вошла в состав Колхидского царства, река и получило абхазское название Акампсис, которое и сохранилось в античных и древнеармянских источниках.

Этническая картина нагорной плоскости Юго-Восточного Причерноморья середины второй половины I тыс. до н.э. античных авторов, выглядит еще более пестрой. К вопросам локализации и этнического происхождения племен данного региона указанного времени обращались многие историки и географы – как античные, так и современные. Однако целый ряд вопросов до сих пор не получил удовлетворительного решения. Это в большой степени может быть связано с тем, что, как уже отмечено, рассматриваемая территория благодаря своему географическому расположению стала местом пересечения путей множества этнических групп, проходивших здесь в разных направлениях в различные исторические периоды.

Начиная с VI–V вв. до н.э. античные авторы упоминают в этих местах и *цанов* (*санов*), называемое также *макероны* (*макроны*, *махароны*, *махелоны*), по вопросу происхождения которого существуют разные точки зрения. Сразу же отметим, что античные источники говорят об этнонимах *цаны* (*саны*) и *макероны* (*макроны, махароны, махелоны*) как о параллельных названиях одной и той же племенной группы. Так, Гекатей Милетский пишет, что «макроны – ныне санны» (Гекатей. Фр. 191), а Страбон – что «выше Трапезунта и Фарнакии живут тибарены, халды и санны, которые прежде назывались макронами» (Страбон: XII, III, 18), Евстафий же в комментариях к Дионисию сообщает: «Макроны – народ понтийский, южнее бехиров. Их мы ныне называем саннами, или вульгарнее цанами, а страну саннов называют Цаникой» (Евстафий: XXIII, 255).

Локализуются макроны-цаны юго-восточнее Трапезунта, в Понтийских горах и в бассейне верховья Чороха. Согласно Геродоту, земли макронов входили в девятнадцатый округ Ахеменидской империи и располагались по соседству с землями колхов (Геродот: III, 94).

Более достоверную информацию о месте проживания макеронов-цанов передает Ксенофонт, побывавший здесь вместе с эллинским отрядом,

проходившим через Трапезунт при отступлении от Вавилона к Афинам. Маршрут древнегреческого отряда, блуждавшего по Армянскому нагорью по пути в Трапезунт, до сих пор не определен с достаточной четкостью. Точно известно лишь местоположение города Трепезунта, куда прибыл отряд Ксенофонта. Поэтому при уточнении маршрута обратного пути эллинов можно довольно отчетливо определить лишь западные пределы расселения макеронов-цанов. По описанию Ксенофонта, достигнув территории проживания макеронов, эллины установили с ним дружеские отношения и, пройдя с помощью проводников в три перехода 10 парасангов (около 55 км) через их страну, достигли границы колхов (Ксенофонт: IV,VIII, 1-8).

Вступив в сражение с отрядом колхов, встретивших их на горном возвышении, эллины одержали победу, после чего спустились к богатым продовольствием колхским селениям и остановились там. Оттуда они «прошли в два перехода 7 парасангов и прибыли к морю в Трапезунт» (Ксенофонт: IV,VIII, 7). Учитывая, что отсчет пройденных 7 парасангов (ок. 35-40 км) идет не от границы колхов с макеронами, а от колхских деревень, располагавшихся, по-видимому, недалеко от границы, у подножья горы, на которой колхи встретили эллинов, в общей сложности от границы макеронов до Трапезунта эллины преодолели примерно 40-45 км. В 7 парасангах к юго-западу от Трапезунта, на восточном водоразделе реки Цанахи (Цанаходзор, ныне Харшит) находится перевал Зигана, через который, скорее всего, и пролегала в то время граница между макеронами и колхами.

Следовательно, в середине I тыс. до н.э. макероны-цаны жили в долине реки Цанахи (соврем. Харшит)[37], занимая все нагорье Пархара, долины Чороха и Гайль-Келкида, а также область Дердзан (Дерджан), расположенную в верховьях Евфрата, на южных склонах водораздельного хребта между реками Евфрат (Карасу) и Чорох (Адонц 1971: 57, 65). Очертить более точно восточные и северо-

[37] Название *Цанахи* сохраняется в этих местах еще много столетий. Так, в «Трапезундской хронике» Михаила Панарета, в рассказе о событиях XIV века упоминается местность и крепость *Цанахи* (см. Трапезундская хроника: 25, 30).

восточные пределы расселения цанов-макеронов по данным Ксенофонта довольно сложно, так как пока еще не определено до конца, откуда именно – с северо-востока, с востока или с юго-востока, эллины подошли к границе макеронов. Как сообщает Ксенофонт, пройдя через страну халибов, они подошли к реке Арпас, имевшей ширину 4 плевра, т.е. 120 м. Реку Арпас Ксенофонта обычно отождествляют с рекой Чорохи, хотя река Арпас по ширине (120 м) не соответствует Чороху, тем более что, по данным Прокопия Кесарийского, реку Чорохи в ее срединном течении, до поворота на запад, к морю можно было легко перейти (см. Худадов 1937: 57). По Ксенофонту, эллины, достигнув реку Арпас далее прошли около 200 км по равнине вдоль реки, двигаясь вверх по течению, прежде чем достигли города Гумниаду, который рядом исследователей отождествляется с городом Бейбурт (Турция). Однако в таком случае остается неясным ряд вопросов: в каком именно месте эллины подошли к Чороху, по какой равнине они могли пройти вдоль реки до Бейбурта, если Чорох течет по гористой местности и т.д.

Относительно этнического происхождения макеронов-цанов существует мнение, что они грузинского племени. Такая точка зрения поддерживается, частично или полностью, в основном грузинскими исследователями, однако не чужда она и армянским, хотя и не разделяется ими до конца. Анализируя сведения о цанах, содержащиеся в источниках, Г.А. Меликишвили пишет: «Трудно сказать что-нибудь об этнической принадлежности этого особого племени. Возможно, это было одно из западногрузинских (чанских) племен» (Меликишвили 1959: 136-137). Далее, в другой части своей работы, он отмечает: «В названии *макрон* явно выделяется местное название западногрузинских племен *арг/агр/акр/егр* (*м-арг-али, м-егри, м-егр-ели, Эгр-иси*)… *Макрон* является закономерным эквивалентом грузинского термина *мегрели*, а санны это чаны в греческой транскрипции, … и трудно сомневаться, что здесь мы имеем дело с западногрузинским населением» (Меликишвили 1959: 137).

Признавая правомерность такой постановки вопроса, необходимо отметить, что вряд ли данное объяснение можно считать удовлетворительным, и тем более

исчерпывающим. На это обратил внимание еще М.И. Дьяконов, справедливо указав на то, что «*м-егр-ел* – не племенное название, а связанное с определенной территорией (Эгриси), не имеющей отношения к территории, где жили макроны» (Дьяконов 1967: 122). Трудно согласиться также и с утверждением, что элемент *агр/арг/акр* является характерным лишь для племенных названий западногрузинской этнической группы. Вне всяких сомнений, название современного народа *мегрел* (*маргал*), относящегося к картвельской языковой семье, имеет основу *агр/арг* (м-*агр*-ал), но это не может служить основанием для отнесение к грузинскому этническому миру все древние этнонимы с основой *агр/арг*, причем без каких-либо историко-географических обоснований.

Названия с основой *арг//агр* встречаются на обширной территории – как на Кавказе, так и далеко за его пределами. Так, например, Фессалия называлась также *Аргосом* (*Пелазгийский Аргос*), область и адыгское общество на Северо-Западном Кавказе имеют название *Егеркой*, в центральных районах Северного Кавказа проживаютнахские *арги* и т.д. Было бы неправомерно предполагать, что все эти названия имеют отношение к грузинским племенам, поскольку очевидно, что они не имеют между собой ничего общего в этническом отношении. Для определения этнической принадлежности племени, в названии которой присутствует основа *арг//агр,* в каждом конкретном случае надо принимать решение избирательно, исходя из многих факторов, в том числе и из историко-географических реалий.

Что касается этнонима *мегрел/маграл/маргал*, то он, как уже отмечалось, является производным от географического термина *Эгр* (*Эгри-си*), обозначавшего территорию на Восточном Причерноморье. Данный этноним вряд ли можно отнести к названиям, характерным для грузинских племен, так как первоначальная форма *эгр* и производная от нее *мегрел* происходят скорее, как указывал еще Д.И. Гулиа, от абхазского названия жителей приморья – *агруа*, где *ага – прибрежье* (морское), *р* – суффикс мн. числа, *уа – человек, люди*, то есть *поморяне, прибрежные люди*, в отличие от *ашхаруаа – горцы* (Гулиа 1986: 79-80). Первоначально этим термином, видимо, назывались жившие здесь абхазы, ибо

совершенно очевидно, что для того, чтобы на одном языке прибрежная часть населения получила название прибрежные (поморяне) – а-груа, а горная – а-шхаруа (горцы), необходимо, чтобы прибрежную и горную территорию занимала одна этноязыковая общность. Название агруа (поморяне) позднее было закреплено за новым, смешавшимся с абхазами пришлым картвелоязычным населением. Такой взгляд вполне соответствует данным, которыми мы располагаем и согласно которым агруа (эгры, мегрелы) начиная со II века н. э., времени их первого упоминания Птолемеем, и до настоящего времени являются жителями Причерноморья, т.е. поморянами.

Относительно макронов (цанов), то, согласно античным источникам, они не только не являются приморским народом, но и четко отдаляются от жителей приморья (см. выше). По Геродоту, макроны входят в девятнадцатый округ Ахеменидской империи и являются соседями колхов (Геродот: II, 104; III, 94).

Чтобы внести ясность в вопрос об этнической принадлежности макронов, следует обратить внимание на сообщение Ксенофонта, которому до сих пор не уделено должного внимания в научной литературе. Когда эллинский отряд подошел к владениям макеронов «к Ксенофонту подошел пельтаст, по его словам, некогда бывший рабом в Афинах, и сказал, что он знает язык этих людей. «Я думаю, – сказал он, – что это моя родина, и я хотел бы с ними переговорить, если к тому нет препятствий». «Никаких препятствий нет, – сказал Ксенофонт, – переговори с ними и сперва узнай, кто они такие». На его вопрос они ответили: «Макроны» (Ксенофонт: IV, VIII, 4).

Можно лишь строить догадки о том, как этот макрон оказался в Афинах и стал эллинским воином, но факт, что он был родом из макронов и знал их язык, благодаря чему эллины установили дружественные связи с макронами и, заключив с ними мирный договор, в течение трех дней спокойно пересекли их страну и прибыли к границе колхов. Отсюда становится очевидным, что язык макронов (цанов) отличался от языков всех других упоминаемых Ксенофонтом племен – фасианов, таохов, халибов, скифинов и колхов, и потому воин-макрон не

мог общаться с представителями этих племен при прохождении эллинского отряда через их территории.

Данное свидетельство очень ценно, поскольку практически полностью снимает вопрос о тождестве цанов-макеронов со всеми другими племенами, упомянутыми Ксенофонтом[38]. Поэтому трудно согласиться со встречающимся в специальной литературе утверждением, что «все эти халибы, скифины, соседи и враги скифинов, макроны, колхи были этнически одного и того же происхождения», и предположительно – картвельского (Оч. ист. Грузии 1989: 235). Из сообщения Ксенофонта следует, что макероны-цаны этнически выделялись из всех племенных групп, проживавших на той же территории в V в. до н.э., когда здесь проходил эллинский отряд. Об этом свидетельствуют также гидроним *Цанахи* и название *Цанаходзор – Ущелье цанахов* (где *дзор* – по-армянски *ущелье*), соответствующее долине и реке, где и проживали цаны. Такие названия по этническому признаку могли появиться только в том случае, если цаны проживали в окружении этнически инородного массива.

Не может считаться убедительным также высказанное в исторической литературе предположение о тождестве цанов-саннов античных авторов с картвелоязычными чанами (лазами). О неправомерности отождествления цанов-макронов с чанами-мегрелами недвусмысленно говорили еще античные историки и географы.

Путаница между цанами и чанами, возникшая в античных источниках, обусловлена особенностями греческой фонетики. В греческом языке нет букв, при помощи которых можно бы было передать звуки *цI* (*ṣ*) (*цIан*) и *чI* (*ṡ*) (*чIан*), поэтому обе фонемы – и *цI*, и *чI*, передаются посредством буквы *с* (*s*). В результате два различных этнонима – *цан* и *чан* в греко-латинских источниках были переданы одним термином – *саны*, что, естественно, вводило читателей в

[38] По мнению Г.А. Меликишвили, наименование *скифен* происходит от мегрело-чанского слова *шквити* (*шкити*), означающее *семь*, и упоминаемые в античных источниках гептокометы тождественны со скифенами, так как *гептокомет* означает *насельники (жители) семи деревень* (см.: Меликишвили 1959: 81), что представляется весьма вероятным.

заблуждение. Однако многие античные авторы указывали на ошибочность отождествления *цанов* и *чанов* и пытались уточнить правильность звучания этих двух этнонимов, чтобы таким образом донести до читателя, что речь идет о двух различных племенах. Так, Евстафий в комментариях к «Землеописанию Дионисия» замечает: «Макроны – народ понтийский… Их мы ныне называем саннами или, вульгарнее, цанами… и страну саннов называют Цаникой употребляющие вульгарную форму имени» (Евстафий: XXIII, 255).

Прокопий Кесарийский, хорошо осведомленный об этнополитической ситуации своего времени, также четко отделяет цанов от чанов (лазов) и колхов. Полемизируя с авторами, локализующими санов-цанов на побережье, Прокопий Кесарийский пишет: «Некоторые из них называли соседей трапезунтцев или санами (*мы их называем тзанами),*или колхами, назвав лазами других… На самом деле не верно ни то, ни другое. *Тзаны, находясь очень далеко от берега моря, живут рядом с армянами в середине материка. Между ними и морем вздымаются цепи высоких гор…. Все это отделяет тзанов от берега, не давая им права считаться приморским народом»*(выделено мной. – Г.Г.) (Прокопий Кесарийский: VIII, 1). Говоря о недопустимости отождествления цанов с чанами (лазами) и колхами, византийский писатель попытался также передать правильное звучание термина *цIан* через фонемы *т* и *з – тзан*.

Делая свои уточнения, античные авторы предупреждали, что живущих в Понтийских горах цанов (или тзанов) нельзя смешивать с причерноморскими чанами (санами). Чаны локализуются в приморской полосе между Трапезунтом и устьем реки Чорох и, по-видимому, относятся к картвельским племенам, присутствие которых в этих местах уже на рубеже новой эры вряд ли может быть оспорено. Цаны-макроны, в отличие от чанов, не являлись приморским народом и, как замечает Прокопий Кесарийский, проживали «очень далеко от берега моря, рядом с армянами в середине материка», чтополностью подтверждается и данными армянских источников.

В отличие от греко-латинских авторов, которые по причинам, указанным выше, не могли правильно воспроизвести названия *цан* и *чан*, армянские авторы

сумели передать природное звучание этих терминов: *цан* (*цIан*) – ծան, *чан* (*чIан*) – ճան, поэтому в армянских источниках при их использовании не наблюдается путаницы. Древнеармянские авторы локализуют чанов (ճանք) на морском побережье, между Трепезунтом и нижним течением Чороха, а цанов (ծանք) – в бассейнах рек Цанаходзор (ծանախաձոր) и Чорохи. Например, в «Ашхарацуйце» одна из четырех областей Колхиды, а именно вышеназванная прибрежная полоса, называется *Чанив* (*Чан-ив*) – «Чанив, которое есть Халтик» (ՃանիւորէԽաղտիք) (Ашхарацуйц: 27), и она не имеет никакого отношения к территории проживания цанов (ծանք).

Скорее всего, в лице цанов и чанов мы имеем две этнически различные племенные группы. Если чанов-мегрелов Причерноморья можно предположительно отнести к грузинским племенам, то цаны-макроны, локализуемые в предгорьях Понта, в языковом и этническом отношении отличаются от других племен, проживавших здесь в тот же период.

Представляется вполне допустимым видеть в цанах-макеронах Юго-Восточного Причерноморья продвигавшихся из юго-западных и центральных областей Урарту, в частности, из Цова (ЦIув, Цоб, позднее Софена) на север часть переселенцев, о которых сообщают отмеченные выше источники и воспоминания о которых, судя по всему, сохранились в эпической памяти нахских народов. Уж слишком много совпадений и свидетельств в пользу этого.

Во всяком случае, связь цанов-макеронов, живших на территории бассейнов Чороха и Цанахи, с нахскими племенами, прибывшими, по преданиям, из причерноморских местностей Цан (Ца, Циечу) и Зигур (из Зига) (Зиг-ана), а также с цанарами, продвигавшимися из Цана в Гардман и далее на север, к подножью Кавказских гор, в область, которую они назвали *Цанарией* (*из Цана*) и где, в верховьях Алазани, зафиксирован топоним *Зегана*, проявляется настолько явственно, что вряд ли может вызывать какие-либо сомнения.

В этой же связи будет уместно вспомнить, что почти во всех местах, где выявляются названия *цан*, *цанар* и *макерон* (*махелон*), им неизменно сопутствует

слово *хон* (см. выше). Учитывая множество других параллелей, которые можно провести между этнотопонимикой бассейнов Чороха и Верхнего Евфрата и ближайших к ним областей и нахской этнотопонимикой, можно достаточно уверенно говорить об этнической и языковой близости цанов-макеронов с нахскими племенами.

При этом следует иметь в виду, что в сообщениях античных авторов о цанах (махеронах) речь идет не об одной племенной группе, а о многочисленных племенах, подразделявшихся на отдельные племенные группы, каждая со своим названием, среди которых Прокопий Кесарийский, например, упоминает окенов, коксилинов и т.д. (Прокопий Кесарийский: IV, 2). Хотя следует иметь в виду, что окен (кен), возможно, является лишь формой термина цан (см. Адонц 1971: 61). Поэтому вполне вероятно, что хоны представляли собой одну из племенных групп цанов-макеронов.

Подтверждением вышесказанному служат и следующие исторические факты, освещенные в письменных источниках. На рубеже новой эры цаны-макероны вместе с соседними племенами были вовлечены в бурные события, связанные с падением Понтийского царства и установлением здесь римского владычества. Это привело к нарушению экономической и политической стабильности Колхиды, к ослаблению в ней государственной власти, уничтожению и опустошению большинства ее центров, к резкому сокращению числа жителей и их переселению.

В результате изменения политической ситуации древнее коренное население Юго-Восточного Причерноморья – колхи – переместилось в северные районы Колхиды, открыв дорогу для интенсивного проникновения на оставленные ими опустошенные земли картвельским (мегрело-чанским) племенам, проживавшим ранее в горных областях Юго-Восточного Причерноморья (Меликишвили 1959: 365; Оч. ист. Грузии: 234; Воронов 2013: 77). Все это вызвало резкое изменение этнического состава населения Колхиды. Почти «на всем протяжении прибрежной полосы Юго-Восточного и Восточного Причерноморья появляются новые племена, проникшие сюда частично из горных областей Юго-Восточного Причерноморья. Они и захватывают постепенно гегемонию в Юго-Восточном и

Восточном Причерноморье, на территории исторической Колхиды, слившись с земледельческим населением прибрежной полосы» (Оч. ист. Грузии: 233).

Изменившуюся этническую ситуацию в прибрежье между Трапезунтом и нижним течением Чороха описывает Флавий Арриан, совершивший в 134 году плавание по Понту из Трапезунта в Диоскурию (совр. Сухум). Другой античный автор, Псевдо-Арриан, жалуется: «…Говорят, что местечко Апсар[39] в древности называлось Апсирт, ибо здесь Апсирт был убит Медеей; показывается и гробница Апсирт[40]. Впоследствии название было искажено окрестными варварами, как искажены и многие другие» (Псевдо-Арриан: 41, 18).

Среди новых племен, появившихся на побережье, греческий писатель указывает и макеронов (махелонов): «От реки Архабиса до реки Офиунта прежде жил народ, называемый экхирийцами (а ныне живут махелоны и гениохи), от реки Апсара до реки Архабиса прежде жили так называемые бизеры (а ныне живут зидриты)» (Псевдо-Арриан: 42 (1), 19. Река Архабис – это современный Архаве-Су, Офиунт – современный Офис, который протекает примерно в 50 км восточнее Трапезунта, т.е. получается, что махелоны и гениохи занимали прибрежную полосу между современными населенными пунктами Ризе и Атина.

По-видимому, какая-то часть многочисленных племен цанов-махелонов на рубеже новой эры была вовлечена в процесс переселения горцев Юго-Восточного Причерноморья в Колхиду и спустилась к Черноморскому побережью. По данным Арриана и Диона Кассия, переселившиеся на побережье Черного моря макероны-цаны вместе с гениохами образовали здесь «царство махелонов и гениохов», во главе которого встал царь по имени Анхиалм (Арриан: 15; Дион Кассий: XVIII, 19, 12). Плиний называет это государственное образование царством «саннов-гениохов» (Plin. VI, 12).

Если в лице махелонов-саннов мы имеем племена, спустившиеся к побережью, то гениохи – это скорее население, проживавшее на этой территории

[39] Местность недалеко от Батуми.

[40] Апсирт и Медея – сын и дочь колхидского царя Аэта. С именем Апсирт связывается самоназвание абхазов *ancya*.

ранее[41]. Как известно, названия *колхи* и *гениохи* часто перекрывали друг друга. А после падения Колхидского царства, племена, входившие в состав этого царства и скрывавшиеся под общим собирательным названием *колхи*, основали здесь несколько политических образований, известных уже под собственными этническими именами, например, царства апсилов, абазгов, лазов и др. (Арриан: 15).

Одним из таких политических образований на территории бывшего Колхидского царства являлось, видимо, и царство *махелонов и гениохов*, в названии которого всплывает имя одного из колхидских племен – *гениохи*. По всей вероятности, царство махелонов и гениохов было образовано под главенством переселившихся сюда махелонов-цанов –в этом убеждает имя царя махелонов и гениохов Анхиал, имеющее выраженный хуррито-урартский облик и сопоставимое с именем хурритского царя Шуприи Анхит, упоминающимся в анналах ассирийского царя Ашшурнасирапала II (884/3 – 859 гг. до н.э.) (см.: Дьяконов 1951_a: I, 23, (II, 2). Данный факт тем более знаменателен, что появление в верховьях Чороха (Цаники армянских источников) топонима *Спер* связывается с переселением сюда жителей хурритской области *Шуприя (Суприя)*, располагавшейся в Сасануских горах, к юго-западу от оз. Ван (см.: Адонц 1971: 398).

В первые века новой эры происходит дальнейшее перемещение племен из Восточного и Юго-Восточного Причерноморья на северо-запад, в центральные районы Колхиды, а также к северу от Рачинского и Эгрисского хребтов, в предгорье Главного Кавказского хребта. Появление в центральных областях Колхиды новых названий связывается с перемещением сюда картвельских (мегрело-чанских) племен (Меликишвили 1959: 365; Воронов 2013: 9).

[41] Название *гениох* (*heniox, iniox*) в литературе иногда сопоставляется с *вейнах*, при этом иногда сам термин искажается и приводится не известная первоисточникам форма *ганах*. Однако такое сопоставление, каким бы заманчивым оно ни выглядело, представляется неоправданным с лингвистической и историко-географической точки зрения.

Среди племен, продвинувшихся к предгорьям Западного Закавказья, возможно, были и цаны-махелоны. Так, Птолемей упоминает здесь наряду с топонимом *Зидрида*, вероятно, имеющим отношение к зидридам, жившим до этого возле устья Апсара (Чороха), и рядом других названий, местность *Мехлес*. Название *мехлес* Птолемея исследователи связывают с махелонами (макронами). Не исключено, что эта связь верна, однако вполне возможно и, как кажется, гораздо более вероятно, что *Мехлес* Птолемея отсылает нас к древнему абхазскому имени нахов – *малхуз*, поскольку малхухы (малхи) проживали на южных предгорьях Главного Кавказа еще в I тыс. до н. э., и их земли на юге граничили с Колхидой по Эгрисскому и Рачинскому хребтам (Гумба 2016: 44-45 и далее).

Продвинулась к Черноморскому побережью, а позднее и далее на север, в центральные районы Кавказа, лишь часть цанов-макеронов. Основное же население, по сообщению Арриана, продолжало жить на прежнем месте, в Понтийских горах: «Мы проехали мимо следующих народов: с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезунтцам, он называет дрилами, а, по моему мнению, это – санны: они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезунтцев и живут в укрепленных местечках» (Арриан: 15).

Племена цанов-макеронов в конце I тыс. до н.э. перемещались не только к Черноморскому побережью, а оттуда на северо-запад, но и на северо-восток, в направлении центральных районов Южного Кавказа. И как увидим далее, основные события, связанные с цанами-макронами, происходили именно в этом регионе. Весьма ценные сведения по рассматриваемому вопросу передает Гай Плиний Секунд, поскольку он «пользовался периплами и дорожниками, составленными Артемидором Эфесским и Исидором Харакским, а также официальными римскими дорожниками, бывшими в ходу в I в. н.э. Последние употреблялись для военных нужд и опирались на сведения, полученные в результате проникновении римских войск и римской провинциальной

администрации» (Ростовцев 1925: 42 и сл.). Одновременно Плиний также использовал данные ионийской географической науки, актуальные для середины I тыс. до н.э.

Вместе с тем, известно, что работа со сведениями Плиния сопряжена с определенными трудностями, т.к. римский писатель пользовался разноречивыми и разновременными источниками. Поэтому на первый взгляд может показаться, что труд его, особенно там, где речь идет о Кавказе и прилегающих к нему областях, представляет собой хаотичное описание племен и народов, без какого-либо учета историко-географических реалий. Однако повторы в разных местах одних и тех же (или слегка измененных) имен, характерные для Плиния, «объясняются тем, что описание это является контаминацией разнообразных и разновременных источников, в том числе и периплов, ведущих читателя в разных направлениях» (Ростовцев 1925: 42)**,** и при детальном сравнительном анализе сообщений Плиния становится очевидной их несомненная достоверность и ценность.

Махелонов (махоронов) Плиний упоминает в своем труде дважды. Поскольку в специальной литературе существуют разные интерпретации интересующих нас сообщений, процитирую их полностью, чтобы представить целостную картину, изображенную античным автором. В первый раз Плиний упоминает макеронов (махелонов) перечисляя племена северо-восточной части Малой Азии от реки Термодонта (древний Галис, соврем. Кызыл-Ирмак) на восток: «[За рекой Термодонтом к востоку следуют] племена генетов и халибов, город Котиор, племена тибаренов, массинов, татуирующих себе тела, племя макрокефалов, город Керасунт, порт Кордула, племена бехиров и буксеров, река Мелас, племя махоронов, сидены и река Сиден, омывающая город Полемоний, [отстоящий] от Амиса на 120 миль. Затем реки Ясоний, Мелантий и город Фарнакея, [который отстоит] от Амиса на 80 миль, Триполь – крепость и река, затем Филокалия и Ливиополь – уже без реки, и в 100 милях от Фарнакеи свободный [город] Трапезунт, окруженный огромными горами. За ними на расстоянии 30 миль находятся племя арменохалибов и Великая Армения» (Plin:

VI, 11, 12). Далее идет описание местностей и племен Восточного Причерноморья, Колхиды, Западного Кавказа, Крыма и т.д.

В другой части своего труда Плиний вновь возвращается к описанию Южного Кавказа: «Теперь будут перечислены жители пограничных с Арменией областей. Всю равнину, начиная от реки Кир, заселяют племена албанов, затем – иберов, которые отделены от первых рекой Олазаном, текущей с Кавказских гор в реку Кир. Главные города – в Албании Кабалака, в Иберии Гармаст близ реки [Кир] и Неорис. [Далее лежат] области Тасийская и Триарская, до Париэдрийских гор; за ними находятся Колхидские пустыни, от границы которых, обращенной к Кревнийским горам, живут арменохалибы и [тянутся] земли мосхов до реки Ибер, впадающей в Кир, а ниже сакасены, затем макероны до реки Абсара. Так заселены равнины и горные покатости; с другой стороны, начиная от границ Албании, по всему челу гор живут дикие племена Сильвов, а ниже Лупений, затем Дидуры и Соды» (Plin.VI, 29).

В первом из двух процитировнных отрывков Плиния, где упоминаются махороны, перечисление народов и стран идет с запада на восток, махороны здесь размещаются у берегов реки Мелас. Река Мелас – это Верхний Евфрат до впадения в него реки Арацани[42], т.е., Плиний размещает макеронов (цанов) в верховьях Евфрата. В верховьях Евфрата, на южных склонах водораздельного хребта Арциан (между Евфратом и Чорохом) размещает часть макеронов-цанов в V в. до н.э. и Ксенофонт (см. выше). По-видимому, сведения о макронах (цанах) у реки Мелас (Верхний Евфрат) взяты Плинием у ионийских географов, нарисовавших карту расселения племен середины I тыс. до н.э.

Во втором из вышеприведенных отрывков описание Южного Кавказа идет уже с востока на запад – от Албании до Париадрских (Пархарских) гор и Колхиды. Перечисленные в этом отрывке страны и области имеют надежную

[42] Река Верхний Евфрат в хеттских и урартских надписях называлась *Мала//Мелиа* (Мала – в хеттских, Мелиа – в урартских), а позже, в соответствии с греческой народной этимологией, в греческих источниках *Мела* превратилась в *Мелас* (от греч.мелас – черный). От греческого *мелас* – *черный*, возник и гидроним *Кара-су* – *Черная вода*, современное турецкое название Верхнего Евфрата до впадения в него реки Арацани.

локализацию: это хорошо известные Албания и Иберия, Тасийская область – Ташир в Северной Армении, Триар – Триалети в Иберии; земля мосхов в Мосхийских горах, граничившая с Иберией на севере по реке Ибер, известной также как Посх, а на юге отделявшаяся от армено-халибов южными отрогами Париадрских (или Пархарских) гор; область Сакасена на правобережье Куры (часть ее позднее стала известна как Гардман, или Гардабан). Макероны же, по Плинию, занимали земли между Сакасеной и рекой Абсар (Чорох).

Таким образом, на рубеже новой эры Плиний застает макеронов (цанов) уже в глубине Кавказского перешейка на территории от правобережья Чороха на западе до области Гардман на востоке, расположенной на правом берегу Куры. Позднее это подтверждается и другими авторами, в частности, Прокопием Кесарийским и Варданом Аревелци (см. выше), а также топонимикой этих мест.

Территория, на которой Плиний локализует махаронов, прочим авторам известна под названием *Гугарк* (*Гогарена*). Так, если, по Плинию, к западу от территории расселения сакасенов находилась земля макеронов, то Страбон, примыкавшую с запада к Сакасене область называет Гогареной: «…река Аракс течет до границ Албании, впадая в Каспийское море. За этой равниной идет Сакасена, тоже граничащая с Албанией и рекой Киром; еще дальше идет Гогарена» (Страбон: XI, XIV, 4).

Гогарена античных источников, или Гугарк (*ашхар Гугарк – страна гугаров*) армянских, простиралась от области Тайк (урартская страна Диаухи) на правобережье Чороха на западе до местности Хунана (Хунаракерт) на берегу Куры на востоке (Еремян 1963: 73; Арутюнян 1977: 192-195), т.е. на той территории, где нахская топонимика присутствует еще со времен Урартского царства. Большая часть этой территории входила в состав урартского царства еще со времен Аргишти I (786 – 764 гг. до н.э.) (Арутюнян 2015: 94).

Мовсес Хоренаци рассматривает гугаров как древнейшее население, а название *Гугар*(*к*) ставит в один ряд с теми древними именами, которые стали эпонимами для потомков легендарного прародителя армян Гайка (hАика). Имя *Гугар* возводится к эпониму *Гушар*, имени легендарного потомка Шара: «Гушар

же, потомок сыновей Шара, унаследовал гору Мтин, то есть Кангарк, половину Джавахка, Колб, Цоб, Дзор вплоть до крепости Хнаракерт» (Мовсес Хоренаци: II, 8). Н.А. Адонц допускал, что, возможно, точное прочтение эпонима *Гушар* – *Гуджар* (*Гугар*) (Адонц 1971: 425). Имя предка Гушара (Гуджар, Гугар) Шара, как уже отмечалось выше, восходит к имени хурритского божества Шаро. С этим именем связано и происхождение ряда топонимов на Южном и Северном Кавказе, о чем говорилось выше.

Таким образом, перед нами вновь переплетение очень интересных фактов, без развязки которых история центральных районов Южного Кавказа уже не будет считаться полной. Исследование этих фактов может привести к существенной корректировке известной на настоящий момент древней истории центральных областей Южного Кавказа. И в этом контексте с новой остротой встает вопрос о гугарах и о том, в какой связи они находятся с махелонами-цанами (цанарами).

§3. Гугарк (Гогарена) и гугары

Страна Гугарк занимала обширную территорию от правобережья Чороха на западе до Куры на востоке и состояла из девяти областей: Дзоропор, Цобопор, Колбопор, Ташир, Трелы, Кангары, Артаган, Джавах и Кларджк (Ашхарацуйц: 35). Первые упоминания о Гугарке содержатся в трудах греко-латинских авторов. Согласно Страбону, после поражения селевкидского царя Антиоха III Великого в битве с римлянами при Магнезии в 190 г. до н.э. Великая и Малая Армения стали независимыми и расширили свои владения, включив в них ряд соседних областей.

Среди областей, присоединенных к Армении в то время (около 170 г. до н.э.), Страбон называет и страну Гогарена: «Армению, в прежние времена бывшую маленькой страной, увеличили воины Артаксия и Зариадрия. Они были первоначально полководцами Антиоха Великого, а впоследствии, после его поражения, стали царями – один в Софене, Акисене, Одомантиде и некоторых других (областях), а другой – царем страны вокруг Артаксаты; они расширили совместно свои владения, отрезав часть земель у окружающих народностей, а именно: у мидян они отняли Каспиану, Фавнитиду и Басороπеду; у иберов –

предгорье Париадра, Хорзену и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кира; у халибов и мосинеков – Каренитиду и Ксерксену, которая граничит с Малой Арменией или является ее частью; у катаонов – Акилисену и область вокруг Антитавра; наконец, у сирийцев – Таронитиду. Поэтому все эти народности теперь говорят на одном языке» (Страбон: XI, XIV, 5).

При царе Тигране II (95 – 55 гг. до н.э.), прозванном Великим и принявшем титул «царь царей», Армения становится могущественной державой Передней Азии, а ее границы распространяются от Каспийского моря на востоке до Средиземного моря на западе и от реки Куры на севере до реки Иордан на юге. В вассальной зависимости от Армении оказались Картли и Албания. Гугарк вошел в состав Армянского царства, составив в нем отдельный округ, именуемый в армянских источниках *бдешхство Гугарк*. Вместе с тем, бдешхи Гугарка по сути были полновластными правителями, вице-королями (-царями), и по своим привилегиям лишь незначительно уступали царю Армении. Они имели свой двор, армию, взимали налоги и пошлины и даже имели право чеканить монету

На бдешха (правителя) Гугарка были возложены охрана северных рубежей Армении и контроль над кавказскими проходами. К Гугарку относилась и территория на левобережье Куры – Эрети, в связи с чем, древнегрузинские источники именуют бдешха Гугарка также *эриставом Рани (*Меликишвили 1959: 461). Резиденция бдешха находилась в городе Цуртав на берегу р. Храми. Нет точной информации о том, как далеко распространялась власть бдешха Гургарка к северу от Эрети, в верховьях Алазани и Иори.

По данным Страбона, в состав Армении входила Комбисена – местность к северу от устья Алазани, притока реки Куры (Страбон: XI, XIV, 4). Однако нет никаких сомнений в том, что при Тигране II Великом Армения взяла на себя функции охраны кавказских проходов, в том числе и Цилканских (Сарматских) ворот. Иное трудно и представить, ибо армянский царь Тигран II Великий, проводя на юге широкомасштабные завоевательные войны против Парфии и расширяя юго-западные пределы своей империи до берегов Средиземного моря, должен был обезопасить северные границы и надежно закрыть кавказские

проходы. По всей видимости, охрана центральнокавказских перевалов была отдана под непосредственный контроль бдешху Гугарка, и у Цилканских ворот около Жинвали, где пересекались дороги, шедшие из Дарьяльского, Хевсурского перевалов, Тушинской дороги и т.д., находились подконтрольные бдешху отряды.

В этот период бдешх Гугарка выполнял также функции наместника Армении в Иберии, находившейся в вассальной зависимости от Армении, в связи с чем, бдешха Гугарка Мовсес Хоренаци именует также и бдешхом Иберии (Грузии) (Мовсес Хоренаци: II, 11). Такая ситуация имела место, видимо, при власти Тиграна II Великого, в период наивысшего могущества Армении.

Согласно античной традиции, начиная с рубежа новой эры северная граница Армении с Албанией и Иберией (Картли) проходила по реке Куре (Страбон, Асиний Квадратт, Солин, Птолемей и др.) (См.: Новосельцев 1991: 35 и далее; Свазян 2009: 65). Плиний также проводит границу между Арменией и Иберией по реке Кура: «…река Кура составляет границу Армении и Иберии» (Plin.: VI, 39).

Однако в приведенном выше фрагменте текста Плиния сакасены и макероны, проживавшие на территории к востоку от Албании до Пархарских и до Мосхийских гор на западе, т.е. на землях Гогарена (Гугарка), выступают как жители пограничных с Арменией областей и находятся вне пределов Армении. При этом Плиний четко отделяет данную территорию также и от Иберии, расположенной к северу от Куры (Plin.: VI, 29).

Таким образом, по Плинию, земли Гугарка (Гогарена) не относились ни к Армении, ни к Иберии, а представляли самостоятельную территориальную единицу. Противоречивость сведений Плиния обусловлена, по-видимому, использованием различных источников, отражающих разные периоды истории данного региона, поэтому в одном случае речь идет о времени, когда Гугарк являлся частью Армении, а в другом – о периоде, когда Гугарк был независимым. Установить, какие именно временные отрезки отражены в процитированных отрывках, позволяет информация, содержащаяся в античных, армянских и грузинских источниках.

В войне против Рима Армения потерпела поражение. После известных военных походов римских полководцев Лукулла и Помпея в I в. до н.э. территория Армянского царства была значительно урезана. На протяжении столетия – с середины I века до н.э. до 60-х годов I века н.э. – Армения переживала смутное время: ее государственная власть была ослаблена, а за влияние над ней шла борьба между Римской империей и Парфянским царством.

Видимо, в это время наследственные владетели (бдешхи) Гугарка вышли из состава Армянского царства и обрели полную независимость, именно этот период, судя по всему, отразил Плиний, разместив Гугарк, названный им Макеронией, за пределами Армении. Вместе с тем Плиний проводит границу между Иберией и Албанией уже по реке Алазани, что говорит о том, что Гугарк, вероятно, потерял земли на левобережье Куры, между реками Арагви и Алазани и эта территория вошла в состав Иберийского царства.

Очевидно, это было следствием политики «разделяй и властвуй», которую Рим начал проводить в данном регионе, натравливая друг на друга соседние народы. Так, ведя борьбу с Парфянским царством, Рим спровоцировал нападение на Парфию своих вассалов, в числе которых была и Иберия. Кроме того, уже на правителей Иберии Римом были возложены функции контроля над Дарьяльским проходом: иберийский (грузинский) царь со своим войском должен был охранять Дарьяльский проход, за что он получал жалованье от римлян. Опираясь на поддержку Рима, картлийские цари расширяют сферу своего влияния и границы своих владений, захватив, в частности, территорию левобережья Куры до устья Алазани (Свазян 2009: 65). Однако со временем стало ясно, что Иберия не справляется с задачей обеспечения безопасности Дарьяльского прохода. Более того, иберийские цари сами стали участвовать вместе с кочевниками северокавказских степей в грабительских нашествиях на Армению и Малую Азию. В связи с этим для охраны кавказских перевалов в Иберию был введен римский легион, который укрепил Цилканские (Сарматские) ворота у Жинвали и охранял их (см.: Меликишвили 1959: 348).

С воцарением в 66−ом году новой эры на армянском престоле аршакидской династии в лице брата парфянского царя Трдата I в Армении начинается процесс восстановления государственного контроля над всей территорией, в том числе и над провинциями, в которых всегда были сильны сепаратистские тенденции. Во второй половине II века н.э., в период ослабления Парфии и усиления позиций Рима, положение Армении становится еще более прочным. На армянский престол вступает Валаршак II (186 – 198), получивший титул Великого царя Армении.

Согласно договору, заключенному между римским императором Септимия Севером (193 – 211) и армянским царем Валаршаком II, Армении поручается охрана главных кавказских проходов (Дарьяльского и Дербентского) (Еремян 1976: 42). Контроль над основными перевалами Центрального Кавказа Валаршак II вновь возлагает на бдешха Гугарка, как это было ранее, еще во времена Тиграна II Великого (Мовсес Хоренаци: II, 8).

Такое положение существовало до 387 г., когда произошел раздел Великой Армении и всего Южного Кавказа между двумя империями – Римской и Сасанидской. После этого, согласно новому административному делению Сасанидской империи, Гугарк, Картлийское царство и Цанария (Кахети) были объединены в один административный округ Персидской империи, получивший название *шахр Варджана (Картли).* Согласно новому административному делению, Сасанидское государство было разделено на четыре края, или кустака. Страны Южного Кавказа были объединены в Северный, или Кавказский кустак (Капкох). Кустак включал в себя более мелкие административные единицы – шахры, во главе которых стояли марзпаны (правители области), подчинявшиеся в свою очередь правителям кустаков − спаспетам.

Функция наместника (марзпана) округа (шахра) Варджан была возложена Сасанидами на бдешха Гугарка, в связи с чем последний перевел свою военную резиденцию из Цуртави на берегу реки Храми в Бостан-калак – Рустави. Бдешх Гугарка как марзпан сасанидской административной единицы Варджан был наделен большими правами в военной, административной и судебной сфере.

Все вышесказанное, несомненно, свидетельствует о той большой роли, которую играли гугары в исторических судьбах народов Южного Кавказа на протяжении многих столетий. Например, Мовсес Хоренаци именует гугаров не иначе как *великим и могучим народом* (Мовсес Хоренаци: II, 8). Следует отметить, что древние авторы, несмотря на то что Гугарк вошел в состав Армении, вероятно, еще в 170-е гг. до н.э., изображают владетелей Гугарка достаточно самостоятельными – своего рода маленькими царьками, со своим царством и народом, в котором преобладает воинственное население (отсюда, соответственно, и мощные вооруженные силы), но признающими тем не менее верховный суверенитет армянских царей со времен Тиграна II Великого.

Н.Г. Адонц в связи с этим пишет: «…Бдешхи действительно охраняли пределы Армении, но не по назначению армянского царя, а по своему положению, как властелины окраин, признававшие притом власть армянского царя» (Адонц 1971: 416). Наличием сильной армии и первенством среди окружающих народов и объясняется, вероятно, тот факт, что на протяжении столетий именно бдешхам Гугарка доверялось возглавлять охрану кавказских перевалов и обеспечивать безопасность стран Южного Кавказа, защищая их от вторжений полчищ кочевых племен северокавказских степей.

Воинственность жителей данного региона и самоотверженная борьба за свою независимость хорошо известны еще ассирийским и урартским царям. В урартский период население Гугарка составляло часть объединений Диаухи и Этиухи. Племенные названия, сохранившиеся в ассирийских и урартских надписях, указывают на хуррито-урартский состав населения, но в то же время многие из них, как показано выше, находят прямые параллели в нахской и дагестанской этногеографической номенклатуре.

Как сообщает Страбон (см. выше), после присоединения к Армении соседних областей, в том числе и Гугарка, население начало говорить на одном языке, т.е. на армянском. Конечно, из сообщения Страбона вовсе не следует, что жители присоединенных областей перешли на армянский язык сразу же: речь идет о превращении армянского языка в язык межплеменного общения, т.е.

государственный. За неимением соответствующей информации сегодня трудно судить о том, насколько глубоко зашел процесс ассимиляции населения Гугарка в античный период. Но при этом наука располагает свидетельством позднеантичного периода касающийся Джавахка (Джавахети): в 326 году по пути из Армении в Картли св. Нино в Джавахке изъяснялась с местными жителями на армянском языке (Мелконян 2003: 12).

Однако, кончено же не следует думать, что основное население Гугарка ассимилировалось легко и быстро. Жители окраинных областей Армении, каковой являлся и Гугарк, непосредственно соприкасавшиеся с соседними народностями, были менее подвержены ассимиляции. Причина тому – смешанный состав населения, к тому же постоянно обновляемый в результате притока переселенцев из близлежащих областей, с частью которых жители Гугарка находились в близком этническом родстве (Адонц 1971: 416). Письменные источники свидетельствуют, что вследствие этого на окраинах всегда были сильны сепаратистские тенденции и восстания против центральной власти вспыхивали довольно часто.

По свидетельствам древних источников, прежде всего армянских, не только в античный, но и раннесредневековый период основное население Гугарка, судя по всему, все еще сохраняло свой язык и этническое лицо. Подтверждается это также и рядом других свидетельств, речь о которых пойдет ниже. Но прежде чем перейти к ним, необходимо остановиться на анализе существующих в специальной литературе мнений по вопросу этнической принадлежности гугаров.

Относительно сведении о гугарах, изложенных Мовсесом Хоренаци, Д.М. Мусхелишвили пишет: «Очевидно, что это *великое, могучее племя* не армянского происхождения, а раз оно живет севернее Армении, *насупротив горы Кавказа*, то самое логичное (тем более что о происхождении алванов Мовсес Хоренаци вел разговор до этого) – предположить, что историк здесь подразумевает грузин; а так как родоначальник этого племени назван *бдешхом гугаров*, то следует признать, что гугары и есть грузины». Далее исследователь продолжает: «То, что под *великим, могучим племенем гугаров* Мовсес Хоренаци подразумевает именно

грузин, в частности – восточных грузин, подтверждается текстом, который следует непосредственно за вышеуказанным: *Управление северной страною, лежащею насупротив горы Кавказа, возлагает на великое, могучее племя; родоначальнику же его жалует титул бдешха гугаров, который происходил от потомка Михрдата, сатрапа Дареха, которого привел Александр и поставил правителем над пленными иверийцами*» (Мусхелишвили 2009: 130-131). Отсюда грузинский историк заключает, что если потомок правителя иверийцев является «родоначальником великого, могучего племени гугаров», то гугары армянских источников идентичны иверийцам (грузинам), а Гугарк – Иберии (Грузии) (Мусхелишвили 2009: 131). Однако вынужден обратить внимание на то, что эти выводы исследователя основаны на неверном понимании текста армянского историка, вернее, на некорректном его переводе и использовании. Сообщения Мовсеса Хоренаци и других древнеармянских авторов о Гугарке и гугарах, как, впрочем, и сведения о Гогарене, изложенные античными авторами, не дают абсолютно никаких оснований для отождествления гугаров с грузинами, если, конечно, не исходить из логики, что все находящееся к северу от Армении apriori должно быть грузинским во все времена. Как в ранних, так и в поздних армянских источниках Гугарк и гугары не идентифицируются с Иверией (Грузией) и иверами (грузинами). Для обозначения Иберии (Картли) и картвелов (грузин) как древние, так и более поздние армянские авторы используют термины *Вирк*, *Верия*, *Вркан*, *Варджан*, *Врастан*, *враци*, которые они не путают и тем более не отождествляют с Гугарком и гугарами.

Впрочем, наша задача существенно упрощается, поскольку подробный анализ всех армянских терминов, применявшихся ранее и ныне использующихся для обозначения грузин и Грузии, проведен в двух статьях Е. Цагарейшвили, опубликованных, кстати, в том же сборнике, что и цитируемая работа Д.Л. Мусхелишвили (см. Цагарейшвили 2009: 389-430; Цагарейшвили 2009: 431- 444). В полном перечне терминов, приведенных и проанализированных в указанных работах Е. Цагарейшвили и обозначавших в армянских источниках Грузию и

грузин, нет названий Гугарк и гугары. Странно, что Д.Л. Мусхелишвили не обратил на это внимание.

Приведем интересующий нас текст Мовсеса Хоренаци полностью. Но прежде чем привести текст, следует уточнить, что в разделе, где идет речь о Гугарке и гугарах, Мовсес Хоренаци говорит вовсе не о соседних с Арменией странах Албании и Грузии (Иберии), как это ошибочно понимает Д.Л. Мусхелишвили, а об Армянском царстве и деятельности царя Валаршака II (186 – 198) по упорядочению системы государственного управления, что подтверждается и заглавием: «Об устройстве государства и о том, откуда он (Валаршак II – Г.Г.) образовал нахарарства и какие предписал правила жизни» (Мовсес Хоренаци: II, 7). Предваряя свой рассказ о Гугарке, Мовсес Хоренаци действительно говорит об Албании, но не о той, которая была расположена на левобережье реки Куры, т.е. о собственно исторической Албании, а о провинции Армении, находившейся на правом берегу Куры и после 461 года включенной Сасанидами в состав Албанского марзпанства, получившей при этом название Албания (или Ран), которое и отражено в тексте.

Вслед за Албанией (Раном) Мовсес Хоренаци переходит к описанию северной провинции Армении Гугарка, затем – западной, Ангеха (Ангел-тун) и т.д.; он объясняет происхождение названий этих областей, каждое из которых со свойственной ему склонностью к персонификации возводит к тому или иному эпониму, рассказывает о местных правителях и т.д. (Мовсес Хоренаци. II, 7-9). Описывая части Армянского царства, Мовсес Хоренаци особо выделяет среди них приграничные провинции – в силу их высокой значимости и важной роли в государстве.

Приведем теперь текст Мовсеса Хоренаци: «Гушар же, потомок сыновей Шара, унаследовал гору Мтин, то есть Кангарк, половину Джаваxка, Колб, Цоб, Дзор вплоть до крепости Хунаракерт. Но Валаршак утвердил за отпрысками Гушара Хайкида также княжество Ашоцк и владение Таширк. Наместничество северного края, расположенного против горы Кавказа, он поручает великому и могучему народу и присваивает его владыке (буквально: *начальник народа,*

племени – Г.Г.) титул бдеашха Гугаркского. Этот род происходит от Михрдата, нахарара Дареха; Александр, приведя его, назначил начальником над пленными из верийских племен, переселенных Навуходоносором, о чем повествует Абиден[43] в следующих словах: «Великомощный Навуходоносор, который был сильнее Геракла, собрав войска, достиг страны ливийцев и верийцев[44] и, победив и ниспровергнув их, подчинил своей власти. Часть их он переселил на правобережье Понтийского моря. Верия же является западной окраиной земли» (Мовсес Хоренаци: II, 8).

В процитированном отрывке объединены и в сжатом виде переданы события различных исторических эпох: первое – переселение вавилонским царем Навохудоносором ливийцев и иберов на восточный берег Понтийского моря (конец VII – начало VI вв. до н.э.); второе – назначение Александром Македонским Михрдата (Митридата), нахарара Дареха, начальником над пленными иверийцами (конец IV – начало III вв. до н.э.); третье – назначение армянским царем Валаршаком II одного из потомков Михрдата правителем (бдешхом) гугаров (II век н.э.). Таким образом, текст Мовсеса Хоренаци содержит описание совершенно разных событий, отделенных друг от друга многими веками.

Согласно античным представлениям, иберы (грузины) переселились на Кавказ из Испании, с Иберийского полуострова, а некоторые авторы, например, Мегасфен, Абиден и другие, следуя установившейся традиции связывать те или иные значимые события I тыс. до н.э. с вавилонским царем Навуходоносором II (605 – 562), переселение иберов приписывают также ему. Мовсес Хоренаци, ссылаясь на Абидена, передает как раз ту версию, по которой, Навуходоносор II якобы переселил иберов из Испании на восточный берег Понта.

Армянский историк не только не отождествляет гугаров и иверийцев (грузин), но и четко противопоставляетс их: гугары – это коренные жители,

[43] Абиден – греческий историк, написавший сочинения о древних Ассирии и Вавилонии и упоминаемый в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского.

[44] Верия, верийцы. Речь идет об Иберии-Испании.

потомки Шаро Хайкида, а иверийцы – это пришлые племена, переселенные Навуходоносором из «западной окраины земли» (Испании), причем поселены были иверийцы отнюдь не в Гугарке, а «на правобережье Понтийского моря».

Мовсес Хоренаци упоминает иверийцев (грузин) в связи с Гугарком лишь потому, что наместником Гугарка с присуждением титула бдешха Гугаркского Валаршак назначил потомка рода Михрдата, которого в свое время Александр Македонский поставил начальником над иверийцами, взятыми в плен. Упомянутый Михрдат, нахарар Дареха, это действительно современник Александра Македонского, основатель Понтийского царства Митридат I Ктист (302 – 266) из рода наследственных нахараров (сатрапов) припонтийских земель последнего царя Персии из династии Ахеменидов Дария (Дареха) III Кодомана (336 – 331).

Также хорошо известно, что грузинские (иверийские) племена Юго-Восточного Причерноморья входили в состав Понтийского царства и, естественно, подчинялись понтийским Митридатам, что послужило для античных авторов основанием для утверждения о якобы назначении Александром Македонским понтийского Митридата «правителем над пленными иверийцами».

Согласно античной традиции понтийские Митридаты происходят от царского рода Ахеменидов, и это подтверждают современные исследования (См.: Соприкин 1996: 20-33). И именно потомка понтийских Митридатов Валаршак назначает бдешхом Гугарка. Валаршак – это армянский царь Валаршак II (186 – 198), во времена которого на бдешха Гугарка, согласно договору с Римом, возлагались функции обеспечения безопасности главных центральнокавказских перевалов (см. выше).

Таким образом, Мовсес Хоренаци передает реальные события, действительно имевшие место. Экскурс в историю для выявления корней понтийских Митридатов нужен Мовсесу Хоренаци, во-первых, для обоснования законности назначения представителя этого рода правителем Гугарка, поскольку потомок понтийских Митридатов по своему этническому происхождению не

принадлежал к гугарам; во-вторых, для того, чтобы указать на царское происхождение этого рода и тем самым подчеркнуть, что правителем «великого и могучего народа» гугаров мог быть лишь потомок известной царской династии Ахеменидов. Этим отмечалась высокая значимость гугаров и одновременно обосновывалось право потомков понтийских Митридатов на правление Гугарком. Разумеется, данное обстоятельство никоим образом, даже косвенно, не может указывать на какое-либо этническое родство между иберами (грузинами) и гугарами.

Сообщения Корюна, ученика Месропа Маштоца[45], и Мовсеса Хоренаци о просветительской деятельности Месропа Маштоца в Албании и Иберии вообще снимают вопрос об этнической связи иберов (грузин) с гугарами и показывают, что армянские авторы четко отличают Гугарк от Иберии (Картли) и, соответственно, иберов от гугаров. По свидетельству Корюна, Месроп Маштоц из Албании отправляется в Иберию (Картли), где в то время царствовал Арчил, которого Корюн называет Ардзюлом. Проинспектировав деятельность своих учеников по обучению грамотности, Месроп Маштоц из Картли едет в Гугарк по приглашению князя Ашуша и останавливается у него в Ташире[46]. Из Гугарка затем Месроп Маштоц возвращается в Великую Армению. Месроп Маштоц «отбыл из краев Алуанка, чтобы прибыть в страну Иверию. …В то время царствовал над Иверией (царь) по имени Ардзюл, … и он [Маштоц], объехав всех своих учеников, наказал идти по праведному пути. В то время ишхан таширцев, муж почтенный и боголюбивый, которого звали Ашуша, предоставил в его распоряжение себя и весь гавар свой. Он же [Маштоц] распространяемое повсюду учение развернул (и здесь) не менее усердно, чем в других гаварах. И поручив их святому епископу Самуэлу, тому, которого мы упомянули выше, сам он возвратился в Великую Армению» (Корюн 1962: 18).

[45] Месроп Маштоц (361/362 – 440) – великий армянский просветитель, создатель армянской, грузинской и албанской письменности (Корюн 1962).

[46] Ташир (Таширк) – один из гаваров (районов) Гугарка (современный Лори), в котором находилась ставка бдешха Гугарка князя Ашуша.

Мовсес Хоренаци по тому же поводу пишет, что, находясь в Вирке (Грузия, Картли), где «в то время царствовал некий Ардзил» Месроп Маштоц получает приглашение от Ашуши, бдешха Гугарского, прибыть в страну Гугарк (Мовсес Хоренаци: III, 60). Отсюда становится очевидным, что бдешх Гугарка не идентичен царю Картли (Грузия) и армянские историки не отождествляют Гугарк с Иберией (Картли), а гугаров с иберами (картвелами). Также армянские авторы не отождествляют Гугарк и с Арменией, что подтверждают, например, слова Корюна о том, что после пребывания в Гугарке Месроп Маштоц возвращается в Великую Армению (Корюн 1962: 18)[47].

Бдешх Гугарка князь Ашуша одновременно являлся также и марзпаном, т.е. наместником Варджана – Сасанидской административной единицы *шахр*, в которую входили Гугарк, Картлийское (Грузинское) царство и Цанария. Поэтому в армянских источниках бдешх Гугарка иногда называется также и бдешхом Варджана*, т.е. речь идет о Картлийском марзпанстве, а не о собственно Картлийском царстве.* Помимо бдешхов Гугарка функции наместника (бдешха) Варджана в те или иные периоды Сасаниды возлагали в силу различных причин также на князей Сюника, царей Картли или же присылали для их исполнения чиновников из Персии.

В связи с тем, что Картлийское царство и персидское марзпанство, куда входили Картлийское царство, Гугарк и Цанария, персы называют одним именем *Варджан*, многие современные историки, к сожалению, нередко путают административную единицу Персидской империи марзпанство Варджан с собственно Картлийским царством, тоже именуемой Варджан. Так, например, Д.Л. Мусхелишвили непонятно почему армянские авторы, в том числе и Мовсес Хоренаци, рассматривают Гугарк как исконно армянскую область, в то время как, согласно «Ашхарацуйцу», эта область принадлежит Иберии (Варджан)

[47] Д.Л. Мусхелишвили ссылается на сообщение Корюна о возвращении Месропа Маштоца из Гугарка в Армению как на одно из важных доказательств того, что Гугарк не являлся частью Армении (Мусхелишвили 2009: 133). Но при этом он почему-то оставляет без внимания слова того же Корюна о прибытии Месропа Маштоца из Грузии в Гугарк к князю Ашуша, содержащиеся в том же отрывке и являющиеся не менее важным доказательством того, что Гугарк и Грузия – это также разные страны и их нельзя отождествлять.

(Мусхелишвили 2009: 123-124). Однако здесь все предельно ясно: в «Ашхарацуйце» речь идет о персидской административной единице Варджан, а значит, область Гугарк относится не к Иберийскому (Картлийскому) царству, как это ошибочно полагает Д.Л. Мусхелишвили, а к персидскому марзпанству Варджан[48].

Административное деление завоеванных стран без учета существовавших раннее этнических и политических границ характерно для всех империй во все времена. Так, пришедший на смену Сасанидской империи Арабский халифат создает административную единицу под названием Армения, в которую включаются все страны Восточного Закавказья. Поэтому в источниках того периода вся территория региона, включая Армению, Грузию (Иберию), Цанарию, Албанию, часто называется Арменией, а все ее население армянами. Отсюда, если следовать логике некоторых современных историков, то всю территорию Восточного Закавказья, включая Грузию, Цанарию и Албанию, следует причислить к исторической Армении, а все ее средневековое население считать армянским.

Термины *Гугарк* и Вирк (Иберия, Грузия, Картли) армянских источников сопоставимы лишь в политическом, собирательном смысле и в том случае, когда используются для обозначения Сасанидской административной единицы – марзпанства Варджан (Иберия, Картли), в которое, как уже отмечено, помимо собственно Картлийского царства входили Гугарк и Цанария. Что же касается

[48] Местность под названием Гогаран в Лорийском районе Армении отмечена на пятиверстной карте Российского Генерального штаба. По мнению А.Г. Шанидзе, в этом названии можно выделить мегрело-чанский (западногрузинский) суффикс *ан* (*гогар-ан*) (Шанидзе 1916: 365-370). Данное предположение приводится в качестве доказательства принадлежности гугаров к грузинским племенам (см. Мусхелишвили 2009: 136).

Думаю, что вряд ли есть необходимость уходить, так далеко от мест локализации Гогарены в поисках значения форманта *-ан* у мегрело-чанов в Западное Закавказье, когда гораздо проще было бы увидеть в компоненте *-ан* хуррито-урартский суффикс *ан* (*ани*), что и с историко-географической, и с лингвистической точки зрения более правомерно. Впрочем, если даже гипотетически допустить, что в названии Гогаран *ан* – мегрело-чанский суффикс, это может свидетельствовать лишь о проживании рядом с гугарами мегрело-чанов и не более того. Впрочем, на сегодняшний день не известны сколько-нибудь достоверные свидетельства расселения мегрело-чанов на северо-востоке Армении.

употребления этих терминов в узком, этническом значении, то все древнеармянские авторы четко различают Гугарк и Вирк (Иберия), гугаров и враци (грузин) и не отождествляют их.

С сожалением приходиться заметить, что в качестве примера вольного обращения с первоисточниками и произвольного истолкования содержащих в них сведений, непозволительного для исследователей, служит использование историками Д. Мусхелишвили и Б. Арвеладзе сообщения о Гугарке Фавста Бузанда. Так, для доказательства тезиса о тождественности гугаров и грузин (иверов) армянских источников названные ученые приводят отрывок из сообщении Фавста Бузанда о военных действиях армянского военачальника Мушега Мамиконяна, происходивших в 70-х годах IV века: «Мушег пошел в поход против грузинского царя... нанес ему поражение и покорил всю страну грузин. Взял в плен питиахша Гугарка, который ранее был подвластен армянскому царю, и отрубил ему голову... занял земли до старой границы между Арменией и Грузией, то есть до великой реки Куры» (Мусхелишвили, Арвеладзе 2009: 123-124).

Из приведенного в таком изложении Д. Мусхелишвили и Б. Арвеладзе текста Фавста Бузанда у читателя действительно складывается впечатление, что грузинский (иберийский) царь и питиашх (бдешх) Гугарка – одно и то же лицо. А теперь приведем текст Фавста Бузанда полностью: «…Потом спарапет Мушег пошел на грузинского [иберийского] царя, жестоко притеснил и разгромил его, покорил всю страну грузин, предал мечу всех азатов и все нахарарские роды, которых нашел. В Грузинской стране спарапет Мушег приказал распять на кресте Парнавазеана, а бдэшха Гугарка, который ранее был подвластен армянскому царю и под конец восставшего, схватил и обезглавил… Заняв территорию до старой границы, которая была между Арменией и Грузией, то есть до великой реки Куры, вернулся оттуда» (Фавст Бузанд: IV, 15) (выделено мной – Г.Г.).

Как видно, у Фавста Бузанда речь идет о двух лицах – о грузинском (иберском) царе из рода Парнавазианов, которого армянский военачальник Мушег Мамиконян распял, и о бдешхе страны Гугарк, подчинявшемся

армянскому царю, но восставшем и перешедшем на сторону грузинского царя, а потому схваченным и обезглавленным. Страна же Гугарк вновь вернулась в состав Армении, и граница между Арменией и Грузией была восстановлена по реке Куре. Думается, что комментарии тут излишни.

Однако из всех свидетельств остановимся лишь на сообщениях Ованеса Драсханакертци, поскольку ниже еще придется обращаться к текстам этого автора, одного из выдающихся представителей замечательной плеяды раннесредневековых армянских историков.

Согласно выдающимуся представителю замечательной плеяды раннесредневековых армянских историков Ованесу Драсханакертци Атрпатаканский эмир Афшин, преследуя армянского царя Смбата I (891 – 914), проходит через Ути, Гугарк и Вирк (Грузия) (Ованес Драсханакертци: XXXV). Далее армянский историк сообщает, что сын Смбата I Ашот Железный громя врагов, прошел Ширак, Гугарк и направился в Вирк (Грузию), затем пишет, что «сын Смбата, Ашот ...много сражался и прявил мужество и доблесть в борьбе со всеми врагами − не только с сарацинами, но также *с грузинами и гугарами"* (выделено мной. − Г.Г.) (Ованес Драсханакертци: L, LIV). Как видим, грузины и гугары в данном фрагменте текста не отождествляются, причем оба термина употреблены в узком, этническом значении.

В древнеармянских источниках не только Гугарк и гугары, но и Цанария и цанары четко отделяются от Картли (Вирк) и грузин (враци). Боле того, зачастую все они выступают как три самостоятельные страны. Например, Ованес Драсханакертци сообщает, что армянский царь Смбат I захватил Гугарк и Цанарию до Аланских ворот и крепость, защищавшую врата, а оттуда направился до города Тпхиса (Тбилиси), столицы Грузии (Ованес Драсханакертци: XXIX).

Вместе с тем, если понятия *Варджан (Грузия, Иберия)* и *Гугарк* не отождествляются, за исключением лишь случая, когда они обозначают Сасанидскую административную единицу шахр (марзпанство), и картвелы (грузины) этнически отличаются от гугаров, то в отношении терминов *Гугарк и Цанарк* (соотв. *гугары* и *цанары*) в армянских источниках просматривается

совершенно иная картина. Дело в том, что армянские авторы не делают четкого этнического различия между гугарами и цанарами, напротив, они нередко их отождествляют, а названия *Гугарк* и *Цанарк* выступают как синонимы и часто заменяют друг друга.

Так, Ованес Драсханакертци сообщает, что абхазский царь Константин «собрал войско и двинулся, пустился в путь, *пошел в северные края, что находятся в долинах Кавказских гор, чтобы подчинить себе и страну гугаров, обитающих близ Аланских ворот»*(выделено мной. − Г.Г.) (Ованес Драсханакертци: XLI). Речь идет о царе Абхазии Константине III (893 – 929), который неоднократно совершал военные походы против Иберии и Цанарии с целью захватить главные центральнокавказские перевалы и установить над ними контроль.

Но интересы абхазского царства сталкивались с противодействием со стороны армянского царства Багратидов, и на этот раз, как сообщает Ованес Драсханакертци, против Константина III выступил армянский царь Смбат I вместе с царем Вирк (Грузии) Адернесехом (Адарнасе) (881 – 923): «…царь Смбат, собрав вместе множество войск, двинул их вперед и, взяв с собой царя Грузии, пошел вместе с ним в набег, навстречу Костандину» (Ованес Драсханакертци: XLI).

В этот период между Абхазией и Арменией шла борьба за гегемонию на Южном Кавказе, завершившаяся, в итоге, победой Абхазии. По мере завоевания и присоединения к абхазскому царству новых царств и княжеств Южного Кавказа менялась и титулатура абхазских царей; к титулу царь абхазов (Апсха) добавлялись названия завоеванных царств и народов. Полная титулатура абхазских царей выглядела так: царь абхазов, грузин, ранов, кахов, армян, нахншахов и ширваншахов (Какабадзе 1925: 113).Во времена правления абхазского царя Константина III (893 – 929) известны несколько войн между Абхазией и Арменией, нашедших отражение в армянских и грузинских источниках. Сам Константин III возглавил несколько завоевательных походов в Грузию, и об одном из них, имевшем место в 904 году сообщается в «Летопись

Картли»: «В это время пришел Констант, царь абхазов, и захватил Грузию. Против него стал враждовать царь армян Сумбат Тиезеракал (Вседержитель), двинулся с войском большим и подступил к Уплис-цихе…» (Летопись Картли: 51). Любопытно, что, по сведениям средневековых источников, Абхазия и Цанария чаще выступают союзниками в борьбе против объединенных сил Армении и Грузии. Так, например, в «Летописи Картли» сообщается, что абхазский царь Константин III и правитель (хорепископ) Цанарии Квирике I (893 – 918) являются союзниками и ведут войну против Эрети, союзника Армении: «…Хорепископ Квирике призвал царя абхазов Константина; вступили [они] в Эрети и осадили крепость Вежини. Царь абхазов подступил с верхней стороны, а Квирике – с нижней стороны…» (Летопись Картли: 52). Данные источников позволяют предположить, что в то время существовали союзы (военно-политические блоки), которые вели между собой борьбу за главенство на Южном Кавказе, где с одной стороны выступали Абхазия и Цанария, а с другой – Армения и Грузия.

Приводя эти свидетельства, следует подчеркнуть, что, во-первых, для средневековых авторов, в частности для Ованеса Драсханакертци, *страна грузин* четко отделяется от *страны гугаров*, известной по другим источникам как Цанария, а во-вторых, к *стране гугаров* относятся и кавказские долины близ Аланских ворот. Совершенно очевидно, что под *кавказскими долинами близ Аланских ворот* Ованеса Драсханакертци имеется в виду равнина, примыкавшая с севера к Дарьяльскому перевалу (Аланские ворота), известная в настоящее время как *Владикавказская равнина.*

В другой части своего труда, повествуя о войне армянского царевича Ашота, сына царя Смбата I, с владетелем Ути (Утик) князем Мовсесом, Ованес Драсханакертци сообщает, что на помощь Ашоту «подоспел с большим войском *…великий корепископ, который господствовал над той частью Гугарка, что примыкала к Аланским воротам».* Далее, рассказывая о ходе боевых действий, того же корепископа он называет уже *«великим корепископом цанаров*» (выделено мной – Г.Г.) (Ованес Драсханакертци: LIX).

Из процитированных сообщений следует, что армянские историки не различают гугаров и цанаров, т.е. для них это один и тот же народ и *страна гугаров* (Гугарк) это есть *страна цанаров* (Цанария). В то же время мы уже знаем, что территорией расселения цанаров является та же самая страна, которая была известна источникам как место проживания масахов и хонов, или масаха-хонов. Следовательно, и название *масаха-хоны* (*масахи*, *хоны*) могло быть использовано в источниках в качестве синонима термина *Гугарк*. Отсюда становится понятно, почему в греческой редакции «Истории Армении» Агатангелоса бдешх Гугарка назван бдешхом Масаха-хон, потому, что термин *Масаха-хон* для автора равнозначен термину *Гугарк*. С другой стороны, у Плиния население Гугарка на правобережье реки Куры названо махеронами – этноним, который позднее всплывает в надписи Кааба-И-Зардушт (III век н. э.) для обозначения располагавшегося в III в. н.э. на территории Цанарии (*стране гугаров)* царства *Махелония.*

Таким образом, обширную часть территории Южного Кавказа – Гугарк, простиравшуюся от долины Чороха на западе до междуречье Алазани и Иори на востоке, Цанарию, распростиравшуюся от устья Алазани на юге до «кавказских долин вблизи Аланских ворот» на севере, античные и раннесредневековые авторы отделяют как от Армении, так и от Грузии (Иберии), а ее население рассматривают как самостоятельную этническую группу, отличную от армянской и грузинской этнических групп.

В источниках население обозначенной территории называется разными именами – *гугары, цаны, макроны (махелоны), масахи, хоны, масаха-хоны, цанары*, причем эти названия часто выступают синонимами и территориально перекрывают друг друга. Но имеем ли в их лице племена разного этнического происхождения, или речь идет об одной и той же этнической группе, называемый разными именами? В принадлежности хонов, масахов (масаха-хонов) и цанаров (цанов-махеронов) к нахской этнической группе можно не сомневаться – она помимо всего прочего, подтверждается и тем, что их названия позднее закрепились за нахскими родоплеменными группами.

Что касается гугаров, то из сообщений Страбона известно, что после того, как Селевкидский царь Антиох III Великий потерпел поражение в войне с Римом в 190 году до н.э. при Магнезии, его полководцы Артакси (Арташес) и Зариадрий стали царями – один в Великой, а другой в Малой Армении, и расширили свои владения, отрезав часть земель от окружающих областей, в числе которых был и Гугарк. Страна Гугарк, а вместе с ней и территория левобережья Куры, были выделены в северный округ (бдешхство) Армянского государства, а главные перевалы Центрального Кавказа оказались под охраной и контролем бдешха (правителя) Гугарка.

Такая ситуация имела место на протяжении длительного времени. В связи с этим можно было бы предположить, что именно со II в. до н.э. термин *Гугарк* начинает употребляться в собирательном смысле для обозначения уже не только собственно Гугарка, но и территории от устья Алазани до Дарьяльского прохода (Цанария армянских, Кахети грузинских источников) и не несет в себе более этнической нагрузки. Однако выдвинуть такую версиюне позволяет одно важное уточнение, которое дает Страбон.

Перечисляя области, присоединенные к Армении, Страбон пишет, что у иберов отняли «предгорье Париадра, Хорзену *и Гогарену, которая находится на другой стороне реки Кура»* (выделено мной – Г.Г.) (Страбон: XI, 14, 5). Здесь, конечно же речь идет о той части территории Гогарены, которая была расположена на левобережье Куры. Из этого сообщения следует, что, во-первых, территория Гогарены (Гугарка) на правобережье Куры к началу II в. до н.э. уже входила в состав Армении, а присоединена была та ее часть, которая находилась «на другой стороне реки Кура», т.е. на левобережье; а во-вторых, что название Гогарена распространялось на территорию левобережья Куры еще до присоединения ее к Армении (или к правобережной Гогарене).

Следовательно, появление термина *Гагарена* при обозначении территории от устья Алазани до равнин близ Дарьяльских ворот, как и употребление его в качестве синонима названия *цанары* (или *масаха-хоны*) не связано с распространением на эти земли политической власти бдешха Гогарены, в

результате которой они оказались в составе единой государственной (или административной) единицы. Данное обстоятельство указывает на то, что термин *гугар* выступал в качестве этнического названия населения не только правобережья, но и на левобережья реки Куры – Ширакского плоскогорья, долины Алазани и Иори до объединения их в одну политико-административную единицу.

Во II веке н.э. обозначенная территория Птолемею и его современникам известна как *Санария* (*Цанария*), а немного спустя, в IIIв. н.э., надпись Кааба-и-Зардушт персидского царя Шапура I (243 – 273) называет ее *Махелонией*. В III–IV вв. население данной территории армянские авторы именуют *хонами, масахами, масаха-хонами*, а еще позднее, начиная с V–VI вв., вновь всплывают этнонимы *цанар* и *гугар*. Все это наталкивает на мысль, что понятие *гугар* являлось синонимом этнонимам *цанар*, *махелон* (*макерон*), *масаха*, *хон*, *масаха-хон* и что все они являются либо различными наименованиями одной и той же этнической группы, либо названиями разных ветвей группы близкородственных нахских племен.

Как уже отмечалось, армянская историческая традиция относит гугаров к древнейшему населению Гугарка. Само название *Гугар* возводится к эпониму *Гушар*, имени легендарного потомка Шара. Последнее, в свою очередь, восходит к имени хурритского божества Шаро, широко распространенному в топонимике обширной территории от Гугарка до центральных областей Кавказа и сохранившемуся в современной нахской этнонимике.

Центром страны Гугарк считаются области Цобапор и Кангарк, то есть территория бассейна реки Бердуджа, на которой как раз и зафиксированы нахские топонимические реликты: *Цобапор* (*Цоба-пор*, где *пор* – по-древнеармянски *ущелье*, т.е. *Ущелье цоба//цова*), *Бердуджа* – от нахского *берд* (*скала*), и здесь же, неподалеку, *Хунан* (*Хунаракерт*), происхождение которого связывается с нахским этнонимом *хон*.

В этих местах обнаруживается и ряд других нахских этнических названий, в частности, слово *туш* – вторая часть этнонима *цова-туш*. Мовсес Хоренаци,

рассказывая о событиях VI–III вв. до н.э., имевших место на северо-востоке Армении, упоминает племя тухов (Мовсес Хоренаци: II, 65). Этноним *тух* сохранился в названии области *Туш* (*Тус, Тауш, Тавуш*) современной провинции Тауш на северо-востоке Армении, недалеко от области Цоба (Цова, Цобапор) (Мурадян 1975: 249-250)[49]. Тухи Мовсеса Хоренаци сопоставляются с нахскими тушинами, и правомерность такого сопоставления подтверждается, помимо прочего, сохранившимися неподалеку от области Тауш топонимами – *Цова* (*Цоба*), представляющим собой составную часть этнонима *цова-туш*, и *Куст*, отождествляемым с хорошо известным нахским этнонимом *куст* (*кистин*). В области Тауш (Туш) находится также местность, носящая название *Ширакамут* (*Ширак-а-мут*), связь которого с именем божества *Шаро* представляется вполне очевидной.

Разумеется, не все вышеперечисленные племена переселились в Гугарк из Юго-Восточного Причерноморья, а также, ранее, из центральных и западных областей Урарту. Безусловно, едва ли не большинство из них, в том числе, и гугары, являлись древнейшими жителями Гугарка и прилегающих к нему областей. В работе приведены ряд названий племен, известных в этих местах в урартский период, которые с уверенностью можно отнести к хуррито-урартским, однако часть из них имеют надежные параллели в нахской этнонимике.

В этой связи нельзя обойти вниманием город Макалтуни, располагавшийся около Чалдырского озера и являвшийся центральным населенным пунктом племени игани (иани). Кажется вполне вероятной связь названия столицы иганиев (иганиехи) *Макалтуни* (*Макал-туни*) с именем нахского божества солнца *Малх//Матх – Махал – Магал*: вполне допустимо, что Макал(туни) являлся не только административным, но и религиозным центром иганиехов. Если принять во внимание достаточно широкую распространенность

[49] По мнению П.М. Мурадяна (Мурадян 1975: 250), сам факт отражения в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци сведений о племени туш (тух) свидетельствует о могуществе этого народа и, соответственно, о той большой роли, которую он играл в VI–III вв. до н.э. в политической жизни региона.

топонимов, производных от имени Малх, на всей территории расселения родственных нахских и хуррито-урартских племен – от Северной Месопотамии до центральных районов Северного Кавказа (Гумба 2016: 213 – 216), вероятность того, что в названии *Макалтуни* отражен именно культ божества солнца, становится довольно высокой.

Таким образом, при анализе древнего ономастического материала на территории Гугарка (Гогарены) и близлежащих областей выявляются не просто отдельные, единичные этнонимы и топонимы, которые с определенной долей вероятности можно бы было отнести к нахским, а достаточно высокая концентрация древней этногеографической номенклатуры, принадлежность которой к нахскому этносу представляется достаточно очевидной. На основании вышеизложенной информации можно утверждать, что обширная территория – от Понтийского и Мосхийского хребтов и верховья Евфрата на западе до долины Алазани на востоке, а также земли, лежащие к северу – была заселена в I тыс. до н.э. в основном нахскими или близкородственными им племенами. Уверенность в этом основана не только на данных письменных источников и этнотопонимики, но и на свидетельствах археологии и языка.

Ряд археологических находок, сделанных на территории Гугарка и относимых к концу II и I тыс. до н.э., имеют кобанский облик. Классические образцы кобанской культуры выявлены в древней крепости Ахтала, расположенной на небольшом плато в ущелье реки Бердуджа; в поселении Хртаноц, находящемся к востоку от Гугарского хребта, недалеко от города Дилижан (провинция Дзорапор Гугаркской области), в поселении Астхи-Блур Таушского района Республики Армения, в 10 км севернее города Иджевана; в поселении Тазагюх Мартунийского района Республики Армении, к востоку от оз. Севан и т.д. (Мартиросян 1964: 275-277). Сходство и близость археологического материала конца II – I тыс. до н.э. (особенно первой половины I тыс. до н.э.) из Самтавро, Триалети и Иоро-Алазанской долины (см. выше) с кобанским столь очевидны (Пицхалаури 1977: 10; Нуцубидзе 1978: 65-73; Козенкова 1996: 134-135), что известные археологи склонны усматривать в них подтверждение

проживания на территории Центрального Кавказа и Картли этнически близкородственных групп населения (Воронов 1980: 13-14; Козенкова 1996: 135).

Еще одним важным свидетельством в пользу присутствия в рассматриваемом регионе нахских племен являются данные языка. Так новейшие исследования выявляют наличие в армянском языке немалого количества заимствований из восточно-кавказских языков, в первую очередь, из нахских. По количеству они превышают все остальные восточно-кавказские заимствования вместе взятые. Удается проследить систему отражения нахских согласных в армянском языке. В целом, при анализе армянского отражения шумных обнаруживаются значительные параллели с бацбийской рефлексацией. Это указывает на более обширный ареал исторических предков бацбийцев или близкородственных им нахских племен, а также может указывать на более широкий ареал закавказской изоглоссы перехода интервокальных звонких смычных в глоттализованные.

Всего в армянском языке обнаруживается около 480 (-60) слов, которые можно трактовать как попавшие из пранахского источника. Любопытно проследить представленность лексем по семантическим полям (следует учесть, что некоторые слова могут входить в несколько полей): абстрактные – 21 слово, вода – 17 слов, глаголы – 63 слова, животные–7слов, домашние животные–17 слов, инструменты, приспособления 77 слов, камни – 10 слов, ландшафт – 29 слов, металлы – 8 слов, насекомые, черви – 5 слов, небо – 10 слов, общество – 93 слова, огонь – 12 слов, одежда –31 слово, пища – 28 слов, прилагательные – 53 слова, птицы – 10 слов, домашние птицы – 1 слово, растения – 64 слова, культурные растения – 16 слов, рыбы – [0], словесность – 16 слов, служебные слова – 2 слова, строительство, здания – 29 слов, тело (человека, животных) – 59 слов (Мудрак 2016: 5,6, 14-15).

В мегрело-чанском (занском) языке обнаруживаются прямые заимствования из нахского языка (минуя картлийский). Одним из таких заимствований является, например, слово *латта//лэтта*, употребляющееся в мегрело-чанском для

обозначения земли как почвы (Кантариа 2010: 447)[50]. Здесь важно отметить, что это слово в аналогичном смысле используют панкисские кисты и цова-тушины. В свое время Н.Я. Марр и А. Чикобава предположили, что мегрело-чанское *бурт* происходит от нахского (или, по Н.Я. Марру, цова-тушинского) *бер – дитя* (Марр 1916: 1397). Однако эту версию поставил под сомнение В.М. Иллич-Свитыч, который писал: «Едва ли правдоподобно предположение Чикобава А. о заимствовании занской формы из вайнахских языков (ср. чеч. *ber*, инг. *ber*, бацбийск. *bader – дитя*.) Против этой гипотезы говорит как ареал, так и реликтовый характер основы ber в мегрел» (Иллич-Свитыч 1971: 195). В.М. Иллич-Свитыч исходил, вероятно, из версии о том, что вайнахи и мегрело-чаны никогда не соприкасались территориально и, следовательно, не имели прямых этнических и культурных контактов. Однако, как выше было отмечено, контакты, причем довольно продолжительные, между нахскими, точнее сказать, южнонахскими (цаны-макероны) и мегрело-чанскими племенами в I тысячелетии до н.э. могли иметь место в районах Юго-Восточного Причерноморья. Именно здесь, как представляется, между нахами и мегрело-чанами и происходили непосредственные этноязыковые контакты, в результате которых в мегрело-чанском языке отложились слова, напрямую заимствованные из нахских языков.

Таким образом, разнохарактерные и независимые друг от друга источники указывают на проживание в I тыс. до н.э. в Центральном Закавказье нахских племен, которые, по всей видимости, и составляли основное ядро населения данного региона[51]. Речь идет, разумеется, не об одном племени, а о южнонахской группе племен, в составе которого целый ряд племен (или племенных групп), каждое со своим названием. Прокопий Кесарийский, например, сообщает о том,

[50] Дальнейшие исследования по выявлению нахско-мегрельских, нахско-сванских, и особенно нахско-армянских параллелей в языке, фольклоре и т.д., несомненно, значительно расширили бы наши знания о древней истории этих народов и обогатили бы кавказоведческую науку.

[51] Необходимо отметить, что ныне выявлена лишь незначительная часть сохранившихся в урартских и ассирийских надписях свидетельств, в том числе и этнонимических, о проживании в древности нахских племен на обширной территории Южного Кавказа. Безусловно, в ходе дальнейших исследований с привлечением более разнообразного материала по Древнему Востоку эти данные будут значительно расширены.

что цаны-макероны имеют большую численность и подразделяются на несколько крупных племен (Прокопий Кесарийский: IV, 2).

Будучи расселенными на достаточно обширной территории, южнонахские племена и их объединения были известны своим соседям под различными названиями, что и отразилось в письменных источниках. Поэтому тот факт, что южнонахская группа племен выступает в разновременных источниках под разными общими названиями, следует рассматривать как отражение реально происходивших глубоких исторических процессов: выдвижение тех или иных племен в качестве гегемонов; консолидация племен и образование крупных племенных объединений, в результате которых название главенствующего племени становилось общим.

Перемещение племен происходило также и внутри рассматриваемого региона, и пример тому – продвижение цанов-макеронов от Понтийских гор Юго-Восточного Причерноморья к землям Гугарка, Гардмана и т.д. Этим и объясняется, видимо то, что области локализации цанов-макеронов раннеантичных авторов и цанаров позднеантичных и раннесредневековых авторов не перекрывают друг друга полностью. При этом, конечно, нельзя исключать, что нахские племена, имеющие названия с основой *ца//цIа* (*цан, цанар*) и *малх//матх* (*махелон, макерон*), *хон*, были распространены по всей обозначенной территории уже с древнейшей эпохи.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что ни античной, ни армянской традиции ничего не известно об изменениях этнического состава населения территории, простиравшейся от верховьев Евфрата и Чороха на западе до долины Куры и Алазани на востоке. Даже после того как в начале II века до н.э. Гугарк вошел в состав Армении, состав его населения не изменился. Например, Страбон не говорит о каких-либо переменах в составе населения присоединенных к Армении областей, в том числе и Гугарка, а сообщает лишь о том, что проживавшие здесь народности начали говорить на одном языке, т.е. произошел переход населения на армянский язык. Процесс распространения армянского языка по всей территории бывшего Урартского царства, вне всякого

сомнения, был растянут во времени. После падения Урартского царства народ урартов, конечно, не исчез с лица земли, и письменные источники свидетельствуют о том, что урартские племена сохраняли свой язык и этническую индивидуальность и в античный период.

Что касается таких областей как Гугарк, то здесь древнее население сохраняло свою этническую и языковую индивидуальность еще дольше, поскольку оно не было изолировано от родственного этнического массива, населявшего земли, примыкавшие к Гугарку. Эти группы родственных племен находились в постоянных этнических контактах между собой, а иногда входили в состав одного государственного или административного образования. Античные авторы, начиная с Геродота и Ксенофонта, раннесредневековые авторы население рассматриваемого региона, известное под различными именами (цаны, махароны, гугары, цанары), выделяют особо и не смешивают ни с армянами, ни с грузинами.

Древние авторы наделяют население Гугарка (Цанарии) воинственностью, свободолюбием, непримиримостью к врагам и подчеркивают их бескомпромиссность в борьбе за сохранение своей независимости. Так, Флавий Арриан, в частности, говорит о цанах-макеронах как о самых непримиримых врагах трапезунтцев (Арриан: 15), а Мовсес Хоренаци считает, что правителем великих и могучих гугаров мог быть достоин лишь потомок царского рода Ахеменидов.

Сам факт, что на протяжении многих столетий гугары обеспечивали безопасность основных перевалов Центрального Кавказа и именно правителю (бдешху) Гугарка неизменно доверялся контроль за этими перевалами, а также то, что правитель Гугарка был назначен Сасанидами марзпаном персидского округа (шахра) Варджан, куда, помимо Гугарка, входило и Картлийское (Иберийское) царство, можно рассматривать как показатель военно-политического превосходства гугаров среди окружавших их народов. В то же время это можно рассматривать и как свидетельство особо, доверительных отношений между жителями Гугарка и горцами Центрального Кавказа, в основе которых лежали этнически родственные связи.

В пользу вышесказанного свидетельствует также и то обстоятельство, что применительно к гугарам армянские авторы используют те же характеристики, коими они удостаивают кавказских горцев вообще. Фавст Бузанд, например, рассматривает гугаров как одно из племен кавказских горцев и включает их в перечень горских народов, участвовавших в составе войск Маскутского царя Санесана в походе на Армению (Фавст Бузанд: III, 7).

Все эти данные в совокупности позволяют с достаточной уверенностью говорить о том, что в I тыс. до н.э. ареал расселения нахских племен охватывал не только Центральный Кавказ, но и центральные области Южного Кавказа, достаточно далеко распространяясь на юг. Пока еще трудно поддаются более или менее точному определению южные пределы зоны проживания нахских племен, где нахи соприкасались с хурритскими и урартскими племенами. Сегодня проводить сколько-нибудь четкие этнические границы между этими племенами можно лишь условно, так как они, по всей вероятности, были расселены вперемешку. Возможно также, что между ними проживали еще какие-то родственные им промежуточные племена. Однако несомненно то, что южнонахские племена составляли значительную часть населения объединений Диаухи и Этиуни (Этиухи), а в периоды могущества Урарту те или иные их группы входили непосредственно в состав Урартского царства.

Позднее, уже после падения Урарту, происходит перемещение племен и постепенное сужение ареала расселения нахских племен. Тем не менее, в античном и раннем средневековье на значительной территории центральных областей Южного Кавказа еще можно застать довольно многочисленную южнонахскую этническую группу, играющую значительную роль в исторических судьбах населения региона. В этой связи этнополитическая история народов Южного Кавказа античного и раннесредневекового периодов может предстать в совершенно новом свете и многие вопросы древней и средневековой истории и культуры Южного Кавказа до сих пор вызывающие оживленные дискуссии в научной литературе, могут получить если не полное, то хотя бы частичное разрешение.

Кроме того, возникает также ряд новых вопросов, например: в какой связи находятся между собой гугары и гаргары? Имеем ли мы в лице гугаров и гаргаров две этнические группы – нахскую и дагестанскую (албанскую) (Гумба 1986: 9), или одну лишь нахскую. В научной литературе существует мнение о нахской этнической принадлежности античных гаргар (Крупнов 1963: 70), и еще Н.Г. Адонц отмечал, что «ни этимологически, ни исторически препятствий нет свести гугар-к к гаргар-к» (Адонц 1971: 242). Тем более, что, согласно Ованесу Драсханакертци, страна гугаров охватывала северокавказские долины близ Аланских (Дарьялских) ворот. Однако это уже тема специального исследования, которая выходит за рамки данной работы.

Итак, данные контролирующие и дополняющие друг друга смежных научных дисциплин – истории, археологии, языкознания, топонимики, этнонимики, антропологии, а также письменных источников и этногенетических преданий ясно свидетельствуют о многократных передвижениях племен с юга на Кавказ. Наиболее масштабное перемещение масс населения, состоявших из южнонахских и хуррито-урартских племен, фиксируется после крушения Урартского царства.

§4. Нашествие скифов.

Кавказ относится к числу так называемых контактных зон – территорий, где на протяжении тысячелетий соприкасались и оказывали друг на друга влияние оседло-земледельческие и кочевые культуры. Начиная с эпохи бронзы здесь проходила граница между этими двумя мирами, в каждом из которых были свои нормы общественной жизни. Оседлые земледельцы и скотоводы-кочевники в своем историческом развитии продвигались разными путями, развивая отличные друг от друга формы производящего хозяйства, системы мировоззрения и культурные ценности, однако, по сути, представляли собой две стороны одной медали – древней цивилизации, генезис которой во многом определялся процессом взаимовлияния и взаимопроникновения двух культур (Кудрявцев 2001: С. 156.) Отражение этих взаимосвязей обнаруживается в культурно-историческом наследии Кавказа, что свидетельствует о том, что оседлое земледельческое

население Кавказа на протяжении тысячелетий постоянно контактировало с различными по своему происхождению и этнической принадлежности кочевыми племенами – ираноязычными, тюркоязычными, финно-угорскими и др., обитавшими, сменяя друг друга, на обширных степных просторах Евразии.

Как отмечают почти все древние и современные историки, при определении характера этих контактов следует иметь в виду, что захватнические войны и грабительские набеги являлись неотъемлемой частью образа жизни кочевников, что война была для них способом производства (Бондаренко, Коротаев, Крадин 2002: С 17). Поэтому Кавказ довольно часто подвергался нашествиям полчищ кочевников. Будучи частью древневосточной цивилизации, народы Кавказа одновременно выступали и ее защитниками, своего рода щитом, надежно заслонявшим Переднюю Азию от нашествий воинственных кочевых племен. Именно здесь, на подступах к Кавказу с севера, орды кочевников, вторгавшиеся с целью грабежа в богатые земледельческие страны, получали первый отпор. Так случилось, что из письменных источников мир узнал о крупных нашествиях кочевых племен, которые, преодолев кавказский барьер, достигли Передней Азии, неся с собой смерть и разорение. Нет сомнения в том, что история умалчивает о многих не менее жестоких и разрушительных походах кочевников, остановленных воинами-кавказцами на северокавказских рубежах ценой больших жертв.

В то же время кочевников характеризовала не только склонность к разбою, грабежам, насилию. Им были свойственны и такие черты, которые позволяли на продолжении длительного времени мирно сосуществовать с народами Кавказа, тем самым способствуя возникновению в зонах контактов смешанных культур.

В рассматриваемый период крупное нашествие кочевников на Кавказ и Переднюю Азию, вошедших в историю под именем *скифов*, имело место в 70-е годы VII в. до н.э. Это нашествие было столь разрушительным и ужасным для оседло-земледельческого населения стран Кавказа и Передней Азии, что

воспоминания о нем сохранились на многие века, а термин *скиф* стал синонимом варварства, дикости.[52]

Вторжение кочевых племен скифов на Кавказ и в Переднюю Азию в VII в. до н.э. задокументировано археологическими находками, причем появление скифов в Передней Азии подтверждается ассирийскими и урартскими иероглифическими надписями, а также раннеантичными письменными источниками. Что же касается первых нашествий кочевников на Кавказ, имевших место в середине I тыс. до н.э., и их отражения кавказскими народами, то единственным письменным источником, в котором сохранились сведения об этих событиях, является произведение Леонти Мровели. Ценность сведений об этом периоде, заложенных в труде грузинского историка, сегодня признается в научном мире, и многие исследователи при реконструкции истории народов Кавказа I тысячелетия до н.э. часто опираются именно на них. Однако здесь мы сталкиваемся с очень странным фактом: в большинстве работ по древней истории Кавказа данные Леонти Мровели используются не целиком, а выборочно, причем отбираются в основном лишь те свидетельства, которые касаются пришлых кочевников – *хазар.* Самое пристальное внимание уделяется вопросам о том, кто такие хазары, ираноязычные они или тюркоязычные, был ли у них царь или нет; идет ли речь о нашествии скифов в VII в. до н.э., о вторжении гуннов в IV–V вв. н.э. или, собственно, о самом Хазарском каганате; через какие перевалы Кавказа хазары вторглись в Переднюю Азию; существовало ли в действительности скифское царство – если да, где оно находилось и т.д. и т.п.

При этом почему-то упускается из виду присутствие на Кавказе самих кавказцев, а содержащейся в источнике информации об автохтонных кавказских

[52] У древних и средневековых авторов термин *скиф* синонимичен термину *варвар* и обычно используется для обозначения северных народов. Одно и то же наименование – *скифы*, распространяется на различные этнические группы, поскольку решающим фактором здесь является не этнография, а география – важна не этническая принадлежность того или иного народа, а территория, которую он занимает. Так, «земля, традиционно известная как *Скифия*, дает название и довольно часто менявшимся ее обитателям. Каждый автор мог вкладывать в понятие *скифы* свой собственный смысл, и термин этот не всегда будет обозначать один и тот же народ» (см.: Нечаева 1999: С. 20-21).

народах, т.е. собственно о тех, кому посвящает свой труд древнегрузинский историк, уделяется недостаточно внимания – порой эта информация вообще игнорируется. Если же кавказские народы и удостаиваются внимания исследователей, то лишь постольку, поскольку это требуется для более полного освещения тех или иных вопросов, связанных с историей пришлых кочевых племен, а также для определения степени их влияния на автохтонное население Кавказа и т.д.

Стоит ли говорить, что реконструируемая в подобных работах древняя история народов Кавказа выглядит неполной и весьма ущербной. Вне всяких сомнений, изучение истории древних кочевников Европы и Азии очень важно, поскольку кочевые племена Евразии оказали значительное влияние на окружавшие их народы, в том числе и на кавказцев. Однако историю кочевых племен все же следует рассматривать отдельно от истории оседло-земледельческих кавказских народов, которые вели отличный от кочевников образ жизни и к тому же являлись носителями совершенно иной культуры. К сожалению, до сих пор остаются без соответствующего реагирования замечание известного кавказоведа В.Б. Виноградова, высказанное им еще в 60-е годы прошлого столетия, о странном для исторической науки явлении, когда незаменимый и обширный источник «Картлис цховреба» совершенно не используется в работах, посвященных древней истории Северного Кавказа (Виноградов 1963: С. 132). Между тем сведения Леонти Мровели о древней истории кавказских народов до конца еще не раскрыты, и нет сомнения в том, что по мере углубления знаний о ранних этапах истории Кавказа значимость труда древнегрузинского историка будет лишь возрастать.

В разделе «О нашествии хазар» Леонти Мровели в свойственной ему манере, кратко и сухо информирует о событиях, имевших место после первого появления на Кавказе кочевых племен, которые он называет *хазарами.* Во время первого нашествия хазары были разгромлены и отброшены вспять объединенными силами восьми братьев таргамосиан, а для отражения возможных последующих вторжений таргамосианы стали строить города на подступах к своей стране.

Впоследствии хазары избрали себе царя и, через кавказские проходы, практически не встретив сопротивления, вторглись в Переднюю Азию и установили господство над всеми таргамосианами. Вслед за этим хазарский царь часть земель кавкасиан отдал своему сыну Уобосу, а двоюродному брату – часть земель леканов. С той поры, согласно грузинскому хронисту, народы таргамосиан долгое время были данниками хазар (Мровели Леонти: 25).

По поводу хронологических рамок описываемых событий и значения термина *хазар* в исследовательской литературе имеются противоречивые мнения. Впервые предположение о том, что Леонти Мровели хазарами мог называть скифов и что речь, возможно, идет о вторжении кочевых племен в Переднюю Азию в VII в. до н.э., было высказано Г.Ю. Клапротом (Klapuoth 1822, 3-5), а впоследствии было поддержано В. Сент-Мартином (De Saent-Martin: 149-152), В. Миллером (Миллер 1887: 15-33), Г.А. Меликишвили (Меликишвили 1959: 35) и др. Такова же точка зрения многих современных исследователей – т.е. полагают, что *хазарами* в древнегрузинской хронике именуются скифо-сарматские племена, а повествование на самом деле начинается с нашествия скифов на Кавказ в VII веке до н.э. (Виноградов 1963: 131-134; Ковалевская 1975: 62-73).

Часть исследователей считают, что весь раздел Леонти Мровели о хазарах следует рассматривать как эпическое толкование событий, имевших место на Северном Кавказе во времена гуннского нашествия (конец IV – начало V века н.э.), а также в период Хазарского каганата, и *хазарами* древнегрузинский историк называет тюркские племена (Гадло 1979: 24-25; Мизиев 1986: 56).

Нередки также случаи, когда отдельные исследователи, не утруждая себя источниковедческим анализам, пытаются произвольно выбранным ими сообщениям «Картлис цховреба» придать то значение, которое подтверждало бы их точку зрения. Так, по мнению одних, Леонти Мровели *хазарами* называет только ираноязычные племена – скифов, сарматов, алан, осетин, и таким образом якобы «подчеркивается практическая их неразличимость и этнокультурная

преемственность в глазах древнегрузинского населения» (Туаллагов 2004: 22)[53]. Другие же считают, что скифы, сарматы, аланы, овсы, гунны, хазары, карачаевцы и балкарцы являлись тюркоязычными племенами и потому Леонти Мровели называет *хазарами* именно их, подчеркивая тем самым их генетическую преемственность (Хабичев 1982: 130; Мизиев 1986: 43-44; Джуртубаев 1991: 172-173).

Подобные толкование термина *хазар,* представляются явно тенденциозными, не соответствующими реалиям, отраженным в древнегрузинском источнике. Главной причиной, по которой рассматриваемый вопрос до настоящего времени не разрешен, является, скорее всего, то обстоятельство, что исследователи зачастую не принимают во внимание особый характер и сложный состав произведения Леонти Мровели и априори, без критического источниковедческого анализа, необходимого в таких случаях, исходят из того, что текст имеет стройную структуру и последовательную хронологию, а это зачастую приводит к грубым ошибкам и искажению заложенной в тексте информации.

Чтобы определить, кто именно подразумевается под именем *хазары* и какой временной период охватывают события, связанные с ними, необходимо для начала выяснить какие цели и задачи ставил перед собой древнегрузинский историк, какие приемы научной работы и какие источники использовал, каков был характер его труда. В этом отношении в источниковедении достигнуты довольно неплохие результаты, согласно которым, произведение Леонти Мровели состоит из следующих сюжетных блоков: 1) происхождение и начальный этап

[53] По мнению В.Б. Ковалевской, «Мровели четко этногенетически отделяет местные кавказские племена, находящиеся в ближайшем родстве между собой (все они сыновья Таргамоса – Гаос, Картлос, Бардос, Мовакан, Лек, Эрос, Кавкас, Эгрос), от скифов (хазары) и сармат (Уобос, овсы), считая последних в ближайшем родстве со скифами» (Ковалевская 2005: 53). Однако на основании того, что Леонти Мровели рассматривает кавказские народы как ближайших родственников (все они сыновья Таргамоса), утверждение о том, что скифы, сарматы (которых, кстати, грузинский историк не знает) и овсы также находятся в ближайшем родстве между собой, абсолютно не оправдано и не выдерживает критики. Дело в том, что в своей генеалогической таблице кавказских народов (Таргамосидов) Леонти Мровели объединяет совсем не родственные, а совершенно разные по своему происхождению и принадлежащие к различным языковым семьям народы – исконнокавказской, индоевропейской и картвельской.

истории таргамосиан; 2) нашествие хазар; 3) вторжение Александра Македонского и образование Картлийского царства (Меликишвили 1959: 36-48; Дидебулидзе 1984: 89-90; Цулая 1982: 78).

Первый раздел труда Леонти Мровели хронологически охватывает период от древнейших времен (происхождение таргамосиан и первоначальное заселение ими Передней Азии и Кавказа) до раннего средневековья (V–VII вв. н.э.), когда существовали этнополитические образования Эрети, Эгриси, Ран с центром Барда (Бардос), Хунзах в Дагестане (Лекан) и др., от названий которых древнегрузинский историк и выводит эпонимы *таргамосианов*, обозначающий перечисляемые им народы (подробно см. ниже).

Начало второго сюжетного блока – «О нашествии хазар» – большинством исследователей совершенно справедливо связывается с вторжением скифов в VII веке до н.э., но описанные в нем события, касающиеся уже сына царя хазар Уобоса, еще В. Миллер относил к первой половине I тыс. н.э., периоду Сасанидской Персии (Миллер 1887: 21-22). Ряд исследователей еще более конкретизируют появление на Кавказе этнарха овсов-осетин Уобоса и относят это событие к IV в. н.э., когда ираноязычные племена, теснимые гуннами, вынуждены были отойти к горам Кавказа (Дидебулидзе 1984: 90).

Завершается этот раздел сообщением о том, как сын царя хазар Уобос осел на части территории Кавкаса, двоюродный брат царя хазар – на части территории Лекана, а самые знаменитые сыновья Кавкаса и Лекана – Дурдзук и Хунзах, ушли в горы и обосновались там. «С тех пор в течение долгого времени все эти народы были данниками хазар» (Мровели Леонти: 25). Здесь, несомненно, речь идет о раннесредневековых этнополитических образованиях – Серире с центром в Хунзахе и стране Дурдзукетии, а факт наложения хазарами дани на кавказские народы соответствует политической ситуации на Северном Кавказе периода Хазарского каганата (VII–VIII вв. н.э.) (Миллер 1887:21-22; Меликсет-Бек 1960: 116; Меликишвили 1959: 35; Гадло 1974: 16).

Таким образом, раздел «О нашествии хазар» охватывает более чем тысячелетний период – с VII века до н.э. до VII–VIII вв. н.э. Помимо всего

прочего, это подтверждается и тем, что в повествование вкраплены моменты истории Персии, взятые из иранского эпоса Фирдоуси «Шахнаме», также описывающего целое тысячелетие – начиная с периода Ахеменидской Персии (V век до н.э.) и заканчивая серединой I тыс. н.э. (Меликишвили 1959: 35).

Хронологические рамки третьего раздела, в котором идет речь о нашествии *Александра Македонского*, охватывают период от рубежа IV-III вв. до н.э. до III века н.э, т.е. до прибытия в Картли в первой четверти III века н.э. христианской просветительницы св. Нино.

Несмотря на то, что все три раздела изложены в определенном порядке, между ними не обнаруживается ни четкой хронологической последовательности, ни взаимосвязи. Каждая из них представляет собой полностью завершенный, абсолютно самостоятельный сюжет со своей хронологической канвой, причем временные рамки отображаемых событий налагаются друг на друга. Вероятно, все эти сюжеты изначально представляли собой отдельные рассказы, существовавшие в письменной или устной формах, а Леонти Мровели объединил их и, предельно сжав, внес в свою хронику в той последовательности, которую мы видим сейчас.

Что касается раздела *О нашествии хазар*, то его хронологические рамки нельзя сузить и отнести к какому-то одному периоду – либо вторжения скифов (VII век до н.э.), либо нашествия гуннов (IV–V вв. н.э.), либо существования Хазарского царства. Как уже отмечено, данный рассказ охватывает тысячелетний период – с VII в. до н.э. по VII–VIII вв. н.э., и термин *хазары* употребляется в нем для обозначения обобщенного образа варваров-кочевников – разношерстных, разноэтничных племен, населявших обширные степные просторы Евразии в период I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. В данном разделе древнегрузинской хроники собраны и систематизированы все имевшиеся на момент ее создания сведения – как письменные, так и устные, о нашествиях на Кавказ кочевых племен, различных по своему происхождению и этноязыковой принадлежности, с древнейших времен до раннего средневековья. Подобное уплотнение разновременных событий можно возводить к повествовательной манере Леонти

Мровели и к специфике собственно фольклорной традиции, на которую он, несомненно, в значительной мере опирается. В связи с этим, как справедливо отмечено в исторической литературе, Леонти Мровели употребляет термин *хазары* не как название определенного, конкретного этноса, а как нарицательное имя кочевников вообще (не подразделяя их по этническому признаку) (Меликишвили 1959: 35; Арсанукаев 2002: 167). То, что население северокавказских степей называется *хазарами*, бесспорно, может быть использовано в качестве датирующего признака составления данного раздела – VII–VIII вв. н.э. (Меликишвили 1959: 35).

Поэтому попытки усмотреть в упоминаемых древнегрузинских историком *хазарах* и *овсах* только ираноязычные или только тюркоязычные племена, а тем более увидеть прямую генетическую связь между скифами, сарматами, аланами и осетинами (или между скифами, сарматами, аланами, гуннами, хазарами, карачаевцами и балкарцами), неприемлемы, поскольку не имеют научной основы. Чтобы определить какие группы кочевых племен (ираноязычные, тюркоязычные или др.) подразумеваются у Леонти Мровели под *хазарами*, следует исходить из хронологических рамок каждого конкретного сюжета, посвященного нашествию хазар.

Леонти Мровели начинает свое сообщение: «…в ту пору усилились хазары и начали войну с племенами леков и кавкасов. Таргамосианы в то время пребывали во взаимном мире и любви. Над сыновьями Кавказа был владыкой Дурдзук, сын Тирета. Решили шестеро Таргамосианов искать помощи в борьбе против хазар. И собрались все из племен Таргамосианов, преодолели горы Кавказа, покорили пределы Хазарети и, воздвигнув города на ее подступах, возвратились» (Мровели Леонти: 25). В этом отрывке Леонти Мровели буквально в нескольких предложениях открывает перед нами грандиозные по своим масштабам события: сначала объединенные силы восьми братьев таргамосиан отражают первое нашествие на Кавказ кочевых племен (*хазар*), при этом они не ограничиваются лишь обороной, а вторгаются в «пределы Хазарети» и громят захватчиков там; затем на северных подступах своей страны таргамосианы строят города, то есть

оборонительные сооружения для защиты от возможных последующих нападений хазар.

Прежде всего, следует отметить, что из данного сообщения вытекают очень важный вывод, которое почему-то выпадает из поля зрения исследователей. Леонти Мровели передает древнюю традицию, согласно которой, Северный и Южный Кавказ представлялись частями единой страны – страны Таргамосидов, и народы – *братья таргамосианы*, населявшие эту страну от Северной Месопотамии до Северного Кавказ, составляли единую общность, которая при этом являлась частью древневосточной цивилизации.

Потерпев неудачу в первом вторжении, *хазары* избирают царя и совершают второе нападение, в результате которого им удается завоевать страну Таргамосидов: «Вслед за этим хазары избрали себе царя. Вся хазарщина стала повиноваться избранному царю, и возглавляемые им хазары прошли Морские ворота, которые ныне именуются Дарубанди. Не в силах оказались Таргамосианы противостоять хазарам, ибо было их бесчисленное множество. Полонили они страну Таргамосианов, сокрушили все города Арарата, Масиса и Севера. Остались за ними (таргамосианами) города-крепости Тухариси, Самшвилде и Мтверская крепость (которая есть Хунани), Внутренняя Картли и Эгриси. Хазары освоили оба пути, как то: Морские ворота Дарубанди и ворота Арагвские, которые суть Дариала. Стали частыми походы хазар, увод людей в плен, и никто не мог им противостоять. Отныне стали все Таргамосианы данниками хазар» (Мровели Леонти: 25).

Таким образом, Леонти Мровели сообщает о двух крупных набегах кочевников (*хазар*), первый из которых был успешно отражен, причем совместными силами всех таргамосиан, а при втором таргамосианы не смогли дать хазарам отпор, и те захватили их страну. Этому сообщению древнегрузинского историка в научной литературе уделено достаточно большое внимание. Оба вторжения обычно рассматриваются как имевшие место в период нашествия скифов в VII в. до н.э.: якобы потерпев поражение от таргамосиан, хазары (скифы) отступили в степи, но через некоторое время, избрав царя, вновь

возвратились и на этот раз легко, не встречая никакого сопротивления, прошли Кавказские горы и вторглись в Переднюю Азию.

Однако между первым и вторым вторжением происходит ряд событий, которые не могли совершиться за столь короткий период. Во время первого нашествия хазар для борьбы с захватчиками объединяются все таргамосианы: на помощь кавкасианам и леканам приходят шесть братьев, проживавших на территории от Северной Месопотамии до Северного Кавказа и, «перевалив через горы Кавказа», совместными усилиями прогоняют пришельцев из земель Кавкаса и Лекана, а затем строят города-крепости на подступах к Хазаретии, т.е. на северной границе страны Таргамосидов. Совершенно ясно, что для всего этого, особенно для строительства городов, необходимо было достаточно продолжительное время.

Сообщение Леонти Мровели о победе объединенных сил таргамосиан над хазарами не увязывается также и с известными нам данными других первоисточников о появлении скифов на Кавказе и их вторжении в Переднюю Азию. Согласно результатам археологических исследований, первое нашествие скифов на Северный Кавказ датируется первой половиной VII века до н.э., причем вторжение это было столь неожиданным и внезапным, что автохтонное оседло-земледельческое население Кавказа не успело организовать серьезное сопротивление, что привело к тяжелым последствиям. Численное превосходство кочевых полчищ, по-видимому, было столь велико, что они, словно лавина, смели все на своем пути по Предкавказской равнине, а затем, преодолев Кавказские горы, вторглись в Переднюю Азию. Об этом свидетельствуют следы пожаров и разрушений, обнаруженные в крупных городах и поселениях Северного Кавказа, до момента вторжения процветавших и густонаселенных.

Итак, в силу внезапности нападения кавказское население не смогло дать достойный отпор вторгшимся скифам. Более того, за столь короткий период таргамосианы просто не успели бы собрать воинские силы на территории от Месопотамии до Кавказа, разгромить войска пришельцев, а затем построить города, как это следует из сообщения Леонти Мровели. К тому же, кроме этого

сообщения, нет абсолютно никакой информации о том, что в указанный период скифы потерпели на Северном Кавказе какое-либо поражение, в результате которого их нашествие остановилось и они были вынуждены отступить. Напротив, все имеющиеся данные говорят о том, что вскоре после появления на Северном Кавказе скифы вторглись в Переднюю Азию, и уже в 70-годы VII века до н.э. упоминания о них встречаются в древневосточных письменных источниках (Дьяконов 2008: 58; Пьянков 1979:196; Мурзин 1990: 27).

Таким образом, сообщения Леонти Мровели о совместной борьбе таргамосиан и об их победе над хазарами (скифами) не согласуются с имеющимися свидетельствами и со сложившимся на их основе в современной историографии взглядом на исторические события VII века до н.э. Поэтому сведения древнегрузинского хрониста о победоносной войне таргамосиан против хазар одни исследователи рассматривают как «не имеющие никакого объективного основания» (Туаллагов 2004: 21), а другие – как отражение исторических событий периода гуннского нашествия (конец IV – начало V в. н.э.) или Хазарского каганата на Северном Кавказе (VII–VIII вв. н.э.) (Гадло 1979: 25; Мизиев 1986: 59-60).

Конечно, весьма рискованно полностью доверять сведениям Леонти Мровели, как это иногда предлагается (Ковалевская 1975: 65), однако точно так же неприемлемо и выборочное отношение к ним. Вряд ли будет правомерным, если из всего сообщения Леонти Мровели о первом нашествии *хазар* на Кавказ и о войне против них *таргамосиан*, признавать правдивыми лишь сведения о вторжении *хазар* (скифов) и их победное шествие, но при этом игнорировать сведения о *таргамосианах* (кавказцах), являвшихся одной из сторон и главным участником описываемых событий. Выглядит довольно странным, что без соответствующего критического анализа, не приводя каких-либо научных аргументов, некоторые исследователи считают, что информация древнегрузинского историка о совместной победоносной войне *таргамосиан*

(кавказцев) против *хазар* (скифов) якобы вообще не имеет объективных оснований (Туаллагов 2004: 34)[54].

Однако с таким методологически неверным подходом, конечно, никак нельзя согласиться. Нет никаких оснований верить одной части рассказа древнегрузинского историка и не верить другой, причем именно той, в которой речь идет о собственно кавказских народах – таргамосианах. Тем более что сообщение Леонти Мровели посвящено именно *таргамосианам* (кавказцам), а о *хазарах* (скифах) в нем говорится лишь постольку, поскольку они вторглись в пределы страны таргамосиан и начали захватническую войну, т.е. вступили с таргамосианами во взаимодействие, вследствие чего и удостоились внимания древнегрузинского историка. Здесь вновь будет уместно напомнить, что все теории о недобросовестности Леонти Мровели столько раз уже опровергались общепризнанными подлинными источниками, что, не имея веских научно обоснованных доказательств, никто не в праве не доверять его добросовестности и правдивости.

Для того чтобы разобраться в сообщениях Леонти Мровели, достаточно провести их сопоставительный анализ с данными других источников – прежде всего археологических, и обратиться к его сообщению о нашествии хазар на фоне

---

[54] Интересно, что А.А. Туаллагов, отрицая правдивость сведений Леонти Мровели о войне объединенных сил таргамосиан против хазар и победе над ними, вдруг меняет свое мнение, когда тот же аргумент – отсутствие каких-либо других данных о поражении скифов на Северном Кавказе при первом их вторжении, приводит И.М Мизиев (Мизиев 1986: 64) в качестве доказательства того, что события, описываемые в древнегрузинской хронике, относятся к периоду существования именно Хазарского каганата в раннем средневековье. А.А. Туаллагов резко выступает против такой интерпретации И.М. Мизиевым сведений Леонти Мровели и вступает с ним в полемику, указывая, что «о столкновениях скифов с кавказскими автохтонами свидетельствуют археологические данные и материалы фольклора последних… там представлены и мотивы побед местных героев над чужаками, что могло отражать вполне реальные исторические эпизоды» (Туаллагов 2004: 34). Но в то же время А.А. Туаллагов не приемлет поражения скифов от таргомосиан (кавказцев) и полагает, что таргамосианы одержали победу не над скифами, а над тюркоязычными хазарами. Более того, по его мнению, таргамосианам приписаны победоносные войны Арабского Халифата против Хазарского Каганата, «т.к. иных столь крупномасштабных вторжений из Закавказья история не знает» (там же). По А.А. Туаллагову, вырисовывается довольно своеобразная и очень странная картина: таргамосианы (кавказцы) вели войну с ираноязычными скифами в VII в. до н.э., но победу они одержали над тюркоязычными хазарами через тысячу лет, к тому же, оказывается, победителями были вовсе не кавказцы, а арабы, вторгшиеся в VIII в. н.э. на Северный Кавказ!?

известной к настоящему времени истории вторжения скифов в Переднюю Азию в VII веке до н.э. Тем более что это не так уж сложно, поскольку вопросы, касающиеся нашествия скифов, исследованы весьма подробно и им посвящен значительный объем научной литературы.

Как уже отмечалось выше, археологические находки не оставляют сомнений в том, что появление скифов на Северном Кавказе в VII в. до н.э. было внезапным, неожиданным. На всей территории Центрального Предкавказья были разграблены и уничтожены густонаселенные процветающие поселения. В местах расположения почти всех крупных населенных пунктов Северного Кавказа выявлены следы пожаров и разрушений, причем многие поселения после набега скифов вообще о прекратили свое существование (Султан-Горское, Заюкаевское, Лермонтовское, Березовское №№ 5 и 6 у Кисловодска, Бештау, Алтуд, Ессентуки, Железноводск, Жемтала, Былым, Майртуп, Инарки, Эльхотовское, Змейское, Алхан-Калинское, Сержень-Юртовское, Дербентское и др.) Как уже отмечалось, столь тяжелые последствия для кавказского населения были связаны не только и не столько с внезапностью нападения, сколько, скорее, с многократным численным превосходством вторгшихся войск варваров. Этим же объясняется, вероятно, и тот факт, что скифы практически сразу же, не задерживаясь на Северном Кавказе, вторглись в Переднюю Азию, причем, как показали исследования Е.И. Крупнова и В.Б. Виноградова, прошли не только через Дербентские ворота, «оставляя при этом Кавказские горы справа», как об этом сообщает Геродот (Геродот. I, 104), но также и через центральнокавказские перевалы (Дарьяльский, Мамисонский, Клухорский и др.) (Крупнов 1954: 186-194; Виноградов 1964: 20-30).

Подвергая опустошению целые области богатейших цивилизованных стран, скифы прошли Кавказ, Месопотамию, Сирию, Палестину и достигли границ Египта. Крупным древневосточным государствам (Египет, Ассирия, Урарту) понадобилось большого напряжения, чтобы сдержать их натиск. С этого времени на протяжении почти целого столетия – VII века до н.э. – скифы играют значительную роль в политической жизни региона. Они принимают активное

участие в политических событиях, главным образом как союзники или наемные войска правителей крупных древневосточных государственных образований.

Точных данных о времени пребывания скифов в Передней Азии нет. По Геродоту скифы владычествовали в Азии 28 лет. Мнения современных исследователей разделились: Р. Гиршман, И.М. Дьяконов, И. Алиев и др. относят пребывание скифов в Передней Азии приблизительно к 652 – 625 гг. до н.э. (Ghirshman 1954: 98; Дьяконов 2008: 288-289; Алиев 1960: 230-231). Л.Э. Кавеньяк, Б.Б. Пиотровский, В.А. Белявский и др. придерживаются хронологии Геродота и датируют этот период приблизительно 625 – 595/585 гг. до н.э. (Cavaignac 1961: 158-162; Пиотровский 1959: 236-237; Белявский 1971: 30).

Письменные источники упоминают и Скифское царство, но место его нахождения и время существования до сих пор не определены, а диапазон возможной локализации широк – от северокавказских степей до северных районов Ирана. Так, И.М. Дьяконов размещает Скифское царство на равнинах правобережья Куры от г. Гянджа (бывш. Кировабад) до Аракса на юге (Дьяконов 2008: 281), И. Алиев и В.А. Белявский – на территории Азербайджана и прилегающих к нему областей (Алиев 1960: 230, Белявский 1971: 50), Б.Б. Пиотровский – в Приурмийском районе (Пиотровский 1959: 245), Р. Гиршман – в Атропатене (Ghirshman 1954: 98), В.Ю. Мурзин и С.В. Махортых – в северокавказских степях (Мурзин 1990: 47, Махортых 1991: 103) и т.д.

Впрочем, сам факт того, что до сих пор не выявлено местонахождение скифского царства и не определено с достаточной ясностью время его существования, уже вызывает много вопросов. Некоторые исследователи вообще ставят существование этого царства под сомнение и считают, что никакого государственного образования у скифов в Передней Азии не было. Наиболее вероятной представляется точка зрения А.А. Туаллагова, согласно которой, единого царства скифов не существовало, однако же на территории Северного и Южного Кавказа сложились несколько объединений кочевников, отличавшихся различными степенями централизации верховной власти и имевших собственные опорные базы для грабительских набегов (Туаллагов http:// osset-hnos.ru /history).

Однако в данном случае эти вопросы не столь существенны. Нам важно подчеркнуть, что на территории от Северного Кавказа до Месопотамии отчетливо фиксируется факт присутствия скифов на протяжении почти всего VII века до н.э. (с допустимой погрешностью в 20-30 лет) и вплоть до начала VI вв. до н.э., причем скифы играют здесь значительную политическую роль. Это подтверждается и археологическими находками. Так, в материальной культуре Северного и Южного Кавказа VII – начала VI в. до н.э. наряду с местным и древневосточным отчетливо выделяется и скифский элемент: предметы вооружения (типичные для раннескифской культуры железные акинаки, бронзовые и железные наконечники стрел, железные боевые топоры), части конской сбруи (удила и псалии), произведения искусства звериного стиля – обнаружены во многих местах Южного и Северного Кавказа, в памятниках урартского периода, исследуемых на территории Армении (Пиотровский 1949; Есаян, Погребова 1985: 46) и Азербайджана (Есаян, Погребова 1985: 47-48), в погребениях Тлийского могильника (Техов 1980: 78), в Дванском некрополе, в погребении из селения Цицамури, в поселении Могрили-Гора, в святилище в Мелани (Макалатия 1949: Пирцхалава 1978: 41-52; Погребова 1981: 42-58), в поселениях Дигоми и Ховле в Грузии (Мусхелишвили 1978: 101).

В Абхазии скифские элементы найдены в погребениях Куланурхского некрополя, в могильнике Гуад-иху, в пос. Колхида, в Красномаяцком могильнике (Трапш 1970: 65-70). Наибольшее число скифских элементов отмечается в памятниках Северного Кавказа (Крупнов 1960: 64; Виноградов 1972: 77-79). Таким образом, присутствие скифов фиксируется почти всюду от Северной Месопотамии до Северного Кавказа, т.е. на всей территории *страны Таргамосидов* Леонти Мровели, и именно здесь, так или иначе, происходят практически все события, связанные со скифами.

На рубеже VII–VI вв. до н.э. скифы принимают участие в войне между крупнейшими державами за гегемонию в Передней Азии, приобретшей невиданные ранее масштабы, на стороне Мидии и Вавилонии (против Урарту, Ассирии и Египта). После захвата столицы Ассирии Ашшура, а также Ниневии и

последующего полного разгрома Ассирии вавилонские и мидийские войска и помогавшие им скифские отряды вторгаются на территорию Урарту, в результате чего около 595/594 г. до н.э. Урартская держава прекращает свое существование.

Разумеется, с падением урартской столицы война не могла остановиться сразу же. Мидийцы, вавилоняне и помогавшие им скифские отряды еще долго воевали против Урарту, встречая ожесточенное сопротивление. Нет сомнения в том, что в эту, по сути, мировую войну были вовлечены не только племена Южного Кавказа, входившие в состав Урарту, но и практически все население Кавказа. Как уже отмечено, нашествие скифов охватило почти весь Кавказ, и следы присутствия скифов обнаруживаются почти на всей его территории. По всей видимости, на протяжении всего VII века до н.э., с момента своего появления в Кавказском регионе, скифы господствовали в степях между Доном, Меотидой и Кавказом, доминировали на Северном Кавказе и контролировали основные Кавказские проходы (Мачинский 1971: 33; Петренко 1983: 43; Ильинская 1983: 71). Все это подтверждается многочисленными находками на всей территории Северного Кавказа предметов скифского и скифоидного типа, а также зафиксированными фактами прекращения функционирования множества кобанских поселений в равнинной части Центрального Кавказа.

Хотя характер взаимоотношений кавказских народов со скифскими племенами пока еще не ясен до конца (Хазанов 1975: 226), несомненно то, что грабительские набеги скифов вызывали естественное сопротивление населения Кавказа, поднимали его на вооруженную борьбу против них. Судя по археологическим данным, позиции скифов в центральных областях Кавказа были наиболее сильны и прочны, особенно в районах, подступавших к центральнокавказским перевалам, и вполне вероятно, что именно в этих районах происходили основные военные столкновения между кавказцами и скифами. И действительно, археологический материал красноречиво свидетельствует о том, что наиболее ожесточенные сражения кавказцев со скифами проходили именно на территории Центрального Кавказа, где подверглись осквернению и уничтожению скифские памятники (Нартановские курганы), были низвергнуты и использованы

как строительный материал скифские антропоморфные стелы (Галайти и др.) и т.д. (Виноградов 1972: 37-38).

Война народов Кавказа, направленная на изгнание пришлых племен и принявшая, по всей видимости, подлинно общекавказский размах, нашла отражение не только в археологических памятниках, но и в фольклоре кавказских народов. Как уже неоднократно отмечалось в научной литературе, мотив совместной борьбы кавказцев против кочевников отчетливо выявляется в архаических пластах эпических сказаний абхазских, адыгских и вайнахских народов. В этих сказаниях превалирует сюжет о победоносной борьбе кавказских эпических героев над чужеземными *рыжими людьми* (Чурсин 1956: 241-244; Цулая 1966: 87; Мальсагов 1970: 32) – например, древние абхазы, адыги и малхузы (нахи) ведут успешные совместные войны против пришлых рыжеволосых людей (Гумба 2016: 74-75). Очень ярки в этом отношении абхазские предания об эпическом герое Абраскиле (абхазский Прометей), который «не любил рыжих людей с серыми глазами и при встрече убивал их». По мнению Г.Ф. Чурсина, в этих текстах, несомненно, отразились отголоски явлений исторического прошлого (Чурсин 1956: 243; см. также: Джапуа 2003: 58).

Таким образом, достаточно уверенно можно говорить, что на рубеже VII–VI вв. до н.э. в войну между крупнейшими державами за гегемонию в Передней Азии было вовлечено и население Кавказа. Театр военных действий охватывал территорию не только Урарту и Ассирии, но и Кавказа в целом, в том числе и Северного, т.е. всю страну Таргамосиан Леонти Мровели, располагавшуюся на землях от Северной Месопотамии до Северного Кавказа.

В ходе войны между мировыми державами существенно изменилась этническая и политическая карта Передней Азии, результатом военных действий явилось также и изгнание скифов. Еще до падения Урарту, где-то в конце VII в. до н.э. мидийский царь Киаксар (625 – 585) перебил скифских вождей и нанес кочевникам серьезное поражение, после чего основная часть скифов отступила в Северное Причерноморье, однако из-за внутренних несогласий некоторые остались и подчинились мидийскому царю. После победы вавилоно-мидийской

коалиции над Ассирией и Урарту Мидия вновь нанесла скифам удар, полностью вытеснив оставшиеся племена. Согласно имеющимся на сегодня данным, скифы ушли в северокавказские степи и далее в Северное Причерноморье. Какие-то их группы, возможно, остались в тех или иных районах Кавказа и впоследствии были ассимилированы в местной этнической среде (Дьяконов 2008: 317-318; Погребова, Раевский 1992: 98). Как бы то ни было, но начиная с рубежа VII–VI вв. до н.э. скифы сходят с политической арены Передней Азии и вытесняются в северокавказские степи.

Уничтожение скифских памятников на Северном Кавказе указывает на то, что и здесь основные силы скифов были разгромлены и отброшены в степи Северного Причерноморья. Выдавленные в первой половине VI в. до н.э. из предкавказских степей на запад от Дона и Меотийского (Азовского) озера, скифы вынуждены были, в свою очередь, искать земли и добычи у тамошних племен. Как раз в этот период на Северном Причерноморье засвидетельствованы явления дестабилизации, факты нападения на греческие и лесостепные города и прекращения деятельности некоторых из них, продвижение племен, например, невров и т.д. (Ковалевская 2005: 26, 57). Согласно Геродоту, к концу VI в. до н.э. обширные пространства Северного Причерноморья уже были прочно освоены скифскими племенами, объединенными под властью царских скифов; достаточно отчетливо были оформлены к тому времени и границы северопричерноморской Скифии, причем восточная граница проходила по реке Дон (Геродот, IV, 17, 21). Сведения Геродота подтверждаются и археологическими данными: начиная с VI в. до н.э. на территории степного Северного Причерноморья заметно увеличивается число скифских погребальных памятников (Мурзин 1990: 53).

В тот же период – в первой половине VI в. до н.э. – в равнинной части Центрального Кавказа наблюдается резкое увеличение количества кобанских поселений. Растет приток населения, и жизнь не только возобновляется в старых, разрушенных ранее населенных пунктах, но и появляются множество новых, хорошо укрепленных (Виноградов 1972: 84-86; Ильинская, Тереножкин 1983: 86; Ковалевская 2005: 70-73; Махортых 1991: 105), т.е. среди автохтонного нахского

населения происходит своего рода *демографический взрыв* – нахские племена заселяют обширные пространства Центрального Кавказа. При этом, как отмечают археологи, там, где возрождается жизнь в разрушенных ранее скифами поселениях (Сержень-юрт, Уллубаганалы 2 и др.), «не ощущается разрыва традиций в бытовой культуре» (Козенкова 1990: 48).

В конце VII – начале VI века до н.э. начинается также интенсивное освоение плодородных земель, в том числе и правобережья Кубани, меотскими (древнеадыгскими) племенами (Лимберис, Марченко 2012: 166). Здесь важно обратить внимание на то, что процесс восстановления старых и строительства новых поселений на территории правобережья Кубани и центральнокавказских равнин происходил синхронно и продолжался активно на протяжении всего периода VI–V вв. до н.э. (Виноградов 1972: 86; Лимберис, Марченко 2012: 166).

Особенно интересен тот факт, что, по археологическим свидетельствам, начиная с рубежа VII–VI вв. до н.э. на северных окраинах ареала кобанской культуры строятся укрепления. Топография этих укреплений не оставляет никаких сомнений в том, что они были созданы для защиты от возможных вторжений с севера, со стороны степных племен. Укрепления поселений Центрального Кавказа того периода, исследователи условно разделили на четыре группы: городища с каменными стенами, городища с каменно-земляными валами и системой рвов, памятники с эскарпированием и террасированием склонов, башнеобразные сооружения. Также выделяются комбинированные памятники, имеющие валообразные укрепления с надстройкой по верху каменных стен (Бредихинское и Томузловское городища). Кроме валов и стен, в фортификационные системы городищ дополнительно включался ров (или система из двух рвов) (Прокопенко 2006: 34). Весьма примечательно, что большинство таких укрепленных городищ, больших и малых, расположены по периметру области вероятного соприкосновения кобанских племен с кочевыми племенами и окружают территорию Центрального Кавказа с севера и северо-запада, составляя таким образом единую оборонительную систему. В этом отношении особо выделяются располагавшиеся в пределах видимости сигналов оповещения

укрепленные городища и башни, выстроенные по берегу Терека (Крупнов 1960: 122; Виноградов 1972: 122) укрепления-городища Железноводское (Березин 1983: 109; Березин, Виноградов 1988: 28-42) городище в Малой Кабарде (Рябова 1983: 127), Грушевское городище на окраине Ставрополя и др. (Кореняко, Найденко 1977: 168; Анфимов 1949: 242).

Цепь оборонительных сооружений, состоявшая из укрепленных поселений, начинается от верховьев Большого Зеленчука и Малого Зеленчука, Ставропольской возвышенности на северо-западе и далее идет на юго-восток по линии – Пятигорск – Моздок – долина Терека до впадения в него реки Сунжи. Большинство укреплений и башен находились друг от друга на расстоянии видимости сигналов системы оповещения, а скорость, с которой эти сигналы шли от одного укрепления до другого, была очень высока.[55] В совокупности все эти укрепления составляли комплекс оборонительных сооружений, который полностью охватывал все подступы к Центральному Кавказу с севера, что позволяет предполагать, что данные укрепления были построены почти одновременно.

Таким образом, археологический материал документирует, что кобанские поселения Центрального Кавказа, разграбленные и уничтоженные скифами в первой половине VII в. до н.э., к концу VII – началу VI в. до н.э. были восстановлены и вновь начали обживаться, также в сравнительно большом количестве строились новые поселения (Козенкова 2001: 78). Примерно к тому же времени в целях защиты оседло-земледельческого населения Центрального Кавказа от возможных вторжений кочевых племен начинают строиться укрепленные городища и поселения, представляющие собой уже целую систему оборонительных сооружений. Все это является несомненным свидетельством

[55] Археологами был проведен эксперимент по оповещению о приближении врага с помощью костров на сторожевых башнях кобанских поселений. Как только на одной вершине появлялся дым, участники эксперимента, находившиеся на другой вершине, быстро разжигали свой костер и подавали дымовой сигнал. Результаты исследования показали, что для передачи сигнала на расстояние более 50 км понадобилось всего 8 минут.

освобождения Предкавказской равнины от господства скифских племен и восстановления здесь полного контроля со стороны нахов.

Как видно, сведения Леонти Мровели о первом нашествии *хазар* на страну таргамосиан достаточно хорошо увязывается с теми данными, которыми располагает сегодня наука о вторжении скифов в VII в. до н.э. на Кавказ и Переднюю Азию; их участии в политической жизни древних государств, завершившем на рубеже VII-VI вв. до н.э. разгромом и изгнанием скифов. Все это дает основание считать, что мифологизированная память о великих событиях VII – начала VI вв. до н.э. (нашествие скифов, война между мировыми державами с участием скифов и одновременным изгнанием последних из Передней Азии, сопровождавшаяся общекавказской борьбой против скифов и последующим их вытеснением из северокавказских равнин, строительством укрепленных городищ на подступах к центральным районам Северного Кавказа и т.д.) вполне могла стать основой сообщения Леонти Мровели о первом нашествии хазар, победоносной войне таргамосиан против них и строительства городов-крепостей на подступах к *Хазарии* .

Следует иметь в виду, что борьба против господства скифских племен на Кавказе проходила на фоне войны между крупнейшими державами того времени за гегемонию в Передней Азии. В конце VII – начале VI вв. до н.э. скифы на стороне Мидии и Вавилона (Халдии) принимают участие в войне против Урарту, а территория Урарту, согласно Леонти Мровели – эта вотчина старшего сына Таргамоса Гаоса (hAoca). После падения Урарту мидийцы громят помогавших им скифские части, вытесняют их из Передней Азии. В этот период война против скифов с новой силой продолжилась на Кавказе, обретя, видимо, общекавказский характер и приняв поистине грандиозные масштабы. Основные, решающие сражения происходили, вероятно, на Центральном Кавказе и завершились изгнанием скифов, после чего было начато строительство оборонительных сооружений.

Тем не менее здесь может возникнуть возражение в связи с тем, что первое нашествие скифов захватило и Переднюю Азию, тогда как у Леонти Мровели

речь идет лишь о Северном Кавказе, куда на помощь кавкасианам и леканам пришли из южнокавказских земель таргамосианы. Действительно, по Леонти Мровели, таргамосианы ведут боевые действия против хазар (скифов) на Северном Кавказе, куда на зов Кавкасоса и Лекоса приходят все братья таргамосианы, что представлено как безвозмездная братская помощь. Но, естественно, такое объяснение не убедительно, тем более что речь идет о военной помощи со стороны народов, проживавших на территории от Северной Месопотамии до Кавказа, и поэтому возникает вопрос о характере взаимоотношений между таргамосианами. Можно было бы гипотетически предположить, что речь идет о периоде могущества Урартского царства и его наибольшего влияния на народы Кавказа, когда правители Урарту могли позволить себе послать войско для защиты центральнокавказских перевалов от варварских полчищ. Однако нет каких-либо данных, которые могли бы подтвердить такое развитие событий. Кроме того, эти события имели место в то время, когда Урартская держава находилась уже не на пике своего могущества и вела изнурительные оборонительные войны.

Для того чтобы постигнуть сведение Леонти Мровели о вторжении *хазар*, следует учесть некоторые важные моменты. Во-первых, вторжение *хазар* (скифов) древнегрузинский историк соотносит с начальным периодом истории таргамосиан, когда те были едины и «жили в любви и дружбе», а территорию расселения братьев таргамосиан, простиравшуюся от Месопотамии до Северного Кавказа, представляет как одну страну (страну Таргамосидов) во главе с единым правителем – старшим сыном Таргамоса Гаосом (hAосом), которому подчинялись все братья («над семью этими братьями своими был повелителем и владыкой Гаос») (Мровели Леонти: 25). Уделы Кавкаса и Лекана на Кавказе выступают составной частью страны таргамосиан и не отделены от Южного Кавказа и вообще от Передней Азии, а судьбы кавкасиан и лекан – от судеб остальных шести народов Таргамосидов. Все основные события VII в. до н.э., связанные с *хазарами* (скифами), происходят именно на территории страны таргамосиан и,

соответственно, вторжение скифов VII в. до н.э. для Леонти Мровели – это вторжение в страну Таргамосидов.

Во-вторых, как отмечено выше, война между мировыми державами того времени, в которой принимали участие и скифы, проходила в основном на территории Урарту, вотчины старшего сына Таргамоса Гаоса (hАика), и близлежащих областей. В течение войны, и особенно после падения Урартской державы, происходило массовое передвижение населения из урартских и южнокавказских областей на север, к центральным районам Кавказа. Переселенцы, не могли не вливаться в общекавказскую освободительную войну против пришлых скифских племен. Для племен, перемещавшихся в центральные районы Кавказа из Урарту и других областей Южного Кавказа, борьба против господства скифов на Северном Кавказе являлась, по сути, продолжением той войны, которую они вели на территории Урартского царства, поскольку скифские отряды участвовали в войне против Урарту на стороне мидийцев и вавилонян. Участие племен, в конце VII – начале VI вв. до н.э. переселившихся в эти места из урартских и южнокавказских областей, в войне против скифов, господствовавших в равнинных районах Северного Кавказа, вполне могло стать основой повествования Леонти Мровели о приходе братьев таргамосиан на помощь кавкасианам и леканам.

Вышеизложенное подтверждается и тем, что, по сведению Леонти Мровели, прибывшие на помощь Кавкасу и Лекану братья таргамосианы не имеют предводителя, что трудно представить в случае организации столь крупномасштабной военной помощи и вступления на Северный Кавказ объединенных сил шести народов дома Таргамосидов. Если раннее грузинский хронист подчеркивает главенствующую роль старшего сына Таргамоса Гаоса (hАоса) как признанного царя всех таргамосиан, то в сообщении о периоде борьбы против *хазар* (скифов) он не называет ни его, ни кого-либо еще из братьев таргамосиан, предводителем войск, пришедших на помощь Кавкасу и Лекосу, а лишь указывает на то, что хазары были разгромлены совместными силами таргамосиан. Однако сообщение Леонти Мровели о том, что в период войны с

хазарами (скифами) владыкой над сыновьями Кавказа был Дурдзук, сын Тирета, можно рассматривать как косвенное подтверждение главенствующей роли среди таргамосиан именно Дурдзука, который и возглавлял объединенные силы братьев таргамосиан в войне против *хазар* (скифов).

Первенство Дурдзука в борьбе с хазарами особо подчеркивается в древнеармянском переводе «Картлис цховреба», где пришедшие на помощь по зову Кавкаса и Лекаса шестеро братьев дома Торгома «перевалили горы Кавказа и полонили земли Хазраца руками сына Тиритиса – Дуцука, который и призвал их на помощь» (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник: 14-15; Мровели Леонти: 52). Древнеармянский текст «Картлис цховреба» представляет собой сокращенный и зачастую не дословный, а смысловой перевод грузинского оригинала. Поэтому, несмотря на то, что армянский перевод полностью привязан к грузинскому тексту, между армянским и грузинским вариантами иногда появляются отдельные разночтения, которые хоть и не искажают заложенный в оригинале смысл, но вызывают у исследователей определенное недопонимание[56].

В то же время следует учитывать, что из дошедших до нас списков «Картлис цховреба» наиболее древним является именно армянский перевод, а вовсе не рукописи грузинского оригинала. Последние подверглись неоднократному

[56] Из того факта, что в армянском переводе текста Леонти Мровели успех войны с *хазарами* (скифами) связывается непосредственно с Дуцуком (Дурдзуком), по мнению А.А. Туаллагова, следует, что в армянском тексте отражена армянская традиция, которая «исходит из признания тех событий сугубо северокавказским делом» (Туаллагов 2004: 25). Однако, не совсем понятно, о какой армянской традиции передачи «тех событий» говорит исследователь: во-первых, ни в одном древнеармянском источнике нет каких-либо упоминаний о событиях на Кавказе во времена нашествия скифов, а также, позднее, сарматов, в том числе и о войне кавказцев (таргамосиан) со скифами, и потому, соответственно, не существует никакой армянской традиции по их освещению: во-вторых, армянский текст «Картлис цховреба» – это всего лишь перевод грузинского текста, который полностью привязан к грузинскому оригиналу и не отражает армянские традиции. Армянские исторические традиции в полной мере отображены в весьма богатой древнеармянской исторической литературе и, как уже отмечено, в ней не сложилось никаких особых традиций по освещению истории народов Северного Кавказа указанного периода. Но главное не в этом, а в том, что из армянского текста совершенно не вытекает, что речь идет сугубо о северокавказских делах Ковкаса и Лекана. Как в оригинале, так и в армянском переводе все шесть братьев таргамосиан по первому же зову, «перевалив горы Кавказа», прибыли на помощь кавкасианам и леканам, чтобы совместно с ними громить хазар (скифов) (см.: Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник: 15).

редактированию, и те или иные разночтения в грузинском оригинале «Картлис цховреба» и армянском варианте, возможно, вызваны тем, что в результате редактирования оригинальный грузинский текст изменился и только в армянском переводе сохранилась первоначальная его версия. Так, если в грузинском тексте отразились лишь слабые отголоски первенствующей роли Дурдзука, то в армянском варианте главенство Дурдзука подчеркивается более явственно. К примеру, в армянском переводе братьев таргамосиан на помощь призывает лишь Дурдзук, и сообщается, что «полонили Хазарети руками Дуцука». Данная фраза, конечно, не означает, что против хазар (скифов) воевали только кавкасианы во главе с Дурдзуком, а остальные братья таргамосианы, прибывшие на помощь с Южного Кавказа, были лишь сторонними наблюдателями и не принимали участия в битвах. Как в грузинском, так и в армянском тексте ясно подчеркивается, что все братья таргамосианы прибыли на зов помощи «перевалив горы Кавказа» и что все они совместными силами разгромили хазар (скифов). Выделение же роли Дурдзука следует рассматривать как свидетельство главенствующей роли нахов и на то, что именно они возглавляли объединенные силы таргамосиан в войне против *хазар* (скифов).

Если на Южном Кавказе присутствие скифов было, судя по всему, эпизодическим и не слишком значительным, то на Северном Кавказе скифы, скорее всего, были представлены довольно широко в силу близости зоны степи и постоянной с ней связи. Благодаря этому позиции скифских племен на Северном Кавказе были более прочными, потому-то скифы, по-видимому, и оказали в этих местах сильное сопротивление. Видимо, поэтому именно здесь проходили основные и наиболее ожесточенные бои между кавказцами и скифскими племенами, о которых свидетельствуют следы разрушения на археологических памятниках (крушение и уничтожение скифских стел и т.д.). В силу этого основная тяжесть борьбы со скифами легла на плечи нахских племен, и Леонти Мровели отразил это, выделив в победе *таргамосиан* (кавказцев) над *хазарами* (скифами) особую роль нахов в лице потомка Кавкаса Дурдзука. Этим, наверное,

отчасти объясняется то, что в сообщении Леонти Мровели борьба *таргамосиан* с *хазарами* сконцентрирована на Северном Кавказе.

Таким образом, есть все основания полагать, что в сообщении Леонти Мровели о первом вторжении хазар предельно сжато, как это характерно для грузинского автора, передана информация о событиях, имевших место в VII – начале VI вв. до н.э.: нашествие скифов на Кавказ и Переднюю Азию и борьба против них народов, населявших территорию от Месопотамии до Северного Кавказа, т.е. страны Таргамосидов.

Сведения Леонти Мровели о втором нашествии хазар, во время которого они избрали себе царя, следует относить к вторжениям кочевых племен на Кавказ и в страны Передней Азии, происходивших уже в последующие периоды. И если в первом случае, сопоставляемом с вторжением скифов в VII до н.э., речь идет о единственном нападении, что подтверждается данными других источников,[57] то на втором этапе начинаются массированные набеги хазар на Южный Кавказ с многократным переходом Дербентского и Дарьяльского перевалов («хазары освоили оба пути») (Мровели Леонти: 25).

Следует обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. В сообщении о втором вторжении хазар, уже во главе с царем, Леонти Мровели не упоминает о столкновениях захватчиков с кавкасианами и леканами, да и вообще с таргамосианами, а говорит лишь о том, что хазары прошли через Дербентские ворота, а затем и Дарьяльские ворота и «полонили страну Таргамосианов». Однако перед этим грузинский историк сообщает о строительстве таргамосианами на Северном Кавказе оборонительных сооружений – городов-крепостей, предназначенных для защиты от набегов хазар, что подтверждается данными археологии. Уже сам факт, что строительство укреплений на Северном Кавказе удостоилось внимания летописца, говорит о грандиозности и масштабности этого мероприятия, а также о их значимости для сдерживания

[57] Ни у Геродота, ни у Диодора нет упоминания о многократных вторжениях скифов в Переднюю Азию, а упоминают лишь единственное нашествие. Ассиро-вавилонские и урартские источники также сообщают только об одном вторжении скифов.

вторжений кочевых племен. Но при описании второго нашествия *хазар* Леонти Мровели почему-то ничего не говорит ни о разрушении этих укреплений, ни о военных столкновениях хазар с таргамосианами – кавкасианами и леканами. Надо полагать, что такое могло произойти либо в случае, если между хазарами (кочевниками) и таргамосианами (кавказцами) были установлены союзнические отношения, либо укрепленные городища (города-крепости по Леонти Мровели) к описываемому моменту уже не функционировали. Сообщение Леонти Мровели исключает наличие союзнических отношений между хазарами и таргамосианами в тот период, поскольку во время второго нашествия хазары в силу своего «бесчисленного множества» не только полонили страну таргамосиан и наложили на ее население дань, но и заняли часть земель кавкасиан и лекан. Следовательно, ко времени второго вторжения укрепленные города, скорее всего, уже не существовали, а если и существовали, то не выполняли уже оборонительных функций и, соответственно, потеряли свою значимость. Данное обстоятельство указывает на значительный хронологический разрыв между первым и вторым нашествиями на Кавказ кочевых племен (хазар).

К настоящему времени известны несколько крупных нашествии кочевников на Кавказ, к которым можно было бы соотнести второе нашествие *хазар*, уже во главе с царем: вторжение сарматов на рубеже IV–III вв. до н.э., аланов в I–II вв. н.э. и гуннов в конце IV–V вв. н.э. Как известно, нашествие сарматских племен IV–III вв. до н.э. было остановлено на подступах к Северному Кавказу, и сарматы не смогли прорваться на Южный Кавказ. Массированные, многократно повторившиеся опустошительные набеги кочевников на страны Южного Кавказа имели место в I–II вв. н.э. (аланы), в конце IV и в V вв. н.э. (гунны), с которыми, скорее всего, и следует связывать второе нашествия *хазар* Леонти Мровели. Это согласуется и с тем, что после второго вторжения хазарский царь отдал своему сыну Уобосу часть земель Кавкаса, а племеннику – часть земель Лекана, что, как справедливо отмечают исследователи, указывает на большой хронологический разрыв между вторым нашествием хазар и периодом оседания кочевых племен на северокавказских равнинах. Наверное, будет более правильным второе нашествие

хазар, возглавлявшееся царем, связать с набегами алан на страны Южного Кавказа в I–II вв. н.э., а оседание *сына* и *племянника* хазарского царя на землях кавкасианов и леканов отнести к концу IV–V вв. н.э., когда ираноязычные племена, гонимые из степей тюркояычными гуннами, были прижаты к Кавказским предгорьям. Однако эта тема выходит за рамки настоящей работы.

Глава III Падение Ахеменидской империи и новая волна миграции племен в центральные районы Южного Кавказа на рубеже IV–III вв. до н.э.

§1. Письменные и археологические источники о переселении картвелов в центральные районы Южного Кавказа на рубеже IV–III вв. до н.э.

В 30-х годах IV века до н.э. греко-македонские войска под предводительством Александра Македонского разгромили Персидскую империю, что коренным образом изменило этнополитическую ситуацию на огромных просторах бывшей державы Ахеменидов и в сопредельных странах. В результате победоносных войн Александра Македонского возникла огромная империя, намного превосходившая империю Ахеменидов: на западе ее границы простирались до берегов Адриатики, а на востоке – до Северо-Западной Индии. Однако созданное Александром Македонским военно-административное объединение по своему характеру было непрочным и вскоре после его смерти (323 г. до н.э.) распалось. В результате ожесточенной борьбы между диадохами – преемниками Александра Македонского, на развалинах империи возник ряд эллинистических государств, ознаменовав собой начало трехсотлетней эллинистической эпохи, продолжавшейся до 30 г. до н.э.

Наиболее крупной из эллинистических держав являлось царство Селевкидов, основателем которого был один из диадохов Александра Македонского – Селевк. Границы этого государства охватывали Мидию, Элам, Персию, Бактрию, Парфию, всю Месопотамию, Северную Сирию. В прилегающей к Центральному Закавказью северо-восточной части Малой Азии сложилось Понтийское царство, которое основал Митридат I Ктист (302 – 266), сатрап последнего царя Ахеменидской Персии Дария III. В состав Понтийского царство вошли племена, жившие в Юго-Восточном Причерноморье и в бассейне реки Чорохи (Меликишвили 1959: 275-276; Сапрыкин 1996: 67).

К востоку от бассейна Чорохи и к югу от Триалетского хребта, до впадения реки Куры в Каспийское море располагалась Мидийская Атропатена, сумевшая сохранить на некоторое время свою независимость (Новосельцев 1976: 104).

Не совсем ясна ситуация, сложившаяся в центральных районах Южного Кавказа. Согласно древнегрузинской исторической традиции, Александр Македонский побывал в Картли и после длительной и изнурительной войны с хонами завоевал эту страну. Именно с легендарным походом Александра Македонского связывается и первое появление в Картли грузин (картвелов).

Согласно «Мокцевай Картлисай», «спустя несколько времени прибыл Александр, царь всего мира, разрушил эти три города и крепости и поразил хонов оружием. Только с городом Саркине он воевал одиннадцать месяцев. …Потом Александр взял Саркине: сами (хоны, бунтурки) оставили его и удалились. И держал при себе царь Александр сына царя Ариан-Картли Азо, и дал ему в резиденцию Мцхета, назначив границами Эрети, Эгрисцкали, Армению и Црольскую гору, и ушел. А этот Азо отправился в Ариан-Картли, к отцу своему, и привел [оттуда] восемь домов и десять домов сородичей, и поселился в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим»(Обращение Грузии 1989: 5-6)[58]. В «Житие святой Нино» прямо указано: «мы, картвелы, являемся потомками этих, вышедших из Арриан-Картли (переселенцев)» (Картлис цховреба: 56).

В «Картлис цховреба» также сообщается, что Александр Македонский на протяжении одиннадцати месяцев вел кровопролитную войну с «жестокими воителями» Картли, засевшими в тринадцати крепостях-городах. Александр Македонский сокрушил все пребывавшие в Картли «смешанные племена, перебил и полонил иноплеменников», поставил наместником (эриставом) Азона со стотысячным войском, занявшее Картли (Картлис цховреба: 55).

Рассказы древнегрузинских источников о приходе в Картли Александра Македонского носят мифический характер, поскольку достоверно известно, что Александр никогда не был на Южном Кавказе. Но, с другой стороны, нельзя считать их совершенно не заслуживающими доверия или пытаться объяснить их появление тем, что якобы все это было выдумано грузинской знатью, которая таким образом пыталась связать свое происхождение со знатными чужестранцами

[58] В новой редакции источника («Житие св. Нино») сообщается, что Азо привел из Ариан-Картли тысячу домов простолюдин и десять домов княжеских.

и показать тем самым, что правители Грузии и все ее население были переселены на нынешнюю территорию в эпоху Александра Македонского, как это иногда встречается в литературе (Шамиладзе URL: http://www.neizvestniy-geniy.ru/cat/literature/istor/238678.html).

Прежде всего, из сообщений древнегрузинских источников вовсе не следует, что переселены были все жители Картли – напротив, согласно древнегрузинской исторической традиции переселенцами являются лишь только картвелы (грузины), а до их прихода в Картли проживали иноплеменники – хоны, бунтурки.

Сведения письменных источников о притоке нового населения в Картли и имевших место здесь ожесточенных битвах находят прямое подтверждение в материалах археологических раскопок, которые отчетливо свидетельствуют о том, что крепости-города, упомянутые в древнегрузинских источниках, реально существовали и действительно подверглись разорительным нападениямв конце IV – начале III вв. до н.э. В поселениях выявлены следы насильственных разрушений и пожарищ, которые однозначно свидетельствуют о проходивших в этих местах длительных и кровопролитных сражениях (Гагошидзе 1983: 45; Лордкипанидзе 1989: 13).

Более того, во время раскопок городищ Настакиси, Уплисцихе, Урбниси в слое пожарища конца IV – начала III в. до н.э. были обнаружены каменные ядра разного калибра, которые были выпущены из метательных орудий терсонного типа (катапульты и баллисты-палинтоны) (Мусхелишвили 1978: 25). Учитывая то, что столь технически совершенными для того времени метательными боевыми машинами (*античная артиллерия*) располагала исключительно македонская полевая армия, обслуживаемая специально обученными инженерными частями, исследователи справедливо связывают данный факт с военными действиями в этих местах диадохов, которые после смерти Александра Македонского делили между собой власть (Гагошидзе 1983: 45; Лордкипанидзе 2012: 87).

Установленным и непреложным фактом, задокументированным археологическим материалом, является также то, что именно с конца IV – начала

III в. до н.э. нарушается единая для всей центральной части Южного Кавказа материальная и духовная культура, существовавшая с середины II тыс. до н.э. С рубежа IV–III вв. до н.э. в культуре Картли происходит резкий перелом, ознаменовавшийся появлением в структуре материальной и духовной культуры целого ряда совершенно новых составляющих, свидетельствующих о притоке нового этнического элемента.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что на первом этапе, в конце VII – начале VI вв. до н.э., переселение племен в центральные районы Кавказа не привело к смене культуры, хотя и способствовало проявлению новых черт материальной культуры, которые органично влились в существовавшие традиции, в частности, на территории Картли (как отмечают археологи, непрерывность и однородность культуры прослеживается начиная с XV в. до н.э. вплоть до рубежа IV в. до н.э.). Но именно вторая волна переселения в центральные области Южного Кавказа, относимая к концу IV – началу III вв. до н.э., приводит к резкому изменению культуры, указывающему на появление здесь абсолютно новой этнической группы (См.: Мусхелишвили 1975: 15-16; Мусхелишвили 1978: 215; Пицхелаури 1977: 226; Толордава 1985: 58; Гагошидзе 1963: 78-80; Гагошидзе 1983: 45; Лордкипанидзе 1985: 123).

С конца IV века до н.э. носители новой материальной и духовной культуры внедряются не только в долину среднего течения Куры, но проникают и в восточные окраины Колхиды (Вани, Аргвети) (Лордкипанидзе 1985: 480; Гамкрелидзе 1985: 86 – 97). По археологическим данным отмечаются разрушения поселений Вани, Саирхе, Модинахе, Мтисдзири и др. Если ранее для Колхиды было характерно абсолютное единство материальной культуры, то в конце IV – начале III вв. до н.э. на ее восточных окраинах появляется совершенно новая культура, которая свидетельствует об этнических сдвигах и знаменует проникновение в эти места нового этнического элемента (Лордкипанидзе 1985: 480; Толордава 1985: 512-513).

Распространение в центральных районах Южного Кавказа в конце IV – начале III вв. до н.э. новой материальной и духовной культуры, резко

отличающейся от культуры, бытовавшей здесь ранее на протяжении более чем тысячелетия, по единодушному мнению исследователей, является отражением прохождения здесь новой этнической волны из глубин Малой Азии (Меликишвили 1959: 185; Мусхелишвили 1977: 215; Толордава 1985: 513).

В пользу этого свидетельствует также изменение антропологического типа. В Самтаврском могильнике (Мцхета) останки людей, погребенных до середины I тыс. до н.э., антропологически резко отличаются от захороненных в более позднюю эпоху: антропологический тип первого, более раннего, этапа (эпохи бронзы и раннего железа) соответствует кавкасионскому типу, а второго, более позднего (начиная со второй половины I тыс. до н.э.), находит аналогии в более южных областях и соответствует переднеазиатскому (арменоидному) типу (Абдушелишвили 1954: 108).

Весьма симптоматично в связи с этим то, что если до рубежа IV – III вв. до н.э. археологический материал Самтаврского могильника обнаруживает близость к кобанским материалам, то в материале последующей эпохи эта близость ослабевает (Куфтин 1949: 50). В тех районах Картли и восточных окраин Колхиды, где с конца IV – начала III в. до н.э. появляется новая материальная культура, хотя и фиксируются на тех же местах остатки поселений предыдущего периода, но культурная преемственность или непосредственная хронологическая последовательность, как правило, не прослеживается (Лордкипанидзе 1989: 312). Таким образом,археологический и антропологический материалы довольно четко свидетельствуют о появлении в конце IV – начале III вв. до н.э. в центральных областях Южного Кавказа нового этнического элемента, а в некоторых его частях и о возможной частичной смене населения.

Свидетельства археологии и антропологии согласуются с приведенными выше сообщениями древнегрузинских источников о продолжительной и ожесточенной войне, в ходе которой войска *Александра Македонского* разрушили крепости-города, расположенные по среднему течению Куры. Часть жителей (хоны, бун-турки) захваченных городов вынуждена была отойти в горную зону

страны. После этого Азон (Азо), назначенный *Александром Македонским* наместником Картли, переселил сюда своих сородичей – картвелов (грузин).

Правдивость сведений о переселении грузин на Кавказ, причем насильственном (в одних источниках Навуходоносором, в других – Спандиатом или Александром Македонским), подтверждается и существованием еще с античных времен связанной с этим устойчивой письменной традиции. О переселении грузинских племен на Кавказ сообщают, помимо древнегрузинских, греко-латинские, персидские, арабские, армянские и др. письменные источники. Эти сведения давно уже вошли в научный оборот и хорошо известны, а потому нет необходимости приводить их.

Однако среди этих сведений привлекает внимание важное сообщение Дионисия Александрийского, которое почему-то выпало из поля зрения исследователей и до сих пор не получило должной научной оценки. Дело в том, что в отличие от других античных авторов, сообщающих лишь о переселении иберов на Кавказ, Дионисий называет имя автохтонного народа, который проживал в Картли (Иберии) к моменту прихода туда древнегрузинских племен и с которым последние вступили в войну.

Дионисий Александрийский, по прозвищу Периегет, писал свои труды во II в. н.э., однако установлено, что в сочинении «Описание населенной земли» он наряду с современной ему историко-географической литературой римского времени широко использовал ионийские (Скилак, Скимн и др.) и древневосточные источники, в результате чего в указанной работе представлена и географическая номенклатура, отражающая ситуацию середины и второй половины I тыс. до н.э. Многие события этого периода, сохраненные Дионисием, находят подтверждение в раннеантичных источниках и согласуются с ними (См.: Ростовцев 1925: 74-76).

В своем сочинении Дионисий Александрийский пишет, что на перешейке между Каспийским и Черным морями «живет восточный народ иберы, которые некогда пришли с Пиренеев на восток и *вступили в ожесточенную войну с гирканами*». «Здесь Фасис, катясь по поверхности Киркейской равнины, извергает

в волны Эвксина свои быстрые пенистые воды, получив свое начало у Арменийской горы. К северо-востоку от него лежит перешеек между Каспийским и Эвксинским морями. На нем живет восточный народ иберы, которые некогда пришли с Пиренеев на восток и вступили в ожесточенную войну с гирканами» (Дионисий: 652-710). Евстафий в комментариях к «Землеописанию Дионисия»: «К северо-востоку от Армянской горы находится перешеек, что между Каспийским и Эвксинским морями; на нем живут восточные иберы, естественные враги гирканов, переселившиеся от западных иберов, живущих у Пирены, которая, как мы знаем, называется также Пиренейской горой» (Евстафий к Дионисию: 694, 695, 199).

Гирканией древние авторы называли юго-восточное побережье Каспийского моря (соврем. Горган-Астрабад), а также горные перевалы в этих местах – Гирканские ворота. Вместе с тем, название *Гиркания* античные авторы часто употребляли также для обозначении Дарьяльских ворот (Гирканские ворота) и прилегавших к ним с юга территорий – Картли и Кахети. Этимология названия *Гиркан* восходит к древнеперсидскому **vrkana* (*горг – волк*). Как известно, на ранних этапах истории человечества волк занимал важное место в культурной традиции многих народов. Волк был популярен в мифологии как символ свободы, неукротимости и самостоятельности, войны и бесстрашия, чистоты и благородства, справедливости и честолюбия. Почти во всех частях земли засвидетельствованы названия целых народов, стран, поселений и т.д., восходящие к имени волка, являвшегося тотемом отдельного племени или группы племен.

В связи с этим исследователями (Ю.И. Абуладзе, Г.В. Церетели) было высказано предположение, что у древнегрузинских племен волктакже был тотемом, поэтому древние персы и называли Иберию-Грузию *Гурканией* (*страной волков*), а иберов-грузин *гирканами – волками* (*горг*), и именно отсюда происходит древнегреческое *Гиркания//Гуркания* (Абуладзе 1934: 293-300). Однако для обоснования своей гипотезы ее авторы, к сожалению, не приводят ни одного существенного аргумента. Поэтому, а также по ряду других причин, данная

трактовка происхождения термина *Гиркан*, использовавшегося для обозначения Иберии-Грузии и грузин, а также самого термина *Грузия* (*Джорджия*) от термина *Гуркан,* была принята довольно скептически и, хотя иногда озвучивается в научно-популярной литературе, не получила признания в академической научной среде.

Происхождение терминов *Грузия* и *Иберия* связывается с армянской языковой средой, а именно с армянским названием Грузии и грузин – *Вирк* (*Верк*), *вераци* (*враци*), т.е. на армянском языке – *Верхняя страна*, *северяне*, на что указывали еще М. Броссе и Г. Деетерс (Brosset 1858: IV-VI; Deeters 1965: 85). От армянского *Вирк* происходит и иранское (северо-пехлевийское) *Вркан* (Вирк + ан = Вркан), *Варджан*, сирийское *Гурз(ан)*, арабское *Гурдж(ан)*, *Курдж(ан)*, русское *Грузия*, европейское *Джорджия* и т.д. От армянской формы Իվեր *Ивер* (*Iver*) – *наверху*, и *вераци – верхние*, образуется, в свою очередь, также и греко-латинское *Иверия* (*Иберия*)[59]. С историко-географической и историко-лингвистической точки зрения версия М. Броссе и Г. Деетерса является наиболее убедительной и приемлемой, с чем согласны большинство исследователей, а потому вопрос этот можно считать в основном решенным.

Кроме того, нет никаких данных, которые достоверно свидетельствовали бы о том, что волк являлся тотемом древнегрузинских племен, и могли бы послужить основанием для того, чтобы называть грузин *волками*, а их страну *страной волков.* Дело в том, что у картвелов и мегрелов культ волка практически полностью отсутствует, и нет никаких материалов, которые давали бы возможность судить об этом вопросе. Следует отметить также, что не существует общекартвельского названия волка: грузинское *мгели* (*mgel-i*) – *волк и*

[59] «Армяне своих грузинских соседей именуют *вирк*, которое является множественным числом *вир*, а страну *Врастан*, дом *вирков*… Это слово происходит от армянского слова *вер*, *И вера – наверху*, откуда произошли два других слова – *верин* и *веранаци*, что означает Иберию или иберийца». «Слово *ибер* греки восприняли от армян путем устной речи … (армяне называют грузин *virk*, локативом чего является ivers-iviras-beidenGeorgieru) Iveras по распространенной в то время итации образует форму ιβηρες (Иберия).

мегрельское *гери* (*ger-i*) имеют в основе армянское *гаил* (*gayl*); а сванское *тхер* (*txer*)– *волк*, связывается с греческим θηρ (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 496).

Можно было бы предположить, что на имя волка было наложено табу, как это часто случалось, или же с принятием христианства культ волка утратил свои функции и все связанное с ним было утеряно. Однако и такое объяснение не может считаться исчерпывающим. Пережитки культа волка в той или иной форме сохранились у всех соседних с грузинами (картвелами) и мегрелами народов. Так, например, у армян, которые, кстати, приняли христианство ранее, чем грузины, сохранились названия языческих культов и божеств, в том числе и имя древнеармянского языческого бога *Мардагайл* (*Mardagayl – человек-волк*). В грузинских летописях, которые, по Н.Ю. Марру, составлены со знанием древнегрузинских языческих верований (Марр 1901: 3), и в этнографических материалах тоже можно найти названия почти всех значимых древнегрузинских культов и божеств, но нет культа волка.

Кроме того, сами древние писатели не дают нам никаких оснований для отождествления гирканов с грузинами (иберами). Напротив, как видно из приведенного выше сообщения Дионисия Александрийского, гирканы являлись автохтонным населением центральных районов Южного Кавказа до прихода в эти места иберов (грузин), с которыми они вступили в войну.

Отчетливо различают гирканов и иберов-грузин и другие античные писатели. Так, например, Эпифаний сообщает, что «камень яспис …находят у иберов и гирканских пастухов» (Эпифаний: III, 6). Согласно Помпонию Мела, «реки Кир (Кура. – Г.Г.) и Камбис (Алазань – Г.Г.), истоки которых находятся вблизи друг от друга у подошвы Кораксийских гор, расходятся в разные стороны и текут далеко друг от друга по землям иберов и гирканов, затем, их русла сливаются в одном и том уже озере, откуда одним руслом доходят до Гирканского залива» (Помпоний Мела: III, 5, 41).

Многие исследователи полагают, что появление названия *Гиркания* в качестве обозначения Иберии (Грузии) вызвано ошибочным переносом греко-латинскими авторами персидского названия Железных ворот на юго-востоке

Каспийского моря – *Гиркания*, на Дарьяльские ворота на Кавказе[60], Однако такому выводу противоречит, прежде всего, то, что античные авторы рядом с кавказскими гирканами размещают племена и упоминают названия рек и местностей, которые надежно засвидетельствованы только на Кавказе и нигде более не встречаются.

Эти факты укрепляют уверенность в том, что в античный период под названием *Гиркания*, были известны два региона, в которых находились два важнейших перевала: один – на юго-восточном побережье Каспийского моря, второй – в центральной части Кавказа. Вероятность того, что древние авторы две разные страны называли *Гирканией* возрастает, если учесть, что часто термин *Гиркан*одним и тем же автором использовался для обозначения как страны на Кавказе, так и страны на юго-востоке Каспия.

Представляется, что скептическое отношение исследователей к тому, что в древности Центральное Закавказье могло быть известно под названием *Гиркания* (*страна волков*), вызвано преимущественно тем, что исследователи изначально неоправданно сужали круг своих изысканий относительно признаков существования культа волка у древнего населения региона рамками лишь грузинского этноса, в результате чего не находили искомого ответа, поскольку присутствие в древности у грузин развитого культа волка не обнаруживалось. Если же выйти за рамки собственно грузинского этноса и рассмотреть наличие культа волка у древнейших народов Центрального Кавказа, то появляются реальные основания считать, что для использования названия *Страна волков* применительно к данному региону причин более чем достаточно.

Верования, связанные с культом волка, были распространены в древности у многих различных по происхождению народов[61]. Вопрос о широком

[60] Ранее разделял это мнение и автор (Гумба 1994: 5).

[61] Нельзя воспринимать всерьез появляющиеся иногда в литературе, по большей части популярной, высказывания о том, что верования, связанные с культом волка, первоначально возникли только лишь у индоевропейских, или только лишь у тюркских, или только лишь у *исконнокавказских* народов и т.д., а уже затем якобы этот культ был воспринят другими народами. Почитание могучих сил природы и сильных представителей

распространении культа волка у кавказских народов с древнейших времен в научной литературе всесторонне освещен с привлечением археологических, этнографических, лингвистических и других данных. Многочисленные изображения тотемного волка, обнаруженные среди археологических находок куро-аракской, майкопской и последующих культур – триалетской, кобанской, каякентско-хорочоевской, колхидской и прикубанской, а также в памятниках более поздних периодов, достаточно четко свидетельствуют о древности традиции и развитости культа волка, о его устойчивости и преемственности у кавказских народов – абхазо-адыгских, нахско-дагестанских и родственных им. Это подтверждается и этнографическими данными, сохранившимися до наших дней. Существование в древности развитого культа волка обнаруживается также и у ираноязычных и тюркоязычных народов Кавказа – осетин, карачаевцев, балкар, кумыков, у которых на кавказскую основу культа накладываются привнесенные из степей индоевропейские и тюркские мотивы.

О том, что в жизни древних вайнахов культ волка занимал важное место, а к настоящему времени среди кавказских народов этот культ в наиболее яркой форме сохранился лишь у них, хорошо известно не только специалистам, но и широкому кругу читателей [62]. Свидетельства тому многочисленны и весьма убедительны: это материалы археологии, этнографии, лингвистики и т.д., уже давно вошедшие в научный оборот (Услар 1881: 82; Алироев 1990: 108-110).

В вайнахской фольклорной традиции образу *кантIа* (молодец, удалец) сопутствуют эпитеты *волку подобный*, *рожденный в ночь*, *когда щенилась волчица*. В вайнахских сказках эпитет *волчья палица* означал *грозное оружие*, т.е., изображение волка на оружии, по поверьям, делало это оружие грозным и непобедимым. Одним из отражений тотемических верований являются амулеты, сделанные из частей тела животных, известные с эпохи верхнего палеолита. Так, в

животного мира на ранних стадиях истории человечества было свойственно всем племенам, и культ волка, как и других животных, независимо возникал у разных этнических групп, находившихся в разных частях света.

[62] Достаточно отметить, что в 90-е годы XX столетия изображение волка было главным атрибутом государственной символики Чеченской республики Ичкерия – он был изображен на гербе и воспевался в гимне.

прикладном искусстве кобанской культуры уделяется большое внимание зубам и когтям волка: например, среди предметов, найденных в Ассиновском кургане, есть бронзовая имитация волчьего когтя. Традиция использования в качестве амулетов частей тела волка (в частности, клыков) существовала в этнографии нахских народов еще до недавнего времени: как амулеты носились волчьи зубы, поскольку считалось, что тот, кто имеет их при себе, защищен от злых духов (Алироев 1990: 103).

На предметах кобанской культуры изображение волка встречается, как на амулетах от сглаза, так и на оружии, причем чаще всего на предметах вооружения – на наконечниках ножен, рукоятках ножей, топориках, а также на конской узде и др. (Вольная 2002: 100-105), а вот на предметах женского туалета это изображение отсутствует. Особо следует отметить находки среди предметов кобанской культуры масок волка, указывающие на существование ритуала с переодеванием в шкуру волка.

Выявляется сходство между изображениями волка, обнаруженными в Самтаврском могильнике, и его изображениями в кобанском, триалетском и урартском изобразительном искусстве (Бардавелидзе 1957: 76-77; Амиранишвили 1950: 97; Урушадзе 1971: 29), а также в изобразительном искусстве колхидской культуры (Амиранишвили 1950: 42-43). При этом наибольшую близость археологи находят между изображениями волка на предметах из Самтаврского могильника (особенно на бронзовом поясе, датируемом первой половиной I тыс. до н.э.) и образцами кобанского изобразительного искусства (Урушадзе 1971: 29).

Чтобы соблюсти принципы научной этики, следует все же отметить и точку зрения, выработавшуюся в 40–50 годы XX века под влиянием господствовавшей в грузинской историографии концепции, в соответствии с которой к грузинам причислялись не только древние народы Передней Азии, но и народы, включенные советской властью в состав Грузинской ССР. Так, проводя сопоставительный анализ изобразительного искусства, в том числе и изображений волка урартской, триалетской и колхидской культур с этнографическими материалами о культе волка у абхазов, хевсур, пшавов, тушин, гудамакар и

сванов, В.В. Бардавелидзе приходит к неожиданному выводу о существовании в древности культа волка и у древнегрузинских племен, чем и вызвано, по ее мнению появление иранского названия Грузии – Гуркания, страна волков (Бардавелидзе 1957: 58).

Н.Е. Урушадзе при исследовании изображения волка-собаки на бронзовом поясе из Самтаврского могильника находит в нем параллели с изображениями волка в кобанской культуры, а также, приводя этнографические данные о пережитках культа волка у абхазов, хевсур, пшавов и тушин и представляя эти народы как отдельные этнические группы грузинского народа, приходит к заключению о развитости культа волка у древнегрузинских племен (Урушадзе 1971: 129). Никто не может оспаривать, что пшавы, хевсуры, гудамакары и тушины являются сегодня частью грузинского этноса, однако даже у предвзятого исследователя вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что в раннем средневековье, а тем более в древний период, пшавы, гудамакары, тушины и хевсуры составляли часть нахского этноса, ну а об этническом различии абхазов и грузин, как в древности, так и в настоящем, упоминать излишне.

Поэтому попытка доказать факт существования в древности культа волка у грузинских племен на основе этнографического материала абхазов, тушин, гудамакар и пшавов не выдерживает никакой критики. Из перечисленных выше народов лишь сваны относились к грузинскому этническому миру. Однако, следует учитывать, что многие черты традиции сванов, связанные с ритуальной функцией культа волка, совпадают до поразительных деталей именно с абхазской и вайнахской традицией культа волка, что закономерно и объясняется наличием нахского и абхазского культурных пластов в сванском. Кроме того, сваны, как и другие современные горские этнографические группы Центрального Кавказа, относятся к кавкасионскому антропологическому типу, что, как и ряд других фактов, указывает на нахский этнический субстрат.

При этом, разумеется, нельзя полностью исключать вероятность существования у древнегрузинских племен культа волка. Возможно, отсутствие каких-либо свидетельств этого связано с тем, что в древности культ волка у

грузин не был достаточно развит и не играл существенной роли в их жизни, но, так или иначе, сегодня мы не можем судить об этом, поскольку не располагаем соответствующей информации.

В центральных районах Кавказа сходство культа волка отчетливо проявляется и в этнографическом материале последующих периодов. Так, зафиксированные учеными пережитки обрядов, связанных с культом волка, у пшавов, тушин, бацбийцев, гудамакар, хевсур, рачинцев, лечхумцев, сванов практически полностью сходны с чеченскими и ингушскими, что, безусловно, говорит об общем истоке этого культа. Однако в данном случае удовлетворительным объяснением не может служить проявление этого сходства у всех горцев Кавказа, близость географических условий и т.д., ведь если бы это было верно, то в обрядах проявилось бы сходство, например, и с обрядами горских народов Дагестана, но, увы, такое не наблюдается[63].

У бацбийцев, ингушей, чеченцев, хевсур, тушин, пшавов, гудамакар волк считался божьим зверем, наделенным несокрушимой силой и отвагой, дерзостью, ловкостью и до сих пор запрещается его убивать. Вайнахи говорили: «Он храбр, как волк»; некоторых храбрецов нарекали *Берза Дог–волчье сердце (*Сказки, сказания: 1986: 329, 335; Халаева 1977: 47 – 56). В нахских языках есть понятие волк-воин, т.е. человек-волк (*берзлой*, где *берз* – волк, *лой* – человек). Эпитетом *берзлой* чеченцы обозначают, как правило, людей-бойцов, проявивших высшую воинскую доблесть (Халаева 1977: 56).

То, что в древности нахи считали волка божьим зверем вполне закономерно, поскольку в древности Верховным богом нахов и нахского государственного объединения был бог-солнце Малх. Как известно, в религиозных верованиях древних людей, тотемные волки являются помощникамиастральных верховных божеств и подчиняются им. Образ волка тесно связан с небесным божеством, с

[63] Сравните, например, проявление культа волка у дагестанских и нахских народов (см.: Сефербеков 2009: 24.) Поражает сходство абхазской и вайнахской традиции культа волка, а также ряда других выявляющихся этнографических параллелей (минуя при этом адыгские и грузинские), свидетельствующие о длительных близких этнических контактах абхазов и нахов в древности.

культом подземного огня, и в конечном итоге – с божеством солнца (небесный и земной огонь).

Основные функции, которыми наделяется образ волка, – охранительные, а также обеспечивающие сакральную связь с небом и высшим божеством Солнцем, дающим жизненную благодать всему сущему. Так, у чеченцев, ингушей, бацбийцев, хевсуров, пшавов, гудамакар, тушин волки или собаки составляли *воинство* божества солнца и других антропоморфных астральных божеств верховного пантеона, а также *воинство* местных общинных божеств.

Существовали мужские союзы – союзы профессиональных воинов, называемых *людьми-волками*, *воинами-волками*. Союзы людей-волков (воинов-волков) существовали у многих народов с древнейших времен, и их появление и функционирование связывается с возникновением государственных институтов собственности. Союзы воинов-волков играли заметную роль в зарождении и становлении политических структур, институтов раннеклассового общества и государства.

С представлениями о воине-волке и волчьем воинстве связан и обрядовый ритуал облачения в волчью шкуру. Исконность, древность и традиционность подобных ритуалов на Кавказе, особенно в интересующих нас центральных областях, иллюстрируют: изображение ритуальной процессии в волчьих шкурах на кубке эпохи бронзы из Триалети, изображение волка на бронзовом поясе из Мцхета-Самтавро, волчьи маски, обнаруженные среди предметов кобанской культуры и т.д.

Ритуал облачения в шкуру волка и волчьи маски имеется в виду и в сообщениях античных и средневековых писателей о людях с волчьими (или песьими) головами в горах Кавказа (Иоанн де Галонифонтибус 1979: 77). Этот ритуал, а также ряд других пережитков древнего культа волка, сохранявшийся у нахских народов вплоть до недавнего времени, свидетельствует о преемственности традиций на протяжении тысячелетий.

В этом контексте следует, вероятно, рассматривать и характеристику, которую древнегрузинские авторы дают древнейшему нахскому населению

Картли – хонам и бунтуркам, представляя их звероподобными людьми. По мнению некоторых исследователей, грузинская историческая традиция, изображая древнейшее, догрузинское, население Картли (бунтурков, хонов) дикими, звероподобными существами, сильно преувеличивает, что можно объяснить книжной традицией, восходящей к популярному в Средние века роману Псевдо-Калисфена, в котором для оправдания и обоснования завоеваний и «цивилизаторской» деятельности Александра Македонского многие народы, в том числе и намного превосходившие в развитии самих македонцев, представлялись дикарями и варварами (Кекелидзе 1958: 283-284).

Возможно, древнегрузинские авторы были знакомы с трудом Псевдо-Калисфена, и в том, что они столь уничижительно отзываются о хонах и бунтурках, безусловно, проявляется их негативное отношение к догрузинскому населению Картли. Так, автор «Мокцевай Картлисай» не только не симпатизирует коренному, этнически не грузинскому населению Картли, ведущему самоотверженную борьбу с иноземными захватчиками, но всецело находится на стороне завоевателей, выказывая им полную поддержку. Население Картли он изображает звероподобными дикарями, людоедами и т.д., тем самым пытаясь оправдать необходимость завоевания территории Картли, уничтожения и изгнания ее населения и заселения ее грузинами, переселенными сюда Азоном – якобы назначенным Александром Македонским наместником Картли.

Основанием для того, чтобы характеризовать коренных жителей Картли звероподобными и дикими для древнегрузинских авторов, между тем, мог послужить именно традиционный обрядовый ритуал переодевания в шкуру волка, бытовавший у нахских воинов-волков. В пользу того, что в сообщениях древнегрузинских источников о звероподобных хонах и бунтурках до нас дошли воспоминания именно о древнейшем нахском населении Картли, свидетельствует тот факт, что древнегрузинская письменная традиция в сообщениях более поздних периодов звероподобными называет именно нахские этнические группы. Так, например, в своих сообщениях о миссионерской деятельности св. Нино, грузинские авторы, описывая нахское население южного склона Главного

Кавказского хребта, – цилкан, гудамакар, пховелов, чарталийцев, эрцо-тианетцев, хевсуров, кистинцев и др., употребляют определения *звероподобные*, *дикие*, *людоеды* и т.д. (Мровели Леонти: 28); Обращение Грузии 1989: 14). Отголоском этой традиции, пришедшим, по-видимому, из грузинских источников, является, судя по всему, и эпитет *людоеды*, примененный автором «Ашхарацуйца» по отношению к кистинцам (*кустк мардакерк – ку́сты людоеды*) (Ашхарацуйц: 28).

Столь широкое почитание в древности нахскими племенами волка, отразившееся в его изображении на оружии, конских сбруях и других предметах, а также функционирование обрядовых ритуалов с переодеванием в волчью шкуру, равно как и существование *воинов-волков* (*берзлой*) и т.д., несомненно, могло стать причиной того, что древние персы называли нахов волками, а их страну *страной волков –Гуркан, Гиркан.* Представляется вполне допустимым отнести возникновение термина *Гиркан* у древних персов к середине I тыс. до н.э., когда Ахеменидская Персия непосредственно граничила с нахским государственным объединением (от Мосхийского хребта на западе по Триалетскому хребту до местности Хунани и нижнего течения Алазани на востоке).

Первоначально этот термин, видимо, обозначал именно нахов. Несмотря на то, что не сохранились фактические свидетельства, нельзя, наверное, исключать присутствие изображений волка и в символике нахского раннегосударственного объединения I тыс. до н.э., что также могло послужить одной из причин использования термина *Гиркан* для обозначения страны нахов. Правомерность предлагаемой версии происхождения термина *Гиркан* и применения его для обозначения нахского государственного объединения может быть подтверждена и тем, что после создания и укрепления Картлийского (Иберийского) царства название *Гиркания* некоторое время еще используется, однако уже с начала I тыс. н.э. вовсе исчезает.

В пользу того, что древнеперсидское название центральной части Южного Кавказа (Картли, Цанария) – *Гуркан* (*страна волков*) является отражением культа волка именно у нахских племен, свидетельствует и то обстоятельство, что

Дионисий Периегет передает сюжет, почти сходный с сообщениями древнегрузинских источников. Разница заключается лишь в том, что, по «Мокцевай Картлисай», коренными жителями Картли, которых встретили грузины (иберы), пришедшие сюда в составе войск *Александра Македонского*, были хоны и бунтурки, а по Дионисию гирканы. По-видимому, в сообщении Дионисия Периегета о войне иберов с гирканами сохранились глухие отголоски крупного иноземного военного вторжения в южные рубежи нахского объединения – долину реки Куры, действительно имевшего место на рубеже IV–III вв. до н.э. и приписываемого грузинскими источниками Александру Македонскому.

Письменные свидетельства о крупных военных столкновениях на территории Картли на рубеже IV–III вв. до н.э. подтверждаются данными археологии. По-видимому, вторгшиеся войска встретились в Картли с организованным сопротивлением с единым центром власти, который сумел мобилизовать население и дать жесткий отпор агрессору. Этим, наверно, объясняется столь длительное и упорное сопротивление жителей Картли превосходящим их как в живой силе, так и в вооружении (наличие метательных орудий терсонного типа – катапульты, баллисты-палинтоны и т.п.) войскам завоевателей.

Согласно Леонти Мровели, войска *Александра Македонского* одновременно осаждают более десяти крепостей-городов в Картли и Кахети. Большую часть которых им удается завоевать лишь после одиннадцати месяцев ожесточенных боев. Многие поселения были захвачены лишь после того, как жители организованно оставили их и ушли в горы. Население всех этих крепостей-городов не смогло бы выдержать столь длительное противостояние превосходящим силам нападавших и выдержать многомесячную осаду не будучи само единой, мощной и хорошо организованной силой, какой в то время могло быть лишь нахское раннегосударственное объединение Центрального Кавказа (Гумба 2016: 344-346).

С другой, стороны, достаточными ресурсами для осуществления столь широкомасштабной военной интервенции в центральные районы Южного

Кавказа, в то время могли располагать лишь два государственных образования – Селевкидское и Понтийское царства. Как селевкидские, так и понтийские цари вели захватнические войны в деле расширения своих владений и, естественно, были заинтересованы в установлении своего контроля над центральными частями Южного Кавказа, имевшими важное военно-стратегическое значение.

Поначалу наиболее активно действовало в этом направлении Понтийское царство. Большинство исследователей считают, что в древнегрузинской легенде о нашествии Александра Македонского отразились исторические факты военного вторжения в Картли в начале III века до н.э. именно понтийского царя, которому удалось на короткое время закрепиться в долине реки Куры[64].

В Понтийское царство входило множество разноэтничных племен северо-восточной части Малой Азии, среди которых, по мнению исследователей, были и древнегрузинские племена (Меликишвили 1959: 265; Новосельцев 1976: 103). Все эти племена, в том числе и древнегрузинские, надо полагать, принимали участие в составе понтийских войск во вторжении в центральные области Южного Кавказа. Скорее всего, Азо (Азон) вождь древнегрузинских племен, подданный понтийского царя, со своими соплеменниками принимал участие в военном походе.

По-видимому, понтийский царь назначил Азона наместником захваченных земель в долине реки Куры. При этом в распоряжении Азона, помимо военной дружины, состоявшей, вероятно, из его соплеменников, была предоставлена какая-то часть из собственно понтийских регулярных войск. «Картлис цховреба» сообщает: «… и дал (Александр Македонский. – Г.Г.) ему (Азону. – Г.Г.) сто тысяч человек из римской области Фротатос… Привел [Александр] их в Картли и вручил патрикию Азону. [Таким образом] поставил в Картли эриставом Азона и при нем войско, занявшее Картли»(Картлис цховреба: 28).

[64] По мнению Ю.М. Гагошидзе эта была армия Лисимаха – диадоха Александра Великого, правителя Фракии с 324 года до н.э., царя Македонии с 285 года до н.э. (Гагошидзе 1983: 45)

С этого времени, вероятно, и начинается приток картвельского населения в Картли, о чем и сообщается в древнегрузинских источниках: «Азо отправился в Ариан-Картли, к отцу своему, и привел [оттуда] восемь домов и десять домов сородичей, и поселился в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим» (Обращение Грузии 1989: 14). Предания об этих имевших место исторических событиях и послужили, скорее всего, источником древнегрузинских письменных свидетельств о переселении грузин (картвелов) в Картли, произведенном якобы Александром Македонским. Как известно, Александру Македонскому (356 – 323 гг. до н. э.) приписывались многие события, произошедшие как до, так и после его жизни, особенно деяния его преемников (см.: Новосельцев 1976: 105).

О переселении грузин на Кавказ, помимо грузинских, передают также античные и древневосточные письменные источники. Столь устойчивая письменная традиция вряд ли могла бы существовать, если бы никакого переселения не было. Письменные сообщения подтверждаются также данными археологии, антропологии и других смежных наук, фиксирующие появление в центральных районах Южного Кавказа в конце IV – начале III в. до н.э. новой этнической группы.

В конце IV – начале III в. до н.э. переселение иберов-картвелов шло не только в долину среднего течения реки Куры, но и в восточные районы Колхиды – Аргвети. Не случайно установление западных границ Картли по реке Эгриси (Квирила) и включение Аргвети в состав Картлийского царства древнегрузинская историческая традиция приписывает именно Александру Македонскому (Гумба 2004: 55-56).

Во всех сообщениях разноязычных письменных источников переселение иберов-грузин представлено как вынужденное: грузины были переселены насильственно – по одним источникам, Навуходоносором, по другим – Александром Македонским. Несовпадения сведений источников относительно времени переселения иберо-грузин на Кавказ объясняется тем, что в I тыс. до н.э. совершились две волны крупного переселения племен с юга на Кавказ: первое – передвижение на север хуррито-урартских, южнонахских и албано-дагестанских

племен, после падения Урартской и Ассирийской держав на рубеже VII–VI вв. до н.э. Этот период совпадает с правлением вавилонского царя Навуходоносора II (604/5 – 561/2 гг. до н.э.), проявившего себя столь выдающейся личностью, что позднее те или иные значимые исторические события I тыс. до н.э. стали приписываться ему.

Второе массовое перемещение население, в том числе и древнегрузинских племен с юга на Кавказ, имело место на рубеже IV–III вв. до н.э., после похода Александра Македонского и гибели Ахеменидской Персии, в связи с чем, эти события и связываются с именем великого полководца. Видимо, элементы этих двух различных крупномасштабных событий I тыс. до н.э. – перемещения хуррито-урартских и южнонахских племен в центральные области Кавказа на рубеже VII–VI вв. до н.э. и древнегрузинских племен в конце IV – начале III вв. до н.э., позднее в письменных источниках были объединены по законам литературного произведения в одно целое, и вокруг великих личностей (Навуходоносор, Александр Македонский) слились воедино события, произошедшие в совершенно разные времена. Этнически различные и переселившиеся в центральные области Южного Кавказа в разное время племена, античные писатели называют одним термином *иберы*, и связано это с тем, что название *Иберия* (*иберы*)в письменных источниках с самого начала употреблялось не как этническое, а как географическое.

По поводу местонахождения *Арриан-Картли*, откуда прибыли древнегрузинские племена, в научной литературе существуют различные мнения.[65] Согласно И.А. Джавахишвили, *Арриан-Картли* следует читать *Арсиан-Картли* и соотносить с названием горного хребта на северо-востоке Малой Азии, отделявшего Аджарию, Шавшети и Кларджети от остальной восточной части Месхети (Джавахишвили 1948: 14).

[65] Конечно, фантастичность версии переселения иберов Навуходоносором из Испании (Пиренейской Иберии) понимали уже античные авторы и подвергали критике. Так, например, греческий писатель Аппиан (90 – 170 гг. н.э.) писал: «…иберов же, которые в Азии, одни считают предками, другие же – колонистами европейских иберов, иные же – только одноименным с ними племенем. Ибо у них нет ничего сходного ни по нравам, ни по языку» (Аппиан 1994: 185)

По мнению Н.Г. Адонца, первоначальной родиной переселившихся в Картли грузинских племен является известная по византийским источникам малоазийская область *Харсиан*, располагавшаяся на левом берегу реки Галис, между Сивасом и Кемисом (Адонц 1971: 83).

И.А. Меликишвили считает, что *Арриан-Картли* означает *Персидская Картли* и получила эта область такое наименование в связи с тем, что прочно входила в состав Персидской империи и находилась под сильным влиянием этой державы (Меликишвили 1959: 278-279), что представляется наиболее вероятным. Этому не противоречит и мысль о том, что понятие *Арриан-Картли* могло возникнуть в результате вхождения древнегрузинских племен в состав Понтийского царства после разгрома Ахеменидской Персии. Как известно, первые понтийские цари по праву считали себя прямыми наследниками Ахеминидских царей и вели летоисчисление своего правления с момента воцарения на престол Персии Дария III Кодомана (336 г. до н.э.), тем самым провозглашая свое царство преемником Ахеменидской империи (Сапрыкин 1996: 33). Поэтому входившая в состав Понтийского царства территория, населенная предками грузинских племен, вполне могла восприниматься как *Арриан-Картли* (*Персидская Картли*).

С другой стороны, часть предков грузинских племен, проживавшая в верховьях Чорохи и входившая в сатрапию *Армения* или *Мидия* Ахеменидской Персии, после падения последней вошла в состав Малой Мидии. Сатрап Мидии сохраняет свою власть и с помощью соратника Александра Македонского Пардикки на некоторое время утверждается царем Малой Мидии, в связи с чем это царство также могло бы быть воспринято в качестве преемника Ахеменидской Персии, а племена, входившие в Малую Мидию, в том числе и древнегрузинские, могли восприниматься как иранские (персидские).

Так или иначе, в сказаниях о переселении грузин на Кавказ, сохранившихся в древних письменных источниках, мы имеем дело с реальными историческими событиями. Следует отметить, что факт переселения в древности предков грузин из Малой Азии на Кавказ не ставился под сомнение и современными учеными

Д.З. Бакрадзе, И.А. Джавахишвили, Н.Я. Марром, Г.А. Меликишвили, О.М. Джапаридзе и др. Еще в конце XIX века Д.З. Бакрадзе отмечал, что предки грузин в глубокой древности были собраны на юго-востоке Понто-Кавказского края, а их предыдущим местом обитания являлись Евфрата и Галиса (Бакрадзе 1889: 38). На основании данных археологии, письменных источников, топонимики, языка и фольклора И.А. Джавахишвили писал, что «…грузины и их сородичи с давних пор покидали Малую Азию для переселения на север, в Закавказье, в котором грузинские племена и обосновались. До появления в Закавказье грузин страна была заселена различными племенами (абхазо-адыгов и нахско-дагестанцев)…» (Джавахишвили 1930: 558). Что касается Картли, то И.А. Джавахишвили прямо указывал, что «нахи проживали на территории Картли до заселения ее грузинами» (Джавахишвили 1948: 48-49). Г.А. Меликишвили также считал, что не лишены исторической правды сообщения грузинских летописей о нахском (кистино-бацбийском) населении Картли в доэллинистическую эпоху (Меликишвили 1959: 125).

Таким образом, весь имеющийся материал свидетельствует об очередном крупном передвижении населения на рубеже IV–III вв. до н.э. с юга в центральные области Южного Кавказа и, судя по всему, основную массу этих переселенцев составляли древнегрузинские племена. Возможно, переселение древнегрузинских племен имело принудительный характер и было предпринято понтийским царем в целях освоения и защиты рубежей, занятых по долине реки Куры, как это часто практиковалось в древности.

Вероятно, это обстоятельство стало основой устойчивой древней письменной традиции, сообщающей о насильственном переселении древнегрузинских племен на Кавказ. При этом, не исключено, что отдельные группы древнегрузинских племен просачивались на территорию центральной части Южного Кавказа – в долину реки Куры, и ранее. О многоэтничности населения древней Картли свидетельствуют и древнегрузинские источники, в которых сообщается, что в Картли говорили на шести языках. Эти сведения письменных источников

документально засвидетельствованы данными археологии (Церетели 1941: 70); см. также: Меликишвили 1959: 37-38; Лордкипанидзе 1989: 177).

§2 Истоки исторической концепции и генеалогической таблицы народов Кавказа Леонти Мровели

В ряду представителей древней письменной исторической традиции, считавшей предков грузин пришлыми на Кавказ, особняком стоит концепция древнегрузинского историка Леонти Мровели. Труд Леонти Мровели «Жизнь картлийских царей» занимает особое место среди других произведений древних авторов тем, что в нем впервые выдвинута концепция об автохтонном происхождении грузин (картвелов и мегрелов)и уникальная, до сих пор не разгаданная идея о едином происхождении народов Кавказа.

Свое повествование Леонти Мровели начинает с перечня народов, происходящих от одного предка – Таргамоса: «Прежде всего упомянем, что у армян и картлийцев и ранов и моваканов и эров и леков и мегрелов и кавкасианов – у всех [этих народов] был единый отец по имени Таргамос. Сей Таргамос был сыном Таршиса, внуком Иафета – сына Ноева. Был тот Таргамос героем. По разделении языков, когда воздвигали башню Вавилонову, различились и рассеялись оттуда языки по всему свету. Пришел Таргамос со всем племенем своим и утвердился между двумя недоступными человеку горами – Араратом и Масисом. … Среди сынов его отличились восемь братьев, герои многосильные и славные, которых звали так: первого – Гаос, второго – Картлос, третьего – Бардос, четвертого – Мовакан, пятого – Лек, шестого – Эрос, седьмого – Кавкас, восьмого – Эгрос. И были эти братья героями. Но лучшим из героев тех был Гаос, ибо подобного ему ни телом, ни мощью и мужеством не было ни до потопа, ни после него. … И над семью этими братьями своими был повелителем и владыкой Гаос. Все они находились во власти Гаоса» (Мровели Леонти: 21, 22).

Весьма необычной считается также сконструированная грузинским историком этническая «иерархия» народов Кавказа, возглавляемая армянским этнархом Гаосом (hАйк, Haiq). Леонти Мровели «с первых строк своего сочинения излагает историю Грузии и Кавказа в целом, под «эгидой» армянского

этнарха и его «потомства» (Цулая 1982: 178). Гаос (hАйк) стоит на вершине генеалогического древа кавказских народов, он является царем, а все остальные кавказские народы находятся в его, повелителя и владыки Гаоса, власти и покорны ему. Именно Гаосу приписывется и решающая роль в совместной битве кавказцев против их общего врага Неброта (библ. Нимрод, Нимврод) (Мровели Леонти: 22-23). Данное обстоятельство стало для исследователей поводом «аттестовать» Мровели как историка с ярко выраженной «армянофильской» тенденцией.

Выяснению истоков исторической концепции Мровели, а также причин его «армянофильства» посвящено множество работ, и по этой теме собран обширный материал. В 1966 году по данной проблеме даже была проведена специальная дискуссия в Институте истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН ГССР (Тбилиси) (К вопросу об исторической концепции Леонти Мровели 1968). Однако эти вопросы до сих пор остаются неразрешенными.

В самом деле, затруднительно найти причины, побудившие Леонти Мровели признать за армянским этносом первородство и приоритет среди кавказских народов. В некотором смысле такая позиция автора вступает в противоречие и с самой целью его сочинения, заключающейся, по мнению ученых (Г.А. Меликишвили, Н.Ю. Ломоури, З.Ш. Дидебулидзе и др.), в том, чтобы показать главенствующую роль на Кавказе именно грузин. Но учитывая, что сама идея об общем происхождении кавказских народов – не плод выдумки самого Мровели, поскольку, «как и всякий летописец-хронист, он не мог измышлять описываемые им факты» (Цулая 1982: 178), исследователи стремились выявить истоки концепции Леонти Мровели и его т.н. армянофильской тенденции в использованных им источниках или в тех периодах истории армянского народа, когда Армения играла главенствующую роль в исторических судьбах народов Южного Кавказа.

При построении генеалогического древа кавказских народов Мровели, несомненно, опирается на известную схему библейской всемирной генеалогии –

«Таблицу народов»[66], согласно которой, после всемирного потопа человечество ведет свой род от трех сыновей Ноя – Сима, Хама и Яфета; также он использовал «Хронику» Ипполита – в ее древнеармянской версии VII века, и «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци, в которой зафиксировано генеалогическое древо армянского народа. Вместе с тем, сравнительный анализ источников выявляет ряд существенных расхождений, которые ставят под сомнение непосредственную зависимость труда Леонти Мровели от названных источников.

Исследователи отмечают уверенность грузинского летописца в том, что упоминаемые им кавказские народы происходят от одного отца – Таргамоса, и эта уверенность не могла быть продиктована ни одним из вышеперечисленных источников, так как в них ничего об этом не говорится (Кекелидзе 1923: 33; Кекелидзе 1945: 100; Цулая 1982: 182). Как справедливо отмечает Г.В. Цулая, если Леонти Мровели и пользовался указанными источниками, то опосредованно, заимствовав в них популярную в раннем средневековье схему построения генеалогического древа народов, но при этом наполнив ее иным содержанием – бытовавшими в то время местными преданиями (скорее всего, устными) о происхождении кавказских народов (Цулая 1982: 183).

Не дали положительного результата и попытки некоторых ученых связать признание приоритета армянского этноса с теми или иными периодами истории армянского народа. Так, некоторыми историками было выдвинуто предположение, что «армянофильская» тенденция Леонти Мровели базируется на преемственности между феодальной Грузией и Армянским царством Багратидов, после падения которого политическими гегемонами на Кавказе, наследниками Гаоса (hAoca) и его потомков должны были стать Картлос и его потомки. Однако

[66] «Таблица народов» представляет часть т.н. «Жреческого кодекса» – литературно-исторического памятника V в. до н.э. – и перечисляет известные в то время иудеям народы, представляя их в виде родословного древа мнимых потомков трех сыновей Ноя – Шема (Сима), Хама и Йефета (Яфета). Имя каждого из этих «потомков» является названием какого-либо племени, народа или страны, а «родственные» связи между ними установлены по политическим признакам. Политические условия указывают на начало VI в. до н э. как на время созидания «таблицы».

эта гипотеза была подвергнута убедительной критике со стороны большинства исследователей (К вопросу об исторической концепции Леонти Мровели: 320-321).

С мнением о преемственности феодальной Грузии с Армянским царством Багратидов трудно согласиться хотя бы потому, что весьма сомнителен сам тезис о политической гегемонии Багратидской Армении на Кавказе в XI в., ибо, как хорошо известно, эту роль у Армении успешно оспаривала Абхазия. С X в. политическая гегемония перешла к Абхазии, что в конечном итоге и привело к созданию объединенного государства закавказских народов под эгидой Абхазского царства.

Таким образом, идея преемственности политического главенства на Кавказе в XI в., согласно реально существовавшей в то время этнополитической ситуации, должна была исходить от Абхазии, и по сему от Леонти Мровели следовало ожидать скорее не «армянофильство», а «абхазофильство». Но этого не наблюдается, более того – в генеалогической таблице Мровели вообще отсутствуют абхазы, что, конечно, уже само по себе парадоксально для автора XI в., тем более грузинского.

Можно было бы согласиться с тем, что «армянофильство» грузинского историка является продуктом XI в., в том случае, если бы «армянофильская» тенденция прослеживалась во всем произведении. Но, признание за армянским этносом приоритета в историческом развитии народов Кавказа в сочинении Леонти Мровели ограничено хронологически, соответствует лишь начальному этапу истории, т.н. мифологической эпохе кавказских народов, при описании же последующих периодов звучат далеко не армянофильские нотки, а наоборот – армянофобские (Цулая 1982: 185-186).

Поиск причин, которые привели к признанию приоритета за армянским этносом на начальном этапе истории кавказских народов, вновь заводит в тупик, ибо главенство армян на начальном этапе истории не может быть подтверждено никакими известными нам историческими данными. Первое упоминание Армении появляется в знаменитой Бехистунской надписи персидского царя Дария

I, датируемой концом VI в. до н.э. (520 г.). К этому времени относится и возникновение первых армянских государственных образований.

Однако эти государства были не столь сильны, чтобы оказывать на соседние страны сколько-нибудь значительное политическое влияние, которое могло бы послужить причиной возникновения впоследствии идеи о главенствующей роли армянского этноса среди кавказских народов. Кроме того, с VI по II вв. до н.э. Армения сама находилась в зависимости от крупных соседних держав: в VI веке до н.э. она входила в состав Мидии, затем – в состав Ахеменидской империи, а после разгрома последней Александром Македонским оказалась в зависимости от образовавшегося Селевкидского царства.

Возвышение Армении начинается с первой половины II в. до н.э., а в I в. до н.э., при царе Тигране II Великом, когда создается мощная армянская империя, охватывающая значительную часть Передней Азии. Можно было бы ожидать, что истоки *армянофильства* Леонти Мровели восходят именно к этому периоду истории, когда Армения представляла собой одну из могущественнейших держав и в сфере ее влияния находились сопредельные страны и народы. Однако нет никаких оснований для такого утверждения – Армянская империя Арташидов вообще не упоминается в сочинении Леонти Мровели. В сообщениях грузинского хрониста при описании этого периода прослеживается не столько проармянские, сколько антиармянские настроения. Картлийские правители изображаются героическими защитниками Картли, пытающимися освободиться от Армении, и противопоставляются армянским царям, что для историка, аттестованного как *армянофила*, выглядит более чем странно (Мровели Леонти: 28; Цулая 1982: 185).

При анализе т.н. *армянофильской* тенденции, как и исторической концепции Леонти Мровели в целом, главным упущением исследователей стала попытка выявить истоки этой концепции исключительно в истории Армении и Грузии и армяно-грузинских взаимоотношений того или иного исторического периода, тем самым неоправданно ограничив рамки разысканий. Между тем причины признания приоритета за армянским этносом на начальном этапе истории народов Кавказа («армянофильства») и разгадка самой концепции Леонти Мровели об

общем происхождении народов Кавказа, лежат, как мне представляется, в другой плоскости и требуют иного подхода.

Согласно Хронике Леонти Мровели, после Вавилонского столпотворения и расселения племен «…пришел Таргамос со всем племенем своим и утвердился между двумя недоступными человеку горами – Араратом и Масисом …Но не вмещали их земли Арарата и Масиса, и поделил Таргамос земли и племена свои между восемью этими героями: половиной племен и лучшей половиной земли своей наделил он Гаоса, затем семерым отвел долю каждому по достоинству… И над семью этими братьями своими был повелителем и владыкой Гаос» (Мровели Леонти: 21). То есть, первоначальным местом проживания, прародиной перечисляемых кавказских народов является Араратская долина и близлежащие области, откуда эти народы затем расселились, получив наделы земли от своего мифического предка Таргамоса. Здесь же, у подножья горы Арарат, происходит решающая победоносная битва кавказских народов (таргамосиан) во главе с Гаосом против их поработителя Неброта (Нимрода).

Сообщение Леонти Мровели совпадает с аналогичным сообщением армянского историка V века Мовсеса Хоренаци о происхождении и начальном этапе истории армян, в связи с чем исследователями высказано мнение, что Леонти Мровели это предание всецело заимствовал у Мовсеса Хоренаци (К.П. Патканов, К.С. Кекелидзе и др.). Но все же при несомненной схожести сообщении обоих историков, исследователи выявляют в них и различия, ставящие под сомнение факт заимствования. Так, у Мовсеса Хоренаци царем вавилонян является Бэл, а у Леонти Мровели – Неброт (тот же Бэл)[67]; у Мовсеса Хоренаци битва с вавилонянами происходит возле озера Ван, а у Леонти Мровели – у подножья горы Арарат; у Мовсеса Хоренаци армянский этнарх hАйк борется против Бэла (Неброта) единолично, а у Леонти Мровели – в союзе с народами Кавказа (Мовсес Хоренаци: I, 11; Мровели Леонти: 22-23; См. также: Цулая 1982: 182; Мусхелишвили 1978: 28).

[67] Кстати, на тождество Бэла и Неброта указал еще в XII веке автор перевода «Картлис цховреба» на армянский язык.

В пылу полемики о том, заимствован ли текст грузинского автора у Мовсеса Хоренаци или нет, кстати, продолжающейся в научной литературе до сих пор, исследователи, кажется, упускают главное, а именно то, что в обоих случаях речь идет, с незначительными различиями, об одних и тех же событиях и об одном и том же историческом периоде – периоде Урартского царства. Вряд ли могут возникнуть какие-либо сомнения в том, что в сообщениях Мовсеса Хоренаци и Леонти Мровели о битве сыновей Таргома с вавилонским царем (Небротом у Леонтия Мровели, Бэлом у Мовсеса Хоренаци) отражены предания о многовековой борьбе Урарту с Ассирией и Вавилоном, о многократных военных нашествиях ассирийских и вавилонских царей на Урартское царство.

Неброт Леонти Мровели и Бэл (тот же Неброт) Мовсеса Хоренаци олицетворяют, как известно, Ассирию и Вавилон. У семитических народов – ассирийцев, вавилонян, халдеев и др., Бэл был богом солнца, владыкой неба и света, создателем мира и людей («Название Бэл, что значит владыка, давалось …также и царям»), и в рассказе Мовсеса Хоренаци отражена борьба Гаоса (hАйка) с Ассирией и Вавилонией, верховным богом которых был Бэл (Абегян 1975: 22). Неброт (Нимрод) – по ветхозаветным преданиям, первый после потопа царь на земле, основатель Вавилонского царства. У Леонти Мровели этим именем обозначаются вавилонские цари (Меликишвили 1959: 36-37).

Следовательно, начальный этап истории упоминаемых Леонти Мровели кавказских народов восходит, скорее всего, к Урартскому царству. Как известно, с V в. до н.э. имя *Урарту* навсегда исчезает из исторического обихода (последний раз название *Урарту* встречается в надписи персидского царя Ксеркса), и на смену ему приходит и прочно устанавливается название *Армения*, охватывающее бывшую территорию Урарту. Собственно, история Армении является прямым продолжением истории не только протоармян, но и урартов, вошедших «чрезвычайно мощным в численном и культурном отношении компонентом в состав армянского народа» (Дьяконов 1967: 239), и фактически армянский народ становится правопреемником урартской истории и культуры (См.: Еремян 1952: 103 – 107; Бэнэцяну 1961: 101 – 102; Тирацян 1968: 43 – 60).

В связи с этим античные авторы трактовали историю Армении как продолжение истории Урарту, называя последнюю Арменией, не говоря уже о раннесредневековых армянских и грузинских историках, которым не известно название Урарту и которые рассматривают урартский период как древний, начальный этап истории Армении. Для Мовсеса Хоренаци, например, история Урарту и Армении неразрывна – это история одного и того же народа. Так, сообщая о периоде появления на исторической арене мидян, Мовсес Хоренаци пишет: «…Что действительно в то время существовало царство нашего народа, тому свидетель пророк Иеремия, который призывает на войну против Вавилона: «Созовите, говорит он, царство Араратское и воинство Асканазское!» Этим подтверждается существование в то время нашего царства» (Мовсес Хоренаци: I, 22).

Аналогичное наблюдается и в раннесредневековой грузинской литературе, где термины *Арарат*– библейское название Урарту, и *Армения* являются идентичными и равнозначными (Барамидзе 1972: 57). Безусловно, в этом отношении не является исключением и Леонти Мровели, который, следуя раннесредневековой традиции, отождествляющей Урарту (Арарат) с Арменией, рассматривает историю Урарту и Армении как единое целое – как историю собственно Армении и армянского народа. В таком случае, казавшиеся необъяснимыми сообщения Леонти Мровели о начальном этапе истории кавказских народов (таргамосиан), проходившем под эгидой армянского этнарха Гаоса (hAoca), становятся ясными и логичными, ибо речь в них идет не об Армении и армянах, а об Урарту и урартах.

Для понимания сути концепции Леонти Мровели большое значение имеет уверенность древнегрузинского историка в том, что территория Урарту является прародиной всех перечисляемых им народов – армян, грузин, ранов, моваканов, эров, леков, кавкасиан и мегрелов. Истоки общности происхождения этих народов Мровели возводит именно к Урарту, называя эту страну Арменией, которая, по его мнению (вернее, его источников) являлась первоначальным местом

проживания всех этих народов, откуда они затем расселились по регионам Кавказа.

Если рассмотреть данное утверждение не с точки зрения раннесредневековых историков, для которых Урарту есть Армения, а с позиции современных знаний о той эпохе, то есть, отделяя историю Урарту от истории собственно Армении, то становится очевидным, что урартский период является общим достоянием, начальным этапом истории всех перечисляемых грузинским историком кавказских народов.

О значительном политическом и культурном влиянии Урартской державы на соседние народы, в частности кавказские, на заре их истории, об ее важной роли в становлении армянской и, в определенной степени, грузинской государственности говорить не нужно – это общеизвестно. Общий культурно-исторический субстрат урартов и в некоторой степени преемственность по праву делят с армянским народом и грузины (Дьяконов 1967: 239; Меликишвили 1959: 116-117). И нет ничего неожиданного в том, что начальный этап истории армян и грузин в изложении Леонти Мровели проходил под эгидой Урартского царства. Это соответствует той исторической действительности, которая известна нам к настоящему времени.

Таким образом, появляются веские основания предполагать, что, по Леонти Мровели, главными в ряду перечисленных народов, сыгравших решающую роль на начальном этапе их истории, являются именно урарты, которых древнегрузинский историк называет армянами. Соответственно, генеалогическое древо кавказских народов возглавляет Гаос (hАйк), под именем которого объединяются урарты и армяне. Отсюда становится очевидным неправомерность аттестации Леонти Мровели как «армянофила», ибо если и можно бы было заподозрить нашего автора в каком-либо «этнофильстве» в сообщениях о начальном периоде истории кавказских народов, то следовало бы говорить скорее о «урартофильстве». Однако это исключается, и не только потому, что Леонти Мровели ничего не известно о существовании Урарту или Урартского царства, но и потому, что урартский период является общим для всех указанных им народов.

Следовательно, говорить о той или иной «этнофильской» тенденции, проявляющейся у грузинского историка при описании ранних этапов истории кавказских народов, было бы неправомерно. Скорее всего, эта результат зависимости автора от тех источников, в которых он черпал свои сведения об описываемом периоде.

Как отмечают исследователи, Леонти Мровели, «должно быть, покорно следовал несохранившемуся тексту по истории дохристианской Картли» (Цулая 1982: 181; Кекелидзе 1923: 75). Этим, вероятно, и следует объяснять «дурдзукофильство», проявляющееся у Леонти Мровели при описании событий середины и второй половины I тыс. до н.э., а также «осефильство» и «лекофильство», которое можно заметить в рассказе о событиях, имевших место начиная с рубежа новой эры. Видимо, то, что грузинский автор, следуя своим источникам, устным или письменным, выдвигает на первый план определенные народы, является отражением политической значимости этих народов в истории Кавказа в отдельные исторические периоды.

Для раскрытия исторической концепции Леонти Мровели, следует рассмотреть, какие народы он объединяет по общности происхождения и территории их расселения. Потомками мифического Таргамоса, как мы уже знаем, являются армяне, грузины (картвелы), раны, моваканы, эры, леки, мегрелы, кавкасианы.

Этническая принадлежность перечисленных народов известна хорошо: вслед за армянами и грузинскими народностями – картвелами и мегрелами, названы этнически родственные дагестанские народы – раны и моваканы, представлявшие собой ядро населения Кавказской Албании; за ними эры и леки, заселявшие восточный Кавказ (Дагестан); затем кавкасианы, т.е. нахи, занимавшие Центральный Кавказ. Таким образом, в генеалогическую таблицу Леонти Мровели входят армяне, грузины (картвелы, мегрелы), нахские и дагестанские (или албано-дагестанские) народы.

В то же время в этой таблице нет народов западно-кавказской группы исконнокавказской языковой семьи – абхазов и адыгов. Если отсутствие в списке

кавказских народов пришлых ираноязычных осетин и тюркоязычных карачаевцев, балкар, кумыков вполне объяснимо и не вызывает удивления, поскольку, согласно Леонти Мровели, к потомкам Таргамоса относятся лишь коренные народы Кавказа, первоначально населявшие Кавказ[68], то исключение из списка абхазов и адыгов (черкесов), представлявших одну из двух групп автохтонного населения Кавказа, выглядит довольно странно, особенно в произведении грузинского автора XI века, так как грузинской историографии того периода абхазы и адыги (джики, зихи) хорошо известны. Более того, Леонти Мровели в своем труде пользуется генеалогической схемой грузинского писателя и переводчика X века Еквтиме Атонели, которая представлена в его версии сочинения Епифания Кипрского (конец IV– начало V вв.) «Diamerismos» и в которой в список народов мира вошли абхазы, зихи (адыги) и другие кавказские народы, которых нет в оригинальном тексте Епифания Кипрского.

Народы Западного Кавказа включены также и в список народностей, составленном анонимным грузинским автором XIII века (Кекелидзе 1945а: 100, 168). Кроме того, и сам Леонти Мровели, судя по всему, хорошо информирован об абхазах и в своей Хронике упоминает абхазов и егров отдельно, не смешивая их, четко отделяет Абхазию от Эгриси (Мровели Леонти: 33). Это не дает возможность согласиться с высказанным в научной литературе мнением, что отсутствие абхазов и адыгов в генеалогической схеме Леонти Мровели, возможно, связано с тем, что древнегрузинские племена поздно пришли на Кавказ и поэтому не могли ничего знать об этих народах, и сообщают лишь о тех, которые соседствовали с Картли (Меликишвили 1959: 294).

Кроме того, древнегрузинский автор XI в. не мог не знать о том, что в это время территория Эгриси входила в состав абхазского царства и называлась Абхазией, и именно в этой связи некоторые исследователи склонны предполагать,

[68] Считаю излишним комментировать попытки отдельных современных авторов (Мизиев 1986: 43- 44; Дзиццойты 2003: 187-188) искусственно включить в генеалогическую таблицу народов Кавказа Леонти Мровели ираноязычных осетин, тюркоязычных карачаевцев и балкарцев на основании произвольного подбора иранской или тюркской этимологии имени Таргамос, ввиду их очевидной несостоятельности.

что в собирательном названии Эгрос подразумеваются абхазы. Однако и это мнение требует существенной корректировки.

Согласно Леонти Мровели, каждому из народов, имена которых выводятся из названий этнополитических субрегионов, областей и племен Кавказа, мифическим предком Таргамосом выделяется соответствующая территория (Цулая 1982: 75). Нет надобности подробно останавливаться на выяснении мест локализации всех перечисленных народов – эти вопросы освещены во многих специальных исследованиях, где убедительно показано, что сведения Леонти Мровели о расселении народов, перечисленных в его генеалогической таблице, в основном достоверны и соответствуют современным представлениям об этнотерриториальной карте древнего Кавказа.

Потомки Гаоса (hAoca) армяне занимают бывшую территорию Урартского царства, картвелы (грузины) – Картли, от Лихского хребта на западе до Эрети на востоке. Далее следуют народы, относящиеся к нахско-дагестанской языковой группе: ранам, или потомкам Бардоса, отводится правобережье Куры от Хунаракерта до слияния Куры с Араксом; моваканам – левобережье Куры; эрам – Эрети, территория между восточной границей Картли и Главным Кавказским хребтом; лекам – Дагестан; кавкасианам (нахам) – центральные районы Кавказа.

Если территория проживания и этническая принадлежность вышеназванных народов определяется достаточно точно и не вызывает существенных возражений в научной литературе, то значение названия *мегрел* и эпонима *Эгрос* является спорным. Среди перечисленных народов – сыновей Таргамоса, в источнике указываются мегрелы, а название выделенной им территории выводится из имени *Эгрос*: «Эгросу же дал страну у берегов моря и наметил рубежи: на востоке – Горы Малые, ныне называемые Лихи; на западе – море; [на севере] – Малая река Хазарети, где примыкают горы Кавказские» (Мровели Леонти: 22).

Совершенно очевидно, что в приведенном отрывке воссоздана эпоха Абхазского царства и удел Эгроса соответствует территории раннесредневековой Абхазии, границы которой на востоке и юго-востоке доходили до Лихского хребта и реки Чорохи, а на северо-западе – до Никопсии (Анчабадзе 1959: 110-

111). Поэтому в исторической литературе принято считать, что под собирательным термином Эгриси подразумеваются абхазы и сваны, в чем, судя по территории, покрываемой названием Эгрос, вряд ли можно усомниться.

Однако это обстоятельство не может служить основанием для причисления абхазов к народам, объединенным, по концепции Леонти Мровели, общностью происхождения, то есть, к потомкам мифического Таргамоса, так как в самом перечне народов они не названы. Впрочем, даже если принять во внимание озвученное выше мнение ученых, то и в этом случае вопрос останется открытым, ибо трудно будет объяснить причину того, что в список не вошли адыги (черкесы), представлявшие собой значительную часть кавказского этнического мира.

Леонти Мровели важное значение придает одному из непременных признаков этнической общности – общности территории, в связи с чем уделяет пристальное внимание точности территориального определения каждого из перечисляемых народов, причем географическое размежевание тех или иных регионов Кавказа осуществляется в строгом соответствии с этническими границами. Как отмечает З.Ш. Дидебулидзе, «понятие общности территории у Леонтия Мровели всегда совпадает с понятием этнической общности, возникновение же новой этнической общности, связанное с процессами интеграции, вызывает перекройку прежних территориальных границ» (Дидебулидзе 1984: 91).

Однако при определении границ Эгроса этот принцип нарушается. Как видно из приведенного выше отрывка, в данном случае граница этнической общности не совпадает с территориальной общностью не только потому, что термин *Эгрос*, в отличие от других эпонимов, имеющих конкретное этническое значение, употребляется в собирательном смысле и включает в себя помимо мегрелов и сванов этнически не родственных им (мегрелам и сванам) абхазов, составляя в этот отношении исключение, но также и потому, что вне пределов удела Эгроса остается та часть мегрелов (мегрело-лазов), которая проживала в Юго-Восточном Причерноморье, к югу от нижнего течения реки Чорохи. И поэтому, конечно,

ученые вполне правомерно полагают, что у Леонти Мровели «этноним мегрелы не коррелирует с эпонимом Эгрос» (Цулая 1982: 180). Но на вопрос о том, какой народ подразумевается под этнонимом *мегрелы* и эпонимом *Эгрос*, удовлетворительного ответа среди исследователей нет.

К.С. Кекелидзе этноним *мегрелы* отождествляет, с одной стороны, с названными в «Хронике» Ипполита корзенами, тибаренами, халибами, моссиниками, которых в грузинской историографии принято считать мегрело-чанскими племенами, с другой – с *егерацик* древнеармянской версии той же «Хроники» (Кекелидзе 1945_a: 98-99, 178). Г.В. Цулая ставит под сомнение эту предположение, считая, что под термином *егерацик* (*Егерк*) в древнеармянских источниках, возможно, «имеется в виду та часть мегрело-чанов, территория расселения которой составляла *удел Эгроса* – Эгриси с центром в Бедиа» (Цулая 1982: 183). По мнению ученого, под этнонимом *мегрелы* у Леонти Мровели подразумеваются мегрело-чанские племена Юго-Восточного Причерноморья, то есть те же тибарены, корзены, халибы, моссиники, а термины *Эгрос* и *егерацик* армянской версии «Хроники» Ипполита связаны с теми западнокартвельскими племенами, центром земель которых Мровели считал город «Эгриси, ныне именуемый Бедиа» (Цулая 1982: 183).

Термин *мегрел* Леонти Мровели, вне всякого сомнения, следует отождествлять с древнеармянским *егерацик* (*Егерк*), однако отмеченные выше разночтения, допущенные исследователями при определении территории Егерк (егерацик) армянских источников, вызывают удивление, ибо территория эта определяется достаточно четко. В армянских источниках термин *Егерк* (*егерацик*) употребляется в двух смыслах – узком и собирательном, поэтому, для выяснения его содержания в каждом конкретном случае следует исходить из контекста.

Так, автор «Ашхарацуйца», перечисляя пятнадцать областей Великой Армении, указывает, что область Тайк (Тао) на западе граничит с Егерией («На западе Тайк граничит с Егерией») (Ашхарацуйц: 37). В данном сообщении, как отмечает Н. Адонц, «термин Егерия употребляется в Географии в широком

смысле, и означает все восточное побережье от Абхазии вплоть до Трапезунта» (Адонц 1971: 26).

В другом месте, уже при описании области Тайк, армянский географ свидетельствует, что «река Вох (Чорохи. – Г.Г.), которая течет из Спера, проходя около крепости Тухарк, направляется в [область] Клардж, а оттуда протекает через области Егр, Нигал, Мруз и Мрит и впадает в Понтийское море» (Ашхарацуйц: 37). Названия упоминаемых областей Нигаль, Мрул и Мрит соответствуют названиям притоков Чорохи: Нигаль – эта река Мургул, впадающая в Чорохи ниже Артвина; Мрут – Марат; Мрул – Имер-Хеви (Мерули). Область Егр занимала территорию от низовьев Чорохи до северного отрога Пархарских гор и от устья Имер-Хеви до Черного моря (Адонц 1971: 26; Еремян 1979).

Термин *Егр* (*Егерия)* в узком смысле, для обозначении области Егр в низовьях Чорохи, употребляют и другие раннесредневековые армянские авторы. Так, Мовсес Хоренаци, повествуя о походе армянского царя Валаршака (I в. до н.э.)[69] в области, лежавшие северо-западнее Армении, в частности, сообщает: «Действуя таким образом [Валаршак] упорядочивает земли Мажака, понтийцев и егеров и *направляется на север, через подножья Пархарских гор, через Тайк*…» (Мовсес Хоренаци: II, 6) (выделено мной. – Г.Г.). Отсюда следует, что область Егр находится юго-западнее Тайка, на левобережье Чорохи.

Именно эту область имеет в виду и Ованнес Драсханакертци в сообщении о деятельности армянского католикоса Мовсеса Еливардеци (574 – 604 гг.) о том, что в 599 г. «сей Мовсес рукоположил, согласно принятому прежде порядку, архиепископом наханга Вирк (Картли), Гугарка и Егерской иерея кафедрального собора – Кюриона» (Ованес Драсханакертци: XVI). Как известно, армянской церкви подчинялись церкви только Восточного Закавказья, в том числе и грузинская до ее отпадения от армянской и признания в начале VII в. догматов халкедонского собора, в то время как Западное Закавказье (Абхазия, Егерия)

[69] Мовсес Хоренаци считает Валаршака жившим во II в. до н.э. В действительности Валаршак – это первый Парфянский Аршакид на армянском троне, который начал править Арменией в середине I в. до н.э.

находилось в лоне византийской церкви и подчинялось константинопольскому (византийскому) патриарху.

Поэтому, естественно, армянский католикос никак не мог назначать егрисских (лазских) архиепископов. В данном сообщении Ованеса Драсханакертци, речь, несомненно, идет об области Егр в низовьях Чорохи, которая в церковном отношении подчинялась армянской церкви.

Область Егр в долине Чорохи была известна также и источникам, которыми пользовался Леонти Мровели. Описывая войну Картлийского царя Парнаваза (конец IV– начало III вв. до н.э.) с Сабердзнети (Греция), т.е. с Понтийским царством, Леонти Мровели сообщает, что «земли к югу от реки Эгрисцкали остались за греками» (Мровели Леонти: 30).

В научной литературе Эгрисцкали процитированного текста традиционно принято отождествлять с Ингур, а чаще с Галидзгой. Однако это входит в противоречие не только со сведениями Леонти Мровели, но и с этнополитической ситуацией в регионе того времени. Картлийский царь Парнаваз, поднявший восстание против Азо, разбив войска последнего, совершил набег на северо-восточную часть Малой Азии и вторгся в пределы Понтийского царства – Андзиадзору, а затем возвратился в Мцхету через области Эклеци (греч. Акилисена) и Кларджети (Картлис цховреба: 35; Мровели Леонти 30). Леонти Мровели сообщает, что в результате этого похода Парнаваз присоединил к Картлийскому царству Кларджети, «но земли к югу от реки Эгрисцкали остались за греками» (Мровели Леонти 30) (т.е. в составе Понтийского царства).

В данном случае источник дает столь четкие ориентиры, что совершенно исключается иное отождествление Эгрисцкали, кроме как с рекой Чорох. Согласно новейшим исследованиям, северные рубежи Понтийского царства в III–II вв. до н.э. доходили до нижнего течения Чорохи, где Понтийское царство граничило с Колхидой (Эгриси грузинских источников).

Следовательно информация Леонти Мровели о том, что земли к югу от нижнего течения Чорохи («земли ниже Эгрисцкали») в III веке до н.э. остались в пределах Понтийского царства, полностью соответствует историческим реалиям

того времени, т.е. в данном контексте под Эгрисцкали Леонти Мровели разумеет нижнее течение реки Чорохи, служившее границей между Понтийским царством (Саберзнети) и Эгриси (Колхидой). Это подтверждается и тем, что далее, в том же отрывке, Леонти Мровели говорит о выделении Парнавазом эгрисскому правителю Куджи земли именно от Эгрисцкали до Риони: «И дал он (Парнаваз. – Г.Г.) Куджи земли между Эгрисцкали и Риони, от моря до гор. В этой [местности] и находятся Эгриси и Сванети. И назначил [Парнаваз] его там эриставом» (Мровели Леонти 30).

Согласно Леонти Мровели, Куджи (царь Колхиды в начале III в. до н.э.) находился в зависимости от Парнаваза. Но, как известно, зависимость Колхиды (Егр) от Картлийского царства в III – I вв. до н.э. исключается. В сообщении Леонти Мровели о признании правителем Эгриси в качестве своего владыки царя Парнаваза и о назначении Куджи эриставом Эгриси (Колхиды), как уже выявлено в научной литературе, проявляется общая тенденция, отвечающая концепции грузинского историка, согласно которому Картлийские цари издревле играли главенствующую роль (Ломоури 1982: 58-59).

Нас в данном случае интересуют не взаимоотношения правителей Колхиды и Картли, а географические ориентиры, сообщаемые грузинским автором. Вряд ли у непредвзятого исследователя могут возникнуть сомнения в том, что и в этом случае термин *Эгрисцкали* в источнике употребляется для обозначения реки Чорохи, в отличие от позднего Эгрисцкали, идентичного реке Ингур. Существующее в научных кругах мнение о том, что Эгрисцкали вышеприведенного отрывка следует отождествлять с рекой Ингури (или Галидзга) и речь якобы идет о землях между Риони и Ингури (или Галидзга), является не чем иным, как просто недоразумением. Помимо всего прочего, неправомерность такой интерпретации заключается в том, что в этом случае за пределами Колхиды (Егерии), владения Куджи, в III в. до н.э. оказываются земли между Чорохи и Риони, т.е. основная часть Колхиды того времени.

Видимо, исследователей, отождествляющих Эгрисцкали рассматриваемого отрывка с рекой Ингури или с Галидзгой, вводит в заблуждение приписка к

данному тексту, в которой говорится о строительстве Куджем крепости Годжи (древ. Археополис), которая была расположена западнее реки Риони. Но, возможно, строительство крепости Годжи (Цихе-Годжи) связывается с Куджем по той простой причине, что, тому или иному историческому деятелю Леонти Мровели, обычно, приписывает какое-либо деяние, обычно – основание какого-нибудь города, крепости и т.д.[70]. Однако более вероятным представляется, что перед нами наслоение сведений, отражающих различные временные отрезки, что характерно для хроники Леонти Мровели.

Как отмечают исследователи, в летописи грузинского автора исторически обоснованно выделяются несколько этапов этнической истории Кавказа. Древнюю карту расселения кавказских племен, основанную на тех или иных достоверных источниках (устных или письменных), Леонти Мровели осмысливает в соответствии с этнополитической картой раннего средневековья и во многих случаях раннесредневековую ситуацию проецирует на более древнюю эпоху (Дидебулидзе 1984: 93; Цулая 1982: 181).

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что очерчиваемые в хронике Леонти Мровели пределы владения Куджи – от Чорохи (Эгрисцхали) на юге до Риони (Цихе-Годжи) на северо-западе, совпадают с границей Лазики V в. н.э. По «Ашхарацуйцу», граница между Абхазией и Егр (Лазика) в V–VI вв. н.э. проходила по реке Техури, до ее впадения в Риони, далее по нижнему течению Риони до Черного моря (Гумба 2004: 48), а крепость Цихе-Годжи находилась на левом берегу Техури, в предгорьях Эгрисского хребта. Следовательно, рассматриваемый отрывок отражает этнополитическую ситуацию V–VI вв. н.э., когда граница Лазского (Эгрисского) царства на северо-западе доходила до реки Техури и нижнего течения Риони. По-видимому, эту этнополитическую

[70] В армянском переводе «Картлис цховреба» Куджи строит крепость, названную его именем: «И Куджи построил крепость Куджи» (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник: 34). Учитывая, что армянский текст «Картлис цховреба» является наиболее древним, нельзя исключать, что приписываемое эгрисскому царю Куджи строительство Цихе-Годжи (Археополис) является поздней вставкой в грузинский текст источника.

ситуацию, отражающую раннесредневековый период, Леонти Мровели и проецирует на более раннюю эпоху.

Таким образом, при описании Эгриси в хронике Леонти Мровели довольно отчетливо выявляются три слоя: первый – это IV–III вв. до н.э., когда существовала область Эгриси (Егр) в долине реки Чорохи (Эгрисцкали); второй – V–VI вв. н.э., период Лазского (Эгрисского) царства, границы которого охватывали территорию от Чорохи на юго-востоке до реки Техури и нижнего течения Риони на северо-западе; третий – эпоха Абхазского царства (VIII–XII вв. н. э.)

Все вышеизложенное дает достаточно веские основания полагать, что в хронике Леонти Мровели при воссоздании раннего этапа истории Эгриси под этнонимом *мегрелы*, производным, как известно, от *егр*//*агр* (*Егерия*), подразумевается население вышеуказанной области Егерия в долине Чорохи, что соответствует *Егр* армянских источников, и в том числе *егерацик* древнеармянской версии «Хроники» Ипполита.

Следовательно, у Леонти Мровели этноним *мегрелы* не коррелирует с эпонимом *Эгрос* не потому, что под мегрелами подразумеваются халибы, корзены, моссиники и тибарены, мегрело-чанская принадлежность которых, кстати, весьма сомнительна, а под Эгросом – современная Западная Грузия, как это предполагает Г.В. Цулая, а потому, что эти термины воспроизводят хронологически различные периоды. Эпоним *Эгрос* отражает эпоху Абхазского царства, т.е. этнополитическую обстановку раннего средневековья, а этноним *мегрелы* воспроизводит ситуацию более древнего периода, когда термин *Егерия* обозначал выше обозначенную область в долине Чорохи (Эгрисцкали).

В хронике Леонти Мровели такое соотношение этнонима и эпонима не является исключением. Так, в перечне народов Кавказской Албании потомков (сыновей) Таргамоса, грузинский историк называет *ранов*, а название выделенной им территории выводит уже из эпонима *Барда* (*Бардос)* (Мровели Леонти: 22). В первом случае сведения Мровели основываются на древней традиции, согласно которой, Ран являлся родоначальником албан. Легенда об этом зафиксирована в

«Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и в «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатваци.

Появление термина *Бардос* (*Барда*) для обозначении территории Ран (Арран) связано с тем, что в начале VI века резиденция Албанского марзпанства была перенесена Сасанидами из Дербента в город Барда (Партав) на правобережье Куры, построенный при шахиншахе Каваде I (488 – 531). С того времени в раннесредневековых источниках Арран (Ран) стал часто называться *страной Бардаа,* по названию столицы Барда, что и отражено у Леонти Мровели. Таким образом, этноним *ран* отображает более древнюю эпоху, а эпоним *Бардос* выводится из названия раннесредневекового политического образования Барда (*страна Бардаа*).

Итак, по концепции Леонти Мровели, общностью происхождения объединены армяне, грузины (картвелы и мегрелы) и народы нахско-дагестанской группы исконнокавказской языковой семьи – нахи, дагестанцы и албаны. Территория расселения перечисленных народов в начальный период их истории охватывает Армению, восточную часть Южного Кавказа, Центральный и Восточный Кавказ. Здесь нельзя не обратить внимание на то, что указанная территория при нанесении на карту почти полностью совпадает с предполагаемым ареалом расселения в древности (III–II тыс. до н.э.) родственных хуррито-урартских и нахско-дагестанских племен. Не заметить этого нельзя даже при очень большом желании.

Столь поразительное совпадение наталкивает на мысль о том, что, возможно, историческая концепция Леонти Мровели восходит именно к этой, реально существовавшей, восточно-кавказской (нахско-дагестанской и хуррито-урартской) общности, которая по своему происхождению, языковой принадлежности и общности истории на ранних этапах действительно представляла единую этнокультурную общность, на базе которой впоследствии и сформировались народы Восточного Кавказа и Армении.

Представляется вполне вероятным, что в основе концепции Леонти Мровели об общем происхождении перечисленных им народов – армян, грузин, вайнахов и

албано-дагестанцев, лежат устные или письменные предания древнейшего населения (хуррито-урартского и нахско-дагестанского) данной территории, в которых и были отражены единство происхождения, территории и исторических судеб этих народов. Этим и объясняется отсутствие в генеалогической таблице Леонти Мровели народов абхазо-адыгской группы исконнокавказской языковой семьи.

Как уже отмечалось выше, очерчиваемые первоначальные рубежи земли Таргамоса в основном совпадают с границами Урартской державы периода его могущества, т.е. начальный этап истории и истоки общности перечисленных в генеалогической таблице народов, Леонти Мровели возводит к Урарту – общей прародины таргамосиан. Имя Таргамоса – общего родоначальника кавказских народов (в «Таблице народов» Библии Тогарма является Ноевым отпрыском, сыном Гомера, сына Яфета) (Библия: X, 1), восходит к названию области Тогарма, которая лежала между Цопеной (Цопк), Табалом и Малатьей (Мелида), в долине реки Тохма-Су, охватывая земли и к востоку от Евфрата (Дьяконов 1967: 84; Арутюнян 1985: 184).

Название *Торгом* (*Тегарм*а) известно в Передней Азии с глубокой древности: в хеттских текстах середины II тыс. до н.э. упоминается страна *Тегарама*, ассирийцы же называли эту страну *Тиль-Гаримме* (Пиотровский 1946: 23). После падения Урарту царство Тогарма («Дом Торгома») существовало еще некоторое время, расширившись на восток и включив в себя урартские области (Дьяконов 1951: 187). В связи с этим название *Торгом (Тогарма)* стало применяться в обозначении территории Урарту, а позднее и Армению. Древнеармянские авторы, например, Фавст Бузанд, Агатангелос, при употреблении *дом сынов Торгома* и *страна Торгома* поясняют, что это Армения (Фавст Бузанд: IV, I; V, I; Агатангелос: 776, 796).

Библейская же «Таблица народов» была написана после падения Урартского царства, в период возвышения Тиль-Гаримма (Тогармы), которая охватывала большую часть страны Урарту (Библия: X, 1;XXVII, 14; XXXVIII, 6), поэтому вместо названия *Урарту* (*Арарат*) в «Таблицу» вошло *Тогарма*. Именно этим и

объясняется использование Леонти Мровели термина *Таргам* (*Тогарма*) для обозначения территории Урарту и возведение им эпонима *Таргамос* (читай *Урарту*) в ранг «отца» перечисляемых народов. То есть, общим предком народов генеалогической таблицы Леонти Мровели является *Урарту*, которого он называет *Таргамосом*, а его удел соответствует территории Урартского царства.

Позже, после того как царство Тогарма пало под ударами войск мидийцев и вавилонян, как и раннее, после падения Урарту, прослеживается перемещение населения из областей Урарту (Тогарма) на север, в районы Кавказа (см. выше). События рубежа VII–VI вв. до н.э. – падение Урартской державы, мощные миграционные потоки, направленные с юга на север, были столь значительными, что воспоминания о них сохранились во многих древних письменных источниках: античных, древнеперсидских, древнееврейских, древнеармянских, древнегрузинских. Разумеется, сообщения об этих событиях, почерпнутых из надежных первоисточников, переплетались с полулегендарными повествованиями, основанными на слухах.

Однако не подлежит сомнению то, что сведения раннесредневековых армянских и грузинских авторов основывались на более обширной древней литературе, нежели та, которая известна нам сейчас. Так, для Мовсеса Хоренаци одним из главнейших источников по древней истории Армении был «сириец Мар Абас Катина, муж разумный и сведущий в халдейской и греческой письменности» (Мовсес Хоренаци: I, 85; Абегян 146:).

Леонти Мровели в качестве источника неоднократно упоминает о существовании на грузинском языке «Книги Неброта» («Небротиани»). В этой связи, как отмечает Г. Цулая, симптоматично, что линия борьбы Неброта и «небротидов» против потомков Иафета в хронике Леонти Мровели перекликается с древнееврейской традицией, согласно которой, Нимрод возглавил потомков Хама в войне против яфетидов, т.е. таргамосиан (урартов) (Мровели Леонти: 47. Прим. 28).

Наряду с письменными документами, несомненно, существовали и устные предания, повествовавшие об этих великих событиях, изменивших

этнополитическую ситуацию древней Передней Азии. Эти предания сохранились в среде древнейшего населения центральных областей Южного Кавказа – нахских и хуррито-урартских племен. Выше уже отмечалось почти полное сходство сведений древнеармянских и древнегрузинских письменных источников, касающихся переселения с юга на Кавказ под натиском халдеев (вавилонян) цанаров и хонов, с этногенетическими преданиями цанаров, зафиксированными в IX в. арабским историком Масуди, и аналогичными сказаниями современных нахских народов – чеченцев и ингушей.

Видимо, эти древнейшие предания и легли в основу сообщения Леонти Мровели о первоначальном этапе истории кавказских народов. Так, Н.Я. Марр, относительно источников Леонти Мровели, отмечает: «…история Леонтия Мровели основана была, прежде всего, на устных преданиях. Это видно из самого термина *hambav* (название труда Мровели), как он назывался первоначально …Термин *hambav* в позднейших списках заменен христианским литературным термином *цховреба – житие*» (Марр 1922).

Все это дает достаточные основания предположить, что Леонти Мровели при конструировании своей исторической концепции, помимо письменных источников, широко пользовался и устными преданиями, бытовавшими в среде родственных урартам нахских и, возможно, дагестанских племен, еще в раннем средневековье проживавших в Картли. Кроме того, установлено, что определенная часть урартских и южнонахских племен была ассимилирована грузинами (Меликишвили 1959: 294-295; Харадзе, Робакидзе 1968: 15-18).

И вполне вероятно, что древние предания об урартской эпохе были унаследованы грузинами от слившихся с ними нахских племен, что и легло позднее в основу исторической концепции Леонти Мровели. Довольно веским аргументом в пользу такого предположения служит и то, что Леонти Мровели первоначальным языком всех перечисляемых им народов – таргамосиан, считает урартский, который он называет армянским (Барамидзе 1972: 59).

Поэтому рассматривать сведения Леонти Мровели о начальном периоде истории таргамосиан лишь как попытку хрониста-христианина увязать

происхождение грузин и перечисленных вместе с ними народов с библейской традицией, как это принято в литературе, было бы упрощенным и неверным. При построении генеалогии народов (таргамосиан) Леонти Мровели, несомненно, использовал библейскую схему – «Таблицу народов», но наполнил ее иным содержанием – преимущественно данными местных источников (как письменных, так и устных), что дает основание достаточно уверенно говорить о том, что его концепцияобщего происхождения перечисляемых народов имеет под собой вполне реальную историческую основу.

Таким образом, Леонти Мровели предпринимает попытку коренного пересмотра господствовавшей в раннем средневековье версии о происхождении грузин, согласно которой, они считались не аборигенами Кавказа, а пришлым, причем насильственно переселенным на Кавказ, народом, и стремится показать, что грузины издревле жили на Кавказе и входят в круг коренных кавказских народов.

В связи с этим он ставит задачу выяснить вопросы происхождения не только грузинского, но и других народов Кавказа и таким образом показать общность их происхождения, а в итоге не просто доказать автохтонность и этническое родство грузин с коренными кавказскими народами, но как бы раскрыть историческую обусловленность роли и значения грузин в судьбе кавказских народов (Гумба 2003: 131-135).

Естественно, для достижения поставленной цели грузинскому историку абсолютно не подходили существовавшие в его время версии о переселении грузин на Кавказ в античной, арабской, армянской и грузинской исторической традиции. Разумеется, не устраивали его также и сведения источников о проживании в Картли до прихода грузин других племен – хонов, бунтурков, гирканов. Так, например, Леонти Мровели был знаком с «Мокцевай Картлисай» (Меликишвили 1959: 282), где сообщается о хонах и бунтурках – догрузинском населении Картли, но он не упоминает эти народы. Хотя, однако, далее, следуя своим источникам, он называет древнейших жителей Картли «звероподобными»,

«людоедами», и поясняет, что это были «коренные картлийцы», «которых мы называем бунтурками» (Мровели Леонти: 28; Меликишвили 1959: 282).

Вместе с тем, новая концепция, безусловно, не могла быть плодом выдумки автора. Для того, чтобы новую версию могли воспринять современники, ее надо было серьезно обосновать, опираясь на местную историческую память и существовавшие в то время предания, используя их в качестве опоры для создаваемого мифа. В то же время Леонти Мровели должен был использовать именно те предания, которые более всего соответствовали бы поставленной цели и послужили прочной опорой для создаваемого мифа. Таковыми, судя по списку народов, которые Леонти Мровели объединяет общностью происхождения и территории расселения, были, скорее всего, устные и письменные сказания древнейшего населения восточной части Южного Кавказа, то есть хуррито-урартских и родственных им нахско-дагестанских племен.

Учитывая предполагаемые границы ареала расселения генетически родственных хуррито-урартских и нахско-дагестанских племен в древности и роль хуррито-урартов в формировании армянского народа, следует согласиться с тем, что идея Леонти Мровели об общности происхождения всех этих народов зиждется на совершенно реальной исторической основе. Что же касается причисления к ним, т.е. к потомкам Таргамоса (Урарту), грузин то можно отчасти согласиться, что и здесь грузинский историк не так уж далек от истины.

Общий культурно-исторический субстрат урартов вместе с армянским, нахскими и дагестанскими народами в известной степени разделяют и грузины. Кроме того, нельзя упускать из виду, что, вероятно, определенная часть урартских племен, а в центральных районах Южного Кавказа также нахских, могла быть, как отмечено выше, позже ассимилирована осевшими в этих местах древнегрузинскими племенами и вошла в состав формировавшегося грузинского народа, привнося с собой предания о своем прошлом. Переняв грузинский язык и таким образом слившись с грузинами, эти племена, конечно, не вычеркнули из своей памяти свои исторические предания, однако следующие поколения эти предания стали воспринимать уже как «грузинские». В таком случае причисление

Леонти Мровели грузин к потомкам Таргамоса (Урарту) можно считать в некоторой степени оправданным.

Именно в этом аспекте следует рассматривать сходство и различие сообщений армянского и грузинского авторов – Мовсеса Хоренаци и Леонти Мровели – о происхождении и начальном этапе истории армян и грузин. Сведения обоих историков о приходе Таргамоса с домочадцами в пределы Арарата (Масиса), о распределении земель между его сыновьями, о битве против Неброта (Бэла) и победе над ним в основном совпадают.

Однако, вместе с тем, как уже было отмечено выше, между текстами существует ряд расхождений. Совпадения объясняются, скорее всего, тем, что оба автора – и армянский, и грузинский, черпали сведения о древнейшем периоде истории своих народов из одного общего источника. Причина же различий кроется, по-видимому, в следующем. Во-первых, среди урартских и нахских племенных групп, проживавших в разных частях Урарту и Восточного Закавказья, могли существовать различные варианты одного и того же предания, и с течением времени они могли претерпеть определенные изменения, что, по-видимому, и отразилось в армянском и грузинском источниках. Во-вторых, и Мовсес Хоренаци, и Леонти Мровели осмысливали сведения источников (устные и письменные) через призму поставленных целей, и каждый, очевидно, отбирал тот материал, который отвечал задаче, ради решения которой он писал свое сочинение.

Цель Мовсеса Хоренаци – это история армянского народа, которое он пишет по поручению марзпана Армении князя Саака Багратуни и поэтому, соответственно, отбирает те материалы, которые имеют непосредственное отношение к истории собственно Армении. Так, Мовсес Хоренаци, судя по всему, пользовался источниками, в которых содержались сведения об участии кавказских народов в битве против Вавилонского царя. Но, несмотря на это, армянский историк ограничивается лишь сообщением о том, что hАйк (Урарту), будучи повелителем всего Восточного Закавказья, для борьбы с Бэлом

(Небротом) собрал не только армян, но и представителей «других, бывших под его властью (народов)» (Мовсес Хоренаци: I, 85).

В отличие от Мовсеса Хоренаци, Леонти Мровели, очевидно, использует сведения источников более широко, объединяя их в один цельный рассказ, преломляя в соответствии со своими целями. Грузинский историк поименно перечисляет все народы и присовокупляет к ним грузин (картвелов и мегрелов), доказывая таким образом единство их происхождения и братство с автохтонными кавказскими, точнее, восточно-кавказскими, народами – таргамосианами.

По сути, Леонти Мровели впервые в историографии формулирует тщательно разработанную концепцию автохтонности грузин, основанную на общности происхождения и родства с кавказскими народами, тем самым пытаясь противопоставить ее господствовавшей в то время традиции, отрицавшей местное происхождение грузин. Для этой цели Леонти Мровели объединяет и сводит в одно целое два параллельно существовавших предания: одно – принадлежавшее собственно переселившимся в Картли племен и отраженное в «Мокцевай Картлисай» («мы, картвелы, являемся потомками этих переселившихся арриан-картов»); другое – этногенетическое предание, бытовавшее среди древнейшего нахского населения Картли – хонов, цанаров, бунтурков, гирканов.

Следует сказать, что средневековый грузинский историк блестящее справился с поставленной задачей и проявил себя выдающимся мыслителем. Перед нами глубоко продуманная и вполне целенаправленная система информации. Все сочинение, словно красной нитью, пронизано идеей общности происхождения, братства и неразрывности исторических судеб перечисляемых автором кавказских народов[71].

Леонти Мровели опирается на этногенетические предания нахского населения центральной части Южного Кавказа не только при изложении

[71] Не случайно на протяжении многих столетий концепция Леонти Мровели пользуется большой популярностью. Впрочем, выдающееся значение труда грузинского историка, его огромная идеологическая и политическая ценность, сила его влияния на умы становятся более понятными, если вспомнить, что даже в настоящее время предпринимаются попытки включить те или иные народы Кавказа (например, осетин, карачаевцев, балкарцев) в генеалогическую таблицу народов Леонти Мровели.

начального этапа истории Картли, но и при описании последующих событий. В частности, влиянием именно этих сказаний, вероятно, объясняются резкие противоречия между данными о возникновении и становлении Картлийского царства, содержащимися в «Жизни Картлийских царей», и информацией по тому же вопросу другого древнегрузинского источника – «Мокцевай Картлисай», о чем пойдет речь в следующей главе.

Глава IV Этнополитические образования Центрального Закавказья во второй половине I тыс. до н.э.

§1. Сасперия Геродота.

В историографии прочно установилось суждение, что после падения Урартской державы на рубеже VII – VI вв. до н.э. на Северо-востоке Малой Азии, в верховьях реки Чороха с центром в местности Спер, образовалось крупное государственное объединение древнегрузинских племен, которое было известно под названием Сасперия (Меликишвили 1959: 232; Лордкипанидзе 1989: 221; Оче. ист. Грузии 1989: 217). Обоснованием данного предположения служит упоминание древнегреческим историком Геродотом саспиров (сасперов) вместе с колхами, мидянами и персами: «От озера Меотиды до реки Фасиса и колхов тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода, а из Колхиды недалеко перейти в Мидию, только между этими странами живет одна народность - саспиры» (Геродот: I, 104).

В другом месте своего труда Геродот пишет: «Персы живут в Азии вплоть до Южного моря, называемым Красным (Персидский залив – Г.Г.). К северу от них обитают мидяне, выше мидян саспиры, выше саспиров - колхи, граничащие с Северным морем (Черное море – Г.Г.), куда впадает река Фасис. Эти четыре народа живут от моря до моря» (Геродот: IV, 37).

Отмечая, что в приведенных сведениях Геродота отражена политическая ситуация первой половины VI века до н.э. (по мнению О.Д. Лордкипанидзе – до 520 года до н.э.), исследователи полагают, что под названием *саспиры* подразумевается крупное политическое объединение, занимавшее территорию между Колхидой и Мидией (современный Северный Иран), которое включало себя значительную часть территории бывшего Урартского царства, в том числе и земли вокруг озера Ван (Меликишвили 1959: 232, 233; Лордкипанидзе 1989: 221; Оч. ист. Грузии: 217).

В имени *саспир* начальное «са» выделяется как грузинский префикс «вся», а «спир» связывается с названием местности Спер в верховье Чороха и, как

отмечают исследователи, это обстоятельство указывает на восточно-грузинский характер объединения сасперов (Меликишвили 1951: 7 – 8).

Однако такое понимание сведений Геродота о саспирах (сасперах) вызывает сомнение. Дело в том, что исследователи, делая свои выводы, опираясь именно на политический характер сообщения Геродота, совершенно игнорируют саму политическую ситуацию региона, которая изображена у Геродота. Нет сомнения в том, что в вышеприведенных сообщениях Геродота отображается политическая карта региона, и термин *Саспериа* употребляется в политическом значении.

Но совершенно очевидно и то, что в данном контексте в политическом значении Геродот употребляет и остальные термины, в том числе *Мидия,* обозначая им Мидийское царство, а не территорию собственно Мидии в ее узком значении. Чтобы убедиться в неправомерности и ошибочности сложившегося мнения о Саспериии, как о крупном государственном образовании VI в. до н.э., располагавшееся на вышеотмеченной обширной территории, достаточно взглянуть на политическую карту региона и границы Мидийского царства.

Как известно, в конце VII века до н.э. сложились два военно-политических союза крупнейших мировых держав того периода, в одном из которых объединились Египет, Ассирия и Урарту, а в другом – набиравшие в тот период силу Мидия и Вавилон. На рубеже VII – VI вв. до н.э. между ними разгорелась война за гегемонию в Передней Азии, в результате которой были сокрушены Ассирийская и Урартская державы, что повлекло за собой существенное изменение политической и этнической карты Древнего Востока.

В 590 году до н.э., окончательно разгромив Урартскую державу и подчинив вновь образовавшиеся на ее развалинах новые государственные объединения (Алародии – в бассейне среднего течения Аракса; Цопа – в долине нижнего течения Арацани; Арме (Урме) – на юго-западных областях Урарту, на границе с Ассирией; Матиена – в верховьях Евфрата, с центром Ерцрум (Ерзрум и др.), мидийцы развернули борьбу с сильным государством Лидией за овладения Малой Азией. После нескольких лет войны 28 мая 585 года до н.э., был заключен известный договор между Лидией и Мидией, согласно которому границей двух

государств стала река Галис (современный Кызыл-Ирмак в Турции), о чем и сообщает Геродот: «Границей же мидийского и лидийского царств была река Галис» (Геродот: I, 72).

Согласно этому договору земли, западнее р. Галиса (от ее излучины и до впадения в Черное море) оказались во владении Лидии, а территория к востоку от р. Галиса, т.е. вся северо-восточная часть Малой Азии перешла во владение Мидии. За пределами Мидии оказалась территория к западу от Понтийского хребта – Восточное Причерноморье, которая составляла часть Колхидского царства.

Северо-западная граница Мидии устанавливается достаточно определенно: она начиналась от впадения реки Храми в реку Кура на востоке и шла на северо-запад по реке Храми, по Триалетскому хребту до Мосхийских гор, затем сворачивала на юг и пролегала по водораздельному хребту Арсиан (между истоками Чороха и Евфрата), далее на запад по Понтийскому хребту (Hewsen 1978 – 1979: 56; Тер-Мартиросов 1998: 127)[72].

В сообщениях Геродота о Мидии, несомненно, речь идет о Мидийском царстве первой половины VI в. до н.э., граница, которого на северо-западе проходила по отмеченной линии. Это подтверждается также сообщением Полибия о том, что границы Мидии на западе «возвышаются над Понтом» (Полибий: V, 55). В вассальной зависимости от мидийских царей находилась и Персия, но последняя сохраняла номинальную самостоятельность, где приблизительно с 600 по 559 г. правил Камбиз I, поэтому Геродот выделяет ее в отдельную политическую единицу.

Упоминание Сасперии между Колхидой и Мидией, конечно, свидетельствует о том, что она не входили в состав ни Мидийского, ни Колхидского царств и являлась политически независимой. Но занимала, видимо,

[72] По мнению И.М. Дьяконова (Дьяконов 2008: 340 – 341) северо-западная граница Мидии проходила недалеко от долины реки Риони, что менее вероятно. По данным почти всех доступных сегодня источников территория к западу от Понтийского хребта – Восточное побережье Черного моря составляла в то время часть Колхиды.

сравнительно небольшую территорию в долине Чороха, гранича с Колхидой по Понтийскому хребту, а с Мидией – по Арсианскому хребту. Об этом свидетельствуют и следующие уточнения Геродота: «поблизости от земли саспиров Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом»; далее: «только в одном месте, именно поблизости от земли саспиров, Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом, вся же остальная Мидия – плоская равнина» (Геродот: I, 110).

Эти уточнения оставляют мало сомнений в том, что граница Мидии с Сасперией проходила недалеко от долины реки Чороха, поскольку, рисуемый Геродотом географический ландшафт полностью соответствует этим местам, где горы, в том числе и водораздельный хребет между Чорохом и Евфратом, густо покрыты лесом, откуда они и получили свое название Арсианские горы («Лесистые горы») на родственных хуррито-урартским нахских языках (Туманов 1913: 56-58).

Следует отметить, что античные источники сохранили представление о Мидийском государстве, как об огромной империи, существовавшей со времени разрушения ассирийской столицы Ниневии в 612 г. до н.э. и до победы персидского царя Кира над мидийцами в 550 г. и включавшей в себя Верхнюю Месопотамию, коренную территорию Ассирии, Урарту, Персию, Элам, Дрангиану, Парфию, а также Малую Азию до р. Галис.

Вскоре мидийцев сменили персы. После разгрома персами Мидийского царства и завоевания Лидии в 546 г. до н.э., вся территория Малой Азии оказалась в составе Ахеменидской Персии. Мидия, хотя и сохраняла номинальную самостоятельность, но оказалась в составе Персии, а в 521 г. была превращена в административную единицу Ахеменидской Персии – сатрапию *Мидия*. В период господства мидян сасперы и колхи были независимыми, но при Ахеменидах сасперы были завоеваны и вместе с матиенами и алародиами включены в состав 18-ой сатрапии, носившей название Мидийской, а колхи оказались в вассальной зависимости (Геродот: III, 97). Что касается границы Ахеменидской Персии к востоку от Понтийского хребта, в центральных районах

Южного Кавказа, то, она не претерпела существенных изменений со времен Мидийского царства и проходила от Мосхийского хребта на восток по Триалетскому хребту и далее по реке Храми до ее впадения в реку Кура (Новосельцев 1976: 106; Тер-Мартиросов 1998: 135).

Как видно, для «крупного государственного образования сасперов» на вышеуказанной территории не остается ни места, ни времени. Правда, если не считать промежуток времени, охватывавший период завоевания Мидией Урарту и войны с Лидией, продолжавшейся около 6 лет. Но предположить, что за такой короткий период времени сасперам удалось оттеснить находившуюся на подъеме могущественную Мидию и создать государственное объединение на вышеотмеченной обширной территории, было бы, конечно, недоразумением.

Что касается проблемы этнической принадлежности сасперов, то при ее рассмотрении, прежде всего, необходимо учитывать, что нагорная плоскость северо-восточной части Малой Азии, откуда берут свое начало реки Евфрат, Галис (Кызыл-Ирмак), Чорох, Кура и Аракс представляла собой, говоря словами Н.Я. Марра, «этнический Везувий». По данным, которыми сегодня располагает историческая наука, данная территория являлась местом проживания и точкой пересечения путей для множества племен, различных по своему этническому и языковому происхождению. Ассирийские и урартские письменные источники фиксируют в этих местах, в период с XII по VIII в. до н.э., крупное государственное образование Диаухи (Диаени), в которое входили многочисленные племена, большинство из которых являлись хуррито-урартскими.

Вместе с тем, названия многих племен, входивших в объединение Диаухи или выступавших в качестве его союзников, сохранились в современной этно- и топонимической номенклатуре нахских и дагестанских народов, что в совокупности с прочими данными свидетельствует об этнической связи этих племен с нахскими и дагестанскими народами (Гумба 2007: 57 – 61).

После падения Диаухи под ударами Урарту в первой половине VIII веке до н.э., долина Чороха вошла в состав Колхидского царства (Меликишвили 1959:

88). В пользу этого свидетельствует и появление названия Акампсис для обозначения реки Чороха.[73] Плиний же реку Чорох (Акампсис) называет Апсар (Абсар) (Плиний: VI, 29). В этих названиях выделяется абхазо-адыгское слово *пс* (вода), широко распространенное в гидронимике Восточного Причерноморья и Западного Кавказа.

Появление абхазского названия Чороха – Акампсис (Апсар), следует, наверное, относить к периоду (VIII –VI вв. до н.э.), когда долина Чороха входила в состав Колхидского царства. Можно было бы предположить, что к тому времени могли появиться и название Пасис (Фазис) для обозначения верхнего течения Аракса и области Пасен (Басен) на левобережье Пасиса (Аракса) (Ксенофонт: (IV), VI, 10, 24). Однако для этого нет основании, поскольку отсутствуют какие-либо материалы, которые свидетельствовали бы о распространении пределов Колхиды до верховьев Аракса.

Возможно, возникновения абхазской (или абхазо-адыгской) топонимики и гидронимики в верховьях Аракса следует относить к более раннему периоду, ко времени существования государственного объединения Ацци-Хайаса (II тыс. до н.э.,), связь которого с абхазским этническим миром уже отмечалось в исследовательской литературе (Инал-ипа 1976: 105). Вместе с тем, не исключено также, что появление отмеченных названий связано с продвинувшимися в XII в. до н.э. из Юго-восточного Причерноморья на юг, в верховья Евфрата и Аракса абешлами и кашками (Дьяконов 1951_a: 10 (I, 62); Дьяконов 1951_a: 23 (I, 69). Вполне допустимо, что часть древнеабхазских племен абешла осела в верховьях Аракса, откуда позднее и названия Пасис (Фазис) в обозначении верхнего течения Аракса и области на левобережья Аракса (Пасиса) – Басен.

Что касается долины Чороха, то она входила в состав Колхиды, по-видимому, вплоть до начала VI в. до н.э., во всяком случае, до падения Урарту и возвышения Мидии. Из-за отсутствия соответствующих источников трудно определить – на чьей стороне и вообще принимало ли участие Колхидское

[73] Если признать, что в названии Акампсис компонент *а-кам* (*кан*) – древнеармянское слово *исток, каньон*, то тогда получаем *Акампсис − Исток Псиса* (*Пасиса*).

царство в развернувшейся на рубеже VII – VI вв. до н.э. масштабной войне между крупнейшими державами мира. Но, судя по тому, как после падения Урарту, Колхида потеряла земли к востоку от Понтийского хребта – долину Чороха (Акампсис, Абсар), есть основания предполагать, что она примыкала к Ассирийско-Урартскому союзу.

По-видимому, после отпадения от Колхиды долины Чороха в начале VI века до н.э., здесь формируется небольшое объединение племен с центром в местности Спер, откуда и название Сасперия. Вероятно, на определенный период времени, скорее всего, в мидийский – первая половина VI в. до н.э., до завоевания ее Ахеменидской Персией, Сасперия сохраняла независимость, как от Мидии, так и от Колхиды, что и получило отражение у Геродота.

Исходя из вышеизложенного и скудости источников, определить этническое происхождение сасперов, как и других племен, упоминаемых древними источниками в середине I тыс. до н.э. в верховьях Чороха, Евфрата и Аракса, довольно сложно и вопрос этнической принадлежности населения данного региона пока еще остается дискуссионным. В грузинской историографии принято считать сасперов предками грузинских племен. В основе этой гипотезы лежит, высказанное А.С. Хахановым предположение о возможном происхождении термина *Иберия* от *Сперия* (спер > ибер) (Хаханов 1892: 18 – 20; см. также: Меликишвили 1959: 78). Однако переход «спер» в «ибер» (на каком языке?) очень сомнителен и не может служить серьезным научным аргументом в определении этнической принадлежности сасперов, на что указывается многими специалистами языковедами.

Кроме того, нельзя обойти вниманием тот странный и трудно объясняемый факт, что в грузинской историографии происхождение термина Иберия возводится или к имени Сперия (> Иберия), или – Тиберия (> Иберия), или Табал (> Иберия), или одновременно ко всем трем, причем у одних и тех же авторов. При этом никого не смущает тот факт, что носители этих названий представляли собой совершенно разные этноязыковые группы и места их расселения были

довольно далеки друг от друга. Кроме того, если принять за основу одну из этих гипотез, то остальные два, естественно, отпадают.

Однако, как это ни парадоксально, в грузинской историографии все они сосуществуют как аксиома и, в зависимости от предпочтения того или иного исследователя, предками грузин (картвелов) оказываются то сасперы, то тибарены, то табалы, но чаще, все они вместе, причем у некоторых авторов тиберы и табалы становятся то мегрело-чанскими (т.н. западно-грузинскими), то картвельскими (т.н. восточно-грузинскими) племенами.

Происхождение *Иберия*, как и *Грузия*, в научной литературе давно уже связывается с армянской языковой средой, а именно с армянским географическим названием – *И вер* (*Iver*) – *Наверху*, и *вераци – верхние*, т.е. *Верхняя страна*, *северяне*, откуда происходит и греко-латинское *Иверия* (*Иберия*), на что указывали еще М. Броссе и Г. Деетерс (Brosset 1858: IV-VI; Deeters 1965: 85). От армянского слово *вирк,* которое является множественным числом *вир* (*вер* - верхние), происходит и иранское (северо-пехлевийское) *Вркан* (Вирк + ан), *Варджан*, сирийское *Гурз (ан)*, арабское *Гурдж (ан)*, *Курдж (ан)*, русское *Грузия*, европейское *Джорджия*. С историко-географической и историко-лингвистической точки зрения данная версия происхождения терминов *Иберия и Грузия* является наиболее убедительной и приемлемой, с чем согласны большинство исследователей, а потому вопрос этот можно считать в основном исчерпанным.

Я.А. Манандян высказал мнение, что сасперы Геродота возможно тождественны скифинам Ксенофонта и могли принадлежать к индоевропейским племенам, осевших в районах юго-восточнее долины Чороха после известных скифо-киммерийских походов в Малую Азию (Манандян 1984: 272 – 273). Однако ученый не приводит каких-либо аргументов в обосновании своей гипотезы и поэтому трудно судить об этом.

Согласно К.З. Чокаева в имени *саспер* компонент *са* означает «страна» на нахских (чеченском и ингушском) языках («страна сперов») и сасперы принадлежали к нахским племенам (Чокаев 1962: 75). В этой связи весьма

интересным представляется, что известный арменовед Н. Адонц связывал имя *Спер* с названием урартской области Шуприя (Адонц 1971: 398). Шуприя или Шубрия — хурритское царство к юго-западу от озера Ван, известное из ассирийских источников, начиная с XII в. до н. э. С IX в. до н.э. Шуприя составляла часть Урартского царства.

Согласно Н. Адонцу вытесненные из своих пределов Малой Азии в VII в. до н.э. армяне перешли Евфрат и врезались в местное хуррито-урартское население. В результате чего проживавшее здесь население оказалось разделенным: часть осталось на севере, часть на юге, а оставшаяся смешалась с армянами. Этим, по мнению ученого, и объясняется упоминание античными авторами одних и тех же названий в обозначении разных областей, расположенных на юге и севере. Античные авторы (Геродот, Страбон, Ксенофонт) различают две области по имени Засперия, одна на Чорохе, другая – на юге близ Тигра, первая область – Спер, вторая – Шуприя. Помимо этого, названия соседних с Шуприей областей также всплывают на севере, рядом с областью Спер, например, мушк – мосх, халдай – халтик и др. (Адонц 1971: 398).

Учитывая, что на рубеже VII – VI вв. до н.э. имело место массовое переселение из Урарту, особенно, из ее юго-западных и западных областей, на север, в пределы центральных районов Южного Кавказа (Гумба 2003: 128 – 130), а название топоним Спер (или засперы Геродота) в верховье Чороха в источниках появляются в связи с событиями именно первой половины VI в. до н.э., связь Спер с урартской областью Шуприя кажется вполне вероятной.

Поэтому, не исключено, что появление топонима *Спер* и производное от него *Засперия* в верховьях Чороха связано с переместившимися сюда из урартской области Шуприя хуррито-урартскими, или родственными им, племенами. Во всяком случае, имеющийся к настоящему времени материал позволяет считать более предпочтительным мнение о возможной хуррито-урартской (или родственной хуррито-урартам – нахской) этнической принадлежности большей части населения Засперии.

§2. Культ Армази и проблема образование Картлийского царства

При изучении древних источников и современных исследований, касающихся вопросов этнополитической истории центральных областей Южного Кавказа середины и второй половины I тыс. до н.э., особенно возникновения Картлийского царства, нельзя не заметить в них явные пробелы и противоречия. Так, древнегрузинская историческая традиция сохранила не просто две разные, а противостоящие друг другу версии о возникновении Картлийского царства, отразившиеся в «Картлис цховреба» и в «Мокцевай Картлисай».

В современной же грузинской историографии вплоть до 60-х годов XX века господствовало мнение о том, что после разгрома Урартской державы государственные центры переместились к северу и, таким образом, в VI вв. до н.э. возникло Картлийское (Иберийское) царство. Данная теория зиждилась в основном на трех постулатах: 1) согласно археологических данных, в VI в. до н.э. на территории Картли сложились все условия для возникновения классового общества и государства; 2) с конца VII – VI вв. до н.э. выявляется сходство материальной и духовной культуры населения Картли с культурой восточномалоазийских, особенно урартских, центров; 3) хуррито-урарты и хетты относятся к древнегрузинским племенам, которые после падения Урарту перенесли центр своей государственности в Картли (Бердзенишвили, Джавахишвили, Джанашиа 1946: 52-53).

Однако дальнейшие исследования не подтвердили эту версию – была выявлена несостоятельность гипотезы о генетическом родстве грузинских племен с хуррито-урартами и хаттами и о том, что древнегрузинские племена проживали на территории Урартского царства[74]. К настоящему времени в историографии прочно установилось мнение, что Картлийское царство возникло лишь в начале III века до н.э., и связывается это с племенами, которые в конце IV в. до н.э.

[74] Казалось бы, никого не могут удовлетворить устаревшие и не получившие научного подтверждения положения, ошибочность которых становится все более очевидной. Однако, как ни странно, они проявляют завидную живучесть и в несколько измененном виде сохраняются в грузинской научно-популярной литературе вплоть до настоящего времени.

переселились в Картли из южных областей (Меликишвили 1956: Болтунова 1956; Ломоури 1975; Лордкипанидзе 1989: 365).

Многими исследователями (Ю.М. Гогошидзе, Д.А. Хахутайшвили, Н.Ю. Ломоури, К.Н. Мелитаури и др.), между тем, ставится под сомнение утверждение о том, что государство в Картли было образовано лишь в III в до н.э., поскольку оно вступает в явное противоречие с документальными свидетельствами – археологическими материалами, которые указывают на то, что «к VI в. до н.э. на территории Картли сложились все условия для возникновения классового общества и государства» (Ломоури 1975: 28).

Археологи отмечают, что погребальный инвентарь из Самтавро, Садзегури («Ахалгорийский клад»), Казбеги, Цинцкаро, Канчаети и др. убедительно подтверждают о том, что начиная уже с VI в. до н.э., в центральных районах Южного Кавказа был довольно высок уровень производительных сил, наблюдается сложившаяся социальная дифференциация и концентрация богатств в руках аристократических слоев общества, а возникновение в VI–V вв. до н.э. городов и функционирование уже в V–IV вв. до н.э. сложных оросительных систем, для строительства которых необходимы были и длительное время, и сильная центральная власть и т.п., явно свидетельствуют о существовании государственной системы управления (Мелитаури 1969: 27; Хахутайшвили 1973: 178-184; Ломоури 1975: 28; Гогошидзе 1983).

Противоречию между археологическими данными, четко фиксирующими признаки существования в Картли государства уже с VI–V вв. до н.э., и древнегрузинской исторической традицией, свидетельствующей об образовании Картлийского царства в III в. до н.э., исследователи находят различные объяснения: наличие классового общества без государственной организации; существование нескольких государственных образований, которые лишь в III в. до н.э. объединились в одно Картлийское царство и т.д.

Некоторые исследователи стараются модернизировать существующие точки зрения путем слияния элементов разных гипотез в одну, внешне вполне убедительную систему. Но все эти версии не могут считаться убедительными и

подвергаются критике – словом проблема образования государства в Картли все еще не разрешена и остается предметом научных дискуссий. До конца еще не раскрыты условия, время и причины возникновения государства на территории Картли (Иберии), а также роль в этом процессе различных этнических групп, проживавших здесь согласно данным археологии, письменных и других источников. При этом следует отметить, что исследователи, апеллируя к современным историко-географическим представлениям, в понятие *Картли* включают всю территорию современной Восточной Грузии, с чем никоим образом нельзя согласиться.

Но в то же время трудно отрицать обнаруживаемые неопровержимые признаки государственного устройства в центральных областях Южного Кавказа. Весьма сложно опровергнуть свидетельства археологического материала, фиксирующего глубокое имущественное расслоение среди населения центральных районов Южного Кавказа в VI–IV вв. до н.э. – в долине среднего течения реки Куры, ущелий рек Арагви, Ксани, Алазани и др. Углубление имущественной дифференциации и возникновение социального неравенства отчетливо наблюдается, например, в Самтаврском могильнике в Мцхете. Как отмечал Б.А. Куфтин, во многих могильниках представителей знати погребены с царским великолепием (Куфтин 1996: 56).

Представляют большую ценность сообщения «Обращение Грузии» о четырех крепостях Картли – Саркине, Каспи, Урбниси и Одзрахе: «Когда царь Александр обратил в бегство потомков Лота и оттеснил их в полуночную страну, тогда [он] впервые увидел свирепые племена бунтюрков, живших по течению Куры в четырех городах с их предместьями. [Это были]: город Саркине, [город] Каспи, [город] Урбниси и [город] Одзрахе, и крепости их: большая крепость Саркине, правительские крепости Каспи, Урбниси, Одзрахе» (Обращение Грузии 1989: 12).

Достоверность сведений древнегрузинских источников о существовании в Картли в VI–IV вв. до н.э. указанных крепостей-городов подтверждена археологическими раскопками. Упомянутые в «Мокцевай Картлисай» города

располагались на берегу реки Куры, на перекрестке двух важнейших дорог, из которых та, что пролегала вдоль Куры, являясь составной частью Транскаваказской торгово-транзитной магистрали и соединяла побережья Черного и Каспийского морей, другая же – через перевалы Центрального Кавказа и связывала Северный Кавказ и Восточную Европу с Малой Азией и Ближним Востоком. Каспи был расположен на левом берегу Куры – при впадении в нее реки Лехур (Лех-ур – на насхком *из ледника (вытекающая*). Одзрахе располагался на южном склоне Мосхийского (Месхетского) хребта, на месте нынешнего Абастумани, Саркине – на левом берегу Куры, при впадении в нее реки Ксани, Урбниси – на правом берегу Куры, в 10 км к западу от города Гори.

В период VI–IV вв. до н.э. эти города достигают пика своего развития и переживают расцвет (Хахутайшвили 1961: 306-319; Хахутайшвили 1973: 180), однако в конце IV – начале III в. до н.э. они подвергаются опустошению вторгшимися сюда иноземными войсками. Через некоторое время крепости-города восстанавливаются и продолжают существовать вплоть до II в. до н.э. Со II в. до н.э., однако, они теряют прежнюю значимость и приходят в запустение, вновь начинают восстанавливаться уже с I в. н.э. (Хахутайшвили 1973: 180; Лордкипанидзе 1980: 110-111).

Дороги центральной части Южного Кавказа, являясь частью системы международно-транзитной торговли, безусловно, не могли бы функционировать в то время, если бы не было бы государственной организации, способной обеспечить безопасность не только близлежащих от указанных городов-крепостей путей вдоль среднего течения Куры, но в целом и дорог и перевалов Центрального Кавказа.

В связи с этим обращает на себя внимание такой факт – в «Мокцевай Картлисай» из четырех вышеназванных крепостей один называется *Большая крепость Саркине*, а три других – *крепости владыки*, или, как это переводит с древнегрузинского языка независимо друг от друга Н. А. Бердзенишвили и М.С. Чхартишвили, *правительственные крепости* – Каспи, Урбниси, Одзрахе (Обращение Грузии 1989: 12).

Наличие крепостей владыки (или правительственных крепостей) достаточно определенно указывает на существование здесь в VI–IV вв. до н.э. центральной государственной власти, что, опять-таки, входит в противоречие с утверждением, что в Картли государство было образовано лишь в III в. до н.э. В научной литературе существует несколько объяснений этого несоответствия. Одни исследователи считают, что начальники отмеченных крепостей-городов являлись должностными лицами, управлявшими отдельными странами, а когда Мцхета стала столицей Картли и крепости-города вошли в состав образовавшегося раннее рабовладельческого государства, возглавлявшегося царем, они стали подчиненными царя, административными управителями ранее принадлежавших им стран (Мелитаури 1969: 32-33).

Однако это совершенно не вяжется с тем, что в VI–IV вв. до н.э., т.е. до возникновения в III века до н.э. Картлийского царства со столицей в Мцхета, данные города функционировали не как центры государств или областей, а именно как *правительственные крепости* (*крепости владыки*). Остаются без ответа вопросы о том, какую функцию выполняли эти крепости с VI по III век до н.э. и какому владыке подчинялись их начальники.

Согласно другой версии, до образования Картлийского царства начальники указанных крепостей являлись административными лицами Мцхетского мамасахлиси и подчинялись ему. Однако этому противоречит отсутствие на территории Мцхета не только крепости, но и вообще городского поселения в VI – IV вв. до н.э. В окрестностях нынешнего Мцхета до III в. до н.э. известно лишь о наличии двух небольших поселений (Лордкипанидзе 1989: 321), которые вряд ли могли претендовать в то время на роль политического центра.

Помимо этого, следует иметь в виду и то, что термин *мамасахлис* изначально в исследовательской литературе неправильно использовался для обозначения понятий *глава дома*, *рода*, *старейшина общины*. Установлено, что в древнегрузинских источниках для обозначения *глава дома*, *глава рода*, *старейшина общины* и вообще представителей родовой знати употреблялись слова *бери*, *хуци* (*ухуцеси*), *тавади*, а термин *мамасахлис,* обычно, служил для

обозначения царских чиновников, представителей царской администрации (Меликишвили 1959: 404). Так, по «Картлис цховреба» Мцхетский мамасахлис не является ни царем, ни владыкой, а лишь «посредником и судьей между картлосианами» (Мровели Леонти: 25), т.е. административным лицом, чиновником, подчиняющимся какому-то вышестоящему лицу. Характерно, что древнегрузинские авторы применяют термин *мамасахлис* (*Мцхетский мамасахлис*, *Картлийский мамасахлис*), в сообщениях именно о тех периодах, когда еще не существовало Картлийского царства: *Мцхетский мамасахлис* действует до образования Картлийского (Иберийского) царства в начале III в. до н.э.; после упразднения Картлийского царства в 523 г. Сасанидами в Картли назначается наместник, и с этого времени до восстановления Картлийского царства в грузинских источниках правитель Картли называется *мамасахлиси* (*Картлийский мамасахлис*). В период же функционирования Картлийского царства термин *мамасахлис* обозначал чиновника, представителя верховной власти. Так, например, в«Хронике Ксанских эриставов» *мамасахлисами* называют чиновников, представителей Ксанских эристовов на местах, *мамасахлисами* назывались также настоятели монастырей, которые не обладали самостоятельностью и подчинялись католикосу (Памятник эриставов 1970: 45, 67).

Из всего сказанного следует, что *Мцхетский мамасахлис* никак не мог быть владыкой (правителем) указанных крепостей, поскольку являлся лишь представителем какой-то верховной власти и выполнял роль чиновника. Для снятия вышеназванных противоречий остается единственная возможность – признать Картли частью более крупного государственного объединения. Действительно, если выйти за рамки территории собственно Картли и рассмотреть сложившуюся ситуацию в контексте всего Кавказа и сопредельных регионов, то многие вопросы этнополитической истории Картли середины и второй половины I тыс. до н.э., считавшиеся до сих пор неразрешимыми, могут, похоже, получить разрешение.

Для начала, рассмотрим, какие государственные объединения существовали в интересующий нас период. Вскоре после падения Урартской державы, в первой половине VI в. до н.э., свою власть на бывшие территории Урарту, а также на области Южного Кавказа распространяет Мидийская держава. Мидию сменяет могущественная Ахеменидская Персия, просуществовавшая более двух столетий – с середины VI века до н.э. до 30-х годов IV века до н.э. Границы Ахеменидской империи доходили до Эгейского моря и устья Дуная на западе, до Нильской долины на юго-западе и реки Инда на востоке.

Мидия и Ахеменидская Персия, безусловно, были заинтересованы в установлении контроля над кавказскими перевалами, а также над центральными областями Южного Кавказа. Интересы эти были продиктованы военно-стратегическими и экономическими нуждами. Как известно, этот регион во все времена представлял собой важнейший коммуникационный узел, один из стратегических перекрестков, связывавших Переднюю Азию с Восточной Европой и Средней Азией.

По сообщениям античных источников, через Картли в ахеменидский и раннеэллинистический периоды проходила также международная торгово-транзитная дорога, ведущая из Индии и Средней Азии к городам Восточного Причерноморья. И, естественно, тот, кто владел этой областью, приобретал возможность контролировать и транзитные дороги, что делало его весьма могущественным как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. Но, как известно, ни Мидии, ни Ахеменидской Персии не удалось установить свое господство над центральнокавказскими перевалами – их войска были остановлены на подступах к центральным областям Южного Кавказа.Границы Мидии на Южном Кавказе доходили до местности Хунани (Хунаракерт), расположенной неподалеку от впадения реки Храми в Куру, и до долины Чорохи (Дьяконов 2008: 76).

Сменившей Мидию Ахеменидской империи удалось значительно расширить пределы своего политического влияния, но и ее северная граница на Южном Кавказе начиналась на востоке от устья реки Куры, составляя северный

участок границы 11-ой сатрапии Каспиена, далее шла по руслу Куры до слияния с ней реки Храми (около местности Хунани), а отсюда направлялась на запад по реке Храми до Триалетского хребта и по вершинам последней до отрогов Мосхийского, или Аджаро-Имеретского хребта, далее на юг по Арсианскому хребту (Тирацян 1981: 72-73; Дандамаев 1985: 50).

В некоторой зависимости от Ахеменидов находилось население Кавказской Албании, хотя оно, вероятно, и не подчинялось непосредственно персидской администрации. В отношении же Колхиды есть сообщение Геродота о том, что колхи не входили ни в одну из сатрапий: но, что они «обложили себя [добровольными] приношениями» (Геродот: III, 97).

Военная активность Ахеменидов на Южном Кавказе достигает наивысшей точки на рубеже VI – V вв. до н.э. Она была связана с необходимостью обеспечения безопасности северных границ империи от возможных вторжений с Кавказа в период походов Дария I в Скифию (515 г. до н.э.) и Ксеркса I в Грецию (480 г. до н.э.) (Дандамаев 1985: 44). К этому времени, вероятно, относится и строительство крепостей вдоль северной границы империи на Южном Кавказе, где, согласно археологическим свидетельствам, располагались персидские военные гарнизоны: Цискорант-гора в Камбечани (Ширакское плато) на юге Кахетии, недалеко от Хунани; Сары-тепе, недалеко от г. Казах (на западе соврем. Азербайджана); Гумбати на южном склоне Триалетского хребта (Цалкская котловина) (Нариманов I960; Pitskhelauri, Gagoshidze, Maisuradze, Quavadze, Furtwangler, Knaus 1997: 77-79).

Все эти гарнизоны (к ним можно отнести также поселения у с. Даракой и на горе Ай-Илиа в Триалети) (Нариманишвили 2011: 176) образовывали приграничную линию обороны Ахеменидской Персии на Южном Кавказе, которая проходила с востока на запад – от Камбечани и Хунани, по Триалетскому хребту, до восточных окраин Мосхийского хребта.

Ахеменидам, видимо, так и не удалось включить в состав своей державы земли к северу от указанной приграничной линий и распространить свое господство на население северных районов центральной части Южного Кавказа.

На это указывает и тот факт, что источники ничего не сообщают о населении Картли (Иберии) периода могущества Ахеменидской Персии: картлийцев (иберийцев) нет в списках племен, привлекавшихся ахеменидскими царями для своих многочисленных походов, их нет в числе народов, плативших дань Ахеменидам, и, наконец, они не фигурируют среди племен и народов, привлекавшихся Ахеменидами для строительных и различных хозяйственных работ. Заслуживает внимания и сообщение Плутарха о том, что «иберы не покорялись ни мидянам, ни персам, избежали даже и македонского владычества» (Плутарх: Помпей. XXXIV).

Словом, у нас нет свидетельств, которые хотя бы косвенно указывали бы на установление господства Ахеменидской Персии к северу от местности Хунани и Триалетского хребта и, соответственно, на распространение власти Ахеменидов на Мцхетского мамасахлиса. Можно было бы допустить, что к тому периоду политическая власть царя Колхиды распространилась на Картли, о чем, кстати, говорилось уже в научной литературе, однако, по сообщению Геродота, в виде добровольной дани «колхи обязались посылать дары персам; они доставляли каждые пять лет по сто мальчиков и по сто девочек» (Геродот: III, 97).

Как известно, существовавшая в тот период система подарков носила вовсе не добровольный характер, и Колхида скорее находилась в вассальных отношениях с Ахеменидской Персией и была обязана в случае войны выставлять ей вспомогательные отряды и т.д. Так, например, колхи входили в состав персидских войск, вторгшихся в Грецию в 480 г. (см.: Анчабадзе 1964: 162). Так, что колхские цари вряд ли смогли бы распространить свою власть на Картли и установить контроль над ней. Во всяком случае, для такого утверждения нет никаких данных.

Отражение экспансии Мидии, а затем и Ахеменидской Персии на подступах к центральным областям Южного Кавказа, обычно, связывают с борьбой картлийских племен за свою независимость (Меликишвили 1959: 273). Безусловно, борьба местных племен против захватчиков имело место, но вместе с

тем совершенно очевидно, что отразить натиск мировой державы Ахеменидов вряд ли удалось бы разрозненным племенам Картли.

На наш взгляд, захватническим устремлениям Ахеменидской Персии в VI–IV вв. до н.э. могло противостоять нахское раннегосударственное объединение в пределах которого и находилось в то время Картли (см.: Гумба 2016: 333 – 355). Такое видение не противоречит, а, напротив, подтверждает весь имеющийся материал. Археологические данные достаточно определенно указывают на близость материальной и духовной культуры Центрального Кавказа и Картли эпохи поздней бронзы и раннего железа. Это в первую очередь подтверждает предметный материал могильников Триалети, Маднисчала, Цопа, Мцхета, который во многом аналогичен материалам Тли, Сержень-Юрт (Техов 1978: 3-7; Джапаридзе 1991: 135-144).

Выявляемое материальное и духовное родство археологических памятников Центрального Кавказа и Картли эпохи поздней бронзы и раннего железа дает достаточно оснований для предположения о том, что в эту эпоху на территории Центрального Кавказа и Картли проживало если и не однородное, то этнически близкородственное население, по всей вероятности, относившееся к нахской этнической группе. Правомерность такого предположения подтверждает и нахская принадлежность древнейшего населения Картли (хоны, бунтурки, масахи, гугары, цанары) (см.: Гумба 2016).

Правда, начиная с VI–V вв. до н.э. материальная культура рассматриваемого региона претерпевает ощутимые изменения. Но и здесь, решающую роль сыграло скорее перемещение из южных областей в центральные области Кавказа этнически близкородственного нахам населения, приобщенного к государственности и культурным традициям Урарту, хотя при этом следует, конечно, учитывать мидийское, а затем и персидское влияние (Гагошидзе 1983: 23).

Трудно сомневаться в том, что в процессе возникновения крепостей-городов в долине Куры в VI в. до н.э. определенную роль сыграли торговые пути, т.к. древнейшие города и торговые пути не существовали друг без друга, однако

следует учитывать, что рассматриваемые города генетически не восходят к торговым путям (Хахутайшвили 1973: 180). Это подтверждается и расположением крепостей-городов (*правительственных крепостей*) – от Мосхийского хребта на юго-восток вдоль реки Куры, т.е. напротив ахеменидских приграничных гарнизонов (крепостей), размещавшихся по линии от восточной окраины Мосхийского хребта – Триалетский хребет – Хунани – Комбичена.

Именно по этой линии проходила, по всей видимости, и южная граница объединения нахских племен. Расположение крепостей-городов напротив ахеменидских приграничных гарнизонов указывает на то, что, помимо, контроля над транзитными торговыми путями и обеспечения их безопасности, они выполняли функции охраны южных рубежей нахского объединения. Одновременно, надо полагать, эти города служили административными центрами – опорными пунктами нахского объединения. Этим и объясняется то, что в древнегрузинских источниках вышеуказанные крепости-города называются *правительственными крепостями* (*крепостями владыки*). То, что эти *крепости владыки* принадлежали именно владыке нахов косвенно подтверждается и тем, что, по данным древнегрузинских источников, в рассматриваемый период известен лишь один владыка – владыка кавкасиан Дурдзук.

Весьма примечательно, что строительство крепостей-городов как на южных рубежах нахского раннегосударственного объединения – вдоль реки Куры, так и на северных – от Ставропольской возвышенности на западе до впадения реки Сунжи в Терек на востоке, происходило почти одновременно: в конце VII – первой половине VI вв. до н.э. Данный факт, документированный археологическим материалом, служит доказательством существования на всей указанной территории единого политического пространства.

Одновременное строительство и содержание городов с оборонительными функциями на северных и южных подступах к важнейшим центральнокавказским перевалам служит еще одним доказательством экономической и военно-политической мощи нахского государственного объединения, его способности

контролировать ключевое пространство, имевшее огромное военно-стратегическое и экономическое значение.

Сведения о военных столкновениях с войсками Ахеменидской державы сохранились в древнегрузинских источниках, однако, в них вторжения Ахеменидов в центральные области Южного Кавказа в период VI–IV в. до н.э. искусственно приписываются Александру Македонскому (Меликишвили 1959: 279-280). Согласно Ю.М. Гагошидзе, безуспешная попытка войск Ахеменидской Персии захватить Картли в древнегрузинских источниках представлена в как первое нашествие Александра Македонского (Гагошидзе 1983: 25).

Источники сообщают, что вторгшиеся войска встретили отпор «свирепых племен бунтурков, осевших по течению реки Куры, в четырех городах и их предместьях (Саркине, Каспи, Урбниси и Одзрахе) …И царь, не будучи в силах бороться с ними, удалился…ибо нашел их крепости сильными и города мощными» (Обращение Грузии 1989: 4-5; Мровели Леонти: 28).

В древнегрузинских источниках при описании событий второй половины I тыс. до н.э. доминируют кавкасианы-дурдзуки, и этот факт расценивается исследователями, в частности, как свидетельство того, что нахи играли в древней истории Кавказа, в том числе, и Картли значительную роль (Меликишвили 1959: 292; Харадзе, Робакидзе 1968: 23-24; Мровели Леонти: 53-54. Коммент. 57, 58). Согласно древнегрузинской исторической традиции, нахи сыграли едва ли не решающую роль в становлении Картлийского царства в III в до н.э. Однако до сих пор не только не дано объяснений тому, какова была эта роль, но и не найден ответ на вопрос о том, почему и каким образом нахи должны были создавать грузинскую государственность – Картлийское царство, или способствовать его становлению, не имея при этом, согласно существующей в современной историографии точки зрения, собственной государственности.

Таким образом, вопросы возникновения Картлийского царства и ранних этапов его развития уже достаточно долго являются объектом научных дискуссий. Одна из основных причин – с одной стороны, скудость источников, а с другой − наличие в этих источниках серьезных противоречий. Так, античная

литературная традиция ничего не знает о возникновении Картлийского (Иберийского) царства в III в. до н.э., в то время как в древнегрузинской исторической традиции представлены две противоречивые версии основания Картлийского царства, изложенные, соответственно, в «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии») и в «Жизни картлийских царей» Леонти Мровели. Согласно «Мокцевай Картлисай», в Картли проживали хоны и бунтурки, и они в результате многомесячных ожесточенных боев были разбиты и изгнаны войсками Александра Македонского.

Наместником Картли Александр Македонский назначил некоего Азо (Азон), который и переселил в Картли грузин, основал Картлийское царство и стал его первым царем: «А этот Азо отправился в Ариан-Картли, к отцу своему, и привел [оттуда] восемь домов и десять домов сородичей, и поселился в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим. И этот Азо, сын царя Ариан-Картли, был первым царем в Мцхета» (Обращение Грузии 1989: 23).

Согласно «Житию св. Нино», Азо привел из Арриан-Картли тысячу домов простолюдин и десять домов княжеских. Здесь же прямо говорится о том, что «мы, картвелы, являемся потомками этих, вышедших из Ариан-Картли (переселенцев)» (Картлис цховреба. С. 25).

Коренным образом отличается от этого описания версия возникновения древнегрузинского государства, изложенная Леонти Мровели. В ней Азон также выступает чужестранцем, уроженцем Македонии, который после завоевания Картли Александром Македонским и уничтожения основной части автохтонного населения был поставлен наместником, но здесь он предстает как кровавый завоеватель и властелин, наложивший на иноплеменников тяжкое ярмо своего господства. В этой версии нет упоминания о переселении картвелов, и вместо них пришлыми называется оставленное Азону чужеземное стотысячное войско.

«Завоевал Александр всю Картли, сокрушил все пребывавшие в Картли смешанные племена, перебил и полонил всех иноплеменников, женщин и отроков-несмышленышей моложе пятнадцати лет; пощадил он [лишь] племена картлосианов и поставил над ними патрикия по имени Азон, сына Иаредоса,

уроженца своей страны Македонии. И дал ему сто тысяч человек из римской области Фротатос… [Таким образом] поставил в Картли эриставом Азона и при нем войско, занявшее Картли» (Мровели Леонти: 28)

Как представитель автохтонного населения Азону противопоставляется Парнаваз (Фарнаваз), возглавивший борьбу против завоевателей. Именно Парнаваз, победивший и изгнавший чужестранца Азона, по этой версии, является основателем Картлийского царства и его первым царем.

Сложная и противоречивая картина становления Картлийского (Иберийского) царства, изображенная в древнегрузинских источниках, имеет зеркальное отражение и в современной исторической литературе. Тщательный анализ текстов, посвященных созданию Картлийского царства, проводится во многих исследованиях, что избавляет от необходимости углубляться в источниковедческие и историографические вопросы (См.: Болтунова 1949: 2; Болтунова 1956; Апакидзе, Гобеджишвили, Каландадзе, Ломтатидзе 1955; Меликишвили 1956; Меликишвили 1959: 276 и далее; Меликишвили 1962; Пицхелаури 1973; Ломоури 1975; Лордкипанидзе 1989 и другие).

Согласно концепции, господствующей в настоящее время в грузинской историографии, Картлийское царство было создано под руководством племен, носителей хеттско-малоазийских культурных традиций, переселившихся с юга в долину среднего течения Куры, в район Мцхета. Этими племенами принято считать мушков//мосхов. Установив в долине Куры свое господство, мушки//мосхи образовали в III в. до н.э. Картлийское царство, заложив тем самым фундамент древнегрузинской государственности. Как основной аргумент в пользу данной версии приводится тот факт, что официальным государственным культом образованного Картлийского царства стал культ малоазийского (лувийского) божества луны *Арма* (*Армаз*), привнесенный в Картли, как считается, древнегрузинскими племенами мушками//мосхами (См.: Болтунова А1949: 240-241; Оч. ист. Грузии 1989: 87; Меликишвили 1959: 156, 220-230; Лордкипанидзе 1989: 326; Ломоури 1975: 491).

По мнению одних исследователей, в долину Куры из южных областей переселились не мосхи, а сасперы (Ломоури 1975: 491), другие же полагают, что это были западногрузинские племена, а третьи считают их юго-восточно-грузинскими (Гагошидзе 1964: 85). Многие исследователи предпочитают вообще не называть их, а говорят о юго-западных, южных, юго-восточных, восточных, западных, центральных грузинских племенах, при этом проживавшие в Картли хоны и бунтурки превращаются в центрально- (или центрально-восточно-) грузинские племена[75].

Процесс же становления Картлийского царства представляется как борьба между двумя древнегрузинскими племенными группами – южной (или западной, или юго-восточной) и центральной (или центрально-восточной), возглавляемыми, соответственно, Азоном и Парнавазом. Борьба эта завершается победой центральной (или центрально-восточной) племенной группы под главенством Парнаваза, который и стал первым царем Картлийского царства и основателем царской династии Парнавазианов (Оч. ист. Грузии 1989: 87-88; Меликишвили 1959: 220-230; Ломоури 1975: 491; Лордкипанидзе 1989: 205; Гагошидзе 1964: 85).

Однако в такой концепции становления Картлийского (Иберийского) царства заложен ряд серьезных внутренних противоречий, не позволяющих ее принять. Прежде всего, это ошибочное отождествление малоазийских мушков//мосхов с древнегрузинскими племенами, о котором уже говорилось выше, тем более что весь имеющийся материал свидетельствует об этнической близости

[75] Многим исследователям кажется странным и искусственным такое чрезмерное увлечение грузинских историков делением сравнительно небольшой территории Картлина *центральную, южную, юго-западную и т.д. (Квемо Картли, Шида Картли, Земо Картли и т.д.)* Однако в основе ее лежит многоэтничность населения Картли, что подтверждается как археологическими материалами, так и письменными источниками. Так, по данным «Картлис цховреба», еще на рубеже новой эры в Картли проживали шесть различных этнических групп, говоривших на шести разных языках. В условиях многоэтничности, естественно, отсутствовало и общее самоназвание, и лишь позднее, в результате политического объединения всех этнических групп в составе Картлийского царства, эти группы стали именовать себя *картуел-картвел – люди (местности) Карт*, а свою страну *Карт-ли* – от нахского географического термина *карт (куорт*) – *вершина (горы)*, где находилась крепость, ставшая в дальнейшем политическим центром, объединившим вокруг себя население окружающих областей, на которые затем также распространилось название *Карт*.

мушков//мосхов скорее с нахскими или родственными им племенами, чем с картвельскими (грузинскими).

Даже если допустить гипотетическую связь мушков//мосхов с древнегрузинскими племенами и согласиться с тем, что божество *Армаз* происходит от лувийского *Арма* и появление в Картли культа Армаза явилось следствием перемещения сюда исповедующих этот культ мушских//мосхийских племен, то тогда следует согласиться также и с тем, что мушки//мосхи поклонялись малоазийскому богу луны *Арма* как верховному богу еще во время своего проживания в Малой Азии, то есть до переселения в Картли. Между тем, нет абсолютно никаких данных, которые свидетельствовали бы о почитании когда бы то ни было мушками//мосхами лувийского божества луны Армас. Напротив, хорошо известно, что верховным богом мосхов (мушков) являлось солнце и царь мушков отождествлялся именно с ним, о чем свидетельствует, например, титулатура царя мушков Хартупу: «Солнце, герой, Великий царь Хартупу, Великий царь, любимец Тархунта» (См.: Хазарадзе 1984: 106-116).

Остается необъяснимым, почему, установив свое господство в Картли, мушки//мосхи оставили собственного верховного бога солнца и стали поклоняться лувийскому божеству луны (Арма). Как известно, в древности чаще всего именно победители навязывали своего верховного бога всему населению в качестве официального бога, которому должны были поклоняться все.

Правда, случались и исключения, когда завоеватели, находившиеся на более низком уровне развития, наделяли полномочиями верховного бога ранее существовавшее в стране верховное божество, поскольку не могли предложить структурированную иерархию божеств, которая удовлетворяла бы духовные запросы более развитого населения. Однако племена, проникшие с юга в долину среднего течения Куры, были более развиты, стояли ближе к важнейшим культурным и политическим центрам и были приобщены к более развитому культурному миру Малой Азии (Болтунова 1956: 240).

С другой стороны, можно было бы предположить, что замена мосхами верховного солнечного божества на лунное связано с тем, что у ранее

проживавших в Картли племен культ божества луны был хорошо развит и имел вековые традиции. Однако археологические раскопки святилищ, расположенных по всей территории Центрального Закавказья – в долине среднего течения Куры, Уплис-цихе, Ховле, ущелье Лиахви, междуречье Иори-Алазани и других местах региона, отчетливо свидетельствуют о том, что главным, высшим культом проживавших здесь племен в I тыс. до н.э. был культ бога солнца (Хахутайшвили 1976: 63). Даже в средневековый период, после установления в Картли христианства как государственной религии, почитание солнца продолжает доминировать среди населения, особенно в горных и предгорных районах (Модинахе, Ахали-Жинвали, Бетаниа, Цхваричамиа, Рачисубани, Санта, Гантиади и др.) (Хахутайшвили 1976: 63).

Археологические материалы свидетельствуют, что племена, поклоняющиеся божеству луны, появляются в Картли только к концу I тыс. до н.э., да и то лишь в отдельных районах долины Куры (Хахутайшвили 1976: 63), что указывает на племенной, а отнюдь не на общий, официальный характер этого культа. Все это вполне определенно говорит о том, что племена, проживавшие в центральных районах Южного Кавказа, как и проникшие в эти места мушки//мосхи, поклонялись верховному богу солнца.

Бог луны выступал в качестве верховного бога у древнегрузинских племен и носил имя *Мориге (*Джавахишвили 1946: 77; Бардавелидзе 1957: 97; Хахутаишвили 1976: 63 и след.). И если следовать логике исследователей, которые считают, что внедрение в начале III в. до н.э. божества Армаза в качестве верховного бога вновь образованного Картлийского царства связано с переселением сюда из южных областей древнегрузинских племен, носителей малоазиатских (лувийских) культурных традиций, то по-прежнему остается открытым ряд вопросов.

Во-первых, неясно, почему древнегрузинские племена имя своего божества луны – Мориге, сменили на лувийское Арма. Во-вторых, введения культа Армаза как официального следовало ожидать именно от Азона, который, согласно

«Мокцевай Картлисай», возглавлял пришедшие в Картли древнегрузинские племена и являлся первым царем Картлийского царства.

Напротив – переселившимся в Картли древнегрузинским племенам было неизвестно божество Армаз – они пришли сюда вместе со своими божествами Гаци и Га (Гаим), являвшимися «исконными, древними богами отцов картвелов [грузин]» (Обращение Грузии 1989: 4; Житие св. Нино 1902: 7). Более того, Азон предстает ярым противником культа Армаза, и именно ему приписывается разрушение идола Армаза и двух крепостей Армазских. Он также преследовал жрецов культа Армаза и, согласно Леонти Мровели, «убил многих из них» (Картлис цховреба: 18).

Местом своей резиденции Азон избрал не гору, где стоял идол Армаза, а Мцхету: «и поселился (Азон. – Г.Г.) в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим» (Обращение Грузии 1989: 4; Житие св. Нино 1902: 7), т.е. Азо предстает не как человек, который ввел новое божество – Армаза, в качестве официального бога Картли, а как враг и разрушитель существовавшего здесь до его прихода верховного бога по имени *Армаз*.

Защитником и покровителем божества Армаза выступает Парнаваз. Во время нашествия войска Александра Македонского малолетний Парнаваз чудом спасся от смерти и укрылся вместе со своей матерью в горах Кавказа. Возмужав, он возвратился и поднял восстание против ставленника Александра Македонского Азона, олицетворявшего иноземную власть.

Именно после победы над Азоном и изгнания последнего из Картли, Парнаваз утверждает культ Армаза в качестве единого государственного культа Картли и с большим торжеством воздвигает в честь Армаза идола: «он [Парнаваз] воздвиг большой идол на выступе [горы] и дал ему имя Армаз, и обвел [идол] стеной со стороны реки, и называется [это место] Армаз» (Обращение Грузии 1989: 4; Картлис цховреба: 32).

Таким образом, борьба между пришлым и коренным населением завершилась победой местных жителей во главе с Парнавазом, который стал первым царем Картлийского (Иберийского) царства и основателем царской

династии Парнавазианов. Но и здесь возникает вопрос: как могло случиться, что Парнаваз, освободив страну от возглавляемых Азоном иноземных войск, в качестве основного государственного культа учредил культ лувийского божества луны Арма (Армаз), который, как предполагают исследователи, принесли с собой пришлые захватчики и который олицетворял их власть.

Как известно, в древности в процессе становления государства значительную роль играла религия, выступавшая в качестве господствующей идеологии. Победители в борьбе между этническими, племенными и т.д. группами навязывали свое верховное божество населению в качестве официального бога, и его должны были принять все в знак признания новой власти и подчинения ей. Смена верховного божества, как правило, означала и смену власти. Поэтому ясно, что перед нами не совсем верная трактовка событий, имевших место в Картли в описываемый период.

К тому же исследователи упускают из виду очень важные сведения, содержащиеся в «Картлис цховреба», согласно которым, культ Армаза существовал в Картли с глубокой древности, еще до прихода в эти места родоначальника грузин Картлоса: «Картлос пришел первоначально в место, где Арагви впадает в Куру, и взошел на ту гору, что именуется Армаз. И впервые создал на ней крепости, и воздвиг на ней себе дом, и дал той горе имя свое – Картли» (Мровели Леонти: 23). В армянской редакции «Картлис цховреба»: «А Картлос пошел на гору, которую звать Армаз [вариант – Амраз], и построил собственный дом и крепость, и весь свет стал называть [Армаз] его [Картла] именем Картли» (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник 1953: 11-12). В этой связи известный грузинский ученый С.С. Какабадзе отмечал, что «культ Армаза проник в Картли в период, предшествующий деятельности Парнаваза» (Какабадзе 1967: 122-123).

Как отмечалось выше, Азон, согласно «Картлис цховреба», разрушил до основания стены города Мцхета и главную крепость Армаз, существовавшие на горе Картли к моменту его прихода (Картлис цховреба: 21). На первый взгляд, эти сведения противоречат сообщению того же древнегрузинского источника об

учреждении культа Армаза Парнавазом. Однако на самом деле здесь нет никакого противоречия.

Дело в том, что сопоставительный анализ сведений письменных источников и археологического материала показывает, что Азон разрушил до основания идол Армаза, возвышавшегося на западной стороне горы Картли, после чего провозгласил официальными культами Картли культы Гаци и Гаим («и поселился (Азо) в древней Мцхета, имея богами идолов Гаци и Гаим»). Через 30–40 лет, изгнав Азона, Парнаваз восстановил культ Армаза, но воздвиг его идола не на старом месте, разрушенном до основания, а в трех километрах от него, на восточном выступе той же горы (Картлис цховреба: 21). Это обстоятельство, скорее всего, и послужило причиной тому, что в древнегрузинских источниках учреждение культа Армаза стало приписываться Парнавазу.

Таким образом, в действительности Парнаваз не устанавливает, а восстанавливает культ Армаза в качестве официального государственного культа, каким он и был ранее, до его свержения Азоном. Все это указывает на то, что на самом деле божество Армаз имело в Картли древние корни и являлось для автохтонного населения Картли высшим божеством, а значит, не могло быть привнесено извне племенами, переселившимися в Картли в конце IV – начале III вв. до н.э.

Однако факт существования божества луны Армаза в качестве верховного бога древнего населения Картли вступает в явное противоречие с убедительными свидетельствами повсеместного распространения в центральных районах Южного Кавказа, в том числе и в Картли, культа солнца, а не луны как главного. И здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией.

Суждения о культе Армаза как о культе божества луны основываются лишь на гипотетических умозаключениях современных исследователей, которые исходят из того, что: 1) культ Армаза являлся официальным государственным культом древней Картли (Иберии), причем античная (Страбон, Плиний, Птолемей и др.) и древнегрузинская литературная традиция сохранила неопровержимые сведения о культе Армаза как о главном государственном культе Картлийского

царства и о местности Армаз как о религиозно-политическом центре у слияния рек Куры и Арагви; название Армаз бытует до настоящего времени – например, существует *ущелье Армаз*, выходящее в долину Куры с правой стороны, выше Мцхета, и *ручей Алмаса* (*Армаза*), протекающий по этому ущелью (Меликсет-Беков 1938: 9-10; Болтунова 1956: 229); 2) верховным богом древнегрузинских племен был бог луны. Отсюда, как полагают исследователи, Армазом должен был именоваться бог луны.

В то же время исследователей почему-то не смущает тот факт, что бог Армаз отсутствует в древнегрузинском языческом пантеоне, а имя Армаз вообще неизвестно в народной традиции и чуждо грузинам, более того – нигде нет никаких следов существования Армаза как исконного божества народной религии иберов (грузин) (Болтунова 1956: 239; См. также: Джавахишвили 1946: 78; Бардавелидзе 1957: 105). Вероятно, поэтому, учитывая бесспорность иноземного происхождения культа Армаза для грузин, исследователи ищут истоки его возникновения вне грузинского этноса, за пределами Картли.

В научной литературе дискуссии по этому вопросу ведутся в основном вокруг двух версий: одна часть исследователей связывает происхождение культа Армаза с иранским Ахура-Маздой, а другая – с лувийским Арма (Армас)[76].

Исходя из многовекового культурно-политического влияния Персии на страны Кавказа в древности, было высказано мнение, что культ Армаза происходит от иранского культа Ахура-Мазда (Ормузд) и что Парнаваз ввел в Картли религию Заратуштры (Гогошидзе 1964: 90; Андроникашвили 1966: 67). Однако дальнейшие исследования опровергли данное предположение, показав, в частности, что культ Армаза отличался от культа Ахура-Мазды не только внешне, но и функционально (см.: Худадов 1938: 124).

По данным исторических источников, культы Армаза и Ахура-Мазды не только не отождествляются, но и резко противопоставляются. В «Обращение Грузии», например, сообщается, что перед идолом Армаза «…каждый говорил:

[76] В последнее время выдвинута также версия об абхазском происхождении культа Армаз – от абхазского *амра – солнце* (Кварчия 2019: 347-348)

горе мне, если я упусти себе что-нибудь для возвеличения бога Армаза, если я позволил себе что-нибудь говорить с евреями, или довелось мне слушать магов, служителей огня, или тех, которые говорят по невежеству, что есть какой-то великий бог небесный. И как бы он [Армаз] не нашел какого-нибудь порока во мне и не поразил бы меня своим мечом» (Обращение Грузии 1989: 23).

Впрочем, сохранившиеся в первоисточниках сведения о том, что иранские маги проклинали идол Армаза, а тело Парнаваза после смерти было предано земле у основания идола Армаза, а не сожжено, как это должно было бы произойти в соответствии с культом иранского Ахура-Мазды, снимают все вопросы (См.: Джавахишвили 1946: 38-150; Болтунова 1956: 231-233; Меликишвили 1959: 113-115).

На возможную связь имени *Армаз* с хеттско-ливийским словом *арма* (*армас*), переводимым как *луна*, впервые указала А.И. Болтунова. Появление малоазийского божества луны Арма в Картли она объясняла проникновением сюда на рубеже IV–III вв. до н.э. нового малоазийского этнического элемента, представителей более передового племени, приобщенного к синкретическому культурному миру Малой Азии позднеахеменидской – раннеэллинистической эпохи (Болтунова 1956: 238-240). Г.А. Меликишвили предположил, что этими племенами могли быть малоазийские мушки-месхи, пришедшие в долину среднего течения Куры из восточной части Малой Азии (Меликишвили 1959: 113-115, 220-230).

На первый взгляд, такая конструкция выглядит вполне приемлемой, и к настоящему времени она принимается многими исследователями. На самом деле, имевшие место в древности неоднократные переселения племен на Кавказ с юга, в том числе из восточных областей Малой Азии, сложно отрицать. К тому же имя *Армаз* звучит практически как калька с имени лувийского (малоазиатского) божества луны *Арма* (*Армас*), а поскольку верховным божеством древнегрузинских племен являлся бог луны, то, естественно, такое отождествление выглядит весьма правдоподобно. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что это правдоподобие не является правдой.

Для этого достаточно взглянуть хотя бы на описание божества Армаза в «Мокцевай Картлисай»: «И увидела святая Нино человека из меди и была надета на нем золотая кольчуга, а на голове – шлем крепкий. Был он (идол) украшен драгоценными каменьями – изумрудами и бериллами, а в руках держал меч, сверкающий подобно молнии, и вращался он в его руках. Если же кто-либо прикасался к нему, то обрекал себя на смерть, говоря: «Горе мне, ужель я чем-либо ущемил славу бога великого Армаза или же ошибся в чем-либо в разговоре с иудеями, или слушая жрецов огнепоклонников, или же иных несведущих, говорящих о некоем неизвестном боге»? (Обращение Грузии 1989: 23).

Как видим, статуя Армаза не имеет ничего общего с культом луны. Кстати, данное обстоятельство отмечала и А.И. Болтунова: «Анализ описания кумира Армаза ничего не говорит о связи с культом Луны» (Болтунова 1956: 236). Статуя Армаза выполнена из меди, что, несомненно, указывает на солярный характер данного культа. Армаз предстает в «Мокцевай Картлисай» как грозный громовержец, могучий бог-воитель (Мовсес Хоренаци называет его *бог – владыка неба*) (Мовсес Хоренаци: II. 24), т.е. перед нами описание статуи, посвященной божеству солнца.

Именно на солнечный характер культа Армаза ясно указывает и тот факт, что празднования в честь божества Армаза проходили в период солнцестояния, после которого происходит увеличение светового дня. Об этом говорят также сохранившиеся у грузин до сих пор пережитки этого культа: божба именем солнца и благодатью солнца, клятва солнцем, призвание солнца в дом роженицы, чтобы оно даровало счастье новорожденному и пр. (См.: Джавахишвили 1948: 33). Следует отметить и обнаруженные в Мцхета (Армазисхеви) и с. Бори (около Шорапани) серебряные чаши античного периода, на внутренней стороне днища которых изображены жертвенник и стоящая перед ним лошадь с поднятой ногой (См.: Оч. ист. Грузии 1989: 37) (как известно, лошадь обычно жертвовали солнечному божеству).

Определяя культ Армаза как божества солнца, следует, безусловно, иметь в виду, что за время существования его в качестве культа верховного бога он

претерпел изменения в связи с влиянием различных культов тех или иных этнических групп, проживавших в Картли, и позднее представлял собой уже синкретическое божество, сочетая в себе в качестве Верховного бога солнца и функции повелителя неба, грома, дождя, растительного мира, и бога-воителя.

Таким образом, совершенно очевидно, что в лице Армаза мы имеем божество солнца, культ которого существовал в Картли, по данным археологии, с глубокой древности. Более того, древнегрузинская историческая традиция сохранила имя первого учредителя культа Армаза и строителя Армазской крепости: таковым является неизвестный из других источников Ардамос (Ардам), якобы наместник персидского царя мифической династии.

К сообщению древнегрузинского источника о деятельности Ардамоса на Кавказе в исследовательской литературе отношение довольно скептическое, и рассматривается оно главным образом как вымысел, заимствованный из древнеиранского эпоса «Шах-Наме». Однако такой подход представляется не совсем верным. Сам факт того, что Леонти Мровели в своей Хронике уделяет значительное место деятельности Ардамоса на Кавказе, свидетельствует о том, что Ардамос, несомненно, имел исторический прототип, выдающуюся личность.

По «Картлис цховреба», именно Ардамос впервые «обнес армазскую крепость каменными стенами и укрепил подступы к Армази и до самой Куры»; с его именем связывается не только строительство армазской крепости, но также беспощадная борьба с хазарами и строительство на Кавказе первых оборонительных укреплений, направленных против хазар (Мровели Леонти: 26).

Согласно источнику, Ардамос ведет на Кавказе войну лишь против хазар («уничтожил здесь всех хазар, каких только мог обнаружить»), но ничего не сообщается ни о его войне против картлийцев, ни о войне против таргамосиан вообще. Напротив, в целях защиты от вторжения хазар Ардамос строит на Кавказе укрепленные города, начиная от Дарубанди (Дербента) (Мровели Леонти: 26; см. также: Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник 1953: 16-17).

Все это не может не напоминать события, имевшие место на Кавказе на рубеже VII–VI вв. до н.э., когда *таргамосианы* (кавказцы), воевавшие с *хазарами* (скифами), вытеснив последних с Кавказа, по сведениям Леонти Мровели, построили на границе с *Хазарией* оборонительные сооружения – укрепленные городища, что подтверждается данными археологии (Виноградов 1963; 98-100). Весьма симптоматично, что рассказ о деятельности Ардамоса включен в сюжет «О нашествии хазар», т.е. именно туда, где речь идет о борьбе *таргамосиан* (кавказцев) против *хазар* (скифов) и о строительстве таргамосианами на Кавказе крепостных сооружений, предназначенных для защиты от *хазар* (Гумба 2016: 334).

В этой связи в новом свете может предстать тот факт, что в армянской редакции «Картлис цховреба» имя *Ардамос* передано как *Адармос* (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник 1953: 16). По мнению Н.Я. Марра, именно *Адармос* армянской редакции источника является правильной формой, и первоначально, в грузинском оригинале, это имя звучало как *Адармос* (*Адарма*) (Марр 1901: 5). Имя *Адармос* нельзя не сопоставить с именем малхийского (нахского) правителя – *Адирмах* (*обладатель мощи солнца*) Лукиана Самосатского, ввиду их почти полного сходства (Лукиан 1935: 78; Гумба 2016: 86).

В имени *Адирмах х* – это нахский суффикс принадлежности (*Адирма//Адарма*), что же касается имени *Адармос*, то здесь компоненте *ос* – греческий суффикс. Поэтому представляется вполне допустимым рассматривать сообщение Леонти Мровели об Адармосе как один из сохранившихся вариантов преданий о великих событиях, имевших место на рубеже VII–VI вв. до н.э.: падение Урарту, переселение южнонахских и хуррито-урартских племен на север, к Кавказу, война кавказских народов против скифов и строительство оборонительных сооружений (городов по Леонти Мровели) для сдерживания возможных в будущем скифских набегов.

Согласно преданиям, сохраненных у Леонти Мровели, война *таргамосиан* против *хазар* проходила под предводительством владыки Дурдзука (*Дурдзук – сын*

солнца), сына Тинена (Тирета), которые именуются еще *Адирмахами* (*Адирмах – обладатель силы солнца*). Надо полагать, имя *Адирмах//Адармос* (*обладатель мощи солнца*) являлось нарицательным и употреблялось в качестве общего имени малхийских (нахских) правителей. Не исключено, что в одной из поздних версий кавказских преданий деяния нахских правителей *Адирмахидов* периода войны со скифами, по закону фольклорного жанра, были приписаны мифическому персидскому царю Афридону (Феридуну древнеиранского эпоса), или же различные предания (нахские и персидские) были объединены.

Так или иначе, приведенные выше доводы позволяют предположить, что Армаз (бог солнца) – не что иное, как имя верховного бога нахского (малхийского) раннегосударственного объединения – Малх. В этой связи выглядит весьма примечательно, что в научной литературе уже давно было обращено внимание на то, что имя *Армаз* является производным от слов *ал* и *маз* (*Алмаз > Армаз*), где *ал* переводится как *пламя* (*чистое пламя огня*), а *маз//мзе – солнце*, т.е. получаем *пламя солнца* или *солнечное пламя (*Джанашвили 1899: XXVIII).

Хотя, наверное, более правомерно было бы соотнести компонент *ал* с хуррито-урартско-нахским *ал* (урартское *alau*,хурритско*е allai*,нахское *ala*), означающим *бог, повелитель, владыка (*Дешериев 1963: 37, 40-41), т.е. *Алмаз//Армаз – Бог солнца*, что более соответствует действительности. Таким образом, появляется основание рассматривать имя *Армаз//Алмаз* как вариант (древнегрузинский?) имени *Малх* (*Бог солнца*) – имени официального Верховного бога нахского раннегосударственного объединения.

По всей видимости, после вторжения войск Понтийского царя, на рубеже IV–III вв. до н.э., территория по среднему течению Куры на протяжении примерно 30–40 лет оказалась под властью Понтийского царства. В качестве наместника над вновь завоеванной территории понтийским царем был поставлен некий Азон, в период господства которого, существовавший здесь официальный культ нахского государства – культ божества солнца Армаз//Алмаз (Малх), был заменен на культ

новых божеств, олицетворявших уже новую власть, а идолы Армаза (Малха), как и все, что было с ним связано, были уничтожены.

Позднее, после освобождения Картли от иноземных захватчиков и восстановления прежней власти, был восстановлен и олицетворявший эту власть официальный культ Армаза (*Алмаз//Армаз – Бог солнца*).

Таким образом, Парнаваз предстает не как учредитель нового культа, а как защитник и восстановитель ранее существовавшего верховного божества солнца Алмаз (Армаз) и, соответственно, власти, которую это божество олицетворяло, т.е. выступает носителем традиции малхийского (нахского) объединения. Подтверждением сказанному служит и этимология имени *Парнаваз*, первая часть которого – *парна*, на древнеперсидском означает *лучезарное солнце, божественный огонь (*Топоров 2010: 185). Вполне вероятно, что Парнаваз, являясь олицетворением Бога солнца на земле, мог получить от персов такое имя – на это указывает и Леонти Мровели: «[Парнаваз] сделал большого идола по своему образу, и этот самый и есть Армаз, поскольку на персидском языке Армазом называют Парнаваза» (Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник 1953: 36).

В научной литературе существует несколько вариантов этимологии имени *Парнаваз* на различных языках, и во всех случаях оно связывается с солнцем. М.Г. Джанашвили, например, отмечая, что «грузинские летописцы все недоступное для их понимания обыкновенно относили к персидским», компонент баз (ваз) в имени Парнабаз (Парнаваз) возводит к маз//мзе – солнце, апарна переводит как защита, т.е. Парнаваз означает Защитник (бога) солнца (Джанашвили 1899: XXIX).

Данное обстоятельство весьма важно, поскольку независимо от того, к какому языку восходит это слово, оно во всех случаях означает *солнце*, что достаточно определенно указывает на то, что Парнаваз узаконил и сделал общегосударственной религией именно культ солнца.

Таким образом, Парнаваз олицетворяет автохтонное нахское население Картли (хонов, бунтурков), борющееся за свою независимость против иноземной

власти в лице наместника Понтийского царя Азо (Азона) и переселенных им картвелов. Изгнав Азона, Парнаваз восстанавливает прежнюю власть и освящавший ее культ солнца (Алмаз//Армаз), выступая, при этом, как представитель нахских царей Адирмахидов.

§3. Происхождение царского рода Парнавазианов

Вызывает интерес и вопрос о происхождении царской династии Парнавазианов, на который до сих пор нет удовлетворительного ответа. Исходя из иранской этимологии имени *Парнаваз*, некоторые ученые предположили наличие у Парнавазианов иранских корней. Однако, для этого нет совершенно никаких оснований, что было отмечено в научной литературе (Болтунова 1956: 240).

Безусловно, нет сомнений в значимости роли ираноязычных номадов (в первую очередь, скифов) в древней истории народов Кавказа и в большом политическом и культурном влияний древнего Ирана на народы Кавказа. В ходе развития тесных контактов и различного рода связей народов Кавказа с Ахеменидским, Аршакидским и Сасанидским Ираном, а также с ираноязычными кочевыми племенами северокавказских степей среди кавказского населения широкое распространение получили иранские имена.

Однако данное обстоятельство вовсе не означает, что носители этих имен по своему этническому происхождению являлись иранцами, как это иногда пытаются преподнести. В научной литературе неоднократно отмечалась неправомерность чрезмерного увлечения именами, тем более оценки этнического состава населения по именам и их соотношениям. К таким сопоставлениям следует относиться с большой осторожностью, так как между соотношением имен и соотношением этнических элементов нет прямой зависимости.

Например, среди русских вождей, подписавших в X в. н.э. договор с Византией, были лица с именами иранского происхождения – Сфандр, Прастень, Истр, Фурстень и др. Если следовать логике некоторых современных историков, то получается, что славяне были вовсе не славянами, а иранцами. Или, например,

исходя из того, что в настоящее время на Кавказе широко распространены арабские имена, через несколько сотен лет историки могли бы утверждать, что носителями этих имен на Кавказе являлись этнические арабы.

Не претендуя на окончательное решение данной проблемы, хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты, которые, как мне кажется, могли бы пролить свет на происхождение Паранавазианов. В древних источниках имя Парнаваз встречается среди представителей как грузинской, так и армянской царских династий. Ключ к разгадке тайны происхождения Парнавазианов находится, как думается, в сообщениях древнеармянских историков Мовсеса Хоренаци и Себеоса, где Парнавазианы упоминаются в перечне представителей царской династии Армении эпохи патриархов – hAайказуни (Гайказуни) (Мовсес Хоренаци: I. 22; Себеос 1980: 19; см. также: Себеос 1937: 15), т.е. среди потомков родоначальника армян hAайка (Гайка) в начальный период истории Армении.

Как уже отмечалось выше, в эпониме *hAйк* (*Гайк, Хайк*) объединены урарты и армяне, и древнейший, начальный период истории Армении есть история Урарту и урартов (хуррито-урартов) и, соответственно, урартские цари представлены как армянские. Следовательно, можно предположить, что царь Армении Парнаваз, упоминаемый как потомок Гайка в эпоху патриархов, т.е. в начальный период истории таргамосиан («Дома Торгома»), является царем Урарту и представителем урартского (или этнически родственного ему) знатного рода. Действительно, согласно Мовсесу Хоренаци и Себеосу, царь Армении Парнаваз был современником вавилонского царя Навуходоносора II (605 – 562) ((Мовсес Хоренаци: I. 22; Себеос 1980: 19;).

Ссылаясь на несохранившийся древний источник («об этом повествует надпись»), Себеос сообщает: «…Парнаваз… родил Багама и Багарата; Багарат родил Бюрама; Бюрам родил Аспата. Потомки Багарата унаследовали свои владения на западной стороне, т.е. в доме Ангеха, ибо Багарат назывался также Ангехом, и в то время племя варваров его называло богом. Этот Парнаваз покорился царю вавилонскому – Навуходоносору. С тех пор цари марские

(мидийские. – Г.Г.) и вавилонские владели (Арменией. – Г.Г.) до Александра Македонского, который подчинил себе всю вселенную» (Себеос 1980: 19).

В конце VII – начале VI в. до н.э., в период ослабления и падения Урарту под ударами Мидии и Вавилонии, от Урартского царства стали отпадать различные области и страны, и в первую очередь отделились мелкие страны западной и юго-западной части. Фактически Урарту уже не являлось единым государством, а вся территория некогда могущественной державы представляла собой ряд разрозненных стран и областей, возглавляемых собственными царями. После окончательного падения Урартской державы большая часть ее территории на короткий период времени вошла в состав царства Тогарма. Но уже в первой четверти VI в. западные и юго-западные части Урарту подпали под власть Вавилонии, а центральной частью её завладели мидяне. В это время и позже, в мидийский период, эти страны, возникшие на обломках Урарту, сохраняли определенную самостоятельность, и каждая из них имела своего царя. Именно этих современных Мидии царей, одновременно правивших в разных частях бывшей территории Урарту, приводит Мовсес Хоренаци в своем списке царей Армении, потомков Гайка, искусственно объединяя их в одну династическую линию: Артикас, Аждахак, Паруйр, сын Скайорди, Парнаваз, Парос, Пачуйч и др. (Мовсес Хоренаци: I, 22; Пиотровский 1959: 127-128).

Упоминаемые в списке царей Армении друг за другом Паруйр, сын Скайорда, и Парнаваз на самом деле правили в одно и то же время в разных частях Урарту и являлись современниками Вавилонского царя Навуходоносора II. Паруйр, сын Скайорда правил одной из небольших областей, входившей в состав Урарту и находившейся у северо-западной границы Ассирии, в непосредственной близости от страны Урме (Пиотровский 1959: 128). Паруйр перешел на сторону мидийцев и вавилонян, оказал им помощь в войне против Урарту, за что в 612 году до н.э. получил самостоятельность и царский венец.

Парнаваз был властелином западных областей Урарту – Цопа//Цова, а его вотчиной была область Ангех-тун (Турк-Ангех) в восточной провинции Цопа (или Большой Цоп). Новые царства одновременно возникают и в других частях

Урартского государства: например, в бывшем его центре, в районе оз. Ван, начинает формироваться новое политическое объединение во главе с династией Ервандуни, на северо-западе, в районе Ерзрума – объединение матиенов, и т.д. (см.: Еремян 1952: 140; Пиотровский 1959: 128).

В сообщении Себеоса о подчинении Парнаваза Навуходоносору речь идет о событиях конца VII – начала VI в. до н.э., когда войска вавилонского царя Навуходоносора II вторглись в западные области Урарту. Именно в этот период, как уже отмечалось выше, происходило перемещение населения страны Цопа и окружавших ее западных областей Урарту (цова (цан), хон, терк-турк и др.) на север, в центральные районы Кавказа. Однако не все жители этих областей переселились на север и покинули свои земли. Остался в Цупани (Цопа) и один из потомков Парнаваза – Багарат со своей семьей.

Они унаследовали земли Ангех-туна и прославились в истории как одни из самых влиятельных и могущественных нахарарских (княжеских) родов Армении – Багратуни[77]; они были венцевозлагателями армянских царей и носили титул *Аспет* (военачальник), а в раннем средневековье стали основателями армянской и грузинской царских династий, и под их эгидой страны Южного Кавказа объединились в одно могущественное феодальное государство.

В научной литературе Багратидам часто приписывается иудейское происхождение, однако эта версия давно изжила себя и существует лишь по инерции. Как отмечает Р.И. Матевосян, армянская и зарубежная арменоведческая историко-филологическая наука за прошедшее столетие накопила огромный критический материал относительно еврейской версии происхождения Багратидов, и сегодня поддерживать этот вариант значит вернуться назад, в конец XIX века (Матевосян 1997: 7-8; Матевосян 2001: 27-30; см. также: Адонц 1971: 307, 308, 400, 412; Капанцян 1940: 203, 219, прим. 1; Молчанов 2011: 38-52).

Официальная родословная знаменитого венценосного рода Багратуни, возводящая их к потомкам легендарного hАйка (Гайка), была пересмотрена в IV–

[77] Ветвь рода Парнавазиани-Багратуни, унаследовавшая Ангех-тун, известна еще и как *князья Ангех-тун*.

V вв. После того как христианство было принято в Армении в качестве официальной религии (301 г.), определенная части знати стала активно выражать стремление связать историю своей страны с библейской историей, и одним из проявлений этих настроений стала версия о еврейском происхождении рода Багратуни.

В разработку этой версии наиболее весомый вклад внес «отец армянской истории» Мовсес Хоренаци. В обращении к своему покровителю и меценату – правителю Армении князю Сааку Багратуни, по поручению которого была написана «История Армении», Мовсес Хоренаци со свойственным ему полемическим жаром отвергает традиционное мнение о происхождении рода Багратуни от hАйкидов.

Он подчеркивает глубину генеалогических корней Багратидов, но, будучи ревностным христианином, предпочитает соотнести появление этого рода в Армении с событиями, упоминаемыми в Библии, и тем самым выделить предков правителя Армении Саака Багратуни среди других нахарарских родов Армении. Версия о библейских корнях родословной Багратуни призвана была поднять в общественном мнении христианской Армении на недосягаемую высоту авторитет Багратуни не только как потомков изначально знатных родов, но и как выходцев из Святой Земли (Палестины) (Молчанов 2011: 44).

Со временем библиоцентристская версия полностью возобладала над традиционной и – в угоду все более усиливавшимся Багратидам – получила дальнейшее развитие в трудах придворных историографов. Так, в сочинении Ованеса Драсханакертци предки Багратуни были уже объявлены отпрысками царей Иудеи из дома Давидова (Ованес Драсханакертци: IV). Тем самым внушалось, что Багратуни состоят в кровном родстве с Иисусом – более престижного родословия для династов христианской страны, разумеется, нельзя было даже представить.

Библейская версия происхождения Багратуни прочно прижилась и на грузинской почве. Из достоверных источников хорошо известно, что после неудачного восстания армян против владычества Арабского Халифата в 774 – 775

гг. сын князя Армении Ашота Слепого Багратуни Васак, спасаясь от преследования арабов, переселяется со своими домочадцами в Кларджк (Кларджети) и обосновывается в крепости Артанудж.

К концу VIII в. Артануджские Багратуни распространяют свою власть и на Тайк (Тао). Разместившись в Тайке и Кларджети, Багратуни, не располагая достаточными силами для защиты своих владений от Халифата, переходят под покровительство Восточно-Римской империи (Византии). В этих целях они отрекаются от армянской апостольской церкви, принимают халкидонское вероисповедание и вступают в лоно имперской византийской церкви. После чего тайские Багратуни берутся под покровительство Византии и Ашоту Багратуни (786 – 826), внуку Васака, даруется византийский титул *курапалат*.

Вероотступничество тайских Багратуни привело их к отчуждению от армянских сородичей, из-за чего они уже не могли играть сколько-нибудь значительную роль в политической жизни Армении, тем более после получения в 885 г. князем Армении Ашотом Багратуни титула *царь армян* от Арабского Халифа. В этих условиях тайкские Багратуни берут под свое политическое покровительство грузинскую халкедонитскую церковь, а Мцхетский католикос в ответ на это священным авторитетом собственной власти признает за членами их семьи право носить титул *царькартвелов* (*грузин*).

Вслед за этим тайкские Багратуни политическим актом переводят в своих владениях все церковные структуры под юрисдикцию грузинского католикоса и вводят богослужение на грузинском языке. Так возникла грузинская ветвь царской династии Багратуни – Багратиони.

Однако, в грузинской средневековой литературе тоже верх берет библейская версия происхождения Багратиони. Так, автор X века Георги Мерчуле в своем сочинении «Жизнь Григола Хандзтели» владетеля Тайка – Ашота Куропалата (Багратиони) величает отпрыском Давида, «Пророка и помазанника Господня» (Сумбат Давитис-дзе 1979: 13, 14). Анонимный автор «Матиане Картлиса» («Летопись Грузии») к отпрыскам библейского царя Давида относит Адрнерсе Багратуни, отца Ашота Куропалата: «[Адрнерсе] из дома пророка Давида, из

Армении прибыл к Арчилу и просил у него место для жительства» (Матиане Картлиса 1976: 28).

Наиболее детальную разработку генеалогического древа грузинской ветви Багратидов предложил автор XI в. Сумбат Давитис-дзе. Принадлежа, вероятно, к грузинской ветви Багратидов, он возвел генеалогию рода к Клеопе, дяде Иисуса со стороны отца, и далее, через царя Давида, к прародителю человеческого рода Адаму. В этой редакции генеалогической легенды замалчивается происхождение грузинских Багратиони от армянских Багратуни, а вместо этого говорится о якобы переселении непосредственного родоначальника грузинских Багратидов в Картли прямо из Иерусалима, причем в VI в., при сыновьях царя Картли Вахтанга Горгасала (Сумбат Давитис-дзе 1979: 27-42).

Последующие средневековые летописцы Грузии трактовали вопрос происхождения Багратиони в том же ключе. Окончательные итоги разработки данной темы суммировал в своем труде грузинский историк-географ XVIII в. царевич Вахушти Багратиони, который как достоверную информацию привел полную поколенную роспись своих предков, начиная с библейского царя Давида (Вахушти Багратиони 1976: 183-193).

В действительности же ассирийские и урартские источники еще в VIII в. до н.э. упоминают род Багратуни на юго-востоке Урарту – в Мусре (Мусасир) и Ману. Эпоним фамилии Багратуни возводится ко второй имени главной богини Урарту *Арубани* – супруги верховного бога Урарту Халди. Верховную богиню Урарту Арубани ассирийцы называли *Багбарту,* так она именуется, в частности, в надписи ассирийского царя Саргона II (722 – 705) (Thureau-Dangin 1912).

Такая информация заложена и в самой имени Багбарту. По этимологии имени Багбарту (Багратуни) существуют различные мнения, но в основном считается, что это иранское название урартской богини Арубани и имеется несколько вариантов перевода: «жена бога», или «удел (долю) посвящающая», или «божество плодородия», или «богом данное» (см.: Биягов 1974: 99-100).

По мнению исследователей, иранское название урартской богини Арубани – Багбарту могло быть привнесено в результате контактов урартов (хуррито-

урартов) с индоиранцами, имевшее место восточнее оз. Урмия, восточнее царства Мана, начиная уже с X −IX вв. до н.э. (см.: Дьяконов 1967: 17; Дьяконов 2004: 453; Меликишвили 1954: 161).

Таким образом, Багбарту это иноязычное имя урартского божества Арубани, которая являлась божеством Мусры (Мусасира) − древнейшего культурно-религиозного и политического центра урартских племен, упоминаемый в клинописях еще с XIV в. до н.э. (Меликишвили 1954: 164-165; Меликишвили 1947: 21-29). Здесь же и находился посвященный ей главный храм. Имя богини Багбарту – эпоним фамилии Багратуни: чередование *Баг-бар-ту* переходит в *Багарат – Баграт – Багратуни* (по аналогии с *Урарту – Арарат*) (Матевосян 1997: 7-9; Матевосян 2001: 27-30; см. также: Меликишвили 1954: 371; Пиотровский 1959: 223). Таким образом, члены рода Багбарту (Багратуни) были служителями главного храма Урарту и принадлежали к касте жрецов, т.е. к высшей духовной знати урартского царства.

На сохраненной до наших дней бронзовой статуэтке богини Арубани-Багбарту на груди начертан крест, который, как известно, в странах Древнего Востока был символом культа и солнца и небо (Есаян 1968: 223), а сам верховный бог Урарту Халди, супруг Арубани-Багбарту, изображался в форме солнечного диска и был связан таким образом с солнцем и небом. Это обстоятельство, вероятно, и послужило основанием для возникновения солнечного эпитета Парнаваз − *лучезарное солнце, божественное солнце,* перешедшее также затем и в обозначение служителей высшего религиозного культа Урартского царства Багратуни.

В урартский период Багратуни выступали носителями не только высшей религиозной, но и светской власти. Так, известен один из выдающихся военачальников Урартского царства из рода Багратуни, который в 716 г. до н.э. подавил мятеж в вассальной стране Мане на юго-восточном побережье оз. Урмия, а затем был назначен ее правителем (см.: Капанцян 1940: 219).

Высокое социальное положение рода Багратуни сохраняется и после падения Урартской державы[78]. На протяжении более чем тысячи лет они известны как венцевозлагатели армянских царей и высшие военачальники (*аспеты*) Армении. Именно представитель нахарарского рода Багратуни Никефор (он же Смбат) короновал царя Армении Арташеса I (189 − 160), основоположника династии Арташесидов, а в 66 г. (по некоторым данным, в 52 г.) в городе Мцбин (Низибин) Багаратом Парнавазианом был возведен на армянский престол брат парфянского царя Аршака I, основоположника другой царской династии Армении – Аршакидов (Себеос: 19).

Как известно, были венцевозлагателями, т.е. обладали правом короновать, обычно высшие духовные лица страны − верховные жрецы, каковыми первоначально и являлись представители рода Парнавазиан-Багратуни. Об этом свидетельствует и вышеприведенное сообщение Себеоса о том, что потомок Парнаваза «Багарат назывался также и Ангехом, его в то время *племя варваров* называло богом».

Ангех – имя хурритского бога Нергала, почитавшегося хуррито-урартскими племенами бассейна оз. Ван. Район распространения культа Нергала совпадал с территорией, на которой почитался также и бог Турани (Турк, Терк), откуда вследствие отождествления этих двух богов и появилось название *Турк-Ангех* (см. выше, гл. III). Культовое значение данной местности сохранялось еще долгое время. Фавст Бузанд, например, сообщает, что Ангех был столицей армян с древности и на его территории хоронили армянских царей даже в поздние времена (Фавстос Бузанд: IV, XXIV).

Для ревностного христианина Себеоса люди, поклонявшиеся языческому богу Ангеху, естественно, являлись варварами. Но *варвары* Себеоса – это хуты, т.е. урартское население, проживавшее в горных местностях и сохранявшее еще свое этническую самобытность (Халатянц 1896: 162, 163). Тот факт, что

[78] По мнению К. Туманова, с Парнавазианами-Багратидами следует отождествлять и армянскую царскую династию Ервандуни-Оронтидов, правившую с VI по III вв. до н.э. (Toumanoff 1963: 277-354; Toumanoff 1983: 123-128).

население данного региона (*племя варваров*) называло Багарата также и именем бога Ангеха, совершенно определенно указывает на то, что род Парнаваза-Багарата выполнял функции верховной власти – светской и духовной, а потому персонифицировался с богом, о чем свидетельствуют и их имена.

Таким образом, Парнавазианы и Багратуни представляют собой две ветви одного и того же знатного урартского (или этнически близкородственного хуррито-урартам) рода, который после падения Урартской державы наряду с другими урартскими нахарарскими родами (Рштуни, Хорхоруни, Арцруни, Мамиконяны, Гнуни и т.д.) составил ядро нахарарской (княжеской) знати Армении, а со временем стал основателем царских династий. Вообще можно сказать, что Парнавазианы-Багратуни олицетворяют собой преемственность государственной власти Урарту и Армении.

В рамках рассматриваемой темы наибольший интерес представляет тот факт, что Багратуни и Парнавазианы упоминаются в тех же местах, где встречаются этнотопонимы, имеющие отношения к нахскому этносу, – Муср (Мусасир), Мана, Дурдзук, Малхина, Меишта, Цопа, Терк (Турк-Ангех), Хона и т.д. (см. выше). Первые упоминания о Багратуни связаны с местностями Муср (Мусасир) и Дурдзук (в Мане) на востоке и юго-востоке Урарту.

Позднее, в конце VII в. до н.э., Парнавазианы-Багратуни правят юго-западной областью Урарту – Цопа, а один из районов этой области Ангех-тун становится их родовым владением. Данное обстоятельство позволяет предположить, что Парнавазианы-Багратуни находились среди людей, переселенных из юго-восточных областей Урарту (Мусры, Мана, Дурдзук и др.) в ее западные и юго-западные области – Цова (Цопа), Ангех, Тегарамма и др.

Сохранились источники, позволяющие довольно точно определить время перемещения населения Мусасира (Мусры) на запад, в Цопк, Ангех и т.д. В 714 г. до н.э. ассирийский царь Саргон II захватил религиозный центр Урарту Муср (Мусасир) и разрушил главный храм Халди, самого же идола Халди и все имущество храма вывез в Ассирию. Согласно ассирийским надписям, из Мусасира были похищены огромные по тем временам богатства: несметное

количество изделий из железа, более тонны золота, пять тонн серебра, меди, а также лазурита и других драгоценных камней.

В надписи Саргона II, оставленной после этого события, сообщается, что население Мусасира в количестве 6170 человек царь переселяет на запад, в долину Евфрата, т.е. в Каркемиш, Тегараму, Цопани и др. (Дьяконов 1951$_a$: III, 46 (32). Переселенные из юго-восточных областей Урарту (Муср (Мусасир), Дурдзук и др.) в новые места люди принесли с собой, как это часто бывает, и названия своей страны. С этим, вероятно, и связан тот факт, что в некоторых архаичных вариантах армянского эпоса «Сасна црер»земля Муср локализуется в Цопани (Цопа) (Абегян 1985: 23).

Вместе с жителями Мусры, несомненно, были переселены и верховные жрецы, служители разрушенного храма Халди и его супруги Багбарти, которые и на новом месте, надо полагать, стали выполнять свои прежние функции. Но впоследствии, вероятно, в период распада Урартского царства в конце VII в. до н.э., они, провозгласив себя царями, возглавили также и светскую власть, отчего их стали отождествлять с богами.

В Цопе, Тегараме (Таргоме), Каркемише, куда, как свидетельствуют ассирийские надписи, были переселены жители Мусасира (Мусры), Дурдзукии и Маны, проходили решающие битвы между армией Навуходоносора II и войсками Урарту и его союзника Египта. И здесь, у стен города Каркемиш, в 605 г. до н.э. вавилонский царь одержал окончательную победу. В конце VI в. до н.э. г. Каркемиш стал центром сопротивления союзных урартских и египетских войск против Вавилонии.

Именно около Каркемиша в 605 г. до н.э. произошло упомянутое в Библии сражение между армиями Древнего Египта и Вавилонского царства. Следы этих боев были обнаружены во время раскопок в окрестностях Каркемиша в 1912 году. Вавилонский наследник престола Навуходоносор II в 605 году до н.э. перешёл Евфрат в 20 км южнее Каркемиша, у Тель-Тарсипа. После того как к защитникам города прибыло подкрепление, их войско выступило из Каркемиша для

решающего сражения. Египетскую армию возглавлял сам фараон. Вавилоняне нанесли союзным войскам Египта и Урарту сокрушительный удар.

Вероятно, именно после поражения при Каркемише правитель западных областей Урарту Парнаваз покорился вавилонскому царю Навуходоносору II, о чем и сообщает Себеос.

После этих событий часть населения данного региона перемещается на север, в сторону Кавказа. Вполне допустимо, что среди тех, кто в конце VII – начале VI вв. до н.э. переселился из Цопа, Турк-Ангеха и других областей Урарту в центральные районы Кавказа, были и представители знатного рода Парнавазианов. Косвенным подтверждением тому служат сообщения Себеоса, в которых довольно подробно рассказывается об одном из сыновей Парнаваза – Багарате, оставшемся в Ангехе, но ничего не сообщается о втором – Багараме.

Данный факт может служить доказательством того, что Багарам Парнаваз был в числе жителей западных и юго-западных областей Урарту, переселившихся на Кавказ, и что Себеос не сообщает о нем потому, что, вероятно, не обладает какими-либо данными о дальнейшей его (и других переселенцев) судьбе.

Таким образом, если в первой половине I тыс. до н.э. Багратуни-Парнавазианы вместе с дурдзуками, терками (турками), цопа (цова), хонами и др. проживают в урартских областях Муср (Мусасир), Цоп (Ангех-тун) и др., то позднее, во второй половине I тыс. до н.э., они вместе с теми же дурдзуками, турками (терками), хонами и цовами (цанами) являются уже обитателями Кавказа.

Племена, переселившиеся на Кавказ на рубеже VII – VI вв. до н.э., судя по всему, принимали активное участие в происходивших здесь событиях, а более всего – в формировании политического объединения нахских племен, привнося ряд культурных инноваций. Выше приводились свидетельства существования в древности почти на всей территории от Северного Кавказа до Северной Месопотамии культа солнца Малх (Малхина). Однако создание нахами Центрального Кавказа четко структурированного пантеона богов во главе с богом солнца Малхом следует, скорее всего, относить к середине I тыс. до н.э., точнее – к VI в. до н.э., периоду завершения объединения нахских племен. Процесс этот,

видимо, проходил под значительным влиянием культуры южнонахских и родственных им хуррито-урартских племен, пришедших на Кавказ из областей Урарту.

Надо полагать, что представители жреческой и светской знати переселившихся племен влились в высшую знать формировавшегося нахского государственного объединения. Среди них, безусловно, были и Парнавазианы, которые и на новом месте продолжали, вероятно, выполнять свои прежние функции, признавая при этом верховную власть нахских правителей.

В связи с вышеизложенным весьма примечательно, что художественная техника, в которой выполнена статуя бога Армаза, близка к традициям урартской скульптуры (Амиранишвили 1944: 123) и в то же время соответствует описанию статуи ингушского божества Магал (Мохде) (Кобычев 1985: 77).

На рубеже IV – III вв. до н.э., в результате вторжения *войск Александра Македонского* (Понтийское царство) в южные пределы нахского объединения, территория по среднему течению реки Куры была утеряна. После многомесячных боев часть нахского населения (хоны, бунтурки) со своими правителями Парнавазианами отошла в глубь страны, в горные районы. Примерно через 30–40 лет, отразив нашествие сарматов, нахское объединение предпринимает решительные и, судя по всему, успешные шаги по возвращению утраченных позиций в центральных областях Южного Кавказа, и эту борьбу, по Леонти Мровели, возглавляет Парнаваз.

Таким образом, Парнаваз становится реставратором прежней власти и олицетворявшего ее культа Малх (или Алмаз//Армаз), бога солнца, т.е. выступает представителем нахского (малхийского) раннегосударственного объединения, противостоящего иноземным завоевателям в лице Азо (Азон).

В таком случае становится понятно и то, почему в древнегрузинской исторической традиции существуют две противоречивые версии возникновения Картлийского царства. В историографии давно отмечено, что в этих версиях, изложенных, соответственно, в «Мокцевай Картлисай» и «Картлис Цховреба», отображены два сказания о нашествии *Александра Македонского* и об

образовании Картлийского царства, изначально существовавшие параллельно, независимо друг от друга (Меликишвили 1959: 280-281).

Однако исследователи, к сожалению, ограничиваются лишь констатацией факта наличия двух указанных версий, не объясняя причины их возникновения. Обычно исследователи исходят из следующей дилеммы: одна из версий отражает реальные события, другая же – легендарная. Подобный подход несколько упрощает ситуацию. Как известно, всякая власть нуждается в идеологическом оправдании, следовательно, в любой версии, где представлены факты становления государства, присутствует и определенная идеологическая «нагрузка». Поэтому при анализе противоречивых версий следует обращать внимание не только на выявление фактической стороны событий, но и на то, как эти события объясняются.

Следовательно, необходимо рассмотреть не только то, чем эти версии отличаются друг от друга и какие имеют расхождения в передаче тех или иных фактов и событий, а прежде всего то, как в них оцениваются одни и те же события, каковы их идеологические обоснования. И тогда мы увидим, что перед нами два совершенно разных взгляда на события, происходившие в Картли, и разные их идеологические трактовки.

«Мокцевай Картлисай» отражает позицию древнегрузинских племен во главе с Азоном, переселившихся в Картли после завоевания страны понтийским царем. В источнике достаточно ясно выражено отношение переселенцев-грузин к коренному населению (иноплеменникам хонам, бунтуркам), дано оправдание жестокости по отношению к ним и необходимости их уничтожения (они были «дикарями, пожиравшими трупы») и т.д. Подобные суждения, разумеется, не имеют ничего общего с реальным политическим, социальным и культурным уровнем населения Картли, а отражают предвзятый взгляд завоевателей.

Перед нами позиция, характерная для завоевателей всех времен, попытка дать идеологическое обоснование (пусть и наивное) захвата чужой территории и безжалостного истребления проживающего на ней населения. «Мокцевай Картлисай» первым царем Картли называет Азона, а Парнаваза вообще не

упоминает. Следовательно, в «Мокцевай Картлисай» нашли отражение предания переселившихся древнегрузинских племен, и их отношение к происходившим в то время событиям.

В «Картлис цховреба», наоборот, воссозданы настроения местного, коренного населения, защищавшего свою землю и вступившего в жестокую схватку с пришлыми завоевателями – армией понтийского царя (*Александра Македонского*), в рядах которой воевали и древнегрузинские племена под предводительством своего вождя Азона. Основным действующим лицом у Леонти Мровели является Парнаваз, возглавивший борьбу жителей Картли против иноземных завоевателей.

Здесь четко прослеживается идеология освободительной войны коренного населения во главе с Парнавазом с чужеземными захватчиками. Это говорит о том, что Леонти Мровели в своей Хронике опирается на сохранившиеся древние предания (письменные или устные) местного нахского населения, в которых выразилось отношение нахов к этим событиям.

Между тем Леонти Мровели знаком и с грузинскими преданиями об указанных событиях, воспроизведенными в «Мокцевай Картлисай», откуда он берет информацию. Однако извлекает он лишь то, что соответствует его концепции, обозначенной выше: грузины относятся к потомкам Таргамоса и вместе с другими его потомками издревле проживают на Кавказе. Поэтому для грузинского историка были неприемлемы сведения «Мокцевай Картлисай» о переселении грузин в Картли, где до них жили хоны и бунтурки(терки). Эти сведения он полностью игнорирует.

Одновременно Леонти Мровели пытается примирить несхожие предания и корректирует данные «Мокцевай Картлисай»: например, хонов и бунтурков называет *коренными картлийцами*, хотя ниже выдает себя, указывая, что *коренные картлийцы* – «это те которых мы зовем бунтурками или иноплеменниками» (Мровели Леонти: 25; см.: Меликишвили 1959: 280).

По концепции Леонти Мровели, грузины занимали среди кавказских народов (таргамосиан) первенствующее положение, поэтому он не мог допустить и мысли

о существовании иного государства кроме как Карти, также и о том, что Картли была его частью. По этой причине, надо полагать, в его Хронике для нахского раннегосударственного объединения не нашлось места, и из имевшихся в его распоряжении источников (письменных и устных) он, по всей видимости, отобрал лишь те сведения о нахах, которые могли бы стать подтверждением его взглядов. Вообще же, как уже отмечалось в научной литературе, взаимоотношения нахов с древнегрузинскими племенами интересуют Леонти Мровели лишь постольку, поскольку они могли бы служить образцом политического союза для современной ему Грузии (см.: Мровели Леонти:. 63. Комм. 98-98).

Однако как бы ни старался Леонти Мровели подогнать имевшиеся в его распоряжении данные древних источников под свою концепцию, а ситуацию XI века спроецировать в прошлое, анализ представленных им сведений о событиях второй половины I тыс. до н.э. показывает, что в них выдвигаются на первый план и политически доминируют именно кавкасианы-дурдзуки, а мотив их отношений с древнегрузинскими племенами преобладает над всеми остальными (см.: Меликишвили 1959: 281; Харадзе, Робакидзе 1968: 28; Виноградов 1963: 152-153; Цулая 1982: 22-36). Это заключение подтверждается всем ходом исторических событий, описываемых в Хронике, и в особенности деятельностью Парнаваза.

§4. Этнополитическая ситуация в Центральном Закавказье на рубеже III-II вв. до н.э.

В Хронике Леонти Мровели Парнаваз – выдающийся государственный деятель общекавказского масштаба, объединивший вокруг себя государства и народы Кавказа, поднявший их на борьбу против иноземных захватчиков. Но таким человеком, на зов которого откликнулись бы кавказцы, признав его своим предводителем, мог быть лишь государственный деятель, хорошо известный на Кавказе на протяжении достаточно длительного времени, обладающий большим авторитетом и могуществом, за которым стояла бы внушительная военная мощь.

Однако эти требования совершенно не вяжутся с тем положением, которое занимал Парнаваз. Он, тайно возвратившийся изгнанник, находящийся в Картли

секретно, вынужденный таиться от Азона, скрывать свое происхождение, не обладает ни властью, ни и силой, не проявил еще никакой воинской доблести, никому не известен и т.д. Ясно, что такой человек, вдруг появившийся из ниоткуда, не мог стать признанным лидером и возглавить объединенные силы кавказских народов.

Все эти несоответствия Леонти Мровели пытается компенсировать рассказом о чудесном нахождении Парнавазом несметных сокровищ, с помощью которых тот якобы привлекает на свою сторону народы Кавказа, вследствие чего борьба с Азоном приобретает сказочный характер. Но и здесь грузинский историк «выдает» себя. Дело в том, что он повествует не просто об участии, а фактически о решающей роли кавкасиан-дурдзуков в военно-политических событиях в Картли, и на этом фоне выглядит странным, что они не упоминаются в коалиции войск кавказских народов, с помощью которой Парнаваз побеждает Азона и освобождает Картли.

Участие нахов в указанных событиях не вызывает сомнения, тем более что, согласно Леонти Мровели, они выступают основной силой, на которую опирается не только Парнаваз, но и последующие картлийские цари. Более того, в военном союзе, возглавляемом Парнавазом, нет не только кавкасиан-дурдзуков, но и жителей самой Картли. Лишь после выступления Парнаваза во главе объединенных войск «все картвелы отказались от Азона», а также «тысячи всадников отборных из тех ромеев… и пришли к Парнавазу» (Картлис цховреба: 35). Получается, что Парнаваз освобождает Картли без участия кавкасиан-дурдзуков и собственно населения Картли.

Отмеченные выше несоответствия в сведениях Леонти Мровели можно объяснить тем, что лидирующей силой, вокруг которой объединились народы Кавказа в борьбе против Понтийского царства, стали кавкасианы-дурдзуки – другими словами, все еще сохранявшее свое могущество нахское раннегосударственное объединение, представителем которого и был Парнаваз. Картвелы же отсутствовали в коалиции Парнаваза потому, что борьба была

направлена как раз против них, поскольку они были переселены в Картли Азоном и являлись его главной опорой.

Однако в решающий момент, когда, как сообщает Леонти Мровели, бесчисленные войска под предводительством Парнаваза и Куджи из Эгриси (Колхиды) направились в Картли, картвелы и «тысячи всадников из ромеев» «отказались от Азона» и перешли на сторону Парнаваза. Оставшийся без войск Азон вынужден был бежать из Картли. На второй год, получив подкрепление из Понтийского царства (Сабердзнети), Азон выступил против Парнаваза, но был окончательно разгромлен (Картлис цховреба: 35).

Однако такая информация, естественно, не могла быть отражена Леонти Мровели, поскольку это противоречило бы выдвинутой в его Хронике исторической концепции, согласно которой, картвелы (грузины) являлись автохтонами Кавказа и именно они играли в этом регионе главенствующую роль во все времена. Поэтому грузинский историк, следуя своим целям, скорее всего, просто умалчивает о нахском (дурдзукском) объединении, внеся коррективы в данные имевшихся в его распоряжении источников (письменных и устных). Но как бы то ни было, даже эти весьма скупые и отрывочные сведения, сохраненные в источнике, дают некоторую возможность воссоздать общую картину происходивших в то время событий.

Согласно Леонти Мровели, Азон «занял, кроме Картли, также Эгриси и наложил дань на овсов, леков и хазар» (Картлис цховреба: 35). По-видимому, Понтийскому царству удалось не только установить свое господство в Картли, но и занять часть Колхиды (Эгриси по Мровели) между нижним течением Чороха (Эгрис-цкали) и Риони (Фасис), населенная древнеабхазскими племенами. Об этом свидетельствует тот факт, что после изгнания понтийских войск с Южного Кавказа данная территория была освобождена и возвращена Куджи, о чем и сообщает Леонти Мровели (Мровели Леонти: 30). Судя по Леонти Мровели, помимо Колхиды и Картли понтийский царь распространил свою власть и на леков. В данном случае имеется в виду, вероятно, население западной части исторической Албании – Эрети.

В этих условиях было вполне естественно, что народы Кавказа объединились в союз и направили военные силы против Понтийского царства с целью освобождения своих земель. Конечно, участие кавказских народов в войне на стороне Парнаваза не стоит рассматривать как проявление альтруизма. Тут, конечно, же дело не в богатстве, которое вдруг сверхестественным образом якобы появилось у Парнаваза и на которое кавказцы будто бы польстились, и тем более не в том, что кавказцы занимали по отношению к Парнавазу подчиненное положение, как это пытается представить Леонти Мровели.

В исследовательской литературе уже давно выявлено, например, что сообщение Леонти Мровели о якобы признании Эгрисским (Колхидским) царем Куджи своим правителем Парнаваза не соответствует исторической действительности (Ломоури 1975: 59). Сведения Леонти Мровели о зависимости царя Куджи от Парнаваза не подтверждаются никакими фактами.

Помимо всего прочего, Куджи не мог находиться в подчинении Парнавазу по той простой причине, что был царем Егерии (Колхиды) задолго до воцарения последнего. Как уже отмечалось, в стремлении Леонти Мровели представить Куджи зависимым от Парнаваза проявляется общая тенденция, отвечающая концепции грузинского автора о якобы первенствующей роли на Кавказе во все времена именно грузин (Ломоури 1975: 59; см. также: Гумба 2003: 132-136).

Объединение народов Кавказа имело в основе совпадение интересов и диктовалось общими политическими целями относительно к отражению захватнических устремлений Понтийского царства. Инициировало и возглавило этот союз, завершившийся победой над понтийскими захватническими войсками и изгнанием их из стран Южного Кавказа, скорее всего, именно нахское царство, которое и представлял Парнаваз.

Но эта война с Понтийским царством и последовавшая затем победа могли произойти лишь в условиях наличия у нахов безопасного тыла, т.е. в обстановке мира с сарматскими племенами и, возможно, поддержки с их стороны или, по крайней мере, отсутствии угрозы вторжения. Источники свидетельствуют о том, что в тот период сложилась именно такая, благоприятная, международная

ситуация. Через некоторое время после вторжения сарматских племен и ожесточенных войн с кавказскими народами, в конце IV − начале III вв. до н.э. между кавказцами и сарматами начинают налаживаться мирные взаимоотношения, которые в определенных условиях становятся даже союзными (Виноградов 1963: 152).

Вероятно, это было связано с возросшей военной мощью нахского государственного объединения. Так, по мнению В.Б. Виноградова, сообщение Леонти Мровели о том, что «все дурдзуки были свободны от пленений со стороны хазар из-за крепостей страны», отражает именно этот период отношений с сарматами (Виноградов 1963: 155).

Очевидно, уже к началу III в. до н.э. кочевники не только прекращают совершать (или не могут больше совершать) грабительские набеги на нахское государство, но и начинают выступать как достойные соседи и равноправные союзники нахов. Вместе с тем, следует, видимо, говорить об установлении нахами союзнических отношений не с разрозненными кочевыми племенами сарматов, а скорее с союзом объединенных племен, каковым являлся, судя по всему, Сиракский (сирако-меотский) союз племен, образовавшийся в III в. до н.э. в Северо-Западном Предкавказье.

Стабилизировав границу с Сиракским объединением по реке Малке, нахи в скором времени, вероятно, установили с ним обычные соседские отношения, взаимовыгодные для обеих сторон. Возможно, сиракские племена поставляли нахским владетелям военные отряды, а также участвовали как равноправные союзники нахов в тех или иных военно-политических событиях того времени. Видимо, под именем *овсы* Леонти Мровели выводит именно Сиракский союз племен, входивший в военную коалицию, в период войны с Азоном возглавляемую Парнавазом.

В этом случае Сиракский союз племен выступает как союзник кавказских народов в их борьбе против внешнего агрессора – Понтийского царства. Это может быть подтверждено и тем, что союзнические войска собрались в Колхиде («в Эгриси собрались бесчисленные войска и направились против Азона» (Мровели Леонти: 29), откуда, возглавляемые Парнавазом, вторглись в Картли. Поскольку

территория Картли контролировалась войсками Азона, то выйти в Колхиду через горные перевалы овсы могли лишь, миновав Клухорский перевал, по Кодорскому ущелью (Виноградов 1963: 158). Данный факт свидетельствует о том, что пришедшие на помощь Парнавазу овсы – это отряды сирако-меотского союза Северо-Западного Предкавказья.

В процессе борьбы против понтийского господства на сторону коалиции переходят и картвельские племена. Парнаваз заручается также поддержкой селевкидского царя, с которым устанавливает союзнические отношения (Мровели Леонти: 29). Война завершается победой объединенных сил народов Кавказа и изгнанием понтийских войск с большей части территории Южного Кавказа. Парнаваз освобождает Картли и присоединяет к ней Кларджети, а границы Колхиды вновь устанавливаются по нижнему течению Чороха.

Таким образом, нахи не только восстанавливают свои прежние границы на Южном Кавказе, но и расширяют их за счет присоединения Кларджети. Однако за более чем тридцатилетний период господства Понтийского царства здесь произошли определенные изменения в этническом составе населения. В результате перемещения древнегрузинских племен в Картли удельный вес грузинского населения заметно увеличился. Возможно, древнегрузинские племена просачивались в Картли и в более ранние периоды, но массовый переход их произошел, вероятно, в конце IV – начале III вв. до н.э., в период завоевания Картли Понтийским царством.

Понтийские войска состояли из разноэтнических племен северо-востока Малой Азии, часть которых после завоевания Картли вместе с оставленными там войсками, по-видимому, была переселена в эти места. Азон – вероятно, вождь древнегрузинских племен, назначенный понтийским царем наместником в Картли, впоследствии, согласно «Мокцевай Картлисай», переселил своих сородичей в Картли, а сам обосновался в древней Мцхета.

Хотя не исключено, что Азон был не вождем древнегрузинских племен, а македонянином, как об этом сообщает Леонти Мровели, назначенным *Александром Македонским* (понтийским царем) правителем Картли. Может быть, этим и объясняется то, что картвелы так легко оставили Азона и перешли на сторону Парнаваза.

Но как бы то ни было, начиная с рубежа IV – III вв. до н.э. древнегрузинские племена составляют, по-видимому, уже значительную часть населения Картли. Рост удельного веса грузинского населения и той роли, которую оно впоследствии стало играть в Картли следует, вероятно, связывать не только с перемещением древнегрузинских племен в районы среднего течения Куры после установления здесь власти Понтийского царя, но и с тем, что наместнику в Мцхета Азону подчинились территории в верховьях Куры и Чороха, где древнегрузинские племена к тому времени составляли уже, судя по всему, немалую часть населения.

Безусловно, нахские правители вынуждены были считаться с изменившейся этнодемографической и политической ситуаций в Картли. Ради упрочения своей власти и обеспечения безопасности южных границ своего государства они должны были проявить заинтересованность в привлечении на свою сторону древнегрузинских племен, и в этих целях предприняли меры по приближению к себе картвельской родоплеменной знати.

Так, Парнаваз не только не стал проводить карательные акции против переселившихся в Картли и уже осевших там племен, но, как сообщает Леонти Мровели, «распределил по ущельям и странам, отнесся к ним благосклонно. …И назвал их азнаурами» (Картлис цховреба: 15). Вероятно, в местах компактного проживания древнегрузинских племен на их вождей были возложены функции местных правителей и таким образом они были приравнены к нахской знати и затем привлечены к управлению Картли.

Это подтверждается и тем, что верховные божества древнегрузинских племен Гаци и Гаим получили официальный статус и были включены в иерархию божеств Картли, заняв соответственно второе и третье места после Армази. Как известно, в древности никто не сомневался в реальности существования богов – как своих, так и чужих, и по отношению к богам и культам других народов существовала определенная веротерпимость.

Поэтому включение верховных божеств переселившихся племен в пантеон официальных богов Картли, безусловно, было не только проявлением со стороны

нахов уважения к религиозно-культовым верованиям картвельских племен, но и свидетельством изменения этнополитической ситуации, приведший к признанию нахскими царями их прав на участие в управлении Картли.

Следует отметить, что высшая триада в пантеоне богов Картлийского царства – *Армаз*, *Гаци и Гаим*, имеет аналог в урартском пантеоне, также состоявший из трех божеств – главного, исконно урартского бога Халди, хуррито-хаттского бога Тейшеба и бога Шивини, воспринявшего символы месопотамской (ассиро-вавилонской) области (Пиотровский 1959: 220-221). Учитывая все вышесказанное, вряд ли можно сомневаться в том, что картлийский пантеон сложился под влиянием урартских религиозно-культурных традиций.

Подтверждением тому, помимо прочего, служит и тот факт, что в верховном боге Урарту Халди, изображавшемся в форме солнечного диска и связанном таким образом с солнцем и небом, соединились функции нескольких богов, как это имеет место и в случае с Армазом. Надо полагать, что три бога – Армаз, Гаци и Гаим, по аналогии с урартским пантеоном, отражают три культурно-этнических элемента религии Картли.

Таким образом, с III в. до н.э. древнегрузинские племена начинают играть значимую роль в политической и культурной жизни Картли. Поэтому не случайно, что в грузинской исторической традиции противопоставляются периоды истории Картли до и после завоевания ее Александром Македонским. Эпоха Александра Македонского – это тот рубеж, с которого фактически начинается история собственно грузин (Мровели Леонти: 59. Комм. 85-85).

К этому времени Леонти Мровели приурочивает также распространение на территории Картли грузинского языка, указывая при этом, что ранее, до переселения сюда грузинских племен, население Картли говорило на армянском языке: «До сих пор язык грузин был армянским, на котором они говорили. Когда же пришли в Картли эти бесчисленные племена, тогда грузины тоже оставили армянский язык. И от языков всех этих племен создался язык грузинский» (Картлис Цховреба: 16). Далее уточняется, что именно Парнаваз «распространил

язык грузинский, и больше не говорили в Картли на ином языке, кроме грузинского» (Картлис Цховреба: 16).

Говоря об армянском языке (*сомхури*) как о первоначальном языке грузин, Леонти Мровели имеет в виду урартский язык, что уже было отмечено в научной литературе (см.: Барамидзе 1972: 59). Согласно Леонти Мровели, на этом (урартском) языке изначально говорили не только грузины, но и все таргамосианы (*дети Таргама*). Вообще же в данном сообщении древнегрузинский историк в свойственной ему манере – очень сжато, буквально в двух-трех коротких предложениях, отразил сложный и длительный процесс формирования грузинской народности, имевший в основе слияние различных этнических групп, населявших Картли, и перехода их на грузинский язык.

Безусловно, и ассимиляция этнических групп, и переход их на грузинский язык произошли не в одночасье, как это сообщает Леонти Мровели, процесс этот оказался долгим, растянутый в веках. То, что Леонти Мровели «привязал» его к периоду деятельности Парнаваза, является следствием использования грузинским историком, помимо прочих источников, сказаний, в которых вокруг имени Парнаваза соединились воедино оставшиеся в памяти народа крупные события, произошедшие в разное время. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что начало этому процессу было положено именно при Парнавазе.

Согласно Леонти Мровели, селевкидский царь пожаловал Парнавазу царскую корону (Мровели Леонти: 29), что, безусловно, можно расценивать как свидетельство усиливавшегося влияния Селевкидов в Картли. Важным показателем высокой степени самодостаточности Парнаваза является осуществленные им династические браки. По словам Леонти Мровели, Парнаваз выдает своих сестер замуж – одну за эгрисского царя, а другую – за царя овсов, сам же он «женится на деве из дурдзуков, из рода Кавкаса» (Мровели Леонти: 29).

В данном случае следует обратить внимание на некоторые факты, подтверждающие существование нахского раннегосударственного объединения. Леонти Мровели не упоминает кавкасиан-дурдзуков в составе коалиции кавказских народов, участвовавших в войне против Понта, но сообщает о том, что

после победного завершения войны Парнаваз женится на *деве из дурдзуков, из рода Кавкаса*. В то же самое время своих сестер он выдает за эгрисского царя и царя овсов. Как известно, династические браки обычно заключались по политическим соображениям, в расчете обрести союзников, повысить родовитость и авторитет династии и т.д., поэтому правители, естественно, старались породниться с сильными царскими династиями.

Парнаваз, получивший корону от селевкидского царя и обладавший уже царским титулом, не мог, надо полагать, жениться на девушке не царской крови, т.е. заключить неравнородный брак. Отсюда следует, что Парнаваз женился на нахской царевне, а уточнение, что царевна эта не только *из дурдзуков*, но и *из рода Кавкаса*, исходя из специфики передачи фактов у Леонти Мровели, должно, надо полагать, подчеркивать древность и знатность нахской династии.

Вообще сам факт того, что Парнаваз при выборе жены отдал предпочтение «деве из рода Кавкаса», можно рассматривать как свидетельство большой военно-политической силы и значимости нахского раннегосударственного объединения к тому времени. Хотя, конечно, нельзя исключать, что выбор этот мог быть обусловлен тем, что Картли все еще входила в состав нахского объединения.

Появление в Картли нового этнического элемента, оказало значительное влияние на этническую составляющую населения страны и не могло не повлиять на ход дальнейших событий. По всей видимости, с этого времени сформировавшаяся и достаточно окрепшая родовая знать Картли все сильнее стремится освободиться из-под влияния нахских правителей. При сыне Парнаваза Саурмаге борьба переходит уже в открытую форму. Согласно Леонти Мровели, картлийская знать готовила против Саурмага заговор, но тот, своевременно оповещенный об этом, поспешил к нахам (дурдзукам), «к брату матери своей» (Мровели Леонти: 30).

В рукописях оригинала источника написано, что Саурмаг пришел именно «к брату матери своей» – именно так, как перевел эту фразу с древнегрузинского языка на русский Г.В. Цулая, а не «к братьям матери своей», как это иногда ошибочно переводится. Уточнение это важно, поскольку оно косвенно указывает

на возможное наличие в нахском раннегосударственном объединении наследственной власти: Саурмаг пришел не к братьям своей матери и не к ее отцу, которого к тому времени, видимо, уже не было в живых, а к его сыну («к брату матери своей»), унаследовавшему правление.

Судя по всему, правитель нахов выделил Саурмагу войско, на помощь были призваны также овсские (сиракские) отряды. Собрав армию, Саурмаг, как сообщает Леонти Мровели, нагрянул на картвелов и жестко расправился с восставшими: «захватил Картли и сокрушил отступников» (Мровели Леонти: 30). Вероятно, во многие районы были введены войска, а картвельская военно-родовая аристократия, выступившая против него, была смещена и подверглась репрессиям.

На местах, надо полагать, было введено прямое управление, и власть была передана присланным чиновникам: Саурмаг «унизил картвелов и сделал знатными азнауров, преумножились при нем дурдзуки, потомки Кавкаса» (Мровели Леонти: 30). По-видимому, нахские правители теперь не довольствуются лишь общим контролем: они укрепляют позиции и усиливают свое присутствие, власть на местах передается посланникам из центра, располагавшим хорошо вооруженными отрядами, призванными держать в повиновении население, собирать налоги, подати и т.д.

Однако, как показывают последующие события, несмотря на усиление контроля, центробежные силы в Картли постепенно стали набирать обороты и в конечном итоге одержали верх. По-видимому, интересы нахской и картвельской родоплеменной знати Картли совпали, и, вероятно, они объединились и выступили единым фронтом. Картлийская знать нашла также могущественного союзника в лице Селевкидского царства, о чем свидетельствует усиление влияния в Картли зависимой от Селевкидов Мидийской Атропатены.

По сообщению Леонти Мровели, Саурмаг «взял в жены персиянку, дочь эристава Барда». По-видимому, речь идет о дочери царя Мидии Атропатены, на которой женился Саурмаг. В конце IV в. до н.э. Мидия распалась на две части – Мидию Атропатену и Нижнюю Мидию. При распределении провинций между

преемниками Александра Македонского северо-западную Мидию в 323/27 г. получил военачальник мидян Атропат, участвовавший в битве при Гавгамеле на стороне Дария, но после смерти Дария примкнувший к Александру.

Атропат правил своей частью Мидии независимо, и она, в отличие от Мидии южной, стала именоваться Мидией Атропатеной, по имени своего правителя. Фундаментом Мидии Атропатены было не прочное единство, а военно-административное объединение разных народов и стран. Основное население состояло из хуррито-урартских (юго-западные районы), нахских (северные районы – Гугарк), дагестанских (в большей степени лезгинских – западные и северо-западные районы) и иранских (к югу от нижнего течения Аракса) племен.

Столицей Мидии Атропатены был город Ганзак (средневековый Шиз, современный Текаб). В III в. до н.э. Мидия Атропатена занимала обширную территорию к югу и северу от реки Аракс: по данным греческого историка Полибия, владения царей Атропатены простирались от Каспийского моря до верховьев Аракса (древнего Фасиса) и Понтийских гор (Полиби: V, 55; Новосельцев 1976: 65). Северные границы Мидии Атропатены совпадали с бывшей границей Ахеменидской империи и доходили до Хунани и Триалетского хребета, где Атропатена граничила с Картлией.

Мидия Атропатена существовала как самостоятельное государство, управляемое потомками Атропата, но признающее свою зависимость от Селевкидского царства, поэтому Леонти Мровели и называет царя Атропатены *эриставом Барда*, используя для обозначения этой страны более поздний термин *Барда.*

От брака с дочерью царя Мидии Атропатены (*эристава Барды*) у «Саурмага родилось две дочери, но не было сына. Тогда он привел из Персии сына Неброта, из родственников жены своей, сына сестры ее матери, и взял его в качестве сына. Звали его Мирван. И дал ему в жены дочь свою» (Картлис цховреба: 23). После смерти Саурмага царем становится Мирван.

Для понимания значимости данного сообщения и ее правильной интерпретации нужно вспомнить, что, согласно генеалогической концепции

Леонти Мровели, все народы мира подразделяются на потомков Неброда (Нимрода) *небротианов* (ассирийцы, мидийцы, персы, народы Селевкидского царства), потомков Таргамоса *таргамосиан* (кавказские народы), кочевников Евразии *хазар* и народы Средиземноморья (греки и римляне), которые выходят на историческую арену позже, во времена Александра Македонского.

Развитие истории таргамосиан, особенно на начальном этапе, проходило в борьбе за независимость их отчизны, простиравшейся от Месопотамии до северокавказских степей. Противниками таргамосиан в этой борьбе являлись небротианы (потомки Нимрода) с одной стороны и кочевники *хазары* – с другой, т.е. небротианы и таргамосианы были непримиримыми врагами. И на этом фоне Саурмаг Таргамосид усыновляет Мирвана, сына Неброта, который затем становится царем.

Таким образом, в одной из частей страны Таргамосидов – Картли, к власти приходит потомок заклятого врага таргамосиан. Леонти Мровели особо подчеркивает тот факт, что Мирван является сыном именно Неброта. Небротианом он называет также и последующего царя – сына Мирвана Фарнаджома, который «отошел от веры отцов… ввел веру отцовскую и оставил веру материнскую …Полюбил веру персидских огнепоклонников, привел из Персии огнепоклонников и магов и поселил их в Мцхета, в месте, которое ныне называется Могвта (место магов), и начал открыто порицать идолов. За это возненавидели его жители Картли» (Картлис цховреба: 23).

В попытке Парнаджома внедрить в Картли религию зороастризма нет ничего удивительного, если учесть, что Мидия Атропатена, откуда были родом он и его отец Мирван, в течение всего эллинистического периода находилась под теократическим управлением сторонников религии магов. Здесь находился один из трех «великих храмов огня» зороастрийцев, притом важнейший из них, так как принадлежал он царской семье. Из-за этого на Атропатену смотрели как на родину зороастризма и его основателя Зороастра (Заратуштры).

В приведенных сообщениях Леонти Мровели отразились серьезные этнические и политические сдвиги, произошедшие в Картли во время господства

здесь Понтийского царства и в последующий период. Можно считать, что приход к власти небротианов – Мирвана, а затем его сына Парнаджома, фактически стал переломным моментом, изменившим дальнейший ход развития Картли, что нашло отражение и в древнегрузинской исторической традиции. Оно легло в основу новой версии происхождения царской династии Картли – от Неброта (Нимрода), и эта версия существовала в древнегрузинской литературе параллельно с преданиями о царской династии Парнавазианов.

Так, древнегрузинский историк Джуаншер Джуаншериани вкладывает в уста царя Картли Вахтанга Горгасала (V в. н.э.) следующие слова: «Вы же исконные жители Картли – родичи царей картлийских, ныне поставленные правителями от нас, царей, в родстве восходящих к Неброту, что явился на эту землю прежде других царей» (Картлис цховреба: 43; см. также: Джуаншер Джуаншериани 1986: 162; Джанашвили 1901: 21). *Исконные жители Картли* – это догрузинское население страны, т.е. нахи, родичи царей Картли Парнавазианов; себя же Вахтанг Горгасал относит к потомкам Неброта, пришедшим к власти в Картли на рубеже III – II вв. до н.э.

В «Жизни Вахтанга Горгасала» приводится также иная, совершенно отличная от генеалогии народов Леонти Мровели, таблица распределения народов (языков), в которой вообще отсутствуют народы Кавказа. Согласно Джуаншеру Джуаншериани архангел Михаил обращаясь к Неброту «на языке персидском говорил: «Я есть архангел Михаил, что поставлен от господа владыкой Востока… Ступай и поселись между двумя реками – Ефратом и Джилой и отпусти племена те, кому куда заблагорассудится, ибо отпущены они богом. …И все покинули город и удалились. И оставил говорящих по-индски – в Индии, синдов – в Синде, римлян – в Риме, греков – в Греции, агов и магогов – в Магугии, персов – в Персии; но главным языком остался сирийский. Вот те семь языков, на коих говорили до Неброта …» (Картлис цховреба: 43; Джуаншер Джуаншериани 1986: 162).

С воцарением в Картли Мирвана Неброта возрастает влияние Мидии Атропатены и одновременно повышается роль грузинских племен. Такая

ситуация грозила не просто усилением влияния Селевкидов в Картли, но и утерей контроля со стороны нахского объединения над территорией, имевшей важное военно-стратегическое значение. Разумеется, это не могло не обеспокоить и не вызвать соответствующую реакцию со стороны нахского правителя.

На приход к власти в Картли Мирвана Небротиани нахи отвечают карательной акцией. Однако, судя по тому, что нахские войска не дошли до Мцхета, а «полонили лишь Кахети и Базалети» (Мровели Леонти: 31), их усилия не достигли намеченной цели. Более того, Мирван, по Леонти Мровели, неожиданно становится предводителем «многочисленного войска – конных и пеших» – нападает на дурдзуков и побеждает их (Мровели Леонти: 31).

Данное сообщение Леонти Мровели совершенно не вяжется с его же сведениями о военно-политическом доминировании кавкасин-дурдзуков в этот период, что не может не вызывать сомнения в правдоподобности столь резкого изменения соотношения сил и появления вдруг у Мирвана многочисленного войска, превосходящего нахские силы. Однако, сведения Леонти Мровели не беспочвенны: они являются отражением военно-политической ситуации, сложившейся к тому времени в центральных районах Южного Кавказа, и напрямую связанной с активизацией здесь Селевкидов.

Приход к власти в Картли Мирвана в конце III в. до н.э. и последовавшие за этим события совпадают по времени с периодом наивысшего расцвета селевкидской империи и царствованием одного из самых выдающихся представителей династии Селевкидов Антиоха III Великого (223 – 187), предпринимавшего активные действия по расширению империи. В 212 году до н.э. Антиох III отправляется в знаменитый Восточный поход по маршруту армии Александра Македонского, который продлился до 205 года до н.э. (Полибий: X, 27-31). Именно после этого похода Антиох III и получает титул *Великий* (Аппиан: I, 1).

С 212 по 209 гг. до н.э. Антиох III ведет войну в Восточной Анатолии и на Южном Кавказе и предпринимает меры по обеспечению безопасности северных провинций империи и их защите от возможных вторжений с Кавказа. Ему было

хорошо известно, какая опасность может исходить от кавказских стран. В 222 – 220 гг. до н.э., когда сатрапы Нижней Мидии и Персии *Молон* и *Александр* подняли мятеж против Антиоха III, их поддержали цари стран, примыкавших к империи со стороны Кавказа (Полибий: X, 27 – 31). Таковыми, скорее всего, были Мидия Атропатена и Нахаматия.

По сообщению Полибия, после победы над мятежниками Антиох III решил идти войной на верхние страны с целью «пригрозить владыкам варваров …дабы впредь они не дерзали поддерживать мятежников доставкой припасов и войска» (Полибий: V, 40). Однако придворные отговорили Антиоха от этого похода из-за сопряженных с ним больших опасностей. Дело ограничилось тогда вторжением лишь в пределы Мидии Атропатены и принуждением к подчинению и признанию зависимости от Селевкидов царя Атропатены Артабазана (Полибий: V, 55).

Однако во времена Восточного похода Антиох III действует более решительно: присоединяет к империи полунезависимые сатрапии – Малую Армению, Великую Армению, Мидию Атропатену, и с огромным войском вторгается в центральные районы Южного Кавказа, в пределы нахского государственного объединения. На этот раз вторжение было хорошо подготовлено, к тому же Антиох III, вероятно, заручился поддержкой родоплеменной знати Картли.

По-видимому, основная часть нахской и картвельской родоплеменной знати Картли во главе с Мирваном перешла на сторону Антиоха III. Учитывая, что приход Мирвана Небротиани к власти в Картли в конце III в. до н.э. совпадает со временем Восточного похода Антиоха III, нельзя исключать также, что воцарение Мирвана произошло при активном содействии селевкидского царя.

Поход селевкидского царя Антиоха III Великого в Центральное Закавказье, вероятно, около 212 – 209 гг. до н.э. красочно изображен в Хронике Леонти Мровели, но по вполне понятным причинам древнегрузинский автор победоносную войну Антиоха III приписывает царю Картли Мирвану. В решающей битве между селевкидскими и нахскими войсками (дурдзуками), которая «длилась долго и с обеих сторон пало множество людей» (Мровели

Леонти: 31), Антиох III одерживает победу и устанавливает свое кратковременное господство в центральных районах Южного Кавказа. К этому периоду относится и сооружение укрепленных ворот (*Каменные врата*) Дарубал (Циканские, Дурдзукские ворота) около Живали (Мровели Леонти: 31).

Вторжение Антиоха III в Центральное Закавказье и последовавшее за ней сооружение укрепленных ворот около Живали были столь крупными событиями того времени, что сведения о них сохранились не только в древнегрузинской, но и в античной (Страбон, Плиний, Арриан и др.) и раннесредневековой (Прокопий Кесарийский, Агафий и др.) литературе, в которой конечный результат – строительство укрепленных ворот на Кавказе, представлен как эпохальное событие.

Если в древнегрузинских источниках деяния Антиоха III Великого приписываются царю Картли Мирвану, то в античной и раннесредневековой исторической литературе – Александру Македонскому, при этом широко распространяется миф о постройке им на Кавказе *Железных ворот* (*Железные ворота Александра Македонского*), чему не приходится удивляться, поскольку позднее с великим полководцем, как правило, связывали все сколько-нибудь значимые события эллинистического периода. Вполне может быть вероятным, что победоносный поход Антиоха III Великого и послужил основой для мифа о вторжении Александра Македонского на Кавказ.

Можно предполагать, что около 210 г. до н.э. нахского объединение перестало существовать. Не случайно начиная именно со II в. до н.э. упоминания о нахах в древнегрузинских источниках носят уже эпизодический характер. Завоевания Антиоха III Великого на Южном Кавказе, приведшие к падению, существовавших здесь объединении, создали условия для становления Картлийского царства. Фактически именно с этого времени можно говорить о начале формирования Картлийского царства, т.е. собственно древнегрузинского государственного образования, основателем которого по праву можно считать именно Мирвана Небротиани.

При Мирване происходит, пусть ненадолго, и территориальное расширение Картлийского царства. По сообщению Страбона известно, что Армения, ставшая независимой после поражения Антиоха III Великого в битве с римлянами при Магнессии в 189 г. до н.э., отторгла у Иберии (Картли) Париадру, Хорзену и Гогарену (Гугарк) (Страбон: XI, XIV, 5). Эти области входили в состав Мидии Атропатены (Новосельцев 1976: 68), выступавшей союзником Парнаваза в борьбе против Понтийского царства, в связи с чем трудно предположить, что до похода Антиоха III они были отторгнуты от Атропатены в пользу Картли (Иберии).

Скорее всего, Антиох III в целях ослабления Мидии Атропатены распределил часть ее территории между покоренными им Картли и Арменией, военные отряды которых принимали участие в походе на стороне Селевкидов. Северо-западные области Мидии Атропатены – Гугарк, Париадр, Хорзена, вероятно, были переданы в управление Картлийскому царю Мирвану. После победы римлян над Селевкидами в 189 г. до н.э. Антиох III отказывается от территории выше Тавра, после чего получают независимость армянские царства и Картли.

Вслед за этим набиравшая силу Армения отторгает у Картли области, присоединенные к ней Антиохом III (Гугарк, Париадр и Хордзена), о чем и сообщает Страбон. В конце I тыс. до н.э. территория Центрального Закавказья на протяжении почти одного века подпадает под власть Великой Армении, продолжавшаяся до прихода в регион римлян.

Заключение

Центральное Закавказье, представляя собой межкультурную зону, артериями которой были Черное, Каспийское и Средиземное море, являлось географическим ареалом скопления, сосуществования различных культур и этносов. На протяжении нескольких тысячелетий он связывал между собой в единый формат три сопредельных исторических региона, которые являются колыбелью ряда древних этносов – Малую Азию, Месопатамию и Кавказ; был хранилищем ресурсов и значительный транзитный маршрут связи для великих держав Западной Евразии, в том числе хеттской и ассирийской империи.

Центральную часть Южного Кавказа в определенной части можно относить также и к числу так называемых контактных зон – территорий, где соприкасались и оказывали друг на друга влияние оседло-земледельческие и кочевые культуры. Оседлые земледельцы и скотоводы-кочевники в своем историческом развитии продвигались разными путями, развивая отличные друг от друга формы производящего хозяйства, системы мировоззрения и культурные ценности, однако, по сути, представляли собой две стороны одной медали – древней цивилизации, генезис которой во многом определялся процессом взаимовлияния и взаимопроникновения двух культур. Отражение этих взаимосвязей обнаруживается и в культурно-историческом наследии Центрального Закавказья.

В своем социальном, культурном, экономическом и историческом развитии население Центрального Закавказья более всего было переплетено с месопотамским и анатолийским мирами. Согласно древней исторической традиции, отраженной у Леонти Мровели и, частично, у Мовсеса Хоренаци, Центральное Закавказье являлось частью страны *Таргомосидов*, простиравшейся от Северной Месопотамии до Северного Кавказа, которая при этом выступала частью древневосточной цивилизации. В интересующий нас период население Центрального Закавказье находилось в непосредственных, близких и многосторонних этнокультурных контактах с царством Урарту (IX – VI вв. до н.э.), Ахеменидской Персией (VI – IV вв. до н.э.), Понтийским и Селевкидским царствами (III – II вв. до н.э.).

Первые упоминания о племенах Южного Кавказа засвидетельствованы в ассирийских и урартских, а уже с середины I тыс. до н.э. – античных письменных источниках. Сопоставительный анализ разнохарактерных и независимых друг от друга источников свидетельствуют о проживании в Центральном Закавказье в первой половине и середине I тыс. до н.э. этнически близкородственных племен. Все имеющиеся свидетельства указывают на этническую связь, упоминаемых в этих местах племен – мосхов (масахов), хонов, бунтурков, цанаров, двалов, гугаров с нахским этническим миром. Синонимичность гугар, цанар, цан, махелон, масаха-хон, хон существенный факт, который также по линии племенных названий роднит эти этнонимы с нахским этническим миром, а взаимная заменяемость этих названий устанавливается достаточно определенно. При этом нельзя, конечно, исключать присутствие здесь иных этнических групп. Однако, по всей видимости, нахские племена составляли основное ядро древнейшего населения данного региона.

Речь идет, разумеется, не об одном племени, а о южнонахской группе племен, в составе которого целый ряд племен (или племенных групп), каждое со своим названием. Будучи расселенными на достаточно обширной территории, южнонахские племена и их объединения были известны своим соседям под различными названиями, что и отразилось в письменных источниках. Поэтому тот факт, что южнонахская группа племен выступает в разновременных источниках под разными общими названиями, следует рассматривать как отражение реально происходивших глубоких исторических процессов: выдвижение тех или иных племен в качестве гегемонов; консолидация племен и образование крупных племенных объединений, в результате которых название главенствующего племени становилось общим. В этническом отношении близко стоявшим к нахским племенам, шире к нахско-дагестанским, представляется также значительная часть древнейшего населения примыкающих с юга к Центральному Закавказью областей.

Сравнительно-исторический анализ исконнокавказских (или т.н. северокавказских) языков полностью подтверждает сказанное. Абхазо-адыгские и

нахско-дагестанские языки образуют отдельную, исконнокавказскую языковую семью. Их общий протокавказский уровень реконструируется с высокой степенью достоверности. Исконнокавказская языковая семья распадается на две группы (или подсемьи) – западную, или абхазо-адыгскую, и восточную, или нахско-дагестанскую. Помимо живых абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков к исконнокавказской семье относятся в качестве особых ветвей древние языки Южного Кавказа – хаттский (абхазо-адыгская подсемья), хуррито-урартский и этрусский (нахско-дагестанская подсемья). Первоначально исконнокавказские языки занимали не только весь Кавказ без исключения, но и многие прилегающие области. Еще Н.Я. Марр пришел к выводу о том, что в древности абхазы, адыги, нахи и дагестанцы занимали территорию всего Кавказского региона – от Черного и Азовского морей до Каспийского, и лишь позднее в их родственную среду вклинились грузинские, иранские и тюркские племена. Мнение Н.Я. Марра, получившее подтверждение в результате новейших исследований, сегодня разделяет большинство специалистов-языковедов.

Что же касается нахских народов (чеченцев, ингушей и бацбийцев), их язык занимает промежуточное положение между дагестанскими и абхазо-адыгскими языками, и они проживали, соответственно, в срединной части Кавказа. Соседство между нахскими и абхазо-адыгскими языками было довольно длительным, что не могло не отразиться на уровне языковых соответствий между ними. Как отмечают языковеды, степень лексической близости между абхазо-адыгскими и нахскими языками обусловлена не только общностью их происхождения, но и длительным сосуществованием.

Проживая в центральной части Кавказа, нахские племена находились в этническом соседстве на Южном Кавказе с абхазскими племенами, а на Северном Кавказе – с адыгскими. Этническая граница между абхазскими и нахскими племенами на Южном Кавказе проходила, по-видимому, по Понтийскому, Месхетскому и Лихскому хребтам, а на Северном Кавказе между нахскими и адыгскими племенами – в западной части Центрального Кавказа. При этом, конечно, проводить сколько-нибудь четкие этнические границы между этими

племенами можно лишь условно, так как они, по всей вероятности, были расселены вперемешку. Позже, в результате постепенного занятия грузиноязычными племенами промежуточных зон между абхазами и нахами на Южном Кавказе и ираноязычными племенами между адыгами и нахами на Северном Кавказе и вызванного этим прекращения непосредственного этнического соседства, процесс дивергенции между этими языками углубился.

Весьма трудно выявить южные границы расселения нахов в эту древнюю эпоху, где нахи соприкасались с хурритскими и урартскими племенами. Ассирийские и урартские письменные источники фиксируют в южных областях Центрального Закавказья в период с XII по VIII в. до н.э. крупные объединения Диаухи (Диаени), Эриахи и Этиухи (Этиуни, в которые входили многочисленные племена, большинство из которых являлись хуррито-урартскими. Вместе с тем, названия многих племен, входивших в эти объединение или выступавших в качестве их союзников, сохранились в современной этно- и топонимической номенклатуре нахских и дагестанских народов, что в совокупности с прочими данными свидетельствует об этнической связи этих племен с нахскими и дагестанскими народами.

В научной литературе на протяжении уже полутора столетий высказывается гипотеза об этнической связи нахских народов с населением Урарту. Постоянно растущий объем фактического материала, свидетельствует не только об этническом родстве хуррито-урартов и нахских племен Центрального Кавказа, но и о существовании между ними в древности многосторонних и тесных связей. На этом фоне сегодня можно уже достаточно уверено говорить, что эта гипотеза подтверждается, прочность научной аргументации которой также прошла проверку временем.

Как показывает опыт, исследования в этой области приводят главным образом к подтверждению мнений, сформулированных ранее, а также позволяют выявить новые данные, благодаря которым не только расширяется научная доказательная база существования языкового и этнического родства между нахскими и хуррито-урартскими племенами, но и становится возможной

постановка вопроса об общности их историко-культурных и политических судеб во II – первой половине I тыс. до н.э.

К настоящему времени накоплено достаточно информации, которая говорит о длительном периоде взаимовлияния и взаимопроникновения между абхазо-адыгскими и нахско-дагестанскими племенами Кавказа, с одной стороны, и хаттскими и хуррито-урартскими племенами, с другой. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что эти контакты были непрерывными и миграция племен в различных направлениях внутри ареала расселения племен исконнокавказской языковой семьи – от Северного Кавказа до Верхней Месопотамии и Сирии − происходила на протяжении тысячелетий. Ясно, что не все подобные перемещения стали достоянием истории, и сведения о многих из них до нас не дошли. Вместе с тем, даже исходя из тех скупых данных, которыми мы сегодня располагаем, можно выделить несколько этапов крупных миграции населения в I тысячелетии до н.э.

В VIII веке до н.э., в центральные районы Кавказа начинают продвигаться мушки (мосхи//масахи), под именем которых, вероятно, скрываются южнонахские племена, хотя при этом, безусловно, нельзя исключать присутствие среди них и других племен, в том числе и хуррито-урартских (и может быть – сванов?). Другой этап крупной миграции жителей урартских и близлежащих областей на Кавказ, в котором задействованы уже гораздо более значительные массы населения, наблюдается в конце VII – начале VI вв. до н.э., после завершения большой, фактически мировой, войны, повлекшее за собой изменение этнополитической карты Передней Азии. После падения урартской и ассирийской держав, перемещение населения было, видимо, столь масштабным, что в его ходе, наверное, большая часть южнонахских и дагестанских (албанских) племен сдвинулась с мест своего проживания к предгорьям и горным районам Кавказа.

Благодаря имеющемуся в нашем распоряжении материалу, можно не просто констатировать факт переселения на Кавказ в обозначенный период племен из Урарту и близлежащих стран, но и проследить пути их передвижения. Следует учитывать, что перемещение, о котором идет речь, происходило в течение

сравнительно долгого периода и, следовательно, было растянуто во времени и пространстве, а переселенцы, двигаясь по тем или иным местам, по разным причинам задерживались в них на какое-то время, а некоторые иногда оставались насовсем. В результате в местной топонимике закреплялись этнические имена перемещавшихся племен или названия, которые они давали местным территориям. Устанавливаются пути, по которым племена шли с юга в районы Центрального Закавказья: один путь пролегал из области Цопа (Цоба) на север по верхнему течению Евфрата в сторону нагорной плоскости Юго-Восточного Причерноморья, через западные предгорья Мосхийского и Лихского хребтов, вдоль реки Куры; второй путь шел из Араратской равнины на северо-запад в долину Чороха, отсюда на северо-восток в Гугарк, междуречье Алазани и Иори и далее на север. Практически на всей территории, через которые проходили племена, выявляются реликты нахской топонимики.

Связи между населением Центрального Закавказья и примыкающими с юга обширными областями, в том числе и этнические, уходят в глубь веков. Рассматриваемый регион в более ранние эпохи был населен близкородственными народами и племенами (хуррито-урартскими и нахско-дагестанскими). Поэтому перемещения тех или иных родственных племенных групп внутри региона, вряд ли, были редкими. Проникновения этих групп на земли, где проживали родственные этнические племена, имели, скорее всего, мирный характер и не вызывали со стороны последних сопротивления. По данным археологического материала миграция в Центральное Закавказье племен с юга на рубеже VII – VI веков до н.э. не вызвала каких-либо ощутимых изменений в этническом составе населения. Происходило постепенное и мирное, не изменившее облик аборигенного населения, проникновение родственного этнического элемента. Археологи особо подчеркивают, что в обозначенный период не может быть и речи о каком-либо насильственном вторжении и переселение следует мыслить как процесс мирной, правда, довольно интенсивной инфильтрации.

При этом, следует иметь в виду, что, согласно исследованиям лингвистов, нахско-дагестанские языки отчленились от общего нахско-дагестанского и

хуррито-урартского, вероятно, не позднее III тыс. до н.э. Следовательно, несмотря на выявляемую большую близость именно нахских и хуррито-урартских языков, в I тыс. до н.э. дифференциация между ними была уже значительной и хуррито-урартские племена, хотя и являлись родственными, но уже отличались от нахских. Нахские племена уже в ту древнюю эпоху, несомненно, имели свою языковую и этническую индивидуальность. На основании же тех материалов, которыми сегодня располагаем, определить довольно точно какие из перечисленных племен, переместившихся с юга в центральные районы Кавказа, принадлежали к собственно южнонахским племенам, а какие – к хуррито-урартским, задача весьма сложная .

Переселившиеся с юга племена оказали большое влияние на социально-политическую и культурную жизнь местного населения, дали новый импульс к дальнейшему поступательному развитию. Как носители переднеазиатской государственной и культурной традиции они сыграли, несомненно, катализирующую роль в становлении нахского политического объединения на Центральном Кавказе в середине I тыс. до н.э. Об этом свидетельствуют и переднеазиатские культурные инновации, в частности в области верований. Так, в пантеоне нахских языческих божеств мы видим переднеазиатские (хуррито-урартские) божества – Эл, ЦIу (Цов), Тушоли, Алале (Алалай), Эштра, Малх, Нана, Шаро и др., которые не могли появиться у нахов позднее I тысячелетия до н. э.

С VI по III вв. до н.э. большая часть Центрального Закавказья – Картли, Двалети, Цанария входила в состав нахского объединения – Нахаматия//Нахчаматия (Малхия, Махлия), а Гугарк и Месхети – оказались в пределах Мидии, а затем Ахеменидской Персии. Граница между ними шла от Понтийского хребта на северо-восток по водораздельному хребту Арсиан (между истоками Чорохи и Евфрата), по Мосхийскому и Триалетскому хребтам, далее по реке Армхи до ее впадения в реку Кура.

Второй крупный миграционный поток с юга в Центральное Закавказье наблюдается в конце IV века до н.э., после разгрома Ахеменидской Персии войсками Александра Македонского, что привело к очередному существенному изменению этнополитической карты Передней Азии и к новым значительным миграционным процессам. Согласно античной и древневосточной письменной традиции, именно к этому периоду относится и появление грузинских племен в районах Центрального Закавказья. Письменные сообщения подтверждаются также данными археологии, антропологии и других смежных наук, фиксирующие появление в центральных районах Южного Кавказа в конце IV – начале III в. до н.э. новой этнической группы.

Во всех сообщениях разноязычных письменных источников переселение иберов-грузин представлено как вынужденное: грузины были переселены насильственно – по одним источникам, Навуходоносором, по другим – Александром Македонским. Несовпадения сведений источников относительно времени переселения грузинских племен на Кавказ объясняется тем, что в I тыс. до н.э. совершились две волны крупного переселения племен с юга на Кавказ: первое – передвижение на север хуррито-урартских, южнонахских и албано-дагестанских племен, после падения Урартской и Ассирийской держав на рубеже VII–VI вв. до н.э. Этот период совпадает с правлением вавилонского царя Навуходоносора II (604/5 – 561/2 гг. до н.э.), проявившего себя столь выдающейся личностью, что позднее те или иные значимые исторические события I тыс. до н.э. стали приписываться ему.

Второе массовое перемещение населения, в том числе и древнегрузинских племен с юга на Кавказ, имело место на рубеже IV–III вв. до н.э., после похода Александра Македонского и гибели Ахеменидской Персии, в связи с чем, эти события и связываются с именем великого полководца. Видимо, элементы этих двух различных крупномасштабных событий I тыс. до н.э. – перемещения хуррито-урартских и южнонахских племен в центральные области Кавказа на рубеже VII–VI вв. до н.э. и древнегрузинских племен в конце IV – начале III вв. до н.э., позднее в письменных источниках были объединены по законам

литературного произведения в одно целое, и вокруг великих личностей (Навуходоносор, Александр Македонский) слились воедино события, произошедшие в совершенно разные времена. Этнически различные и переселившиеся в центральные области Южного Кавказа в разное время племена, античные писатели называют одним термином *иберы*, и связано это с тем, что название *Иберия* (*иберы*) в письменных источниках с самого начала употреблялось не как этническое, а как географическое.

В конце IV – начале III в. до н.э. в территориальные зоны между абхазами и нахами вклиниваются с юга картвельские племена. В этот период переселение картвелов шло не только в долину среднего течения реки Куры, но и в восточную область Колхиды – Аргвети, где они вступили в этнический контакт с абхазами. Этим, видимо, и объясняется языковые схождения абхазского с картвельским (картлийским) минуя, при этом, мегрело-чанский язык.

Появление в Центральном Закавказье на рубеже IV-III вв. до н.э. нового этнического элемента, оказало значительное влияние на этническую и культурную составляющую населения региона и повлияло на ход дальнейших событий. Приток новой этнической группы в Картли в этот период приводит к бурным этнокультурным процессам, появлением новых социальных элит, возвышение, а затем и участие в политических процессах которых, определило центробежные устремления.

Переломным моментом, кардинально изменивший ситуацию в регионе, стал поход Селевкидского царя Антиоха III Великого в центральные области Южного Кавказа около 212 – 210 гг. до н.э., в результате которого были разгромлены Мидийская Атропатена и нахское раннегосударственное объединение Центрального Кавказа. В результате создались благоприятные условия для становления собственно Картлийского царства, начало процесса консолидации племен и формирования картвельской народности.

Ко времени похода на Кавказ Антиоха III Великого относится и сооружение укрепленных ворот (Каменные врата Дарубал, Сарматские, Цилканские, Дурдзукские, Иверийские ворота) около Живали, где будет проходить также

северная граница Картли (позднее Шида Картли). Строительство укрепленных ворот около Жинвали было столь крупным событием для того времени, что сведения об этом сохранились в античной (Страбон, Плиний, Арриан и др.) и раннесредневековой (Прокопий Кесарийский, Агафий и др.) литературе, в которой конечный результат – сооружение укрепленных ворот, представлен как эпохальное событие. При этом, в античной и раннесредневековой исторической литературе широко распространяется миф о постройке этих ворот Александром Македонским (*Железные ворота Александра Македонского*), чему не приходится удивляться, поскольку позднее с великим полководцем, как правило, связывали все сколько-нибудь значимые события эллинистического периода. По-видимому, именно победоносный поход Антиоха III Великого в Центральное Закавказье и послужил основой для мифа о вторжении Александра Македонского на Кавказ и строительство им здесь железных ворот.

Таковы основные этапы этнокультурного развития населения Центрального Закавказья в I тыс. до н.э. Все, что изложено выше, выполнено в той мере, в какой позволяют имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении материалы. Будущие исследования на основе новых материалов, несомненно, дадут много нового, интересного для разрешения остающихся неясными вопросов о судьбах населения Центрального Закавказья указанного периода. Вместе с тем, сегодня становится совершенно очевидно, что решение узловых проблем ранних этапов этнокультурной и политической истории Центрального Закавказья и примыкающих к нему с юга территорий, возможно только на основе привлечения материалов северокавказских народов и сбалансированного комплексного подхода, при учете данных различных гуманитарных и естественных наук — истории, археологии, этнологии, сравнительно-исторического языкознания, антропологии, генеалогии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВИУ – Дьяконов И.М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту //

Вестник древней истории. 1951. № 2 (тексты № 1–50). № 3 (тексты № 51). № 4.

АО — Археологические открытия

АС — Археологический съезд

АЭС — Археолого-этнографический сборник

ВВ — Византийский Временник

ВДИ — Вестник Древней истории

ВИ — Вопросы истории

ВОН – Вестник общественных наук

ВЯ — Вопросы языкознания

ЖМНП —Журнал Министерства народного просвещения

ЗНОИРГО — Записки Кавк. отделения Имп. Русского географического общества

ИАК— Известия Имп. археологической комиссии

ИААНСССР— Институт археологии АН СССР

Известия ГАИМК — Известия Гос. Академии истории материальной культуры

ИЖ — Исторический журнал

Известия РАИМН — Известия Российской Академии истории материальной

культуры

Известия ЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института

Известия ЧИНИИЯЛ – Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы

ИФЖ – Историко-филологический журнал

КИАИ — Кавказский историко-археологический институт

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР

КСИИМК— Краткие сообщения Института истории материальной культуры

АН СССР

КЭС — Кавказский этнографический сборник

МАК— Материалы по археологии Кавказа

МАР — Материалы по археологии России МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР

МИГК – Материалы по истории Грузии и Кавказа

СА — Советская археология

СМОМПК— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

ССК — Сборник сведений о Кавказе

ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах

СЭ — Советская этнография

Труды ЧИНИИЯЛ – Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы

УЗ КНИИ— Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института

УЗЛГУ - Учены записки Ленинградского государственного университета

УКН – Меликишвили Г.Г. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

ХВ — Христианский осток

BSOAS — Bulletin of the Schooe of Oriental and African Studies

ESA — Eurasia Septentrionalis Antique

PZ — Prahistoriscche Zeitscchrift

ZDML— Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Jesellschaft

Список использованных источников и литературы

Абегян 1975: Абегян М.Х. История древнеармянской литературы. Ереван: изд.-во АН Арм. ССР. 1975. 587 с.

Абегян 1985: Абегян М.Х. Труды. Т. VIII. Ереван: изд.-во АН Арм. ССР, 1985. 486 с.

Абдушелишвили 1954: Абдушелишвили М.Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тб.: изд-во АН Гр. ССР, 1954. 146 с.

Ин-та экспериментальной морфологии АН Груз. ССР. Т. 5. Тб., 1957. С. 109-128.

Абдушелишвили 1964: Абдушелишвили М.Г. Антропология древнего и современного населения Кавказа // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. С. 247-255.

Абдушелишвили 1966: Абдушелишвили М.Г. К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тб.: изд-во АН Гр. ССР. 1966. 133 с.

Абдушелишвили 1967: Абдушелишвили М.Г. Генезис горно-кавказских групп в свете данных антропологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 154-151.

Абдушелишвили 1975: Антропологические соотношения народов Грузии и Северного Кавказа в эпоху освоения производства железа // Материалы к антропологии Кавказа. Вьш. IV. Тбилиси, 1975. С. 41 -62 (на груз. яз.)

Абдушелишвили 1978: Абдушелишвили М.Г. Антропология населения Кавказа в раннефеодальном и эллинистическом периоде // Материалы к антропологии Кавказа. VI. Тб., 1978.

Абраамян 1944: Абраамян А. Научные труды армянского ученого VII века Анания Ширакаци. Ереван: изд-во АН Арм. ССР, 1944. 112 с. (на арм. языке)

Абрамова 1979: Абрамова М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА, № 2, 1979.

Абрамова 1993: Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: ИА РАН, 1993. 240 с.

Абуладзе 1934: Абуладзе Ю.И. К этимологии термина «гурджи» (на груз. яз.) // За марксистское языкознание. Юбилейный сборник, посвященный сорокапятилетней научной деятельности академика Н.Я. Марра. Тифлис, 1934.

Авалиани 2011: Авалиани Э. Урартский могильник в Игдире: межкультурные взаимосвязи с кавказско-переднеазиатскими регионами // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Тбилиси – Гори – Батуми, 27-30 сентября 2010 г. Тб., 2011. С. 443-445.

Агатангелос 1905: Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия). Издание и комментарии Н.Я. Марр. СПб., 1905. 105 с.

Агатангелос 1912: Агатангелос. История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1912.

Агатангелос 2004: Агатангелос 2004: Агатангелос. История Армении. Перевод с древнеармянского, вступительная статья и комментарии К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатян. Ереван: изд-во ЕГУ, 2004. 346 с.

Агафий: Агафий. О царствовании Юстиниана. М.: Наука, 1953.

Аджарян 1973: Аджарян Г. Коренной этимологический словарь армянского языка (на арм. яз.). Т.1. Ереван: изд-во ЕГУ, 1973. 409 с.

Адонц 1971: Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван: изд-во ЕГУ, 1971. 526 с.

Айтберов 1984: Айтберов Т.М. Нахоязычный район Мосок в XVI – начале XIX в. (локализация и политические связи) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.

Акопян 1987: Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван: изд-во АН АрмССР, 1987, 302 с.

Алексеев 1963: Алексеев В.П. Итоги изучения палеоантропологии Кавказа // ИФЖ. № 2. Ереван, 1963.

Алексеев 1973: Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Алексеев 1974: Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М., 1974.

Алексеев 1996: Алексеев М.Е., Тестелец Я.Г. «Северокавказский этимологический словарь» и перспективы кавказской компаративистики // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1996.

Алиев 1960: Алиев И. Г. История Мидии. Баку, 1960.

Алироев 1978: Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный: Чечено-Ингушское кн. изд-во, 1978. 289 с.

Алироев 1990: Алироев И.Ю Язык, история и культура вайнахов. Грозный: изд-во «Книга», 1990. 364 с.

Амиранишвили 1928: Амиранишвили А.И. Греческие надписи музея Грузии. Bull. du Musee de Georgie. IV, 1928.

Амиранишвили 1944 Амиранишвили Ш.Я. Древнейший образец грузинской рельефной скульптуры (на груз. яз.) // Известия музея Грузии. Вып. XII. Тб., 1944.

Амиранишвили 1950: Амиранишвили Ш.Я. История грузинского искусства. Т. 1. Тб., 1950.

Андроникашвили 1966: Андроникашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз). Тб., 1966.

Анчабадзе 1959: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1959. 305 с.

Анчабадзе 1964: Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М.» «Наука», 1964. 240 с.

Анфимов 1949: Анфимов Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. СА. XI. 1949.

Апакидзе, Гобеджишвили, Каландадзе, Ломтатидзе: 1955: Апакидзе А., Гобеджишвили Г., Каландадзе А., Ломтатидзе Г. Археологические памятники Армазисхеви // Мцхета. Т. 1. Тб., 1955.

Апакидзе 1963: Апакидзе А. Жизнь городов Древней Грузии, кн. 1. Тб., 1963

Аппиан: Аппиан. Римские войны. СПб,: изд-во «Алетейя», 1994. 780 с.

Аракелян, Джаукян, Саркисян 1987: Аракелян Б. Н., Джаукян Г., Саркисян Г. К. К вопросу Урарту-Армения // ИФЖ, № 1, 1987.

Ардзинба 1982: Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.: «Наука», 1982. 252 с.

Ардзинба 1983: Ардзинба В.Г. О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры Древней Анатолии // Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

Армянская География 1877: Армянская География VII в. по Р.Х. (приписываемая Моисею Хоренскому). СПб., 1877.

Арсанукаев 2002: Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии. Баку, 2002. 234 с.

Артамонов 1962: Артамонов М.И. История хазар. Л.: изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.

Арутюнов 2014: Арутюнов С.А. Языки народов Кавказа // Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 5-78.

Арутюнов, Хазанов 1978: Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Орджоникидзе, 1978.

Арутюнян 2012_a: Арутюнян А.Ж. Контуры древней армяно-грузинской границы в спорном освещении грузинских авторов // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории. Материалы всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки 19 – 21 сентября 2012. Т. 2. Астрахань: АГУ, 2012. С. 81 – 86.

Арутюнян 2012: Арутюнян А.Ж. Древнее и раннесредневековое Причерноморье согласно данным «Армянской географии». Проблемы

истории и археологии Украины. Материалы VIII международной научной конф., 9-10 ноября, Харьков, 2012, С. 61.

Арутюнян 2013а: Арутюнян А.Ж. Ориентация древнеармянской карты «Ашхарацуйц» // Восток (Oriens) 2013, № 3. С. 88 – 94.

Арутюнян 2013: Арутюнян А. Ж. К вопросу определения авторства древнеармянской карты (или «Ашхарацуйц-а») // Интеграция мировых научных процессов как основа общественного прогресса: сборник материалов I Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.В. Кузьмина. Казань : общество науки и творчества, 2013. С. 1 – 6.

Арутюнян 2016: Арутюнян А.Ж. К вопросу о содержании «Ашхарацуйц-а» // ВОН, 3(648) (на арм. яз.). Ереван. 2016. С. 108 – 115.

Арутюнян 2015: Арутюнян А.Ж. Армения, государства Восточного Средиземноморья и Иран (189 г. до н.э. - 298 г. н.э.). Ростов-на Дону: изд-во Южного федерального университета, 2015. 370 с.

Арутюнян 2017: Арутюнян А. Ж. Северный Кавказ и сопредельные территории согласно данным древнеармянской географии (или «Ашхарацуйц-А») // Гуманитарные и юридические исследования. № 2. Ставрополь: «Северо-Кавказский федеральный университет». 2017. С. 25 – 31.

Арутюнян 2019: Арутюнян А.Ж. Тридцать третья страна Всеобщей Азии по «Древнеармянской географии»: Арик (Ариана – Ария) или Парфия? // Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья, № 11, Москва-Тюмень-Нижний Новгород, 2019.

Арутюнян 2021: Арутюнян А.Ж. Ахеменидский и Сасанидский Иран согласно данным «Древнеармянской географии» или («Ашхарацуйц»-а, Tractus aevorum, 8 (1). Весна/Лето, Белгород, изд. НИУ БелГУ, 2021, С. 33-71.

Арутюнян 2022: Арутюнян А.Ж. Скифы (Цисуральские и Трансуральские) по данным «Древнеармянской географии» («Ашхарацуйц»-а). Вестник

полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2022. № 1 (63). С. 26-31.

Арутюнян 1977: Арутюнян Б.А. Область Гугарк Великой Армении по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.) // Вестник Ереванского университета. № 2. Ереван, 1977.

Арутюнян 1979: Арутюнян 1979: Арутюнян Б.А. Административное деление закавказских владений Сасанидского Ирана согласно труду Елишэ // Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван, 1979.

Арутюнян 1991: Арутюнян Арутюнян Б.А. Когда отсутствует научная добросовестность // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинции Армении. Т. I. Ереван, 1991.

Арутюнян 1997: Арутюнян Б.А. «Ашхарацуйц» и проблема четырех Армений (на арм. яз.). Ереван: изд-во ЕГУ, 1997. 387 с.

Арутюнян 2001: Арутюнян Б.А. Система административно-территориального деления царства Великой Армении по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.). Ереван, изд-во ЕГУ, 2001. 185 с.

Арутюнян 2004: Арутюнян Б.А. Атлас истории Армении (на арм. яз.). Ч. 1. Ереван: изд-во ЕГУ, 2004.

Арутюнян 2004: Арутюнян Б.А. Армения по «Ашхарацуйцу». Карта (на арм. яз.). Ереван: изд-во ЕГУ, 2004.

Арутюнян 1985а: Арутюнян Н.В. К чтению и интерпретации Урартской надписи из Лчашена // Культурное наследие Востока. М., 1985.

Арутюнян 1085: Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту: изд-во ЕГУ, Ереван, 1985. 308 с.

Арутюнян Н.В. Биайнили-Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики // 2-е изд., доп. и перераб. СПб: Изд-во СПбГУ, 2006. 368 с.

Ахмадов 2001: Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М.: изд-во «Мир дому твоему», 2001. 424 с.

Ахундов 2007: Ахундов Т. О связях Майкопской традиции с Южным Кавказом и Ближним Востоком // Археология, этнология, фольклористика Кавказа, Махачкала, 2007.

Ачугба 2013: Ачугба Т.А. К интерпретации одного сообщения Леонти Мровели о расселении эгрисцев // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. III абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2013.

Ашхарацуйц: Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци (на древнеарм. яз.). Венеция, 1881. 65 с.

Ашхарацуйц Вардана Вардапета: Ашхарацуйц Вардана Вардапета (на древнеарм. яз.). Париж, 1960.

Ашхарацуйц» Анонима VII в.: Ашхарацуйц» Анонима VII века. Научно-критическое издание. А. Акопян // Хандес амсориа, 1-12, Вена – Ереван, 2013. С. 35 – 95.

Багаев 2008: Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана. М. «Наука», 2008. 456 с.

Константин Багрянородный 1991: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М. «Наука», 1991. 493 с.

Базоркин 2002: Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик: изд-во ИЦ «Эль-Фа». 2002. 290 с.

Бакрадзе 1889: Бакрадзе Д.З. История Грузии (древнейших времен до конца X века). Тифлис. Типография Е.Г. Месхи. 1889 (на груз. яз.).

Барамидзе 1972: Барамидзе А. А. К уточнению одного сообщения в произведении Леонтия Мровели // Источниковедческие разыскания. Тб., 1972.

Бардавелидзе 1957: Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тб., 1957.

Бгажба, Терехова 1988: Бгажба О.Х., Терехова Н.Н. Железообрабатывающее производство у племен колхидской и кобанской культур // XV Крупновские чтения. Махачкала, 1988.

Бганба 2000: Бганба В.М. К вопросу о происхождении и этноязыковой принадлежности некоторых этнонимов древнего Восточного Причерноморья // Абхазоведение. Вып. 1. Сухум, 2000.

Белявский 1971: Белявский В.А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.

Бердзенишвили, Джавахишвили, Джанашиа 1946: Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии. Ч. 1. Тб., 1946.

Бердзенишвили 1975: Бердзенишвили Н.А. Вопросы истории Грузии. Т. VIII. Тб., 1975.

Бердзенишвили 1985: Бердзенишвили Д. К. Очерки по исторической географии Грузии: (Земо Картли - Тори, Джавахети). Тбилиси: Мецниереба, 1985 (на груз. яз.). 160 с.

Березин 1983: Березин Я.Б. Работы в Предгорном районе Ставропольского края. Археологические открытия 1981 года. М., 1983.

Березин, Виноградов 1988: Березин Я.Б., Виноградов В.Б. Центральное Предкавказье во второй половине I тысячелетия до н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988.

Бетрозов 1998: Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик: «Эльбрус», 1998. 367 с.

Биягов 1974: Биягов Л.Н. К вопросу об интерпретации «Халди и Арубани-Багбарту» // ВОН, № 11, 1974.

Лукиан 1935: Богаевский Б. Лукиан из Самосаты // Лукиан. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1935.

Болтунова 1949а: Болтунова А.И. К вопросу об Армази // ВДИ, № 2, 1949.

Болтунова 1949: Болтунова А.И. Об этническом составе эллинистической Иберии по данным литературной традиции // КСИИМК. XXIV. 1949.

Болтунова1954: Болтунова А.И. Описание Иберии в «Географии» Страбона // ВДИ, № 4, 1954.

Болтунова 1956: Болтунова А.И. Возникновения классового общества и государственной власти в Иберии // ВДИ, № 2, 1956.

Бондаренко, Коротаев, Крадин 2002: Бондаренко Д.М., Коротаев А.В., Крадин Н.Н. Введение: социальная эволюция, альтернативы и номадизм // «Кочевая альтернатива социальной эволюции», серия «Цивилизационное измерение». Москва, «Наука», 2002. Т. 6. С. 10-48.

Брагвадзе, Капанадзе 2010: Брагвадзе З., Капанадзе Н. Верхняя Имерети в политическом пространстве Грузии раннего средневековья (на фоне письменных источников и археологических данных). Тб., 2010.

Бромлей 1973: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 285 с.

Буниятов 1979: Буниятов З. М. Иоанн де Галонифонтибус. Книга познания мира // Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Баку, 1979.

Бутба 2001: Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». Сухум, 2001. 154 с.

Вагапов 1984: Вагапов Я.С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов Магас и Дедяков // «Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом». Грозный, 1984.

Вагапов 1996: Вагапов Я.С. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996.

Вахушти 1904: Вахушти. География Грузии // ЗКОРГО, кн. 24, вып. 5. Тифлис, 1904.

Вахушти Багратиони 1976: Вахушти Багратиони. История царства Грузинского. Тб., 1976.

Видные деятели армянской культуры 1982: Видные деятели армянской культуры (V–XVIII века). Ереван, 1982.

Виноградов 1960: Виноградов В.Б. О путях древних культурных связей Центрального и Северо-Восточного Кавказа с южными областями в 1 тыс. до н. э. // Сборник студенческих докладов на 5 всесоюзной археологической конференции. М., 1960.

Виноградов 1963: Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды ЧИНИИ. Т. 7. Грозный, 1963.

Виноградов 1964: Виноградов В.Б. О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам) // Труды ЧИНИИ. Т. IX. Грозный, 1964.

Виноградов 1965: Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА, № 1, 1965.

Виноградов 1972: Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

Виноградов 1966: Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Известия ЧИНИИ. Т. 7. Вып. 1. Грозный, 1966.

Виноградов, Нераденко 1986: Виноградов В.Б., Нераденко Т.Н. К вопросу о южных связях кобанских племен (бронзовое оружие и орудия труда) // Известия АН Груз. ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. Т.I. Тб., 1986.

Волкова 1973: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Вольная 2002: Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ, 2002.

Воронов 1980: Воронов Ю.Н. Западно-Кавказская этнокультурная общность эпохи поздней бронзы и раннего железа («колхидско-кобанская культура») // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1980.

Воронов 2006: Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. I, 2006. Сухум.

Воронов 2013: Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. IV, 2013. Сухум.

Вардан вардапет: Всеобщая история Вардана Великого. Венеция, 1862.

Габелия 2014: Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.

Габриелян 1985: Габриелян Г.А. Армянские источники об аланах. Вып. 1-3. Ереван, 1985.

Габуев 1999: Габуев Т.А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999.

Габуниа, Гусман Тирадо 2011:Габуниа З. М., Гусман Тирадо Р. Вновь о некоторых проблемах родства кавказских языков // Известия СОИГСИ. 2011 г. Вып. 5 (44). С. 48-54.

Гаглоев 1966: Гаглоев Ю.С. Сведения «Армянской географии» VII в. об аланах // Известия СОНИИ. Т. 25. Орджоникидзе, 1966.

Гаглойти 1967: Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тб., 1967.

Гаглойти 1999: Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах. Составление и комментарии Ю.С. Гаглойти // «Дарьял». Владикавказ. № 1-4, 1999.

Гаглойти 2000: Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах. Составление и комментарии Ю.С. Гаглойти // «Дарьял». Владикавказ. № 1-3, 2000.

Гагошидзе 1964: Гагошидзе Ю.М. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья (на груз. яз.). Тб., 1964.

Гагошидзе 1981: Гагошидзе Ю.М. Из истории грузино-иранских взаимоотношений (Храм II– I вв. до н.э.) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

Гагошидзе 1983: Гагошидзе Ю.М. Картли (Иберия) в V–I веках до н.э. Автореферат дис. док. ист. наук. Тб., 1983.

Гаджиев 1975: Гаджиев А.Г. Древнее население Дагестана по данным краниологии. М., 1975.

Гаджиев 1980: Гаджиев М. С. К периодизации куро-араксской культуры на Северо-Востоке Кавказа // X Крупновские чтения. М., 1980.

Гадло 1979: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа (IV–X вв). Л., 1979.

Ган 1909: Ган К. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК, вып. 40, отд. 3. Тифлис, 1909.

Гамбашидзе, Гамбашидзе: 1986: Гамбашидзе О.С., Гамбашидзе И.О. Работы Месхет-Джавахетской экспедиции // Полевые археологические исследования в 1983 г. Тбилиси, 1986.

Гамкрелидзе 1985: Гамкрелидзе Г.А. К истории Колхиды времен Азо-Фарнаваза (на груз. яз.) // Известия АН Грузинской ССР. № 3. 1985.

Гамкрелидзе 1971: Гамкрелидзе Т.В. Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки // Вопросы языкознания. № 2, 1971.

Гамкрелидзе 1964: Гамкрелидзе Т.В. «Анатолийские языки» и вопрос о переселении в Малую Азию индоевропейских племен. М., 1964.

Гамкрелидзе, Иванов 1984: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тт. I, II. Тб., 1984.

Гамрекели 1961: Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–V вв. н.э. Тб., 1961.

Гараканидзе 1959: Гараканидзе М.К. Грузинское деревянное зодчество. Тб., 1959.

Гвасалия 1991: Гвасалия Д.Г. Историческая география Восточной Грузии. Тб., 1991.

Генко 1930: Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. 5. Л., 1930.

Георгиев 1958: Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.

Геродот: Геродот. История. Л., 1972.

Герни 1987: Герни О.Р. Хетты. М., 1987.

Гернот 1992: Гернот Вильхельм. Древний народ хурриты. М., 1992.

Гозалишвили 1956: Гозалишвили Г.К. О древнем торговом пути в Закавказье // Труды Института истории АН Груз. ССР. Т. II. Тб., 1956.

Головинский 1878: Головинский П.А. Заметки о Чечне и чеченцах. ССТО, вып. 1. Владикавказ, 1878.

Головлева 1978: Головлева Л.М. Царство Алзи во второй половине II тыс. до н.э. // Древний Восток. № 3. Ереван, 1978.

Гублиа 2002: Гублиа Р.К. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. Сухум, 2002.

Гулиа 1925: Гулиа Д.И. История Абхазии. Сухум, 1925.

Гумба 1986: Гумба Г.Д. Кавказская Албания по «Ашхарацуйцу» Вардана вардапета (XIII в.) // Вестник общественных наук. № 9. Ереван, 1986.

Гумба 1987а: Гумба Г.Д. Об этнониме «нахчаматеанк» «Армянской географии» VII века // История и филология древнего и средневекового Востока. М., 1987.

Гумба 1987б: Гумба Г.Д. Цанары по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.) // Тезисы докладов XXI научной сессии Института истории АН Армянской ССР. Ереван, 1987

Гумба 1987в: Гумба Г.Д. Кавказские хоны по «Ашхарацуйцу» // Труды Абхазского государственного университета. Т. 5. Сухум, 1987.

Гумба 1988: Гумба Г.Д. Махли античных источников // Тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной древней и средневековой истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный. 1988. С. 8-10.

Гумба 1990: Гумба Г.Д. Об одном общенахском этнониме второй половины первого тыс. до н.э. // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный. 1990. С. 9-10

Гумба 1994: Гумба Г.Д. Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. Сухум, 1994.

Гумба 1996: Гумба Г.Д. Термины «Абхазия», «Сакартвело», «Грузия» в средневековых источниках // Актуальные проблемы истории народов Кавказа. Материалы научной конференции, посвященной З.В. Анчабадзе. — Сухум, 1996. — С. 178-183.

Гумба 2003: Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели // Абхазоведение. Вып. II. Сухум, 2003.

Гумба 2004а: Гумба Г.Д. К вопросу идентификации реки Эгрис-Цкали Джуаншера Джуаншериани // Абхазоведение. Вып. III. Сухум, 2004.

Гумба 2004б: Гумба Г.Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли (Иберия) // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум, 2004.

Гумба 2007а: Гумба Г.Д. Заметки по этнонимике Южного Кавказа урартской эпохи // Абхазоведение. Вып. IV. Сухум, 2007.

Гумба 2007б: Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» // Вестник Академии наук Абхазии. № 2. Сухум, 2007.

Гумба 2011: Гумба Г.Д. К вопросу об этнической принадлежности кавказских мосхов (масахов//месхов) // I международные Инал-иповские чтения. Сухум, 2011.

Гумба 2016а: Гумба Г.Д. Еще раз о восточной границе Абхазии в раннем средневековье // Абхазоведение. Археология. История. Этнология. Выпуск X. Сухум: «Дом печати», 2016. С. 54 – 62.

Гумба 2016б: Гумба Г.Д. К вопросу о происхождении царских родов Парнавазианов и Багратидов // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Памяти В.Г. Ардзинба. К 70-летию со дня рождения / Материалы Международной научной конференции, Сухум, 14-17 мая 2015 г. Сухум-Москва. АбИГИ. ИВ РАН. 2016. С. 180 – 194.

Гумба 2016в: Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.). Сухум: Абгосиздат. 2016. С. 544.

Гумба 2016г: Гумба Г.Д. Соаны Страбона // Материалы Международной научной конференции: Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа (к 90-летию Ингушского научно-исследовательского института). Магас, 14-16 ноября 2016 г. Магас. 2016. С. 90 – 95.

Гумба 2016д: Гумба Г.Д. Кавказская Гиркания античных источников // Вестник АНА, № 6. Сухум: «Academia», 2016. С. 172 - 184.

Гумба 2017: Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.). Сухум. Абгосиздат. 2016. С. 544. М. Литера. 2017. С. 553. 2-е изд., дополненное.

Гумба 2018: Гумба Г.Д. Саспиры (сасперы) Геродота // Труды Абхазского государственного музея. Вып. VII. Сухум: Абгосиздат, 2018. С. 95-105.

Гумба 2018а: Гумба Г.Д. Проблемы этногенеза и этнокультурной истории нахских народов // «Этногенез и этническая история народов Кавказа». Сборник материалов I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный. 11–12 сентября 2018 г.) Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018. С. 19 – 28.

Гумба 2019: Ахмадов Я.З., Гумба Г.Д., Курумов Д.С., Хасмагомадов Э.С. История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни с древнейших времен до XV века. М.: изд-во «Литера». 2019. 686 с.

Гумба 2020: Гумба Г.Д. Из исторической географии центральной части Южного Кавказа // Материалы научной конференции, посвященной 100-ю З.В. Анчабадзе (Ачба). Сухум: АГУ, АбИГИ, 2020. С. 98 – 119.

Гумба 2020а : Гумба Г.Д. К исторической географии Картли // Абхазоведение, вып. XII. Сухум, 2020 (в печати)

Дандамаев 1985: Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

Дебец 1960: Дебец Г.Ф. Антропологические типы // Народы Кавказа. Т. I (серия «Народы мира»). М., 1960.

Дешериев 1953: Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М., 1953

Дешериев 1963: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и развития горских кавказских народов. М., 1963.

Джавахов 1905: Джавахов И.А. Государственный строй древней Грузии и древней Армении. С.-Петербург: Императорская академия наук. 1905. 150 с.

Джавахишвили 1939: Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей поры // ВДИ, 1939, № 4.

Джавахишвили 1945: Джавахишвили И.А. Древнегрузинская историческая литература (на груз. яз.). Тб., 1945.

Джавахишвили 1948: Джавахишвили И.А. История грузинского народа (на груз. яз.). Тб., 1948.

Джавахишвили 1967: Джавахишвили Э.Н. Материалы к изучению времени становления и формирования кавкасионского типа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

Джамирзаев 1999: Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (к древней истории нахских племен III–I тысячелетия до новой эры). Автореферат дис. докт. ист. наук. Тб., 1999.

Джанашвили 1899: Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей // СМОМПК. Вып. XXVI. Тифлис, 1899.

Джанашвили 1901: Джанашвили М. Г. Книга Нимрода // СМОМПК. Вып. XXIX. Тифлис, 1901.

Джанашвили 1904: Джанашвили М.Г. Приложение к этнографическому отделу Географии Вахушти. // Царевич Вахушти «География Грузии» // ЗКОРГО. XXIV. Вып. 5. Тифлис, 1904.

Джанашиа 1952: Джанашиа С. Н. Античная схема кавказских этнархов и эпонимов. Труды, т. II. Тбилиси, 1952. С. 56-90 (на груз. яз.)

Джанашия С. Н. Черкесский (адыгский) элемент в топонимике Грузии // Труды, т. 3. Тб.: Мецниереба, 1959. С. 115-123 (на груз. яз.)

Джанашия 1986: Джанашия С.Н. Из исторической географии Квемо Картли (Гогарена - Гугарк) // Историко-источниковедческие очерки (с. 23 – 37.) Тб.: Мецниереба, 1986. 350 с. (на груз. яз).

Джанашиа 1966: Джанашиа Л. С. Об источниках «Жизни картлийских царей» // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1966. С. 78-86.

Джапаридзе 1953: Джапаридзе О.М. Бронзовые топоры Западной Грузии (к вопросу о ведущих типах орудий позднебронзовой культуры) // СА. Т. XVIII. 1953.

Джапаридзе 1961: Джапаридзе 1961: Джапаридзе О.М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тб., 1961.

Джапаридзе 1976: Джапаридзе О.М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии (на груз. яз.). Тб., 1976.

Джапаридзе 1980: Джапаридзе О.М. К раннему этногенезу кавказских племен // Историко-филологические разыскания. № 1. Тб., 1980.

Джапаридзе 1989: Джапаридзе 1989: Джапаридзе О.М. На заре этнокультурной истории Кавказа. Тб., 1989.

Джапаридзе 1991: Джапаридзе О.М. Археология Грузии. Тб., 1991.

Джапуа 2003: Джапуа З. Д. Абхазские эпические сказания о Сосрыкуа и Абраскиле. (Систематика и интерпретация текстов. Тексты и переводы). Сухум. 2003.

Джаукян 1967: Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, урартских и кавказских языков. Ереван, 1967.

Джаукян 1986: Джаукян Г.Б. Армянский слой в урартском пантеоне // ИФЖ, № 1, 1986.

Джафаров 1993: Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1993.

Джуаншер Джуаншериани 1986: Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала / Перевод, введение и примечание Г.В. Цулая. Тб., 1986.

Джуртубаев 1991: Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, «Ельбрус», 1991.

Дзидзариа 1999: Дзидзариа О.П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках // Международная научна конференция «Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики». Сухум, 1999.

Дидебулидзе 1984: Дидебулидзе З.Ш. Хроника Леонти Мровели как источник для изучения некоторых вопросов этногенеза северокавказских народов // Источниковедческие разыскания. Тб., 1984.

Дирр 1909: Дирр А.М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис, 1909.

Дональд Рейфилд 2019: Дональд Рейфилд Грузия. Перекресток империй. История длиной в три тысячи лет. М.: КоЛибри, 2019. 685 с.

Драсханакертци Ованес: Драсханакертци Ованес. История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1912.

Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник 1953: Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник («Картлис цховреба»). Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал Абуладзе И.В. Тб., 1953.

Дьяконов 1951а: Дьяконов И.М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту (АВИИУ) // ВДИ, №№ 2-4, 1951.

Дьяконов 1951: Дьяконов И.М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // ВДИ, № 2, 1951.

Дьяконов 1961: Дьяконов И.М. Хетты, фригийцы и армяне // Переднеазиатский сборник. Вып. 1. М., 1961.

Дьяконов 1963: Дьяконов И.М. Урартские письмена и документы. М., 1963.

Дьяконов 1967: Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.

Дьяконов 1968: Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

Дьяконов 2008: Дьяконов И. М. История Мидии. От древнейших времен до конца IV в. до н.э. СПб., 2008.

Дьяконов 1978: Дьяконов И.М. Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки // Древний Восток. Вып. 3. Ереван, 1978.

Дьяконов 1981а: Дьяконов И.М. К методике исследований по этнической истории («киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.

Дьяконов 1981: Дьяконов И.М. Малая Азия и Армения около 600 г. до н.э. и северные походы вавилонских царей // ВДИ, № 2, 1981.

Дьяконов 1982: Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ, №№ 2, 3, 1982.

Дьяконов 1983: Дьяконов И.М. Типы этнических передвижений в ранней древности // Древний Восток. Вып. 4. Ереван, 1983.

Дьяконов 1988: Дьяконов И. М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки. // Древний Восток: этнокультурные связи (Под ред. Г М. Бонгард-Левина, В. Г. Ардзинбы). М., 1988.

Дьяконов 1989: Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989.

Дьяконов 1995: Дьяконов И.М. Алародии (хурриты, урарты, кутии, чеченцы и дагестанцы) // Алародии: этногенетические исследования. Махачкала, 1995.

Дьяконов 2008: Дьяконов И.М. История Мидии. От древнейших времен до конца IV в. до н.э. СПб., 2008.

Дьяконов, Якобсон 1982: Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ, № 2, 1982.

Егишэ 1971: Егишэ. О Вардане и войне армянской. Перевод с древнеармянского акад. И.А. Орбели, подготовка к изданию, предисловие и примечания К.Н. Юзбашяна. Ереван, 1971.

Есаян 1968: Есаян С.А. Амулеты, связанные с культом солнца из Армении // СА, № 2, 1968.

Есаян, Погребова 1985: Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

Еремян 1935: Еремян С.Т. Феодальное образование Картли в период марзбанства (532 – 627 гг.). Автореферат дис. канд. ист. наук. Л. 1935.

Еремян 1952: Еремян С.Т. К вопросу об этногенезе армян // Вопросы истории. № 7. 1952.

Еремян 1963: Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу» (на арм. яз.). Ереван, 1963.

Еремян 1967: Еремян С.Т. Страна «Махелония» надписи Кааба-и-Зардушт // ВДИ, № 4, 1967.

Еремян 1970: Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии VII века» // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва (3-10 авг. 1964). Т. 8. М., 1970.

Еремян 1971: Еремян С.Т. История армянского народа Т.I. Ереван: Академия наук Арм. ССР, 1971.

Еремян 1973: Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца» (на арм. яз.) // ИФЖ, № 3, 1973.

Еремян 1976: Еремян С.Т. Политические отношения Валарша II с Римом и парфянами // ИФЖ, № 4, 1976.

Еремян 1979: Еремян С.Т. Общность судеб и культурно-политическое содружество народов Закавказья в IX–XI вв. // Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван, 1979.

Еремян 1979: Еремян С.Т. Царство Великой Армении в IV в. Карта (на арм. яз.). Ереван, 1979.

Еремян 1980а: Еремян С.Т. Великая Армения по «Ашхарацуйцу». Карта (на арм. яз.). Ереван, 1980.

Еремян 1980б Еремян С.Т. Государство Урарту. 860 – 590 гг. до н.э. Карта(на арм. яз.). Ереван, 1980.

Еремян 1986: Еремян С.Т. Армения и сопредельные страны в 591 – 653 гг. Карта. Ереван, 1986.

Еремян 1985: Еремян С.Т. Историческая среда формирования армянского народа (на арм. яз.) // Наука и техника. № 4. Ереван, 1985.

Житие св. Нино 1902: Житие св. Нино. Издание П. Карбелашвили. Тифлис, 1902.

Замятнин, Нечаева, Формозов 1960: Замятнин С.Н., Нечаева Л.Г., Формозов А.А. Древнее население Кавказа и его культура // Народы Кавказа. Вып. 1. М., 1960.

Зверева 2001: Зверева Г.И. Понятие «новизны» в новой интеллектуальной истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 4.

Зверева 1999: Зверева Г.И. Понятие «исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований. - М., 1999. Вып. 2.

Иванов 1985: Иванов Вяч. Вс. Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским. // Древняя Анатолия. М., 1985.

Иванов 1989: Иванов Вяч. Вс. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Кавказ и Средиземноморье. Тб., 1989.

Иордан 1997: Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 1997.

Инадзе 2000: Инадзе М. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // Разыскания по истории Грузии и Абхазии. Тб., 2000.

Инал-ипа 1973: Инал-ипа Ш.Д. О древних этнокультурных связях Западного Кавказа с Малой Азией // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание (Самарканд, 1973 г.). Ташкент, 1973.

Инал-ипа 1976: Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976.

Инанишвили, Майсурадзе, Гобеджишвили 2010: Инанишвили Г., Майсурадзе, В., Гобеджишвили Г. Древняя бронза Кавказско-Переднеазиатского региона // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа» Тбилиси, 25-27 июня 2009 года. Тб., 2010.

Иллич-Свитыч 1971: Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь b-K. М., 1971.

Ильинская, Тереножкин 1983: Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев. 1983.

Нерсес Партев 1853: История армянского патриарха Святого Нерсеса Партева (на древнеарм. яз.). Венеция, 1853.

История Дагестана 1996: История Дагестана. Махачкала, 1996.

История Ингушетии 2011: История Ингушетии. Магас - Нальчик: «Тетраграф», 2011. 484 с.

Себеос 1980: История Себеоса / Критический текст, предисловие и комментарии Г.В. Абгаряна (на древнеарм. яз.). Ереван, 1980.

К вопросу об исторической концепции Леонти Мровели 1968: К вопросу об исторической концепции Леонти Мровели (материалы дискуссии) // Вестник (Мацне). № 3. Тбилиси, 1968.

Кавтарадзе 1958: Кавтарадзе Г.К. К вопросу о расселении грузинских племен в Анатолии (на груз. яз.). Тб., 1958.

Какабадзе 1925: Какабадзе С. Грамота царицы Тамары Великой на имя Гелати от 1193 г. // Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе. Т. III. 1925.

Какабадзе 1928: Какабадзе С.Н. О племени цанар // Исторический сборник. Кн. 3. Тифлис, 1928.

Какабадзе 1965: Какабадзе С.Н. Некоторые вопросы хронологии древней Картли по грузинским источникам // Палестинский сборник. 13/76, 1965.

Какабадзе 1967: Какабадзе С.Н. К вопросу о столице Древней Картли (Иберии) Армази-Мцхета // Эллинистический Ближний Восток: Византия и Иран. М., 1967.

Мовсес Каланкатуаци : Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк (на древнеарм. яз). Ереван, 1983.

Капанцян 1940а: Капанцян Гр. Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении. Ереван, 1940.

Капанцян 1940: Капанцян Г. История Урарту (на арм. яз.). Ереван, 1940.

Карагезян 1998: Карагезян Ов. Топонимика клинописи (на арм. языке). Ереван, 1998.

Караулов 1908: Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып. 29, 1901; Вып. 32, 1903; Вып. 38, 1908.

Картлис цховреба: Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С.Г. Каухчишвили. Т. I. Тб.: Мецниереба, 1955. С. 378.

Картлис цховреба 2008: Картлис цховреба. История Грузии. Тб.: Артануджи, 2008. С. 456.

Кварчия 2015: Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа // абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин. Сухум: Госиздат, 2015. 665 с.

Кварчия 2019: Об абхазском (абхазо-абазинском) вкладе в топонимию Закавказья и сопредельных с ним регионов Малой Азии. Собрание трудов. Т. IV. Сухум: Akademia, 2019. С. 332-344.

Кекелидзе 1923: Кекелидзе К.С. Литературные источники Леонти Мровели // Вестник Тбилисского университета. III. Тб., 1923.

Кекелидзе 1945а: Кекелидзе К.С. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI в. Леонти Мровели (на груз. яз.) // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т.I. Тб., 1945.

Кекелидзе 1945: Кекелидзе К.С. Вопросы классификации и географического распределения народов в древнегрузинской литературе (на груз. яз.) // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. I. Тб., 1945.

Кекелидзе 1958: Кекелидзе К.С. История грузинской литературы. Т. II. Тбилиси, 1958.

Прокопий Кесарийский: Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996.

Кобычев 1977: Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977.

Кобычев 1985: Кобычев В.П. Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей // Вопросы этнокультурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.

Ковалевская 1975: Ковалевская В.Б. Скифия, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем по данным Леонти Мровели // Известия АН Груз. ССР. № 3. Тб., 1975.

Ковалевская 2005: Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005.

Козенкова 1990: Козенкова В.И. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. (Кобанская культура: модель тысячелетия развития). Автореф. докт. дисс. М., 1990.

Козенкова 1996: Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

Козенкова 2001: Козенкова В. И. Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001.

Коротаев, Чубаров 1991: Коротаев А.В., Чубаров В.В. (отв. ред.) Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Вып.1-2. М., 1991.

Кореняко, Найденко 1977: Кореняко В.А., Найденко А.В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край). СА. 1977. № 3.

Корюн. Житие Маштоца. История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика, [написанная] учеником его вардапетом Корюном. Ереван, 1962.

Косян 1996: Косян А.В. Проблема восточных и западных мушков // ИФЖ, №№ 1, 2, 1996.

Клейн 2007: Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007.

Климов 1968: Климов Г.А. О гипотезе внутреннего родства кавказских языков // Вопросы языкознания. № 6, 1968.

Климов 1994: Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.

Кривицкий 2010: Кривицкий В.В. Искусства древнего Северного Кавказа и художественные бронзы Луристана, Средней Европы. СПб., 2010.

Крупнов 1954: Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Крупнов Е.И. О походах скифов через Кавказ // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР, 1952). М., 1954.

Крупнов 1960: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960

Крупнов 1964: Крупнов Е..И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // СА, № 1, 1964.

Ксенофонт: Ксенофонт. Анабасис. Перевод М.И. Максимовой. М.-Л., 1951.

Кудрявцев 2001: Кудрявцев А. А. К вопросу об этносоциальной принадлежности погребенных могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции (12–15 апреля 2001 г.). С. 150-162. Ставрополь, 2001.Кузнецов 1974: Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани (О новой концепции истории алан Северного Кавказа) // АЭС. Вып. 1. Нальчик, 1974.

Кузнецов 1984: Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

Кушнарева, Чубинишвили 1970: Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.

Кушнарева 1993: Кушнарева К.Х. Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э.: Этапы культурного и социально-экономического развития. СПб., 1993.

Кушнарева 1994: Кушнарева К.Х. Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1994.

Кушнарева, Рысин 1996: Кушнарева К.Х., Рысин М.Б. Роль Кавказа в системе межрегиональных связей в древности // XIX Крупновские чтения.

Актуальные проблемы по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М., 1996.

Куфтин 1949а: Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетию и Имеретию // Материалы к археологии Колхиды. Т. I, Тб., 1949.

Куфтин 1949: Куфтин Б.А. Три этапа истории культурного и этнического формирования дофеодальной Абхазии // Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тб., 1949.

Куфтин 1996: Куфтин Б.А. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе // Антология советской археологии (1941 – 1956). Т. III, М., 1996.

Лазарь Парпеци 1904: Лазарь Парпеци. История Армении и Послание к Вагану Мамиконяну (на древнеарм. языке). Тифлис, 1904.

Лаппо-Данилевский 2006: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006;

Латышев 1893 – 1900: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.1. Вып. 1-3. СПб., 1893 – 1900.

Латышев 1904 – 1906: Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. Вып. 1-2. СПб., 1904 – 1906.

Латышев 1947: Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 4, 1947; №№ 1-4, 1948; №№ 1-4, 1949.

Летопись Картли 1982: Летопись Картли. Тб., 1982.

Лимберис, Марченко 2012: Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI–V вв. до н.э. Краснодар, 2012.

Ломоури 1955: Ломоури Н.Ю. Клавдий Птолемей. «Географическое руководство». Известия о Грузии // МИГК, № 82, 1955.

Ломоури 1975а: Ломоури Н.Ю. Возникновения Древнеиберийского (Картлийского) царства // Проблемы античной культуры. Тб., 1975.

Ломоури 1975: Ломоури Н.Ю. Очерки из истории Картлийского (Иберийского) царства. Тб., 1975.

Ломоури 1988: Ломоури Н.Ю. О «Политии фасисцев» Гераклида // ВДИ, № 3, 1988.

Ломоури 1985: Ломоури Н.Ю. К вопросу о методике использования некоторых античных и грузинских источников по истории древней Грузии // Источниковедческие разыскания. 1982. Тб., 1985.

Ломтатидзе 1956: Ломтатидзе К.В. О некоторых вопросах происхождения и локализации абхазов // Манатоби. №12. Тб., 1956.

Лордкипанидзе 1957: Лордкипанидзе О.Д. Об идущей в античную эпоху из Индии к Черному морю торгово-транзитной дороге // Сообщения АН Груз. ССР. Т. XIX. № 3. Тб., 1957.

Лордкипанидзе 1980а: Лордкипанидзе О.Д. Некоторые результаты новейших археологических исследований в Грузии // Историко-филологические разыскания. Ч. I. Тб., 1980.

Лордкипанидзе 1980: Лордкипанидзе О.Д. Античный мира и Восточное Причерноморье (Колхида, Иберия) // Кавказ и Средиземноморье. Тб., 1980.

Лордкипанидзе 1985: Лордкипанидзе О.Д. Вани в IV–III вв. до н.э. (Об инновациях в материальной культуре) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тб., 1985.

Лордкипанидзе 1985а: Лордкипанидзе О.Д. О некоторы спорных вопросах истории Картли (Иберии) V – I вв. до н.э. // Известия АН Грузинской ССР, 1, Тбилиси, 1985. С. 141 – 162.

Лордкипанидзе 1989: Лордкипанидзе Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии. Тб., 1989.

Лордкипанидзе 1991: Лордкипанидзе О.Д. Городище Вани в общеколхидском контексте // ВДИ, 1991, № 1.

Лордкипанидз 2012: Лордкипанидзе Г.А. Парадигма «Запад – Восток» и Античная Грузия // Конфликты на Кавказе: история, современность и

перспективы урегулирования. Баку (Азербайджан) 22-23 октября 2012 г., Тбилиси (Грузия) 25-26 октября 2012 г. Тб., 2012.

Лордкипанидзе, Мусхелишвили 1970: Лордкипанидзе О.Д., Мусхелишвили Д.Л. Закавказье в международной торговле Востока и Запада. (С древнейших времен до XIII века н.э.) М., 1970.

Луконин 1969: Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М., 1969.

Маан 2001: Маан О.В. К вопросу о племени кораксов. Тезисы докладов XLV итоговой научной сессии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии. Сухум, 2001.

Макалатия 1971: Макалатия П.Н. Топонимика Пшави Арагвского ущелья. Дис. канд. ист. наук. Тб., 1971 (на правах рукописи).

Макалатия 1933: Макалатия С.И. Тушети. Тб., 1933.

Макалатия 1949: Макалатия С.И. Раскопки Дванского некрополя // Советская археология, 1949. XI.

Маккуйн 1983: Маккуйн Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

Мамедова Ф. Дж. Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э. - VIII в. н. э.). Баку: Элм, 1986. 284 с.

Мамулиа 1979: Мамулиа Г. Формирование классового общества и государства в древней Картли (Иберии) (на груз. яз.). Тб., 1979.

Манандян 1947: Манандян Я.А. Кем и когда была составлена «Армянская география», приписываемая Мойсею Хоренскому // Византийский временник. Т. I (XXVI). М. 1947. С. 127 – 143.

Манандян 1984: Манандян Я.А. О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья (на арм. яз.) // Труды. Т. 5. Ереван, 1984.

Мальсагов 1970: Мальсагов А. О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970.

Маркварт 1913: Маркварт И. Род Багратуни (на арм. яз.). Вена, 1913.

Марковин, Мунчаев 2003: Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. М., 2003.

Марр 1901: Марр Н.Я. Боги языческой Грузии по древнегрузинским источникам. СПб., 1901.

Марр 1906: Марр Н.Я. История Грузии: Культурно-исторический набросок. СПб., 1906.

Марр 1911: Марр Н.Я. Георги Мерчул. Житие Григория Хандзтийского (Грузинский текст. Введение, издание, перевод с Дневником поездки в Шавшию и Кларджию). СПб., 1911.

Марр 1920: Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа. Пг., 1920.

Марр 1922а: Марр Н.Я. Доклад о Леонти Мровели, прочтенного в Яфетидологическом институте 24 марта 1922 г. // Кабинет им. Н.Я. Марра в ИИМК.

Марр 1922: Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и их местные параллели // Труды комиссии по изучению племенного состава населения России. Пг., 1922.

Марр 1916: Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа // Известия Академии наук. № 6. 1916.

Марр 1916: Марр Н.Я. К дате эмиграции мосохов из Армении в Сванию. Пг., 1916.

Марр 1938: Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. Л., 1938.

Тер-Мартиросов 2006: Тер-Мартиросов Ф. Границы Армении в Закавказье (IV-II вв. до н. э.) // ИФЖ, 2006, 1. С. 298-306.

Мартиросян 1964: Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964.

Масуди 1908: Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38.

Матевосян. Р.И. Багратуни. Историко-родословная энциклопедия (на арм. яз.). Ереван, 1997.

Матевосян 2001: Матевосян Р. К вопросу о происхождении Багратидов // Армянский Вестник. № 1-2. Ереван, 2001.

Матенадаран: Матенадаран. Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца, Ереван. Рукописи за №№ 582, 696, 1287, 1459, 1486, 1518, 1717, 1883, 1898, 2019, 3691, 4284.

Матиане Картлиса 1976: Матиане Картлиса. Перевод, введение и примечание М.Д. Лордкипанидзе. Тб., 1976.

Мачинский 1971: Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ, вып. 13. Л., 1971.

Махортых 1991: Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 637.

Менандр Византиец: Менандр Византиец. История. СПб., 1860.

Меликишвили 1947: Меликишвили Г.А. К вопросу о древнейшем очаге урартских племен // ВДИ, № 4, 1947.

Меликишвили 1949: Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы истории манейского царства // ВДИ, №1, 1949.

Меликишвили 1950: Меликишвили Г.А. Диаухи. ВДИ, № 4, 1950.

Меликишвили 1960: Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

Меликишвили 1954: Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тб., 1954.

Меликишвили 1958: Меликишвили Г.А. К вопросу о хетто-цупанийских переселенцах в Урарту // ВДИ, № 2, 1958.

Меликишвили 1951: Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии Наук Грузинской ССР. Тб., 1951.

Меликишвили 1956: Меликишвили Г.А. К вопросу о возникновении классового общества и первых государственных образований в Грузии // ВИ, № 4, 1956.

Меликишвили 1959: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тб., 1959.

Меликишвили 1962а: Меликишвили Г.А. Кулха. (Из древней истории Южного Закавказья) // Древний мир. Сборник статей, посвященный памяти В.В. Струве. М., 1962.

Меликишвили 1962б: Меликишвили Г.А. К изучению древней восточномалоазийской этнонимики // ВДИ, № 1, 1962.

Меликишвили 1962в: Меликишвили Г.А. Древнегрузинские, армянские и греческие исторические традиции и вопросы происхождения Иберийского царства (на груз. яз.) // Вестник АН Груз. ССР. Тб., 1962.

Меликишвили 1973: Меликишвили Г.А. Основные этапы этносоциального развития грузинского народа в древности и средневековье. М., 1973.

Меликишвили 1984: Меликишвили Г.А. К характеристике социально-экономического строя раннеклассовых обществ грузинских горцев // ВДИ, № 1, 1984.

Меликишвили 1985: Меликишвили Г.А. О некоторых следах урартской топонимии и лексики в поздней топонимике Южной Грузии // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1985.

Меликсет-Бек 1957: Меликсет-Бек Л.М. К истории появления гуннов в Восточном Закавказье // Доклады АН Азерб. ССР. Т. XIII. Вып. 6. Баку, 1957.

Меликсет-Бек 1938: Меликсет-Беков Л.М. Армазни // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. II. Тбилиси, 1938.

Меликсет-Бек 1960: Меликсет-Бек Л.М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой Моисея Хоренского // Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960.

Мелитаури 1969: Мелитаури К.Н. Крепости дофеодальной и феодальной Грузии. Тб., 1969.

Мелконян 2003: Мелконян А.А. Джавахк в XIX – первой четверти XX вв. Ереван, 2003.

Мерперт 1974: Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Мизиев 1986: Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.

Микеладзе 1974: Микеладзе Т.К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и юго-восточного Причерноморья (на груз. яз.). Тб., 1974.

Милитарев, Старостин 1984: Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984.

Милитарев, Старостин 1989: Милитарев А.Ю., Старостин С.А. К проблеме афразийско-северокавказских этнолингвистических связей // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989.

Миллер 1887: Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. 3, М., 1887.

Минорский 1963: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963.

Мкртумян 1972: Мкртумян Г.Г. К вопросу об образовании феодального княжества Кахетии // ИФЖ, № 1, 1972.

Мкртумян 1983: Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван, 1983.

Мовсес Хоренаци 1913: Мовсес Хоренаци. История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1913.

Мокцевай Картлисай: Мокцевай Картлисай (на груз. яз.) // Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Кн. I. Тб., 1963.

Монтазери 2015: Монтазери О. Иберийское марзпанство до начала 80-х годов V в. // Кантех. Научные труды. № 2. Ереван, 2015. С. 122-133.

Молчанов 2011: Молчанов А.А. Позднеантичная и средневековая историческая традиция о происхождении рода Багратидов: эволюция официальной генеалогической версии // ВОН. № 1 – 2 (630). Ереван, 2011.

Мровели Леонти: Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. (Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана). Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М., 1979.

Мунчаев 1961: Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА СССР, № 100, 1961.

Мунчаев 1994: Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Археология СССР. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Ответственные редакторы тома доктора исторических наук К.Х. Кушнарева, В.И. Марковин. М., 1994.

Мурадян 1975: Мурадян П.М. К вопросу о локализации «области тухов // ИФЖ, № 3, 1975.

Мурадян 1982: Мурадян П.М. Кавказский культурный мир и культ Григория Просветителя // Кавказ и Византия. Вып. 6. Ереван, 1982.

Мурадян 2008: Мурадян П.М. Кавказский культурный мир и Армения. Вып. I. Ереван, 2008.

Мурзин 1990: Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.

Мусхелишвили 1972: Мусхелишвили Д.Л. Историческая география древней Грузии. Дис. докт. ист. наук. Тб., 1972 (на правах рукописи).

Мусхелишвили 1975: Мусхелишвили 1975: Мусхелишвили Д.Л. Основные вопросы исторической географии Грузии // Сборник исторической географии Грузии. V. Тб., 1975.

Мусхелишвили 1977: Мусхелишвили Д.Л. К вопросу распространения красноглиняной керамики на территории Восточной Грузии в раннеантичную эпоху. (По материалам раскопки Ховлегора) // СА, № 3, 1977.

Мусхелишвили 1976: Мусхелишвили Д.Л. Некоторые итоги историко-географического исследования Грузии // Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тб., 1976.

Мусхелишвили 1978а: Мусхелишвили Д.Л. К вопросу о связях центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантичную эпоху // Вопросы археологии Грузии. Т. 1. Тб., 1978.

Мусхелишвили 1978: Мусхелишвили Д.Л. Археологический материал поселения Ховле-Гора (на груз. яз., резюме на рус. яз.). Тбилиси, 1978.

Мусхелишвили 1982: Мусхелишвили Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии. Тб., 1982.

Мусхелишвили 2000: Мусхелишвили Д.Л. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности // Разыскания по истории Грузии и Абхазии. Тб., 2000.

Мусхелишвили 2009: Мусхелишвили Д.Л. Из политических взаимоотношений средневековой Армении и Грузии // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тб., 2009.

Мусхелишвили, Арвеладзе 2009: Мусхелишвили Д.Л., Арвеладзе Б. История требует объективности // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тб., 2009.

Мушегян 2012: Мушегян Альберт. История Агафангела: обстоятельства создания, время написания и вопрос о личности автора // ИФЖ, № 1, 2012.

Нариманишвили 2011: Нариманишвили Г. Триалети в VI–IV вв. до н.э. // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» 23-30 сентября 2010 г. Тбилиси – Гори – Батуми, 2011.

Нариманов 1960: Нариманов И.Г. Находки баз колонн VI–V вв. до н.э. в Азербайджане // СА, I960.

Нечаева 1999: Нечаева Е.Н. Понятие скифы в приложении к варварам во времена поздней империи (по фрагментам сочинения Приска Панийского) // Жебелевские чтения – 2. Тезисы докладов научной конференции. 26-27 октября 1999 г. СПб., 1999. С. 16-28.

Николаев, Старостин 1994: Николаев С.Л., Старостин С.А. Северокавказский этимологический словарь. М., 1994.

Николайшвили, Чихладзе 1980: Николайшвили В.В., Чихладзе В.В. Жинвальский могильник (по материалам 1974 г.) // Жинвальская экспедиция (материалы второй научной сессии). Тб., 1980.

Новосельцев Новосельцев А.П. Некоторые вопросы историографии древней и средневековой истории народов Закавказья // История СССР, №1, 1974.

Новосельцев Новосельцев А.П. К вопросу о македонском владычестве в древней Грузии // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию со дня рождения акад. И.А. Джавахишвили. Тб., 1976.

Новосельцев 1980: Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья. (Опыт сравнительно-исторического исследования). М., 1980.

Новосельцев 1982: Новосельцев А.П. К вопросу об отражении истории Армении в сасанидских памятниках // Кавказ и Византия. Вып. 6. Ереван, 1982.

Новосельцев 1991: Новосельцев А.П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период // К освещению проблем истории и культуры Кавказской Албании и восточных провинций Армении. Т. I. Ереван, 1991.

Новосельцев, Пашуто, Черепнин 1972: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972

Нуцубидзе 1978: Нуцубидзе А.А. Археологические раскопки в сел. Абано // Вопросы археологии Грузии. Вып. I. Тб., 1978.

Обращение Грузии 1989: Обращение Грузии / Перевод с древнегрузинского Е.С. Такайшвили. Редакционная обработка, исследование и комментарии М.С. Чхартишвили. Тб., 1989.

Ониани 1985: Ониани А.Л. О грамматической категории класса в картвельских языках // Вопросы языкознания. № 3. М.: Наука, 1985. С. 67-89

Остахов, Ильюшин 2012: Остахов А. А., Ильюшин Ю. В. Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке (I в. до н.э. – III в. н.э.). Пятигорск: изд-во «Пятигорский государственный гуманитарно-технологический университет», 2012. 228 с.

Орбели 1963: Орбели И.А. Город близнецов Διοζκουρας и племя возниц Ήνιοχι // Избранные труды. Ереван, 1963.

Оч. ист. Грузии 1989: Очерки истории Грузии. Т. I, II Тб., 1989.

Очиаури 1969: Очиаури Т.А. Опыт изучения этнической истории горцев Восточной Грузии по мифологическим сказаниям. Автореферат дис. канд. ист. наук. Тб., 1969.

Памятник эриставов 1970: Памятник эриставов // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования 1968 г. М., 1970.

Патканов 1877: Патканов К.П. Мойсей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. СПб., 1877.

Патканов 1883: Патканов К.П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП, 1883, март. Ч. 226.

Петренко 1983: Петренко В.Г. Скифская культура на Северном Кавказе // Археологический сборник, 23. Л., 1983.

Петросян 2007: Петросян Э. Шара и Астхик – верховные боги Ширака // ИФЖ, № 3, 2007.

Пиотровский 1939: Пиотровский Б.Б. Урарту. Древнейшее государство Закавказья. Л., 1939.

Пиотровский 1944: Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.

Пиотровский 1946: Пиотровский Б.Б. О происхождении армянского народа. Ереван, 1946.

Пиотровский 1947: Пиотровский Б.Б Археологическое изучение древнейшего Закавказья // ВДИ, № 3, 1947.

Пиотровский 1949: Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н.э. Л., 1949.

Пиотровский 1959: Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.

Пирцхалава 1978: Пирцхалава М.С. К вопросу о распространении памятников скифской культуры в материальной культуре древней Грузии // Вопросы археологии Грузии. Тбилиси, 1978.

Пицхелаури 1973: Пицхелаури К. Основные проблемы истории восточногрузинских племен. Тб., 1973.

Пицхелаури 1977: Пицхелаури К.Н. Памятники второй половины I тысячелетия до н.э. на территории Кахетии // СА, № 3, 1977.

Погребова 1981: Погребова М.Н. Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

Погребова 1084: Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Погребова, Раевский 1992: Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992

Погребова 2010: Погребова М.Н. Особенности конских захоронений и конского убора в памятниках VIII – первой половины VII вв. до н.э. правобережья Куры // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика» 27-30 сентября 2010 г. Тбилиси – Гори – Батуми, 2011

Полибий: Полибий. Всеобщая история. М., 2004.

Плутарх: Плутарх. Сравнительное жизнеописание. Т. 2. М., 1963.

Приск Панийский 1861: Приск Панийский. Готская история. СПб., 1861.

Программа государственной итоговой аттестации 2019: Программа государственной итоговой аттестации / Сост. Е.Г. Муратова, П.А. Кузьминов. Нальчик: ФГБОУ КБГУ, 2019.

Прокопенко 2006: Прокопенко Ю.А. Этнокультурные связи оседлых и кочевых народов Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Автореф. дисс. д. ист. н. М., 2006.

Пхакадзе 1963: Пхакадзе Г.Г. Энеолит Квемо-Картли. Тбилиси, 1963.

Пьянков 1979: Пьянков И.В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных кочевников в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. 1979. № 3.

Репина 2003: Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). - М., 2003.

Репина 2004: Репина Л.П. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2004. Вып. 11.

Репина 2008: Репина Л.П. Память о прошлом и истории // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. - М.: Круг, 2008.

Риттер 1874: Риттер К. Землеведение Азии. Иран. СПб. 1874.

Робакидзе 1972: Робакидзе А.И. Кавказоведческие проблемы грузинской этнографии // Кавказский этнографический сборник. Т. IV. Тб., 1972.

Россиков 1888: Россиков К.Н. Поездка в юго-западную часть горной Чечни и в западный Дагестан// «Известия Кавказского отдела Русского географического общества». Тифлис, 1888. Т. IX. № 1.

Ростовцев 1925: Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературы и археологических. Л., 1925.

Рубен Галчян 2010: Рубен Галчян. Мифологизация истории. Ереван: Принтинфо, 2010. 134 с.

Рубен Галчян 2014: Рубен Галчян. Армения в мировой карте. Ереван: Принтинфо, 2014. 271 с.

Рубин 2001: Рубин О.С. К проблеме локализации индоевропейской прародины // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар – Анапа, 2001.

Рысин 2006: Рысин М.Б. Роль анатолийского региона в формировании культур эпохи средней бронзы на Кавказе // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006.

Рябова 1983: Рябова В.Я. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М., 1983.

Савицкий 11997: Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.

Салакая 1976: Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тб., 1976.

Сальвини 1983: Сальвини Марио. Распространение влияния государства Урарту на Востоке // Древний Восток. № 4. Ереван. 1983.

Саникидзе 1956: Саникидзе Л.Д. Понтийское царство. Тб., 1956.

Сапрыкин 1996: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996.

Сарджвеладзе 1989: Сарджвеладзе А.З. О наименовании Кавказской Иберии // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989.

Свазян 2009: Свазян Г.С. История страны Алуанк (с древнейших времен по VIII век). Ереван, 2009.

Семенов 1951: Семенов Л.П. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа // МИА, № 23, 1951.

Семенов 1959: Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т.1. Вып.1. Грозный, 1959.

Семенов 2015: Семенов И.Г. Структура и источники болгарских сюжетов «Армянской географии VII века» // ВДИ, 2015, № 3. С. 161 – 171.

Сефербеков 2006: Сефербеков Р.И. Верховные боги народов Северного Кавказа. (Сравнительно-сопоставительный анализ общего и особенного) // Научная мысль Кавказа. № 1. Ростов н/Д, 2006.

Сефербеков 2009: Сефербеков Р.И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации). Махачкала, 2009.

Скаков 2004: Скаков А.Ю. Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа 28-31 мая 2001 г. Сухум, 2004.

Скрипкин 1990: Скрипкин С.А. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

Смирнов, Кузьмина 1977: Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

Словарь топонимов Армении: Словарь топонимов Армении и сопредельных стран. Т. I, 1986; Т. II, 1988; Т. III, 1991; Т. IV, 1998; Т. V, 2001. Ереван.

Старостин 1988: Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. Вып. LXXX. М., 1988.

Старостин 1995: Старостин С. А. Проблема генетического родства и классификация кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Алародии: этногенетические исследования. Махачкала, 1995.

Старостин, Николаев 1984: Старостин С.А., Николаев С. Л Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984.

Страбон: Страбон. География. М.: «Наука», 1964.

Сулейманов 1976: Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 1, 1976; Грозный.

Сулейманова 2008: Сулейманова С. Транскаспийская дорога и история связей между Центральной Азией и Кавказом // Научные исследования Института Востоковедения им. З.М. Буниятова НАН Азербайджана. Баку, 2008.

Сумбат Давитис-дзе 1979: Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. Перевод, введение и примечание М.Д. Лордкипанидзе. Тб., 1979.

Такайшвили 1900: Такайшвили Е.С. Источники грузинских летописей. Три хроники // СМОМПК. Вып. 28. Отд. 1. Тифлис, 1900.

Таронеци Асолик 1885: Степанос Таронеци Асолик. Всеобщая история (на древнеарм. яз.). СПб., 1885.

Тер-Гевондян 1973: Тер-Гевондян А.Н. Новонайденный полный текст арабской версий Агафангела // ИФЖ, № 2, 1973.

Терехова 1983: Терехова Н.Н. Кузнецкая техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА, №3, 1983.

Тер-Мартиросов 2009: Тер-Мартиросов Ф.И. Предание о Паруйре Скайорди и Скифское царство в Передней Азии // Древность: историческое знание и специфика. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. Вып. IV, 14-16 декабря 2009 г. М., 2009.

Тер-Мартиросов 1998: Тер-Мартиросов Ф.И. Границы ахеменидских владений в Закавказье (V век до н.э.) // ИФЖ, № 3, 1998.

Техов 1977: Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.

Техов 1978: Техов Б.В. О культурных связях Северного Кавказа и Закавказья в древности // VIII Крупновские чтения. Орджоникидзе, 1978.

Тирацян 1968: Тирацян Г.А. Урарту и Армения. (К вопросу о преемственности материальной культуры) (на арм. яз.) // Вестник АН Арм. ССР. № 2. Ереван, 1968.

Тирацян 1981: Тирацян Г.А. Территория Ервандской Армении (VI в. до н.э. – III в. до н.э.) (на арм. яз.) // ИФЖ. № 2, 1981.

Товма Арцруни 1917: Товма вардапет Арцруни. История дома Арцруни (на древнеарм.яз.). Тифлис, 1917.

Тойнби 1996: Тойнби А. Постижение истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова; Сост. А.П. Огурцов; Вступ. ст. В.И. Уколовой. М., 1996.

Толордава 1985: Толордава В.А. Инновация в погребальных обрядах Колхиды эллинистического времени // Причерноморье в эпоху эллинизма. (Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья). Тб., 1985.

Топоров 2010: Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Индийские и иранские языки. Т.3. Кн. 2. М., 2010.

Топчишвили 1979: Топчишвили Р.А. Культурно-исторические вопросы миграции горского населения Восточной Грузии (на примере Пшави и Хевсурети). Дис. канд. ист. наук. Тб., 1979 (на правах рукописи).

Торосян Х. Топоним «Сомхити» в грузинских источниках. Ереван: «Энциклопедия Арменика», 2003. 128 с.

Трапезундская хроника: Трапезундская хроника Михаила Панарета // Труды по Востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом восточных языков. Выпуск XXIII. М., 1905.

Трапш М. М. Труды. I. Сухуми, «Алашара». 1970.

Тревер 1959: Тревер К.Н. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. Л., 1959.

Туаллагов 2004: Туаллагов А. А. Скифы Северного Кавказа по данным письменных источников // Иранский мир и юг России: прошлое и современные перспективы. Ростов н/Д, 2004.

Туаллагов http:// osset-hnos.ru /history: Туаллагов А.А. Киммерийцы и скифы Северного Кавказа по данным археологии. URL: http:// osset-hnos.ru /history/ skif/29-kimmerijcy-i-skify-severnogo-kavkaza-po-dannym-arxeologii.html

Туманов 1913: Туманов К.М. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис, 1913.

Уварова 1900: Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. М., 1900.

Услар 1881: Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // ЗКОРГО. Кн. 12. Тифлис, 1881.

Урушадзе 1971: Урушадзе Н.Е. Опыт семантического анализа бронзового пояса из «Мцхета-Самтавро» // СЭ, 1971, 6.

Утургаидзе 1966: Утургаидзе Ф. Некоторые особенности горских диалектов грузинского языка (на груз. яз.). Тб., 1966.

Фавст Бузанд: Фавст Бузанд. История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1912.

Федоров 1983: Федоров Я.А. Историческая этнография Северного Кавказа. М., 1983.

Иосиф Флавий: Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2-х томах. М., 1996.

Фрезер 1983: Фрезер Дж.Д. Золотая ветвь. М., 1983.

Хабичев М.А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик. «Ельбрус», 1982.

Хазарадзе 1970: Хазарадзе Н.В. К вопросу о местонахождении Табала // Кавказско-ближневосточный сборник. III. Тб., 1970.

Хазарадзе 1984: Хазарадзе Н.В. Этнополитические проблемы древней истории Грузии (на груз. яз.). Тб., 1984.

Хазарадзе 1991: Хазарадзе Н.В. К вопросу о расселении мосхов в VI – V вв. до н.э. // Проблемы истории Закавказья. Тб., 1991.

Халаева 1977: Халаева К.Д. Культ волка у предков чеченцев и ингушей и его изживание // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977.

Халатянц 1896: Халатянц Г. Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского. М., 1896.

Харадзе, Робакидзе 1968: Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // КЭС. Т. 2. Тб., 1968.

Харадзе 1993: Харадзе К.П. Историческая география Грузии Картли: автореферат дис. ... докт. географических наук. Тб., 1993. 50 с.

Хаханов 1903: Хаханов А.С. Древнейшие пределы расселения грузин по Малой Азии. Тифлис: типография Козловского. 1903. 70 с.

Хахутайшвили 1961: Хахутайшвили Д.А. К вопросу о генезисе и сущности городов рабовладельческой Грузии (на груз. яз.) // Вестник отдела общественных наук АН ГССР. № 3. Тб., 1961.

Хахутайшвили 1973: Хахутайшвили Д.А. Возникновение городов Иберии и их развитие в античную эпоху // Древний Восток. Города и торговля (III – I тыс. до н.э.) Ереван, 1973.

Хахутайшвили 1976: Хахутайшвили Д.А. Святилище протоиберийской земледельческой общины Центрального Закавказья конца II тыс. до н.э. // Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тб., 1976.

Хачатрян 1933: Хачатрян А. История Армении в клинописный период (на арм. языке). Ереван, 1933.

Хачикян 1990: Хачикян М.Л. Урартский язык. М., 1990.

Худадов 1937:Худадов В.Н. Отступление 10 тыс. греков от Евфрата до Трапезунта через Закавказье. Исторические записки. М., 1937. Т. 1

Худадов 1938: Худадов В.Н. Халды-урартийцы после падения Ванского царства // ВДИ, № 2, 1938.

Цагаева 1971: Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971 (Ч. 1).

Цагаева 1975: Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975 (Ч. 2).

Цагарейшвили 2009а: Цагарейшвили Е. К вопросу о значении термина «враци азгав» в армянских письменных памятниках // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тб., 2009.

Цагарейшвили 2009: Цагарейшвили Е.К К вопросу о значении терминов «Вериа» и «вериаци» в армянских письменных источниках // Некоторые вопросы истории Грузии в армянской историографии. Тб., 2009.

Цвинария 1991: Цвинария 1991: Цвинария И.И. Археологические открытия на поселении Апсар // Тезисы XXXVIII научной сессии АбНИИ. Сухум, 1991.

Цвинария 2004: Цвинария 2004: Цвинария И.И. Результаты раскопок Апсарского поселения в Новом Афоне // Тезисы XLVIII научной сессии АбИГИ. Сухум, 2004.

Церетели 1941: Церетели Г. В. Армазская билингва, двуязычная надпись, найденная при археологических раскопках в Мцхета-Армази. Тб., 1941.

Церетели 1965: Церетели Г.В. О теории сонантов и аблаута в картвельских языках. Предисловие к книге Т.В. Гамкрелидзе и Г.И. Мачавариани «Система сонантов и аблаута в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры». Тб. 1965.

Цулая 1966: Цулая Г.В. К истории имени Абрскил // СЭ. 1966. № 6.

Цулая 1978: Цулая Г.В. Грузинское летописное предание о «нашествие хазар» и его параллели в фольклоре народов Кавказа // Кавказ и Византия. Вып. 5. Ереван, 1978.

Цулая 1980: Цулая Г.В. Описание Колхиды и сведения об абхазах в армянской «Географии» VII в. // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе,1980.

Цулая 1982: Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI века Леонтия Мровели. (Этнокультурный аспект) // История СССР. № 4. 1982.

Чеснов 1971: Чеснов Я.В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // Этнография имен. М., 1971.

Чикобава 1942а: Чикобава А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. Известия ИЯИМК. Тбилиси, 1942. Т. XII.

Чикобава 1942: Чикобава А.С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942.

Чикобава 1965: Чикобава А.С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1965.

Чикобава 1952: Чикобава А.С. Введение в языкознание. Ч. 1. М., 1952.

Чокаев Чокаев К.З. Грамматический способ образования топонимических названий в чеченском языке // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. III. Вып. 2. Грозный, 1962.

Чокаев 1964: Чокаев К.З. Суффиксальные образования топонимических названий в вайнахских языках // Труды ЧИНИИ. Т. 9. Грозный, 1964.

Чокаев 1976: Чокаев К.З. Из топонимии Чечено-Ингушетии // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976.

Чокаев 1992: Чокаев К.З. Нахские языки. Историко-филологические разыскания. Грозный, 1992.

Чурсин 1956: Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956.

Шавхелишвили 1963: Шавхелишвили И.А. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.

Шавхелишвили 1983: Шавхелишвили И.А. Из истории горцев Восточной Грузии. Тб.: Мецниереба, 1983.

Шагинян 2014: Шагинян А. К. Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. СПб. 2014.

Шамба 2000: Шамба Г.К. Абхазия в I тыс. до н.э. Сухум, 2000.

Шанидзе 1980: Шанидзе А.Г. Этимологические замечания: Картли, картвели (на груз. яз.) // Труды кафедры древнегрузинского языка. Т. 23. Тбилиси, 1980.

Шилов 1993: Шилов Ю.А. Прародина ариев. Киев, 1993.

Ясперс 1991: Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.,1991.

Ястребицкая 2001: Ястребицкая А.Л. О культур-диалогической природе историографического: Взгляд из 90-х // XX век: Методологические проблемы исторического познания / Ред. А.Л. Ястребицкая. - М.: ИНИОН РАН, 2001. - Ч. 1.

Agathange 1870: Agathange Historie de regne de Tiridate et de la predication de saint Gregoire JJ lluminateur, Langlois - FHG, Paris, 1870.

Soucry 1881: Arsene Soucry, Geographie de Moise de Corene d' apres Ptolemee. Texte armenien, traduit en francais par le Arsene Soucry, Venise, 1881.

Belli, Bashaliev 2001: Belli O., Bashaliev V. Middle and Late Bronze Age Painted Pottery Culture in the Nakhichevan Region. Istanbul, 2001.

Berein 1964: Berein D. Pour une voie cimerienn de diffusion de la metallurgie du fer // Archeologicke Rozhledy, XVI, Praha, 1964.

Bertrand 1876: Bertrand A. Archeologie celtigue et galoise. Paris, 1876.

Brosset 1849: Brosset M. Historie de la Georgie, I partie. SPb., 1849/

Brosset 1851a: Brosset M. Rapport’s sour UN voyage archeologique Dan’s la Georgie et dans l'Armenie. III, S.-P. 1851/

Brosset 1851: Brosset M. Additions et eclaircissements a l'histoir de la Georgie, SPb., 1851.

Brosset 1858: Brosset M. Histoire de la Georgie. Introduction et Tables des matieres, S.-P., 1858.

Cavaignac 1961: Cavaignac E. A propos de début de l'histoire des Mèdes. JA, 1961.

Deeters 1965: Deeters G. Der Name der kaukasischen Iberer: Festschrift P. Kretschmer, Wien, 1965, I.

Diakonoff, Starostin 1986: Diakonoff I.M, Starostin S.A., Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian language.- MSS, Beiheft 12, NF.; Munchen, X, 1986.

Diakonoff 1981: Diakonoff I.M. Evidence on the Ethnic Division of the Hurrians. Studies on the Civilization and Culture of the Hurrians. In Honor of E. R. Lacheman. Winona Lake, Indiana, 1981. Pp. 77-89.

Garitte 1946: Garitte G. Documents pour letude du livre d Agathange. Roma, 1946.

Ghirshman R. Iran, Harmondsworth. 1954.

Hansen 1979: Hewsen R.H. Introduction to Armenian Historical Geography. – Revue des Etudes Armenian's. T. 13. Paris, 1978-1979.

Hansen 1992: Hewsen R.H. The Geography of Ananias of Sirak (Asxaracoiz). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by Robert H.Hewsen. Wiesbaden, 1992.

Hansen 2001: Hewsen R.H. Armenia: A Historical Atlas, The University of Chicago Press, Chicago and London, 2001.

Klaproth 1814: Klaproth J. Beschreibung des ostliechen Kaukasus zwischen den Flussen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. «Bibliothek der neusten und wichtigsten Reise beschreibungen». Bd 50, Weimar, 1814.

Klaproth 1812: Klaproth J. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. 1. Halle und Berlin, 1812.

Klapuoth 1822: Klapuoth J. Memoire dans leguel on prouve lidentite des Ossetes, peuplade du Caucase, avec les Alains du moyen age. Paris, 1822.

Laroche 1957: Laroche E. Etudes de vocabulaire VI. - RHA. T.15. 1957, fasc. 60.

D'Agathange 1973: La version grecgue ancienne du livre armenien d'Agathange edition critigue, par Guay Lafontaine, Institut Orientaliste, Louvain-la-neue, 1973.

Marqwart 1901: Marqwart J. Eransahr nach der Geographie des Ps Moses Horenaci / mit historisch kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen/ Berlin, 1901 (Abhandlungen der koniglichen Gesellschaft der wissenschaften zu Gottingen. Philosophisch-historische Klasse. NF. BD. III. Nro 2).

Marqwart 1930: Marqwart J. Osteuropäische und ostasiatische streifzge. Leipzig, 1930.

Marqwart 1931: Marqwart J. A Catalog of the provincial Capitals of Eranschahr // Analecta orientalia. Roma, 1931.

Miller 1916: Miller K. Itineraria Romana, Romische Reisewege an der Hand der tabula Peutingeriana, Stuttgart, 1916.

Minorsky 1937: Minorsky V. Hudud al-Alam, «The regions of the word» a persian geography (372–982). Translated and explained by V. Minorsky, London, 1937.

Moor 1963: Moor E. Zur Herkunft der Hunnen mit besenderer Berucksichti gu ng jhres Namenmaferials - «Beitrage zur Namenforschung». Bd. 14. Heidelberg, 1963.

Nikolayev, Starostin 1994: Nikolayev S. L. Starostin S. A. A north caucsian etymological dictionary. Moscow, 1994.

Osborne 1935: Osborne W. Das Beil und typischen Formen in vorhistorischer Zeit, Bd. VII, Praga, 1935.

Plin.: Pliny the Elder. The Natural History. John Bostock, M.D., F.R.S. H.T. Riley, Esq., B.A. London. Taylor and Francis, Red Lion Court, Fleet Street. 1855.

Pt.: Clavdii Ptolemaei Geographie. T. II, III, Lipsiae, 1845.

De Saent – Martin 1847: De Saent – Martin V. Recherches sur les populations primitives et les plus anciennes traditions du Caucase. Paris, 1847.

Pitskhelauri, Gagoshidze, Maisuradze, Quavadze, Furtwangler, Knaus 1997: K. Pitskhelauri, I. Gagoshidze, B. Maisuradze, E. Quavadze, A. Furtwangler, F. Knaus. The result of the field work of the Kacheti joint Georgian-German archaeological expedition in 1996 \\ Archaeology of Caucasus. New-Discoveries and perspectives International Scientific Session. Abstracts of Papers. Tbilisi, 1997.

Sevin 1991: Sevin V. The Iron Age in the Eiazig Region and the Problem of the Mushkuans. AnSt, 1991.

Schur W. 1923: Schur W. Die Orientpo1itik des Kaisers Nero («Klio», Beih. 15), Leipzig, 1923.

Speiser 1953: Speiser E.A. The Hurrian Participation in the Civilizations of Mesopotamia, Syria and Palestine.- CHM, 1. 1953.

Spenser, Hale 1961: Spenser J.E., Hale G.A. The origin nature and distribution of agricultural terracing // Pacific Viewpoint. 2. 1961.

Steiner 1992: Steiner G. Hurrian and Urartian as Caucasian languages. Annual of Armenian linguistics 13, 1992, p.1-50, Clevelend, OH. 1992.

Thureau-Dangin 1912: Thureau-Dangin Fr. Une relation de la hultieme campagne de Sargon. Paris, 1912.

Toumanoff 1961: Toumanoff C. The Bagratid of Iberia from the Eight to the Eleventh Century, «Le Museon», t. LXXIV, Louvain, 1961.

Toumanoff 1963: Toumanoff C. Orontids of Armenia, Studies in Christian Caucasian History. Washington, 1963.

Toumanoff 1983: Toumanoff C. Les Maisons Princières Géorgiennes de l'Empire de Russie. Rome, 1983.

Troubetzkoy 1922: Troubetzkoy N. Les consonnes laterales des langues Caucasiques Septentrionales // «Bulletin de la Societe de Linguistique». T. 23. № 27, Paris, 1922.

Troubetzkoy 1926: Troubetzkoy N. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der Nordkaukasischen Sprachen // I.Caucasica, fasc. 3. Leipzig, 1926.

Zgusta 1955: Zgusta L. Die Personennamen griechischer stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praha, 1955.

Van Creveld 1999: Van Creveld M. The Rise and Decline of the State. Cambridge // Cambridge University Press, 1999, 1.

Vasmer 1923: Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slawen. 1. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig, 1923.